370
М151

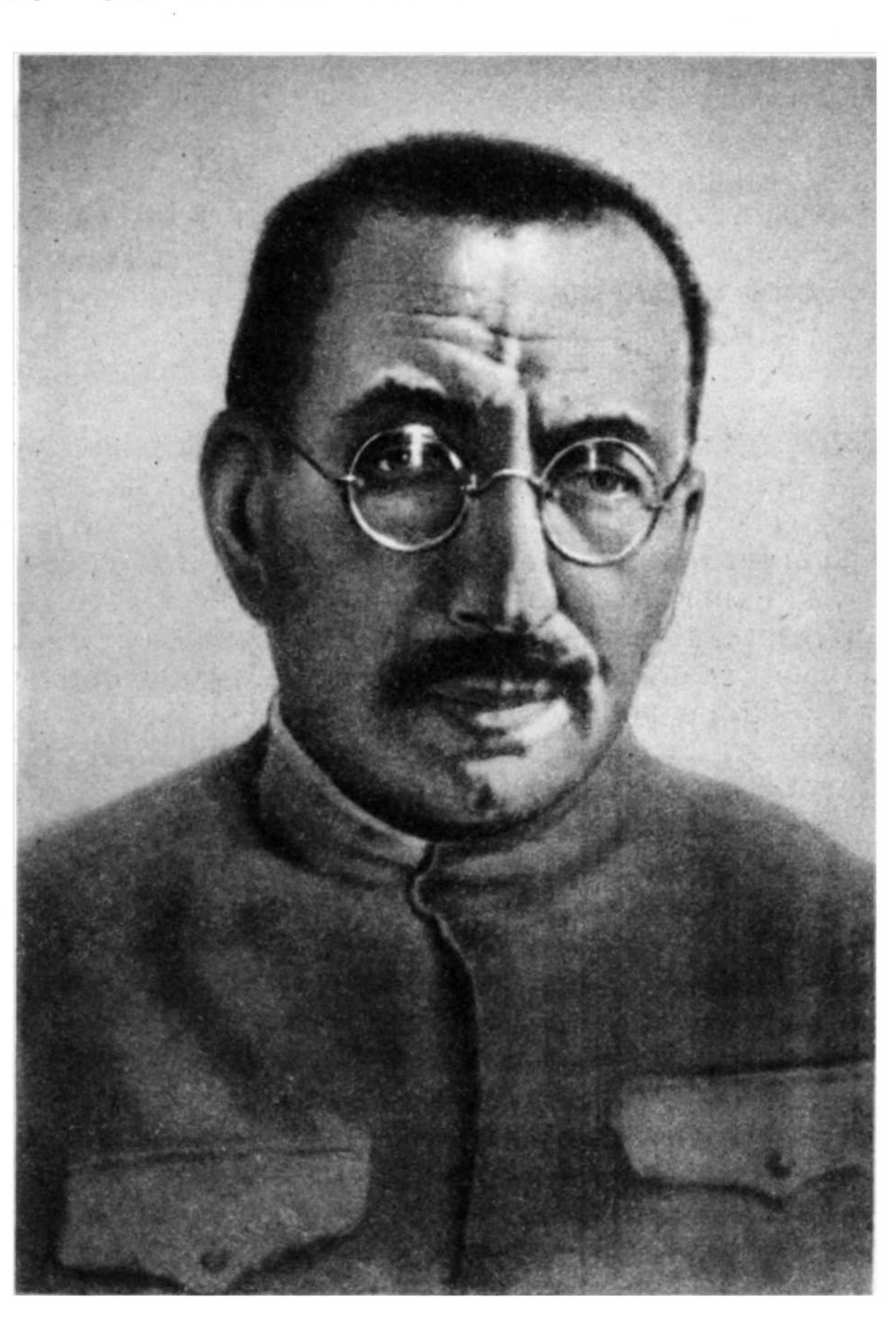
А.С. МАКАРЕНКО

Педагогические сочинения

Том 8

А.С. МАКАРЕНКО

Педагогические сочинения



АКАДЕМИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК СССР

А.С. МАКАРЕНКО

Педагогические сочинения в восьми томах

Редакционная коллегия:

М. И. Кондаков (главный редактор),
В. М. Коротов, С. В. Михалков,
В. С. Хелемендик

А.С. МАКАРЕНКО

Педагогические сочинения

Том 8



Москва
«Педагогика»
1986

ББК 74.03(2)
М15

Печатается по решению Президиума
Академии педагогических наук СССР

Рецензенты:

кандидат педагогических наук **Ф. А. Фрадкин**,
доктор **Эдгар Гюнтер** (ГДР)

Составители:

М. Д. Виноградова, А. А. Фролов

Авторы комментариев и заключительной статьи:

М. Д. Виноградова, Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов

Макаренко А. С.

М15 Педагогические сочинения: В 8-ми т. Т. 8/Сост.: М. Д. Виноградова, А. А. Фролов. — М.: Педагогика, 1986. — 336 с., ил.

Пер. 1 р. 80 к.

В восьмой том настоящего издания вошли письма А. С. Макаренко и материалы к его биографии, существенно дополняющие представление о А. С. Макаренко как общественном деятеле, педагоге-исследователе, писателе, человеке.

Для специалистов в области педагогики, работников народного образования.

М $\frac{4302000000-057}{005(01)-85}$ подписное

ББК 74.03 (2)
37(09)

© Издательство «Педагогика», 1986 г.

От составителей

Восьмой том завершает издание Педагогических сочинений А. С. Макаренко.

Письма, которые составляют основу тома, позволяют познакомиться с образом мыслей Макаренко, проследить изменения в судьбе, взглядах, душевной настроенности педагога. В них Макаренко продолжает воспитывать бывших своих колонистов и коммунаров, чутко откликаясь на события, происшедшие в их жизни. Письма воссоздают образ педагога-публициста, борющегося за свои педагогические взгляды, Макаренко-писателя, живущего интересами своей страны, Макаренко-человека.

Переписка А. С. Макаренко представляет значительный интерес для характеристики различных аспектов жизни педагога и по своей географии (практически весь Советский Союз — от Москвы и Ленинграда до Комсомольска-на-Амуре и Камчатки) и по адресатам (бывшие его воспитанники, педагоги-соратники, писатели, критики, а также многочисленные читатели, отцы и матери, обеспокоенные различными трудностями в воспитании своих детей).

Еще одна грань личности А. С. Макаренко, хорошо известная читателям его художественных произведений, но по-новому раскрывающаяся в переписке, — искрометный юмор педагога-писателя. То добродушный, то близкий к сарказму, он покоряет оптимистической направленностью, непоколебимой верой в силу правды тех идей, за которые боролся Макаренко всю свою жизнь.

В томе представлены также документы А. С. Макаренко биографического характера.

Публикуемые в томе материалы педагогической и литературной деятельности А. С. Макаренко отражают важные идеи, лежащие в основе его опыта, дополняют представление о методике и практике воспитания в руководимых им учреждениях.

В приложениях даются некоторые из документов и материалов, характеризующих отдельные черты деятельности А. С. Макаренко как педагога и писателя.

Комментарии к произведениям и заключительная статья о педагогическом наследии А. С. Макаренко написаны М. Д. Виноградовой, Л. Ю. Гординым, А. А. Фроловым.

Издание завершается сводным предметно-тематическим указателем, подготовленным А. А. Фроловым.

Том иллюстрируется фотографиями, отражающими жизнь и деятельность А. С. Макаренко.

В текстологической сверке материалов принимали участие С. С. Невская и И. В. Филин, ими же составлены сводный указатель имен, список фотоиллюстраций и алфавитный список произведений, вошедших в издание. Библиография подготовлена С. С. Невской и А. А. Фроловым.

ПИСЬМА

В. Я. Костецкой

17 декабря 1916, Киев

Мне так неудержимо и так просто захотелось Вас приветствовать, что, как видите, я себе в этом не решился отказать...

...Лучше всего было бы послать Вам только одно слово — Привет!..

Но уж такова слабость наша. Впрочем, очень может быть, что это письмо не произведет на Вас неприятного впечатления, а если оно заставит Вас хоть раз улыбнуться над этим наивным лепетом, то и совсем хорошо. Подумайте, лишней улыбкой станет у Вас больше, а так как это будет сделано не для чьих-нибудь глаз, то, стало быть, и улыбка Ваша будет искренняя. Это и значит, что я так мало хочу, это значит только, что марка не пропала даром. Вот и все, поверьте, без всякой скрытой хитрости пишу. Ведь я просто пишу, а не для чего-нибудь. Когда два человека встречаются ежедневно, они все равно приветствуют друг друга. Тем более естественно такой славной паре, как мы с Вами, иногда обменяться салютом. Вот и все. У Вас есть воображение — представьте себе, что король некой страны приказывает сделать в честь Вашего существования 7 выстрелов из старой пушки. Ведь приятно же это для Вас. Это во всяком случае не глупее многих человеческих разговоров, объяснений, объятий, поцелуев и ссор.

Если Вы будете более радостны, чем за минуту до этого, не откажите мысленно поздравить меня с лишним хорошим днем.

Т.[1]

А. П. Сугак

Учительнице г-же Сугак

9 апреля 1918

Уезжая в Харьков для занятий в бюро комитета[1], прошу Вас принять заведование высшим начальным училищем. При этом в особенности прошу Вас в случае поступления от кого-либо просьбы об использовании здания училища для спектакля или вечера давать свое согласие на это, только при условии дежурства двух преподавателей, а также если от постановки вечера или спектакля будет гарантировано отчисление в пользу училища, курсов для взрослых и родительского комитета[2].

Инспектор *А. Макаренко.*

Б. Ф. Гороновичу

7 июня 1921

Борис!

...Я мало представлений имею о твоей настоящей жизни и, так сказать, деятельности, но почти уверен, что ты недоволен — ведь в Крюкове и людей никаких не осталось, и дела никакого не может быть интересного. Я тебе ничего особенного не предлагаю и горы золотые не выставляю напоказ, но будешь более или менее сыт, получишь приличное по теперешним временам жалованье, самое главное, попадешь в большое творческое дело и в хорошую компанию.

Я сейчас заведую колонией малолетних преступников. Ты не пугайся: преступники эти довольно сносные ребята. Колония наша сейчас производит большой ремонт имения б. Трепке — там будет трудовая колония для нормальных детей, поместить в ней я думаю не меньше 150 «штук». Место замечательно красивое, с речкой, садами и парком, с прекрасными, хотя и разрушенными, домами. Ремонт большой и окончится не раньше августа — сентября. Колония будет объединена с нашей одним управлением и одним педагогическим советом. В этой колонии я тебе и предлагаю место. А пока она отремонтируется, будешь работать у нас — у малолетних. К сожалению, не могу тебе предложить отдельную комнату и кормиться придется с котла, но потом, конечно, все устроится.

Я тебе советую соглашаться и приезжать. Тебе рисковать нечем, зато, ей богу, здесь много поэзии и в работе, и в жизни: одно удовольствие проехаться утром в Полтаву чего стоит!

Я думаю, ты сумеешь вырваться из Крюкова. Если вырвешься, захвати с собой белье и постель и кати. Буду очень благодарен тебе, если захватишь с собой мою маму[1] и поможешь ей перевезти свои хаптурки[2].

В случае каких-нибудь затруднений напиши мне по адресу: Полтава, Котляревская, 6, Татьяне Михайловне Гайдамакиной, для меня.

Твой *Антон*.

О. Куриловской

26 декабря 1922,
колония им. Горького

О. Куриловская!

Получил позавчера, получил через великолепного вельможу Пружинина[1] твое письмо. Очень, очень приятно, что ты уже не сидишь на шее у мужа, а честным путем зарабатываешь деньги. Как тебе нравятся железнодорожники? Ребята у них обыкновенно хорошие, хотя и хулиганы обязательно. А учителя теперь, говорят, хуже стали.

Сведения от тебя поступили небывало насмешливые. Подумай: на жалованье нам переводят 9 миллиардов, в то время когда нам нужно всего около четырех, а на операционные — ни копейки. И вот мы клацаем зубами абсолютно платонически на пять с лишним миллиардов, но нам их не дают даже понюхать, потому что, видите ли, «заработная плата». Эту проклятую заработную плату Губосвита[2] обязательно растратит на разъезды, инструкторов и инспекторов. Ведь ты знаешь, что в Освите сейчас одни инспектора. Ну... и сидим мы сейчас в таком положении, что и керосину не на что купить.

Начали занятия по новейшему методу, изобретенному известным педагогом Макаренко но у нас нет ни бумаги, ни карандашей, ни красок, ни паршивой спиртовки, — одним словом, ни черта. У Гордея вол, бороны не сходят с языка, а я принужден в лучшем случае отмалчиваться, а в худшем — ругаться. Если еще нас снимут с государственного снабжения[3], отравлюсь, так и передай Михаилу Николаевичу Котельникову[4], если по доброте сердца своего ты с ним встретишься. Оказывается, и на декабрь нам зарплаты переводят опять 9 миллиардов и опять их растерзают губосвитовские хищники.

Ты, голубе, не жди подталкиваний своего доброго сердца. Мы тебе обязательно пришлем сала наших собственных кабанов, если хочешь, пришлем муки, кислой капусты, соленых баклажан и всяких других благодатей, а приедешь к нам в гости, будем кормить даром. Нет, серьезно, Куриловская, ей богу, мы тебе не дадим погибнуть.

Ну, хорошо, мои крылья? К сожалению, я принужден ими пользоваться больше для всяких кляузных путешествий в Полтаву. Какие-то шаромыжники из Губземотдела, Госконтроля и еще откуда-то наехали еще без меня «в Трепку» и продали крестьянам без всякого нашего ведома четыре постройки на слом, нас же обвинили в акте ни больше ни меньше, как в «преступном расхищении госимущества»[5]. Мрачными красками описаны разрушенные дома, и даже найдена свежеотломанная доска в двухэтажном доме! Я был в Полтаве, когда туда прискакал верхом Браткевич[6] с известием, что селяне уже разбирают ту хату, которую мы недавно отремонтировали для Шиловской. Пока я в Полтаве летал по губисполкомам и милициям, крестьяне успели развалить хату; Гордий и мой пом[ощник] зав[едующего] кол[онией] перепугались и ничего не предприняли. Волнение в колонии было такое, что Бойко не выдержал, спер из канцелярии обреза́н[7] и отправился вечером во II колонию и там целую ночь тыкал обрезаном в нос мужикам, оставшимся для охраны разваленной постройки, за что своевременно и был мною «выпорот».

Дядьки никак не хотели признавать добытые мною к вечеру бумажки с запрещением разборки построек, и я на следующее утро принужден был перейти в наступление со всей моей армией. Мужиков было всего человек 20, у нас же, понятно, дикое воодушевление, так что после мгновенного мордобития дядьки отступили по всей линии и на другой день подали в Полтаву на нас страшную жалобу. Я, с своей стороны, подал прокурору кляузу на мужиков и на шаромыжников из Госконтроля и из Губземотдела[8]. Сейчас перемирие, но самого вооруженного типа. Стоит паре дядьков появиться на территории II колонии, как уже к нам летит тревожный гонец. Мне это так надоело, что я скоро начну пороть гонцов.

Наши занимаются по новому методу[9]. Куриловская, нет тебя, не с кем похохотать. Что у нас делается? Учителя целый день таскаются по долам и лесам, роются в шкафах и допытываются у добрых людей, пристают к Сербикову[10], а я им каждую субботу преподношу десяток ехиднейших конспектов. Скоро они будут проклинать меня, тем более что реформа проведена под видом облегчения труда воспитателей.

Если мне станет плохо, удеру в Харьков к Гресю[11]... Но в общем я доволен, получается что-то интересное.

Хлопцы по-прежнему. Мало им все-таки пищи, голодные как собаки и поэтому всегда не прочь стянуть кусок. На их месте я обязательно тоже тащил бы, и меня временами даже огорчает их умственное недоразвитие: мало все-таки тащут. Сейчас я пишу под шум репетиции — Зозуля[12] и Лидочка[13] готовят ужасную драму, я пока что понял, что в ней какой-то изверг отравляет одну жену, а другой при всей публике проваливает топором голову. Вероятно, в последних двух актах с этим мерзавцем будет поступлено не менее сценично. Впрочем, Зозуля говорит: «Чудова пьеса». Ну и пусть. Хлопцы и девчата, узнав, что я пишу тебе письмо, пришли в раж и пищат, чтобы передал тебе поклон. Особенно наседает Горгуль. Так вот: передаю.

Коммуна? Как тебе сказать? Живу я в маленькой комнате во II дортуаре, где раньше жили девочки, но стол дают Е[лизавета] Ф[едоровна][14] с Лидочкой. Все-таки я их сейчас стесняю меньше. Комната же моя мне страшно нравится.

Кажется, все тебе описал. Нужно еще оставить место для поклонов. Елизавета Федоровна и Лидочка твое письмо держат приколотым к стене, чтобы не забыть поскорее ответить. Ну, одним словом, все кланяются, кланяются, кланяются и глаголят: «Ах, прелесть эта Куриловская!!»

Я влюбился знаешь в кого? В твоего преемника Ивана Петровича Раковича[15]. Он у нас был в колонии и очаровал меня. В агентах он, конечно, слаб, но будет прекрасный воспитатель. Думаю перетащить его во II колонию. Он у нас уже играл в снежки, и ему хлопцы подбили глаз, играл, пел, гримировал, и Лидочка говорит, что Макаренко уже узнал, что можно выжать из этого человека.

Куриловская, серденько, пройди ж к Котельникову, расскажи ему про наши беды и чем можно — помоги.

Поцелуй руку глубокоуважаемой Евдокии Сергеевне, передай привет Михаилу Филипповичу.

А. Макаренко.

М. Н. Котельникову

30 декабря 1922,
Полтава,
колония им. Горького

Многоуважаемый Михаил Николаевич!

У меня маленькое дело — только одна колония, и в ней... 80 хлопцев, но я и мои коллеги так много вложили сил [в это дело], и при таких невероятных условиях, что само собой подразумевается наше право кричать, когда со всех сторон нам грозит гибель и когда у нас уже не хватает сил отбиваться. Вы у нас были всего 2 дня и многого не могли видеть. Мы от Вас не прятали темных сторон и не старались показать товар лицом, но Вы один за 2 часа увидали то, чем я больше всего дорожу, — живое движение и живые скрепы в нашей колонии. Вы это и сами, наверное, чувствуете и не подумайте нечаянно, что я просто начал писать письмо с комплиментов. Может быть, Вы не знакомы со всем ужасом нашего провинциального головотяпства, особенно усилившегося с появлением нэпа, поэтому не можете представить, как мы способны дорожить такими гостями, как Вы.

Два года без всякого просвета мы по кирпичику, по травинке строили нашу колонию, каждый день мы продвигались вперед, и больше всего нам приходилось бороться главным образом с губнаробразом. Когда я буду стариком, я только с ужасом буду вспоминать это кошмарное учреждение. Через каждые 2 месяца в нем меняются заведующие, инспектора, инструктора, и каждый является с новыми формами варварства и невежества, часто в вопиющих размерах. Я уже не говорю о том, что ни один из них и не подумал обратить внимание на основной гвоздь нашей жизни — организационную работу, ни один из них не заметил каторжного труда воспитателей. Напротив, усилия губнаробраза всегда были направлены к тому, чтобы условия работы воспитателей сделать более тяжелыми. Так, например, исключительно по отношению к колонии применяется какой-то самодельный закон, по которому в зависимости от стажа уменьшается не только номер разряда, но и число ставок.

Впрочем, это нас еще не так сильно беспокоит. Гораздо важнее хозяйственная сторона дела, потому что поступательное движение нашего хозяйства является у нас главной формой воспитательного и образовательного процесса. В этом вопросе, если подойти к нему суммарно, мы только и можем видеть наше будущее. Что же получится? Мы имеем 80 десятин земли, но мы даже и заикаться не смеем о каком бы то ни было капитале, основном капитале, без которого невозможно никакое хозяйство. Каким может быть хозяйство на 80 десятинах, если нам не на что купить керосина для освещения десятка помещений, а в губнаробразе нам говорят: «Собак ловите да жир топите». Да мы, собственно говоря, очень не далеки от такой формы самоокупаемости. Нам не дали ни одного пуда дров и прямо советуют красть их в лесу, а когда в том же лесу наши босые хлопцы нарубили 30 полусаженей и оставалось только заплатить за них какие-то гроши, нам отказали даже в этих грошах, и полусажени переходят в руки спекулянтов. А свой урожай мы самым благородным образом истратили на машины, да на расширение поля (в 2,5 раза), да на ремонт.

Этот самый ремонт, который Вы видели, несмотря на то что мы несем его только на своих плечах, приносит нам только одни огорчения, и я обязательно попаду на скамью подсудимых за ликвидацию какого-нибудь обломка стены. А тем временем так называемые хозяйственные органы даже без нашего ведома продают отремонтированные наши постройки на слом тем же самым крестьянам, которые в свое время эти постройки разрушали. Это самые яркие примеры той какофонии, которая у нас творится.

Все наши надежды были на Вас. Я только и воспрянул духом, когда Вы объявили нам о непосредственной связи с Наркомпросом. Я думал, что 1—2 года харьковской помощи позволят нам создать учреждение, которому не стыдно будет смотреть в глаза людям, а за себя мы не боялись, потому что, по совести скажем, редко удается подобрать такой состав, как у нас.

Сейчас мы принялись за организацию учебных занятий по совершенно новому методу, и у нас дела пошли хорошо, прямо крылья выросли, но... стало известным, что мы перешли на местные средства. Для меня это синоним гибели; нет смысла отдавать себя только для того, чтобы в заброшенной в лесу колонии несколько десятков оборвышей влачили жалкое существование, а иначе и быть не может. В губнаробразе не способны видеть дальше своего носа и еще не скоро будут способны. В лучшем случае там кое-что смыслят в «хатней педагогике», но социальное воспитание даже в своей голой логике им недоступно, тем более недоступно понимание практического выражения. А колония за городом даже для демонстрации путешественникам неудобна.

Простите, Михаил Николаевич, за это сумбурное письмо. Оно не имеет никаких практических целей. Я прекрасно понимаю, что ничего поправить нельзя. Но, поверьте, мне было некому высказать свою горечь. Возможно, что и высказывать я не имею права, много сейчас гибнет намерений, но я смею думать, что нигде не размахнулись так широко и с такими буйными запасами энергии и с такими ничтожными средствами, как мы в своей колонии. Донкихотство? Может быть, и донкихотство, а может быть, и крушение серьезного и важного опыта. Не мне судить.

Вся эта трагедия не мешает мне принести Вам искреннюю благодарность за искреннее и серьезное отношение к нашей работе. Еще раз уверяю Вас, что это единственный случай в двухлетней истории колонии. Скоро мы, вероятно, начнем разбегаться. Побарахтаемся еще немного единственно для сохранения чести, и конец.

В самой колонии пока все благополучно, если бы на каждого хлопца прибавили пищу, чтобы он не ощущал бешеного аппетита, цель была бы достигнута вполне, но кому об этом скажешь? И кому это нужно, такая-то цель?

Желаю Вам от души всего хорошего, простите, что пишу так длинно, надеюсь, что этому письму Вы не придадите никакого официального значения.

Уважающий Вас *А. Макаренко.*

М. Н. Котельникову

31 января 1923
Полтава
колония им. Горького

Многоуважаемый Михаил Николаевич!

«Страшное» спасибо Вам за целых 3 пакета[1], в особенности за Ваши письма. Если Вам тяжело работать в Харькове, то от души искренно желаю Вам найти такую огромную нравственную поддержку, какую мы имеем в Вас. Спасибо за привет хлопцам. Я не помню, где-то у Достоевского сказано приблизительно так: «Вы, проходя случайно, ласково поглядели на ребенка: вы сделали важное дело». Так вот и Ваш привет — такое же важное дело. Я его объявил в приказе по колонии и по ошибке написал «главный инспектор». Они пришли ко мне с поправкой: «Не главный, а областной». Но наибольшее спасибо за то, что не оставили нас на съедение местному бюджету. Я теперь по-прежнему полон сил и надежды, и хочется работать n плюс 1 час в сутки.

В колонии все благополучно. Воспитатели и ребята увлекаются учебными занятиями. Первые уже немного пищат: трудно, говорят, не хватает времени и белье постирать (Не правда ли, тоже организационная проблема?), но физиономии у них веселые. Хлопцы же, по обыкновению, ни от какой работы не устают. Сегодня у нас разрабатывали тему «Письмо и книга». Написали Вам ходатайство способом картинного письма. Сейчас они, узнав, что я пишу Вам, стоят над душой и пристают, чтобы я ничего не писал Вам о содержании ходатайства, пусть, говорят, без объяснений идет. Я их убеждаю, что Михаил Николаевич не дикарь и не привык к чтению картинных писем, но мои аргументы мало помогают. Вы это ходатайство получите одновременно с этим письмом, но, разумеется, не придавайте ему серьезного значения: посмотрите как на сыновнюю шутку, ничего такого ужасного нет.

Ежемесячные отчеты я посылаю Вам через Губсоцвос. Может быть, Ваше напоминание касается того большого отчета, который я послал еще в октябре и который, вероятно, затерялся? Я в самые ближайшие дни посылаю Вам дубликат.

Хочу с Вами поделиться одним большим сомнением. Был я у Вас на педагогическом заседании и поражался множеству страшных терминов, употребленных одним из говоривших врачей к вопросу о программе характеристики. Все-таки дело идет о том, чтобы нашего воспитанника разложить на множество составных частей, все эти части назвать и занумеровать, построить их в определенную систему и ... не знать, что делать дальше. Все новейшие труды точно так же идут по этому направлению. Но я до сих пор не смог заставить себя поддаться их обаянию. Иногда я падаю духом и глубоко презираю себя за подобную научную невосприимчивость, иногда же, напротив, протестую всеми фибрами души.

Мне и кажется, мы еще очень далеки от права раскладывать человека и тем более делать отсюда какие бы то ни было практические выводы. Напротив, мы должны... научиться так организовать воспитание,

чтобы наши достижения характеризовались совершенствованием системы данной личности в целом. Это вовсе не значит, что работа над теорией анализа личности должна быть отвергнута. Пусть [эта работа] составляет предмет любой науки, но педагогам пока что нужно главное внимание направить на создание синтетической педагогики. Если это и ересь, то ересь для меня оправданная всем моим колонистским опытом.

К сожалению, я эти свои сомнения, постепенно приближающиеся к форме положительной уверенности, не в состоянии изложить более подробно за недостатком времени, но должен признаться, что в организации колонии я уже сознательно поставил их во главу угла. Все это не спасает меня от мурашек, которые начинают бегать по телу, как только я принимаюсь за страницы какой-нибудь ученой классификации. Я бы предложил свою — классификацию социального опыта и мотивацию поступка[2], но эти самые мурашки держат меня на привязи: я все боюсь, что я чересчур неуч.

В течение февраля месяца я напишу и отправлю Вам педагогический отчет, в котором, разумеется, из официального гонора буду выражаться в категорическом смысле.

Вы меня не ругайте особенно. Категоричностью я только прикрою большие сомнения. Может быть, Вам в моем отчете кое-что из моих категорических сомнений пригодится.

Большое спасибо Вам за участие в нашем горе.

История эта настолько сложна и настолько подла, что из Харькова искать виновных невозможно ... Здесь я сначала пробовал просить и протестовать, но это все обратилось в волокиту, а между тем крестьяне одну постройку начали разбирать[3]. Тогда я решился на отчаянное средство: с двумя отрядами хлопцев я вступил в кулачный бой с крестьянами. Битва не сопровождалась потерями, ограничились синяками и шишками, но победа осталась на нашей стороне, а самое главное, мы произвели шум: дело дошло до губисполкома. Сейчас, кажется, пахнет скамьей подсудимых, но не для нас[4]. Впрочем, ручаться не следует. Если в Полтаве ничего не сделают, обратимся к Вам за помощью, а пока мы в состоянии отбиваться сами, Вас затруднять кляузами нельзя.

Так или иначе, мы оживаем исключительно благодаря Вам. Смотрим вперед весело. Настроение в колонии восхитительное, почти трогательное. Смущает нас только лето. Капитала у нас по-прежнему нет. Клячи дохлые, дети босые.

К сожалению, не урегулировано распределение кредитов. За декабрь для колонии переведено 12 миллиардов на жалованье и 1/2 миллиарда на прочие расходы. Между тем на жалованье нам нужно было только 6 [миллиардов]. Разумеется, остаток пошел на жалованье в другие учреждения, так как нельзя переводить из § в § ... Я хлопочу все-таки, чтобы мне дали из местных средств на покупку лошадей и сапог, но надежды мало. Я не знаю, как быть.

По январским ставкам нам нужно на жалованье миллиардов 12, а нам перевели, наверное, больше, а на прочие расходы мало. Как бы все-таки хорошо было бы иметь собственные кредиты. Уверен, что мы доживем до этого. А то теперь половина энергии тратится на кредитную борьбу и получение по ассигновкам. Все это страшно неэкономно.

Будьте здоровы. Мы все были страшно рады, если бы Вы к нам собрались. На недельку, другую. Передаю Вам привет всей колонии от мала до велика.

Уважающий Вас *А. Макаренко.*

А. П. Сугак

24 марта 1923
колония им. М. Горького

Дорогая Антонина Павловна!

Спешу написать Вам под свежим впечатлением только что полученного письма Вашего от 13 марта. Вы совершенно правы, не буду брехать: подробности в письме — было очередное «колпаченье», как Вы неделикатно выражаетесь. Уверяю Вас, не нарочно!

Вы помните, как я работал в Крюкове? Вы, может быть, даже имеете представление о моем труде прошлым летом. Так вот: гораздо тяжелее и гораздо труднее. Сейчас я дошел уже до того, что сплю через ночь вот уже около полутора месяцев и даже отвык спать. Этим обстоятельством объясните и неприличный способ сообщения — на машинке. Просто гоняюсь за скоростью. Я даже для себя неожиданно приучился делать 3—4 дела сразу.

Приглашение от месткома получил несколько дней назад, а 21-го приезжал ко мне Кононенко и также предъявил какой-то мандат на право изъятия меня из колонии[1]. От Кононенко же я узнал о болезни Виктора. Это очень прекрасно, что он выбрался из каких-то паршивых почек, а то я уже серьезно собрался грустить, что наше поколение начинает дохнуть.

Местком, разумеется, меня трогает, несмотря на некоторую неуклюжесть своих желаний и представлений. Так же трогает и Кононенко, и уж, само собой, трогаете Вы, любезная Антонина Павловна. Ваше письмо — это песнь торжествующей любви, а вовсе не письмо: торжествующей именно потому, что вот, дескать, Макаренко погибает исключительно потому, что заехал в какую-то колонию, бросил счастливый Крюков и т. д и т. д.

Такой же приблизительно тон и у месткома, и у Кононенко. Последний, впрочем, побывав в колонии, несколько сбавил спеси. Ты, пожалуйста, не подумай, что я ругаюсь. Ничего подобного и даже наоборот.

Меня очень трогает такая настойчиво высокая оценка моей особы, которую проявляют крюковчане. Я очень и очень рад и тому, что для меня представляется возможность возвратиться в Крюков и помочь маме. Наконец, и в самом деле, до каких же мне пор сидеть в колонии и пропадать, как вы все там думаете. Нужно жить и прочее.

Но вся беда в том, что вопрос не решается для меня одним желанием. Я теперь человек крепкий, такой крепкий, каким Вы меня никак не представляете. Таким меня сделала колония. Вы как раз, сударыня, патетически восклицаете: «Что вам дала колония?» Столько дала, Антонина Павловна, что Вам и не приснится никогда. Я сделался другим человеком, я приобрел прямую линию, железную волю, настойчивость, смелость и, нако-

нец, уверенность в себе. Теперь я уже не способен собирать совет и спрашивать, допустим, Пугача, что мне делать, так как я прекрасно знаю, что я должен делать, и, как думает об этом Пугач, мне просто не интересно.

Трехлетний колонийский опыт — это вся моя будущая работа. Что бы я ни сделал потом, начало все-таки нужно будет искать в колонии. И даже не только в том смысле, что я здесь чему-то научился, что-то пережил, но еще и потому, что здесь я сам над собой произвел огромный и важный опыт. Но, пожалуй, бросим об этом: Вы можете сказать, что все это пустяки, все это в прошлом, что теперь все-таки колония мне ни черта не дает и поэтому нужно все-таки ехать в Крюков.

Ваше основное представление, что здесь кто-то пропадает, — большая ошибка. Я считаю, что в колонии мы живем разумнее и веселее, чем очень многие в городе, а особенно в таком, как Крюков. Наконец, мы живем гораздо свободнее и независимее. Но даже и не в этом дело. Самое главное — мы можем здесь так работать, что работа доставляет нам удовлетворение.

И не думайте, что моя энергия здесь пропадает даром. Ничего подобного. Здесь мы производим опыт, который будет иметь большое значение не только для колонии малолетних преступников. На нашу организацию уже обратили внимание. Во всяком случае, наша колония сделана главной на Украине, на 120 детей, мы непосредственно зависим от Наркомпроса. Образовательная работа колонии уже обсуждается в печати, и мне дано право приглашать сколько угодно учителей для практики с тем, чтобы потом рассылать их по губернии. Я уже получил право приглашать учителей по своему усмотрению, даже без педагогического образования. Я уверен, что еще через год наша работа получит еще большее значение и только потому, что здесь что-то напряженно творится. А Вы так говорите о колонии, как будто здесь действительно какое-то прозябание.

Вы говорите, что не нужно расточать сокровища на колонию, а нужно расточать на Крюков. Голубчик, Крюков не лучше колонии, и, пожалуй, расточать и на него никаких сокровищ тоже не нужно. Все дело не в Крюкове и не в колонии, а в самом деле, в организации нового просветительного опыта. Между прочим, в Германии как раз впереди всех идут так называемые лесные школы, тоже заброшенные и тоже лишенные внешних признаков просвещенного общества.

Давайте только и будем говорить в этой плоскости. Если Крюков даст мне лучшие условия для такой работы, я немедленно в Крюков перейду. Вопрос решается, как видите, просто. Я, со своей стороны, ручаюсь, что в таком случае через 2—3 года в Крюков будут ездить учиться. Так я ответил и месткому, и ответил, пожалуй, в чересчур резкой форме. Я потребовал, чтобы мне было предоставлено право смещения и приглашения учителей, право свободного метода и программы, право дисциплины и, наконец, на первое время не менее 45 миллиардов хозяйственных кредитов и возвращение оркестра. Ваш местком, конечно, придет в ужас, и мне это понятно. Но я знаю и другое, что это все пустяки. Вы прекрасно знаете, что и без всяких гарантий я сумел бы заставить плясать под мою дудку не только местком, но и Харьков.

Я просто не хочу тратить энергию на работу замазывания, заклеивания и какой-то поправки, на это в колонии я достаточно истратил сил. Я хочу

начать работу «на чистом поле», не слушать шипения разных Найд и Карапишей. Я глубоко уверен, что местком на мои условия не пойдет, так как я требую гарантий со стороны дорожного отдела[2] в письменной форме. А дорожный отдел никогда не согласится на свободу метода и программ и в особенности на невмешательство в течение 3 лет разных инструкторов и инспекторов. Не согласится и на то, чтобы в школе не было никаких привилегированных групп, а это, как известно, в России невозможно со времени Рюрика с братьями. Я на месте дорожного отдела тоже не согласился бы.

Вот, я Вам все объяснил. А теперь можно и помечтать. Да, хорошо бы было переехать в Крюков. Я там бы мог заработать «с места в карьер», и мне даже такие картины рисуются, что похоже почти на сказку, если бы не ваша крюковская жалкая, ободранная обстановка. Но то, что мне кажется таким прекрасным, очень мало кому понравилось бы в Крюкове. Полетели бы с места в карьер очень многие из школы. Даже те, которые мнят себя настоящими педагогами. Представьте себе, в прошлом году я был настроен гораздо более примирительно, теперь я просто не представляю, как можно работать с Найдой и Мальцевой. Теперь это выше моего понимания.

Что касается метода, то убейте меня, а [я] уже не могу заниматься заданием и спрашиванием урока, зачетами и клубными занятиями, не могу хладнокровно видеть задачника и вообще учебника. Это меня больше всего смущает: в колонии я что хочу, то и делаю. Моим воспитанникам не нужно держать никаких дурацких экзаменов ни в техникум, ни на какие курсы; там еще до сих пор ведь спрашивают, а школы по ним равняются. Извольте приспособиться к этому направляющему институту. Ваш ученик может быть и образован, и развит, и воспитан, но какой-нибудь человечек в футляре настойчиво пристанет к нему с вопросом: почему сие важно в-третьих? Значит, беря на себя школу, нужно брать и борьбу с человечками футлярными.

Все-таки я продолжаю мечтать: самое трудное, что меня смущает, — это как уехать из колонии. Когда я уезжал в Москву, была сплошная истерика, несмотря на то что все были уверены, что я еду на самое короткое время. А в Москве меня бомбардировали письмами с требованием немедленного возвращения и посылали ко мне жалобы на разных провинившихся. А теперь для всех это будет такое кровное оскорбление, что меня побьют камнями и будут провожать кирпичами. Ехать в Крюков служить — значит сознательно разрушить колонию и разогнать всех воспитанников в разные стороны, в прежнюю пустыню бродяжничества, воровства и грабежа. Ну как, помогите, Антонина Павловна, решить этот вопрос, у Вас ведь дамское любвеобильное сердце. Уже сейчас колонисты со страхом смотрят на каждое письмо, получаемое мною с почты, потому что прекрасно поняли все коварство миссии Кононенко, которого они доверчиво приняли как гостя.

Все-таки, хотя я и уверен, что и местком, и учкультран, или как там его, только выругаются в ответ на мои условия, Вы напишите мне об их настроениях — интересно.

С мамой вопрос гораздо хуже. Как ей не нравится колония, все-таки, вероятно, придется ей переехать ко мне. Я, конечно, постараюсь устроить

ее жизнь гораздо уютнее, чем в Крюкове, но, разумеется, не могу создать для нее крюковского общества.

Не кивайте так презрительно на посевную кампанию. Это настоящая поэзия, которой Вы в Вашем Крюкове и не нюхаете. Какой воздух, какая работа, какие работники, песни, лошади! У нас есть сейчас агроном, свои семена, свои машины, свой план, и нас все слушаются в Полтаве. Мы до того рассобачились, что завели суд, с кем бы Вы думали? С самим Госконтролем! И думаем выиграть. Все это так весело, что Вы себе и представить не можете.

Нажимайте на Ваш местком, и в Крюкове через год будете ходить за плугом и за собственными школьными лошадьми. Только мы там заведем не поле, а огород и хорошее животноводство. Мастерские же откроем прямо в классах, раз лучшего места нет. Нажимайте, Антонина Павловна, но приготовьтесь к тому, что у Вас будут все новые коллеги и Вам самой придется очень многому поучиться, и очень долго. Вас не смущает старость? Выпишем Маргер. А все-таки Крюков не колония. Если бы не жалко было маминой старости, я никогда бы колонии не бросил для Крюкова.

У нас в общем все прилично. Поповиченки[3] работают сносно, но каждый год, извините за выражение, рожают. Просто безобразие: в прошлом году мадам не работала 5 месяцев и в этом году собирается, при этом имеет такое выражение лица, как будто именно я должен в особенности преклоняться перед их героическим подвигом: подумайте, каждый год рожать!

Никогда не написал бы такого длинного письма, если бы не машинка. Так что вы должны тем более меня простить за американизацию переписки.

Кланяйтесь маме и передайте, что все будет зависеть от того, насколько руководители просвещения окажутся не идиотами и не побоятся передать одну школу в руки свободной инициативы. Но когда у нас в России уважалась инициатива? А пока не будет простора инициативы, никогда не будет новой школы. Это истина. Если Крюков мне не удастся, а это можно предсказать наверняка, мама должна переехать ко мне. Сначала ей покажется здесь не по себе, но, когда привыкнет, сама будет рада, что переехала. Мы с нею займем совершенно отдельную квартиру, достанем прислугу и будем жить припеваючи.

На пасху я почти наверняка буду в Крюкове, приблизительно на 4—5-й день. Помешать могут только очень экстренные дела.

Кланяйтесь Виктору и ребятам и скажите, что я и в самом деле рад, что на земном шаре еще живет такой человек: Виктор Сугак.

Будьте здоровы. Пишите. Интересно все-таки, как окончится моя кандидатура, хотя это еще не скоро выяснится.

Ваш *Антон Макаренко.*

Л. Н. Никифоровой

15 августа 1923

Лидия Николаевна!

Я принужден после долгого размышления обратиться к Вам с этим письмом, так как не хочу подвергать Вас и себя всем случайностям беседы, которая никогда у нас не может удасться по многим причинам.

Главный момент, вокруг которого приходится все время вертеться моей работе и моим нервам, — это организация Вами или при ближайшем Вашем участии некоторой, простите за выражение, «конспиративной квартиры». Не подумайте, бога ради, что я здесь имею в виду в самом деле Вашу личную квартиру. Это только описательное выражение. Факт заключается в том, что лица из среды воспитателей, наименее полезные как работники, больше того, просто явные лодыри, люди, вредные для нашего дела, сгруппировались сейчас вместе с Вами.

По совести говоря, я не могу иначе отнестись к поведению Головнина[1], как только с отвращением. Я могу перенести вид какого угодно сопротивления, но не переношу, когда это сопротивление идет со стороны полной никчемщины, чего-то такого, что не может быть представлено как сила даже в самой малой степени. Головнина я полтора года только терпел, снисходя к его нужде. Он не имел в себе достаточно гордости, чтобы заметить это и работать. Человек этот настолько органически ленив и бесполезен, что даже не дает себе труда заболеть самолюбием. К тому же у него есть благородный выход объявить, что он натура художественная, что колонистская работа не по его великой душе, что он вообще приспособлен к чему-то совершенно превыспреннему и только в такой превыспренней области он будет работать. Это не мешало ему, впрочем, получать жалованье и занимать место, на котором мог бы сидеть более полезный и менее превыспренний работник. Поверьте, что на всяком месте Головнин будет таков, потому что он прежде всего лентяй.

Его отношение к работе было всегда безобразным, но в последнее время оно стало еще и нечестным. Такая же художественная натура Снарский[2]. Я очень не хочу вмешиваться в жизнь художественных натур. Пусть себе живут как хотят, услаждают слух стихами и прозой кого хотят, но там, где совершается самоотверженная, опасная и горячая работа, — им не место. В последнее время они по утрам уже дышат перегаром, они наполнили колонию смрадом... пикантных разговоров, но работа их жалкая, смешная и даже у хлопцев ничего, кроме презрения, не вызывает. И какая удивительная игра природы: именно они — эти паразиты, люди, не способные отдаваться делу, не способные пережить заботу, серьезную ответственную заботу о детях, которых они не способны любить, которые для них далеки, именно они за моими плечами усиленно разговаривают... О чем же?

О том, что воспитание в колонии поставлено неправильно, дальше больше, что «нужно найти выход из создавшегося тупика». Ничего наглее и тупее нельзя себе представить.

В то время, когда наш опыт, основанный на потрясающей трате нервов и мозга, конечно, не их, наконец, делается предметом внимания всей стра-

ны[3], когда наша работа вступает на путь серьезного научного обоснования, поскольку она заслужила это, — группа лентяев вдруг ничего другого не находит, кроме тупика, т. е. чего-то такого катастрофического, безвыходного. А между тем я не могу найти выражения, чтобы сказать, сколько вреда принесено моей работе такими, как Головнин и Снарский.

...Вы — с ними. Я признаю, что три года я был слеп, когда наперекор стихиям считал Вас полезным и преданным работником. Вы никогда им не были. В лучшем случае Вы позировали, думали только о себе и только о себе разговаривали. Только о себе, и больше ни о чем. А сейчас Вы и в работе, и идейно с ними. Вы не стесняетесь злобно и настойчиво при совершенно посторонних людях и без посторонних людей кричать тогда, что воспитание «поставлено не так, как нужно». Вы настойчиво и презрительно заявляете, что бросите колонию, что пойдете к Довгалеву. Вы всем своим существом презираете колонию и на каждом шагу это говорите. В то же время Вы без конца судачите, судачите, судачите и так увлеклись этим делом, что даже спешите поскорее окончить дежурство. В последнее время Вы только служите, кое-как, «абы день до вечера», как, очевидно, и полагается всем художественным натурам. А работа Ваша?

Я ее теперь вспоминаю на протяжении трех лет, всю Вашу работу. Вспоминаю и ничего доброго не скажу, потому что о добром нужно судить по результатам. Вы никогда не хотели чему-нибудь учиться, и Вы всегда были ленивы. На вечерних дежурствах Вы просто спали на какой-нибудь кровати, на дежурствах главных кричали, ссорились и вносили обязательно какую-то своеобразную форму вульгарности[4]. Простите, что я так откровенно все это пишу. Серьезность положения вынуждает меня к этому. Я принужден, наконец, открыто признать, что в образовательной работе Вы показали себя неожиданно страшно слабой.

Из деликатности я не хотел Вам это говорить, да и нужды не было, потому что всякий разговор Вы обязательно сводите на личности и вообще вы органически не способны отделить личные отношения от деловых. Даже на заседаниях совета Вы всегда позволяли себе делать некрасивые личные выпады по чисто деловым вопросам. В последнее время Вы поражаете меня целым букетом какой-то лжи и хитрости, намеков и клеветы на других. В то же время Вы всякую мою «придирчивость» к Вам объясняете тоже какими-то хитросплетенными личными причинами. И даже мое отношение к другим работникам Вы встречаете смешком какого-то не вполне чистого подозрения.

Всю эту атмосферу личных фокусов Вы на каждом шагу вносите в дело и даже по отношению к воспитанникам. Ваши последние столкновения с ними имеют совершенно личный характер. Шершнев взял Вашу ложку, Стебловский заподозрил Вас в намерении рвать яблоки. Вы не понимаете, что все эти случаи свидетельствуют о неуважении воспитанников к Вам...

В последний год Вы принесли много вреда колонии муссированием ненужных разговоров, ненужных столкновений, поддерживанием какого-то вздорного, совершенно бабского колорита в отношениях.

Если к этому всему присоединяются, так сказать, еще и идейные расхождения между нами и Вами, то ясно, что лучше брать быка за рога. Кому-нибудь нужно уступить. К сожалению, Вы не объявили Вашего положитель-

ного идеала в воспитании. Если судить по работе Вашей и, допустим, Головнина, то совершенно для меня ясно, что этот идеал далек от моего. Нам помириться нельзя. Вы уступить тоже не способны.

Я считаю, что по Вашим силам было бы только одно: принять мою систему, искренне и настойчиво учиться, помогать всеми Вашими молодыми силами идти вперед. Вы этого никогда не могли сделать. Пока Вы жили здесь, Вы делали вид, что колония для Вас что-то представляет. Как только Вам надоело переносить тяжесть, для Вас непосильную, Вы перебрались во вторую колонию и там «расплясались в русский пост», создали неприличную и смешную оппозицию не [общему] мнению, даже не мне, а всему делу, всякой работе, сгруппировали вокруг себя «дачников» и неудачников, наполнили колонию чадом вашего кружкового, злобного и пустого времяпровождения.

Все это можно допустить где угодно, но в колонии этого никогда не будет. Здесь не только служат, здесь нужно жить так, чтобы Ваша жизнь не делалась анекдотом.

То, что это сделали Вы, старая колонистка, я ни объяснить, ни простить не могу. Я это старался сделать. К сожалению, Вы далеко зашли в Вашем бравировании. Я поэтому самым серьезным образом обращаюсь к Вам с просьбой оставить колонию. Ваша идейная убежденность о том, как нужно работать, Ваши постоянные угрозы с презрительным выражением губ воспользоваться приглашением Довганова позволяют мне надеяться, что и для Вас Ваш уход будет наиболее приятным выходом. Во всяком случае это будет последовательно и, если хотите, честно. Я удивляюсь, как Вы сами раньше до этого не додумались. Было бы все-таки проще и естественнее вовремя бросить колонию, чем на каждом шагу выражать презрение ко мне, к Ивану[5] (то, что мы скверные люди, вопрос, к делу не относящийся), к колонии, к нашей работе, к нашей системе и кончить организацией враждебного кружка лодырей.

Я бы это еще мог перенести в 1921 году, но сейчас, когда я убиваю последние силы на колонию и когда зима стоит передо мной с большими и интересными планами, требующими самоотверженной, четкой, открытой и дисциплинированной работы, — я не способен [и не могу] уделить [внимание] для возни с Вашим бравированием. Поэтому еще раз прошу считать мое послание о Вашем уходе окончательно выраженным.

Буду очень Вам благодарен, если Вы откажетесь от всяких оправданий, переписки и переговоров и сделаете честно то, что давно должны сделать. Мне было трудно принять это решение, и последним моим колебанием было намерение перевести Вас в первую колонию.

Желаю Вам всего хорошего. Будьте всегда уверены, что невозможность для нас вместе работать нисколько не исключает моего уважения к Вам и признания за Вами многих достоинств, вполне определяющих мое отношение к Вам как к человеку.

А. С. Макаренко.

P. S. Еще раз прошу Вас не пытаться что-либо изменить в моем решении.

Разумеется, Вы можете оставить колонию без всякой потери. Это меня совершенно не беспокоит. В городе Вас пригласят как хорошего работника. Я же со своей стороны не помешаю Вам не спеша произвести выбор новой работы.

А. М.

О. П. Ракович

29 декабря 1923

Мое неласковое солнышко!

Я уже во второй колонии. Сижу и серьезно мечтаю: вот именно здесь я понял, до чего я одинок, понял также и то, что по свойствам своей натуры и не могу быть не одиноким.

Ну хорошо. Спрашивается: как можно быть одиноким, когда есть Солнышко? Правда, трудно? Нет, еще легче, Солнышко.

Я чувствую сейчас в себе огромные силы, но и уже хорошо знаю, что эти силы слишком глубоко во мне скрыты. Вы не можете их увидеть. Это силы мысли и философского синтеза. Если Вы их увидите, Вы отравитесь ими навсегда. Вам не нужно их показывать. А то, что Вам нужно и что Вам поэтому нравится, того у меня нет: ни беззаботного смеха, ни остроумия без претензий, ни ясной силы жизни: живи, пока живется.

Ну хорошо...

И только когда мне Семен подал Вашу крошечную секретку[1], я сразу освободился от всех забот и печек.

Какое прекрасное умение с простой улыбкой срывать каемку Вашей секретки, а в то же время где-то глубоко, в самом центре мозга прятать трепещущее ожидание чего-то особенного, блестящего, не такого, как все. И в это же время с холодной уверенностью делового человека знать наверняка, что все дело в талонах. Только два талона. На свет и на воду.

Упрек милый: «Хотя Вы и сказали, что не забудете...»

Я, собственно говоря, не забыл. Вы не получили талонов по другим причинам. Но вовсе не нужно оправдываться. Пусть.

«Будьте добры, пришлите» и т. д. Хорошо, хорошо.

«Всего хорошего!»

Сразу светло на душе. Вот взмахнуть крыльями и летать.

И сразу прежнее, мое уставшее до чертиков отчаяние. «Блаженство ты и безнадежность».

Что спрятано в этих двух словах: «Всего хорошего!»

Все, что Вам угодно, Антон Семенович, и все, что Вам неугодно. Пожалуйста:

1. Большая, стыдливая, радостная любовь.
2. Веселое, играющее молодое уважение к хорошему дяде.
3. Задорное, смеющееся здоровье молодости, которой некогда думать, что там поймут и почувствуют.
4. Искрящаяся, вредная юношеская насмешка. «Вам это нравится — мне это ничего не стоит. Пожалуйста, корчитесь».

5. Просто ничего. Так вот ничего, как на пустой тарелке.

И то, и то, все можно допустить, любой из пяти номеров. Так же трудно найти истину в этих двух словах, как найти значение в Вашей улыбке. Корчитесь дальше, А. С. К сожалению, Ваши потуги скрыть эти судороги, придать всему приличный вид делают Вас ужасно смешным.

И не к чему.

Ну хорошо. Сегодня Вы идете в оперетку. А я пойду в первую колонию. Нужно же куда-нибудь идти. С какой-нибудь целью. Не просто же ходить или бегать по двору второй колонии. Впрочем, вероятно, и то и другое одинаково разумно.

В первую колонию уже потому больше смысла идти, что, может быть, Вы пришлете специально для меня секретку, в которой будет написано: «Всего хорошего». В этом нет ничего невозможного. У Вас много секреток и много всего хорошего.

Ах, не хочется с Вами расставаться.

Ваш А. М.

P. S. С Пархомовичем[2] помирились.

Ваш *А*.

О. П. Ракович

23 сентября 1924

...Сейчас я или пришел в себя, или окончательно обалдел.

...Я не могу отказаться от Вас. Пожалуйста, не пугайтесь. Я самым идеальным образом уважаю Вашу свободу. Как бы Вы ни поступили, Вы всегда будете прекрасны и всегда правы. Я искренне буду преклоняться перед любым Вашим решением. Я готов быть Вашим шафером и держать венец над Вашей головкой.

Я представляю себе: как трудно Вам понять, что у меня в душе. Я, без всякого сомнения, какой-то урод. Это совершенно серьезно. Почему я сейчас не только не ощущаю своего унижения, но напротив? Я выше всех, недосягаемо выше. Вы можете позавидовать моей гордости.

Когда утром я встретился с Вами, для самого неожиданно захватила меня волна радости. Радости от того, что у нас разрыв, от того, что Вы спокойны, от того, что я в одиночестве могу любить и нет до этого никому никакого дела, от того, что я могу отделить от себя мои страдания и рассматривать их как нечто постороннее, как в микроскоп. Раньше я мог это делать только с зубной болью.

Вы мне вручили пакет с моими письмами...

Все дело, видите ли, в чем: никто не имеет права отнять Вас у меня. Даже Вы. Абсолютно никакого права. Вы — это прежде всего образ в моей душе, а потом уже Вы. А любить Вас, поклоняться Вам, всегда видеть Вас перед собою — моя воля. Я так хочу, и я так решил...

Но кто запретит мне преклоняться к Вашим ногам, к ногам Вашей

чистоты и прелести, кто запретит мне убрать мое длительное самоубийство, наполненное презрением и любовью к людям, — цветами. Никто. Вы понимаете? Никто...

Ну что Вы мне можете сделать? Отнять у меня Солнышко Вы все равно не способны. А добровольно я его не отдам — потому что... Впрочем, пожалуй, это мое личное дело — почему...

Знаете что? Не можете ли Вы так устроить, чтобы на меня не сердиться? Мне, собственно говоря, это важно потому, что я ужасно люблю, как Вы улыбаетесь.

Я даю клятву только писать Вам обо всем этом. Почему? Потому что я уверен, что вот сейчас, в 2 часа ночи, Вы меня как-нибудь хорошо вспоминаете. А при встрече Вы на меня всегда злитесь. А сейчас Вы, может быть, даже плачете. Вы тем и хороши, что Вас никакой черт не разберет. Не может быть, чтобы Вы не плакали по случаю нашего разрыва. Это ж все-таки не пустяк.

А. М.

О. П. Ракович

13 января 1925

Лили! Кристалл души моей!

Свободный почему-то вечер. Хочется в тишине думать о чем-нибудь красивом, о чем-нибудь настоящем. Людишки надоели.

Думаю.

На свете есть только настоящие вещи: красота и сила. Все остальное — шарлатанство. Я думаю о красоте. Красота бывает разная. Бывает красота носа или ноги. Это, конечно, хорошо. А то еще бывает красота доверчивого осторожного взгляда краешком глаза. Улыбающегося глаза. А то еще бывает красота покрасневшей от смущения радости.

Красота бывает разная!

Вот и я думал о красоте.

Бывает еще и красота глупого письма без ответа. Вы думаете это не красота? Вы ничего не понимаете, сударыня, вообще ничего не понимаете. Это такая «сильная» красота, что подходить к ней ближе могут не все и не часто.

Спасибо, что выслушали мою болтовню в тихий вечер. Почему-то так захотелось поговорить именно с Вами. Большею частью я разговариваю с лампой, горящей на столе. Это тоже занятие... спокойное. Вероятно потому, что я привык к покою. У меня, знаете, масса всяких привычек.

Ваш *А. Макаренко.*

Колонистам-рабфаковцам

30 мая 1925
Харьков,
Подольский пер., 2
ДПС, комната 4—5
Павлу Архангельскому

Хлопцы!

Спасибо за письмо, написанное Павлушей. Если у вас все хорошо, то хорошо. У нас средне, но жить можно. Вас ожидаем не позднее 20-го. Нужно, чтобы вы поспешили на «Первый сноп». В этом году наверное будем жать раньше.

Кроме того, вот такое дело: 25 сентября мы празднуем 5-летие колонии, к нему уже готовимся. Думаем издать книжку, которая будет называться: «Приключения горьковцев на Коломаке за пять лет».

На первой странице будет выставлен девиз: «Долой педагогику!» Будут в сборнике и серьезные статьи, как: «История колонии», или «Наша дисциплина», но больше будет более-менее вольных заметок: «Рабфаковцы», «Малыш», «Как Матвей ездил в рабфак», «Арбузы» и т. п.

На вас всех мы очень надеемся как на авторов. Выбирайте себе темы более-менее интересные и пишите скорее. Писать можно, о чем хотите. Нужно только, чтобы было остроумно, интересно и чтобы из вашей зарисовки можно было узнать жизнь колонии.

6-го или 7-го я буду в Харькове и потребую от каждого из вас рукопись. Кто не даст, пожалеет.

Найдите где-нибудь Оксану и потребуйте от нее такой же работы, иначе, как покажется в колонии, я «з неі бубну той...».

Вот вам задача.

Что у нас нового? Все обычно. Урожай ждем средний, подвели нас весенние морозы. Скоро приступаем к сенокосу.

Ставим «Отасу» и «Старый мир», на пятое готовим «Лес» [А. Н.] Островского. Появилась у нас новая артистка, да такая, что Семен влюбится, как только поезд приблизится к Кочубеевке.

Если увидите Быковца[1], спросите, почему не едет.

Ну, бывайте.

Ваш *А. Макаренко.*

Полтава, Трибы,
колония им. М. Горького

В. И. Поповиченко

22 марта 1926

Дорогой Василий Иванович!

Простите, что так долго не писал Вам. Это случилось не только потому, что я свинья, но и по другим причинам. Как-то все со дня на день откладывалось дело с Запорожьем[1], и хотелось Вам написать что-нибудь определенное. В Запорожье ездил Коваль[2], просидел только даром неделю и возвратился с неопределенным результатом. Дело дошло до Совнаркома, и последний, наконец, нам отказал[3]. Бороться еще можно было бы, тем более что помощь предлагал нам и Горький, но уже пропала охота... Если бы даже мы его [Запорожье] получили, едва ли справились бы с денежными затруднениями. Достать денег сейчас очень трудно. Как раз в этот момент начал трещать наш госбюджет. У нас страшно сократили ставки и штаты, мне, например, назначено жалованье 58 рублей, воспитателям по 48 рублей. Ясно, что с такой сметой ехать в Запорожье было рискованно.

Вот почему я вопрос о Запорожье перечеркнул, а поставил новый: о передаче нам Куряжа, в котором Вы, кажется, бывали. Вчера я возвратился из Харькова с подписанным договором о передаче Куряжской колонии[4]. По договору с 20 апреля мы должны уже быть на месте. Переводимся со всем имуществом. В Куряже в нашем распоряжении остается 150 хлопцев. Имущество все переходит к нам. Персонал куряжский весь распускается до одного человека. Для 150 хлопцев Окрпомдет дает полное содержание и штаты, которые мне предоставляется использовать как путем приглашения дополнительных сотрудников, так и путем оплаты дополнительной нагрузки основных работников. Я думаю, что всего для 150+120 воспитанников потребуется персонал воспитателей не более 18. Отсюда, кажется, едем не все. Чаплян с жинкой и Шило[5] с жинкой, возможно, задержатся в Полтаве из-за стариков. Таким образом, мне нужно пригласить около 8 воспитателей.

Куряжская колония сейчас в ужасном состоянии. Нет и следа тех богатств, которые там были летом. Нет ни простынь, ни одеял, ни белья. Завкол и завхоз сидят в тюрьме.

Плохо очень в Куряже с квартирами. Около десятка флигелей наполнены множеством жильцов, которые еле помещаются в многочисленных кельях, пропитанных запахом борща и ладана. Кельи крохотные, перепутанные разными коридорчиками и каморками. Жить в них сейчас очень плохо.

Я все же согласился взять Куряж, потому что другого выхода нет. Выигрываем мы близость к Харькову. Но я выговорил 20.000 на ремонт. Это очень много. За эти деньги я почищу спальни и клуб (3—4 тысячи), построю свинарник (8 тысяч) и произведу генеральный ремонт всех квартир, т. е. повыкидаю все переборки и перепланирую все дома наново, покрашу, переброшу печки. Жить же пока придется в здании школы, которое, кстати сказать, отремонтировано.

Все это я описываю для того, чтобы Вы знали, куда я Вас приглашаю. Хочется верить, что Вы с Надеждой Тимофеевной возвратитесь к нам. ...Со стороны персонала нашего Вы, безусловно, встретите симпатию к себе, как к прекрасным работникам и интеллигентным людям[6]. И сейчас мы Вас часто вспоминаем.

Думаю, что согласиться Вам следует. В Куряже соединяются удобства большого города и дачной местности. От станции Рыжов $1^1/_2$ версты, от станции Куряж — 1 верста, электричество, водопровод. Жалованье, вероятно, будет рублей 80—90.

В четверг 25/III я ожидаю телеграммы об утверждении договора Совнаркомом. Там затруднений никаких не предвидится. По получении этого письма долго не думайте, а давайте мне телеграмму о Вашем согласии. Как только я получу телеграмму, немедленно вышлю Вам назначение. Осложнений каких-нибудь с переездом в Куряж не ожидаю. Если за Вашим согласием остановки не будет, думаю, что и Вы к 20-му будете там.

Итак, жду Вашей телеграммы.

Само собой, в случае какого осложнения немедленно Вас уведомлю, хотя это почти невозможно.

Привет всем Вашим.

Ваш *А. Макаренко.*

Н. Ф. Остроменцкой

9 октября 1926

Многоуважаемая Надежда Феликсовна!

Очень рад был получить от Вас записку — так приятно, что в моей любимой Москве у меня такой приятный знакомый, как Вы...

Ничего, разумеется, не могу возразить против написания Вами книжки о колонии, хотя, по правде сказать, в мои планы не входит слишком [рекламировать] колонию. Я думаю, что у нас еще очень много недоделанного, много форм, представляющих поиски, но не решение. Но не по этим только причинам мне придется Вам отказать в помощи. Вы не знаете, как я занят, едва ли я сумел бы собрать для Вас все нужные материалы.

У нас все по-прежнему и благополучно. Вчера я возвратился из Одессы, где был на съезде заведующих дет[скими] городками и колониями[1]. Там меня здорово качали. Между прочим, представил проект организации Всеукраинской детской трудовой армии (7 корпусов, 21 дивизия, 63 полка по 1000 человек каждый). Надо мной посмеялись как над мечтателем, но всё же Наркомпрос УССР предложил мне в качестве опыта организовать 1-й детский корпус на всех детей Харьковского округа. Считая беспризорных, это даст 10 000 ребят. Я ставлю всяческие условия, главное — это согласие и поддержка колонии [им. М.] Горького.

Хлопцы к этому проекту относятся с энтузиазмом.

Я все же боюсь, что не сумею справиться с миллионом мельчайших сопротивлений отдельных лиц и интересов.

Начали занятия, по этому поводу маленький подъем. Настроение прекрасное.

Кое-как одеваемся, но еще половина босых, одежды теплой нет — делаем долги.

Духом не падаем.

Несколько ударов: ушел Калюжный, забрали в солдаты Коваля[2] и Семена[3]. Последнее в особенности страшно грустно.

Пишите, пожалуйста, буду Вам очень благодарен. Надеюсь в декабре — январе быть в Москве, очень было бы хорошо повидаться. Будьте веселы.

Уважающий Вас *А. Макаренко.*

Харьков, Песочин

Н. Ф. Остроменцкой

2 февраля 1927, Харьков,
колония им. М. Горького

Дружеская переписка, так дружеская переписка, уважаемая Надежда Феликсовна, только какой же Вы друг, скажите пожалуйста? Правда, человек я не злобивый, на все 120%, но это ничего не значит. Я едва ли могу быть другом, потому что я только заведующий колонией. Такая, совершенно правильная точка зрения на мою особу установлена многими людьми, в свое время и Вы ее поддержали. Ну ничего.

Вам нужны мои советы? Очень сомневаюсь в действенности всяких советов, в особенности в таком щекотливом деле, как спасение Владикавказской колонии. Я бы делал одно, [а] для Вашей натуры, для Вашей ухватки подойдет что-нибудь другое. Я потому и не хочу писать о своей колонии, что далеко не разрешил многих вопросов, связанных со значением личности.

Я буду самым искренним образом рад повидаться с Вами и поговорить. Вы много ездили, много видели, Вы энергичный, живой человек, даже, может быть, чересчур живой, и я смогу кое-что взять у Вас после всех Ваших приключений. Но вот в чем дело: не вышло бы недоразумения с Вашим приездом.

Дело в том, что 14/II я уезжаю в отпуск в Москву на 10 дней. Когда Вы дадите Вашу телеграмму? Если после 14-го, то я Вам не сумею ответить. Хорошо, если это письмо поймает Вас где-нибудь на Кавказе!

Что Вы там за книгу пишете о нашей колонии? Вы себе представить не можете, насколько сильно я сомневаюсь в нужности такой книги. Я вот работаю в колонии 6 с половиной лет, а чем дальше, тем больше сомневаюсь во многих вещах, не только относящихся к горьковской колонии, но вообще ко всему соцвосу. Впрочем, я не знаю, в каком тоне будет написана Ваша книга. Если это будут просто картины жизни трудовой колонии, протестовать, разумеется, нельзя — тут с Вами ничего не поделаешь. Но если Вы будете говорить о принципах и о системе как о чем-то готовом и сложившемся, то я боюсь, как бы мне не пришлось потом протестовать в печати. Одним словом, будем надеяться на наше свидание. Буду очень рад увидеться и поговорить с Вами.

На нашу колонию сейчас ведется целая война со всех сторон.

Бьют, конечно, по системе. Метод такой: все наши недостатки, недоделки, просто пропущенные места, случайные ошибки считают элементами системы и с остервенением доказывают, что у нас не система, а ужас. Мне выгоднее в таком случае отмалчиваться и делать свое дело.

Желаю Вам всего хорошего.

Спасибо за дружеское письмо.

Искренне уважающий Вас

А. Макаренко.

Н. Ф. Остроменцкой

18 марта 1927.
Харьков, Песочин,
колония им. М. Горького

Многоуважаемая Надежда Феликсовна!

Только сегодня получил Ваше письмо от 10.III. Спасибо, что не забываете. Не знаю, как понимать Ваше письмо, приедете Вы или не приедете после 20-го — из Вашего письма это не ясно. К тому же, наверное, Вы так увлеклись новой колонией, что Вам трудно будет вырваться.

То, что колония Ваша находится близко от города, само по себе не так плохо, но это обстоятельство потребует вначале очень твердого нажима. Не знаю, как Вы принципиально относитесь к «нажиму». Я лично глубоко убежден, что в борьбе с беспризорностью, со всем тяжелым комплексом, его сопровождающим, нажим есть самое экономное и самое педагогическое средство, но требуется постоянная напряженная работа Вашей воли для того, чтобы «нажим» этот проводить. При этом самый аппарат Вашей воли должен работать очень точно, чтобы не переборщить, не вызвать к Вам же озлобления. Я вот не знаю, как в Вашем характере с этим!

Если Вы у себя сейчас не находите подходящей силы, то лучше Вам располагаться подальше от базара. Со временем эта сила у Вас должна выработаться — в этом и будет заключаться Ваша квалификация как заведующей. Я глубоко убежден, что умение действовать своей волей как регулятором не дается от природы, а вырабатывается опытом и постоянным пристальным вниманием к себе.

Кроме того, всё у Вас должно решаться созданием ядра. Нужно только, чтобы оно было не закрытое, не строго определенное.

Вы, пожалуйста, не стесняйтесь с разными вопросами. Мне бы очень хотелось Вам помочь более реально, потому что я чувствую, Вы хотите делать дело без всяких предрассудков, значит, то же, что делаю и я. Но настоящую помощь я мог бы Вам оказать, только увидев Вашу колонию, ведь все зависит от сложной «ситуации» местной обстановки. Прежде всего расположение материальных элементов имеет огромное значение. Мне иногда кажется, что летом я сумею заехать к Вам на денек, другой, если, разумеется, к лету Вы не бросите колонию.

Как мы живем? Кто его знает, мы ведь не со стороны смотрим.

Сейчас весна, значит, больше нужды и больше работы. Плодов земных никаких, и денег требуется много.

Мои проекты о детском трудовом корпусе (Вы что-нибудь слышали об этом?) решил пока что оставить в бездействии. Правда, этот проект был замечен «в кругах» с большим интересом, но я сразу понял, что встречу бесконечное сопротивление как сверху, так и снизу...

Я в общем решил подождать, пока положение дел само приведет к мысли о моем проекте, а что это будет, я крепко верю.

В то же время уже сейчас кое-что практически намечается. Тут где-то под Харьковом есть Комаровка, нечто напоминающее старый Куряж. Сейчас предлагают мне взять ее. Кажется, пойдут на все условия. Получится две колонии, которые еще не составят корпуса, но составят нечто, что можно, например, назвать дивизией. 22 марта еду смотреть эту самую Комаровку.

Впрочем, если я всего этого добьюсь, то это все-таки будет страшной глупостью. У нас, собственно говоря, ничего делать не нужно. Чем больше работаешь, чем больше делаешь, тем больше на тебя «собак вешают», и при этом вешают с каким-то особенным наслаждением.

Я сейчас не могу без содрогания представить себе всю стадию «педагогических» разговоров и интересиков в Наркомпросе. Да ну их!

Так приезжайте.

Жму Вашу руку.

Ваш *А. Макаренко.*

Из письма Г. С. Салько (Макаренко)

июль 1927

...Сейчас 11 часов. Я прогнал последнего охотника использовать мои педагогические таланты и одиноким стою перед созданным мной в семилетнем напряжении миром.

Не думается, что такой мир очень мал. Мой мир в несколько раз сложнее [мира] Вселенной... ...в моем мире есть множество таких предметов, которые ни один астроном не измерит при помощи самых лучших своих трубок и стеклышек.

Мой мир — люди, моей волей созданная для них разумная жизнь в колонии и постоянная борьба[1]... со стихией...[2]

Мой мир — мир организованного созидания человека. Мир точной ленинской логики, но здесь столько своего, что это мой мир...

Я всегда был реалистом. И сейчас я трезво знаю, что мой колонийский период надо кончать, потому что я выкован кем-то наново и мне нужно перестроить свою жизнь. Минутами мне хочется разобраться в себе и вызвать то новое, что во мне происходит, но мне жаль нарушить очарование сегодняшнего дня: всё прекрасно, прекрасно жить сегодня, и прекрасна была вся моя жизнь, потому что она привела меня к сегодняшнему дню...

Старым горьковцам

10 марта 1928

С удивлением я узнал, что среди старых работников колонии упадок духа и обида, обида не против ревизионной комиссии, а лишь против меня за мое открытое выступление на педагогическом совете. Признавая за Вами всеми великие заслуги в истории колонии и лично чувствуя себя многим обязанным Вам, я в то же время вовсе не склонен делать из наших заслуг какой-то неприкосновенный капитал, позволяющий нам жить на проценты. Поэтому считаю своим дружеским долгом сказать Вам следующее.

1. ...Приезд комиссии — это генеральное сражение, в котором мне пришлось много употребить энергии, такта и смелости, чтобы отстоять колонию. В конце второго дня я уже знал, что к нам приехали культурные люди, положительно относящиеся к нашей работе. Поэтому я позволил себе в качестве последнего удара собрать педагогический совет.

Собрание серьезных культурных людей, настолько обладающих достоинством, что они не позволили себе отнекиваться и унизиться до лжи, было действительным ударом, после которого комиссии стало просто стыдно.

То, что я сказал о работниках, было правдиво и имело тот прямой практический смысл, что заткнуло глотки всем другим, желающим [подругому] говорить о тех же работниках. Это обыкновенный стратегический прием, приносящий всегда положительный эффект.

2. То, что я говорил обо всех работниках, было справедливо и ни для кого не обидно. Нельзя в самом деле так привыкнуть к собственному покою, что при малейшей необходимости реализовывать свою ответственность, заявлять протест и поднимать крик. Известная часть, самая, впрочем, маленькая, всех тяжелых неприятностей, пережитых мною за эту зиму, могла быть переложена и на вас.

3. Что касается Л. П. и З. П.[1], то их отчужденность от активной работы в колонии, их замкнутость в своих прежних заслугах — факт, который не нужно отрицать.

Никаких обид и расстроенных выражений переносить не хочу — считаю все это грубейшей нечуткостью, неделикатностью и грубостью по отношению к себе и к нашему делу. Если мне приходится без конца бороться за [общее] дело и за всех, то это еще не значит, что на мои плечи можно нагрузить еще и разбор совершенно ненужных обид, представляющих уже какую-то излишнюю роскошь.

А. Макаренко.

Из письма Г. С. Салько (Макаренко)

март 1928

...Поездка за границу (бросить колонию на год!)[1] приблизит меня к педагогическим деятелям, которых я всегда считал шарлатанами и которых

Вы любить не можете. Я всегда думаю так: лучше быть ярким завколом [заведующим колонией], чем сереньким писателем. Вообще: если писать книгу, то только такую, чтобы сразу стать в центре общественного внимания, завертеть вокруг себя человеческую мысль и самому сказать нужное сильное слово. Для этого и за границу ездить не нужно.

Сегодня я как раз прочитал 20-й том Горького[2] — там есть дельные мысли о героях на час и героях на всю жизнь. Как-то неясно Горький по этому случаю говорит, что под Харьковом есть колония, и он мог бы много рассказать об удивительных людях этой колонии, но ему это лично сделать неудобно... Как видите, и я могу считать себя кандидатом в герои навсегда...

Вы обязательно прочитайте 20-й том Горького.

Я пошел на совет командиров.

8 утра

...Только что с утренней поверки. Вчера вечером [была] снежная буря, сейчас ужасно холодный ветер. В колонии ни кусочка угля, кое-как топим дровами. Нет, при таких условиях оставаться здесь еще на одну зиму — действительно геройство... И все-таки до черта поэзии в этой колонии им. Горького, нужен поэт побольше Пушкина, чтобы увидеть эту поэзию и уложить в стихи. Сейчас в канцелярии и кабинете греется сотни полторы [воспитанников] и толкуют о том, что теперь можно без дров жить, потому что скоро весна. Я с ними согласен: вообще без дров перед весной жить можно, но вот сегодня, 11 марта, это довольно трудно...

...Так мы и не вытопили сегодня ни одной печи. Зато у нас сейчас спектакль, и жители Куряжа уже послушно стоят в очереди у дверей. Хлопцы мечтают о весне, а я о человеческой жизни...

Г. С. Салько (Макаренко)

15 марта 1928
колония им. М. Горького

...Я не могу найти ни одного слова, чтобы выразить мое состояние. Если бы это ко мне подходило, я сказал бы, что единственное мое переживание — это восторг, благодаря которому я просто потерял способность ощущать сущность всего остального. Это состояние в то же время сообщает мне какую-то явную для меня талантливость почти в каждом моем проявлении. Я приветлив с людьми, весел с врагами, остроумен и находчив как никогда. И потом это прекрасное состояние «море по колено».

Под впечатлением всего этого я был вчера вечером... в Наркомпросе... Все зачитывали по тетрадкам свои ответы на вопросы П. Форменное сочинение на заданные темы... Мне пришлось в заключительном слове ругаться гораздо более искренне, чем я хотел. Мою речь выслушали даже чересчур внимательно, и П. должен был заявить: «Чтобы наша публика не ушла под впечатлением речи Макаренко, я скажу в ответ несколько слов».

Хорошо это или плохо для моего дела, пожалуй, даже не так важно. Все это словоблудие не может иметь никаких продуктов. Все зависит от

того, найдут ли другого дурака, который захочет при таких условиях возиться в коммуне Дзержинского. Это я им и сказал в своем слове, да они и сами это хорошо понимали.

Между прочим, меня приятно удивляют комплименты, неизменно расточаемые по моему адресу П., который даже назвал меня виртуозом в организации детства.

Боюсь, что я очень задел N. Сказал:

— Пора уже, наконец, удосужиться посидеть в колонии неделю и познакомиться с ее жизнью. Впрочем, по отношению к колонии Горького N по-прежнему в акафистском тоне[1]. Но он ничего вообще не знает ни о ней, ни о других колониях, да и сам говорит, что больше полагается на верхний нюх.

Я пишу сейчас в кабинете. Народу здесь видимо-невидимо, и я не могу говорить с Вами, как бы хотел. Через каждую строчку приходится разрешать соцвосовские проблемы.

Я-таки кое-кого «обдурил» и завтра собираюсь получить 10 000 руб. на ремонт и прочее. Кроме того, ОкрДД[2] обещает 100, да еще я жду ответа от Б. и Наркомпроса, куда я понаписывал частные письма.

Коммуну Дзержинского страшно хочу бросить, но поймите мое трагическое положение. Меня ругают, поносят нехорошими словами, а я принужден мучиться совестью, что я не найду, на кого бросить коммуну. Среди педагогов там настоящая паника. N беззастенчиво молол чепуху о том, что [в коммуну] нужно пригласить «высококвалифицированных педагогов». Татаринов ходит сам не свой и рвется в колонию [им. М.] Горького. Даже среди старших хлопцев такое настроение, что довольно дурака поваляли, пора и домой.

Мне из всей этой научной истории нужно выбраться как можно осторожней, чтобы не разбить ничьего счастья.

Играют на рапорта. Кончаю...

Ваш *А.*

Н. Ф. Остроменцкой

4 апреля 1928
Харьков
колония им. М. Горького

Глубокоуважаемая Надежда Феликсовна!

Очень благодарен Вам за присланную книгу. Мое мнение о статье Вашей[1] Вы знаете — она отличается от всех остальных педагогических писаний тем, что она искренна. У нас либо шельмуют педагогический коллектив, либо восхваляют до небес, самыми шаблоннейшими словами воспевают кажущиеся официальные достижения. Ваша статья забирает какимто душевным, глубоко человеческим тоном. Я лично очень признателен Вам за художественно-идейную поддержку.

Правда, от Вашей статьи мне, пожалуй, здесь не поздоровится[2]. Нужно

Вам сказать, что меня сейчас едят все, кому не лень. Обследование за обследованием, объявляют мне выговоры, по округу запретили систему колонии им. Горького, и мне предложили в течение длительного срока перейти на обыкновенную «исполкомскую». В качестве обследователей приезжают мальчишки, с которыми даже говорить трудно. В то же время не могут не признать, что колония действительно перевоспитывает, что она исполняет свою задачу, что у нее «наибольший комсомол». Ваша статья, конечно, подольет масла в огонь, но я именно поэтому Вам благодарен. Вы сумели показать человеческое лицо моей работы, и, прочитав Вашу статью, я и для себя нахожу какое-то оправдание, а то я было сам себя начинал считать преступником.

Считаю, что было бы очень хорошо, если бы Вы послали Вашу книжку с коротким письмом Максиму Горькому (Italia. Sorrento, Napoli, Massimo Gorki). Я бы и сам послал, но ему удобнее будет получить от автора. Он очень интересуется и нашей жизнью, и беспризорными.

Значит, Вы живете основательно в Москве? Или случайно там оказались? Напишите подробнее, как Вы живете, буду Вам очень благодарен.

Что касается впечатления, произведенного на ребят, еще ничего не могу сказать — Вашу книжку захватили воспитатели.

Я страшно много работаю — сплю не больше 4 часов, хочется отдохнуть. Когда вырвусь, не имею понятия. Напишите, долго ли Вы еще будете в Москве. Где собираетесь быть летом?

Крепко жму Вашу руку

Искренне Вас уважающий А. Макаренко.

P. S. Если Горькому не пошлете, сообщите мне, я сам пошлю.

А. М.

Н. Ф. Остроменцкой

18 апреля 1928
Куряж

Глубокоуважаемая Надежда Феликсовна!

Спасибо, что пишете. Меня совершенно не удивляет действительно дикая система Вашей колонии — у нас дичи такой на каждом шагу горы. Между прочим, и у нас, даже у людей, имеющих ученые физиономии, появляются идейные нарывчики подвести под соцвос так называемую базу, т. е. попросту оплачивать согласие воспитанников воспитываться. В Ахтырке[1] завели даже для этого какую-то марочную систему. Соколянский[2] по этому случаю в восторге.

Я, впрочем, сдаваться не думаю. К сожалению, совершенно не в состоянии бороться за свою работу в литературе: во-первых, не умею писать так, чтобы меня согласились напечатать, во-вторых, просто некогда. У меня две колонии ведь. Кроме горьковской я еще заведую коммуной им. Дзержинского[3]. Эту коммуну ГПУ поместило в специально построенном доме,

устроило очень богато. В особенности интересны и ценны мастерские. Туда переведены 64 горьковца и 30 человек из коллектора[4]. В коммуне большое благополучие, но чересчур много опеки. Из горьковских воспитателей в коммуне работают Татариновы, Ляля Говорецкая, Рива Коган. Был Крикун, но 26 марта повесился. Между прочим, на место этого Крикуна никак не могу найти клубника[5]. Пригласил бы Вас, но это во многих отношениях осложнит мою жизнь, а я этого сейчас не хочу. Кроме того, Вам нужно бросить педагогическую деятельность и серьезно заняться литературой — у Вас положительный талант.

Страшно хочу увидеть Вас и поговорить. Когда Вы будете проезжать через Харьков? Я бы мог на несколько часов вырваться из колонии и встретиться с Вами в городе. У меня есть «знакомая» гостиница, в которой всегда можно оставить для Вас номер. Если Вы скоро из Москвы не уедете, я уверен, что увижу Вас в Москве, где обязательно буду в мае.

Спасибо, что послали Горькому книгу. Интересно, какое она произведет на него впечатление.

Желаю Вам всего хорошего. Я очень рад, что мы возобновили переписку, а то я уже считал, что Вы меня просто возненавидели. Серьезно, не за что: я просто угорелая кошка и часто делаю не то, что мне самому нужно.

Ваш *А. Макаренко.*

Из письма Г. С. Салько (Макаренко)

22 апреля 1928

...Ни один человек не знает, какой это исключительный трюк — один день «позаведовать» колонией им. Горького. А тут трюк продолжается 8 лет. Я так привык к тяжелым характерам и случаям, что, вероятно, без них мне уже будет трудно жить, и как раз потому, что я привык, я переживал весь этот трюк даже с каким-то удовольствием... Я отдал 8 лет жизни... гимнастике воли и мозга вообще...

Из письма Г. С. Салько (Макаренко)

27 мая 1928

...Когда в какую-нибудь тяжелую минуту я обращаюсь к океану нашего чувства, для меня не существует уже ничего тяжелого, ничего страшного, ничего горестного. Так прекрасно высоко тогда стоять на ветру, знаете, когда треплются по́лы, свистит в ушах и захватывает дыхание. И ничего не нужно, кроме этой прекрасной чистой бури, и даже прекрасно, что кругом только небо и дали. Когда много ветра и неба, тогда просыпается какая-то «верхняя» философия, какая-то особенная ценность человеческой сущности. Это и есть любовь...

Н. Ф. Остроменцкой

7 июня 1928

Дорогая Надежда Феликсовна!

Я не думаю на Вас сердиться. В Москву не поехал потому, что ожидаем Горького, у меня хлопот видимо-невидимо — дышать некогда, — и сейчас пишу между двумя делами.

В письме в редакцию[1] и не думал отрекаться от Вас, я только отказался быть вполне адекватным Вашему все-таки художественному изображению. Ваше право быть художником и даже сделать из меня, так сказать, героя.

Мое право быть более скромным и не претендовать ни на какие лавры. После Вашей статьи меня здесь стали доедать вконец. После речи Н. К. Крупской на комсомольском съезде[2], в которой она упомянула о Вашей статье, я уже не видел другого выхода, как уйти из колонии. Сейчас сдаю колонию, жду только приезда Горького, он у нас будет во второй половине июня[3].

Горький в своем письме пишет, что, когда читал Вашу статью, чуть не заплакал, «от волнения и радости». Вот видите, что Вы наделали с такими великими людьми, как Макаренко и Горький.

Как только приму Горького, поеду в Москву, страшно хочу Вас видеть, напишите, как и где Вас найти. Когда буду выезжать, пошлю Вам телеграмму, чтобы Вы, если можно, меня встретили. Хорошо?

А сейчас простите за такое вихрастое письмо, ей-богу, умираю от работы.

Пишите мне.

Харьков, вокзал, до востребования.

Ваш *А. Макаренко.*

P. S. Что касается «моего полного согласия» с Вашим текстом, то это не совсем так. Когда Вы мне читали Вашу статью, я просил Вас о «побоях» говорить осторожнее, и Вы обещали.

А. М.

Из письма Г. С. Салько (Макаренко)

15 сентября 1928

...Заходит солнце. Оно как раз освещает мой стол немного слева и сзади. Телефон на столе кажется золотым. И золотые окурки в пепельнице. В саду сыгровка оркестра. Какой-то вальс. Кто-то пробежал со смехом мимо окна. А Вы сейчас в купе, и солнце тоже золотит и Ваши кудри, и Вашего соседа, и свежие чехлы на диванах. Мы с Вами освещены сейчас одним вечерним солнцем...

Н. Ф. Остроменцкой

18 сентября 1928

Милая Надежда Феликсовна!

Спасибо, что написали. Если в октябре или ноябре в «Народном учителе» что-нибудь появится, хотя бы даже ругательное, будет очень хорошо, это даст возможность поставить здесь ребром некоторые вопросы.

Вопрос о книге не так легко решается, как кажется Вам. Кое-что я мог бы написать, но беллетристические картинки едва ли у Вас сейчас получатся хорошо. Ведь Вы колонии не видели больше двух лет. За это время много воды утекло, и самый быт колонии здорово изменился. Наконец, картинки эти, очевидно, нужно писать в настоящем времени, а настоящего времени в колонии как раз нет. Там уже новый заведующий и новые люди, 90% ребят тоже новые, и, следовательно, новый быт и обычаи. Колония еще недолго проживет совершенно благополучно, получится так, что Ваши картинки будут говорить о покойнике. Вообще же против сотрудничества с Вами я ничего не имею, только боюсь, что из этого ничего не выйдет: мы слишком далеко живем друг от друга. Для того, чтобы я начал писать, нужно, чтобы меня кто-нибудь толкал здесь рядом, иначе я никогда не найду свободного времени.

Я сейчас уже начинаю забывать о колонии [им.] Горького, увлечен работой в коммуне [им.] Дзержинского, здесь получается очень ново и интересно.

Желаю Вам всего хорошего.

А. Макаренко.

Мешает мне работать та травля, которая ведется и сейчас против меня и всех горьковцев. Здесь задумали, кажется, вообще лишить меня возможности работать, моих коллег по колонии им. Горького просто разгоняют. Это все создает такие условия, когда для писания просто нет свободной души, хочется просто ругаться, ну, а мою ругань никто, конечно, не напечатает.

А. М.

Н. Ф. Остроменцкой

16 октября 1928
Харьков
коммуна им. Ф. Э. Дзержинского

Милая Надежда Феликсовна!

Простите, что не отвечал Вам так долго. Всё собирался, но так и не собрался. Теперь вообще страшно занят, хотя вся моя работа состоит в заведовании одной небольшой детской коммуной. Дела у меня здесь идут

хорошо, еще никого не бил из ребят, и сам убеждаюсь, что моя система хороша и без побоев. Сейчас у нас хорошее дружное настроение, напоминающее мне последние месяцы в Полтаве. Но работа здесь, конечно, гораздо более углубленная, и я уверен, что не только товарищам из МОНО, но даже и из психоневрологического института есть чему у нас поучиться.

Так что с этой стороны я даже могу быть Вам благодарен за то, что «выперли» меня из колонии [им.] Горького. Зато сама колония [им.] М. Горького в результате объединенных усилий многих более или менее умных и талантливых людей, в том числе и из Наркомпроса, и из Комсомола, и из литературы, сейчас очень быстро идет к гибели. Там, конечно, закрыли командиров и отряды, бросили лозунг: «Довольно вам быть батраками, вам надо учиться» — и все пошло как по маслу. Теперь все сидят и разводят руками и, кажется, собираются запеть на такую выигрышную тему: все Макаренко виноват, все держалось на его личности, он ушел — и все пошло под гору. Все это замечательно симпатично получается. Ведь там «ушли» не только меня, «ушли» бо́льшую половину персонала, «ушли» старших ребят, прикрыли систему рабочего коллектива, сделали ставку на школу и на лодырей, а теперь вспомнили о личности Макаренко.

Серьезно, за такие вещи нужно расстреливать, и если бы это сделали не с колонией, а с какой-нибудь фабрикой или заводом, то и расстреливали бы. А так как детский дом не производство и никаких якобы убытков никто от этого не несет, то и обходится все благополучно.

В прошлом письме Вы предлагали мне «на пару» выпустить книгу. Я к этому проекту отнесся отрицательно, потому что Ваша область, собственно говоря, область художественного творчества и Вам необходимо иметь свежие впечатления, а между тем Ваши впечатления относятся только к середине 1926 г. Я считаю, что оперировать ими через 2 года не совсем ловко.

А вот Вы приезжайте сейчас в колонию и дайте очерк о ее гибели. Там много очень интересного, и Ваш очерк произведет уж потому фурор, что будет лучшим аргументом против всяких возражений. Кстати, опишите и травлю колонии, которую мы здесь пережили, и отношение Горького, и много другого. Вообще, могла бы получиться очень боевая статья, которую у Вас «Народный учитель» с руками бы оторвал. Кстати, и повидались бы с Вами. Я даже уверен, что «Народный учитель» дал бы Вам аванс на поездку. К тому же тут у нас есть такое интересное зрелище, как продолжение колонии [им. М.] Горького в коммуне [им. Ф. Э.] Дзержинского, в которой 90 горьковцев и горьковская система.

Я бы, конечно, потребовал, чтобы Вы статью писали здесь, чтобы она была подвергнута самой строгой редакции, и даже мог бы дать для Вашей статьи небольшое введение.

Чем не деловое предложение? Подумайте хорошенько. Это будет хороший удар по всем нашим врагам.

Будет ли какая-нибудь статья в «Народном учителе»? Вы писали, что она будет в октябре. Правда ли?

Вы на меня не сердитесь, я человек серьезно хороший, только не заражен никакими Вашими предрассудками. Быть не зараженным предрассудками имеет право не всякий, а вот я его имею. Это право я завоевал очень многими путями, какими — не сейчас говорить, когда-нибудь поговорим.

Спасибо, что не забываете. Как окончилось преследование Вас той ведьмой, о которой Вы писали? Напишите.

Пишите так: Харьков, почтовый ящик № 309, коммуна им. Ф. Э. Дзержинского, мне.

Будьте веселы.

Ваш *А. Макаренко.*

Г. С. Салько (Макаренко)

20 сентября 1929

...Я ходил по начальствам. К сожалению, по линии ГПУ ничего сделать не удалось. Зато в Наркомпросе и в МОНО встретили меня довольно приветливо[1]. Как зав [едующего] кол [онией им. М.] Горького меня здесь знают. Они прямо мне говорят: «Вы интересный работник». Но у них самих ничего интересного нет, и вообще ад здесь кромешный... Познакомился с целой кучей заведующих, и они все в один голос жалуются: скверно, склоки, безденежье, реорганизации, завиральные идеи.

Но об этом подробнее при встрече.

Что мне предлагают? В Наркомпросе на выбор: новая «интересная» трудовая колония с большим производством в Ирбите (знаете, где-то возле Перми) и уже существующая колония в Крыму, я могу идти только помощником. Я взял время думать до воскресенья, но, наверное, откажусь и от того и от другого. В Крыму бы и хорошо, но это в степной части Крыма — для Вас ничего интересного ни в смысле климата, ни в смысле работы. А Ирбит? Черт его знает, что это такое. Что там за места?.. Как жалко, что Вы не поехали с нами. Без Вас как без рук. Правда, об Ирбите дадут еще подумать, но в таком случае, как быть с предложениями МОНО?

...МОНО[2] сначала набросилось на меня с различными своими нарушительскими развалинами. Я им наговорил хороших вещей и выразил целый вагон разных дефективных чувств, но твердо объявил, что больше не могу жить отдельно от жены, а жена работает в Москве и т. д. А между тем развалины эти самые в 40—50 верстах от Москвы и верстах 5—8 от железной дороги. Так что я наотрез отказался. Тогда они с довольно кислой миной заговорили о нормальной колонии под Москвой, в 12 верстах, у самой железной дороги. Я за это ухватился и сказал, что никуда больше не поеду. Но там есть заведующий — только плохой, нужно его снимать. Обещали дать окончательный ответ к 4 часам.

Никак не могу найти следы Менжинской[3]. Ни в НКИ, ни в МОНО не знают, где она работает. Завтра думаю пойти к Горькому, так, на всякий случай...

Г. С. Макаренко

21 сентября 1929, Москва

...Сегодня был в МОНО. Идут обычные совещания и согласования по делу о моем и Вашем будущем. Все хотят дать мне хорошее дело. Но, разумеется, в два дня этого сделать нельзя. Там для меня неудобно, там — заведующий, и скоро его не снимешь, там — дело незначительное. В конце концов они все начинают убеждать меня начать с чего-нибудь, потом все уладится...

Остановились пока на небольшой коммуне для «трудных» всего на 100 человек, возле ст. Болшево Северной ж.д. — там, где коммуна ГПУ, только с другой стороны. От станции версты две с половиной, но идти дачами. Близко железная дорога и шоссе на Москву, есть кооператив, на р. Клязьме — сосновый лес. Как будто и хорошо. Но я думаю, что до 1 января можно будет все это еще изменить. Жалованье — 170 рублей. Есть квартира. В понедельник поеду, посмотрю. Хорошо, что заведующего отсюда переведут в то место, которое мне предлагали, но от которого я отказался, потому что далеко от железной дороги.

Сегодня говорил по телефону с секретарем Горького. Завтра в час мне назначен прием...

Сейчас с Левой[1] идем в Большой театр: «Князь Игорь». Вчера Лева от «Блохи» был в восторге. Завтра днем «Синяя птица», а вечером в камерном «Сирано». Одним словом, просвещаемся.

К сожалению, не могу Леве поддержать компанию в МХАТ — буду у Горького.

Завтра мне назначена встреча в Наркомпросе, но это, вероятно, чистая беллетристика...

Г. С. Макаренко

14 октября 1929

...Меня сейчас занимает вопрос о создании лесной школы для детей из семьи. З. тогда за эту мысль ухватилась, но, вероятно, тут нужна широкая кампания. Вот где бы мы с Вами заработали. Я уверен, что это была бы замечательная школа. Считаю, что «ребенок» в ней должен находиться 10 лет: семилетка и общий рабфак, после такой школы прямо в вуз. Небольшое хозяйство: десяток коров, 30—40 десятин, мастерские для двух часов работы. Воспитанников 400. Построить школу нужно в Чугуеве, там, где Вы жили, близко речка, лес, нет грязи. Правда, хорошо?

Постройка и оборудование такой школы будут стоить тысяч 800—900, одним словом, до миллиона. Содержание такой школы в год будет стоить 160—180 тысяч рублей, из этой суммы производство возвратит 50—60 тысяч рублей (по самому скромному расчету). Значит, родителям придется платить за ребенка 25 рублей в месяц. Возможно, что в первый год производство не даст такого эффекта и поэтому содержание ребенка может стоить дороже.

Сейчас против этой школы будут возражать из тех соображений, что вот-де опять кадетский корпус для дворян. Это, конечно, сплошная чепуха. В такую школу любой квалифицированный рабочий отдаст сына или дочку, если все его содержание, с одеждой, со всем будет стоить только 25 рублей.

Поэтому свободно можно агитировать за такую школу или за общество Лесной школы, состоящее из родителей, с небольшим членским взносом.

Самое трудное — достать миллион рублей и построить школу, но, если в общество войдут влиятельные товарищи, такую сумму можно достать с рассрочкой на 40 лет. В нашей коммуне сейчас на таких началах строится дом для мастерских — получили 35 тысяч на 40 лет. Если миллион дадут на 40 лет и в обществе будет 400 членов, то каждому придется в месяц уплачивать на покрытие капитала 5 рублей...

К чему я все это пишу? Я хочу, чтобы Вы подумали над этим вопросом и кое-кого заинтересовали.

Это было бы настоящее дело во всех отношениях. Первая выгода в том, что у нас было бы настоящее учреждение для социального воспитания, первое в Союзе для нормальных детей. Мы могли бы достигнуть больших педагогических эффектов. Вторая выгода была бы в том, что у нас бы довлел родительский комитет и Наркомпрос был бы маленьким. Самое дело об этом нужно возбуждать не в Наркомпросе, а в Совнаркоме.

Почему я об этом пишу сейчас? Я хочу, чтобы Вы мне посоветовали, кому писать об этом доклад. А Вы бы поддержали, написали тому, другому письмо. Это шикарное дело было бы, правда?

Я считаю его вполне возможным. Вы только посоветуйте, кому написать доклад. Я бы мог прислать Вам копию...

Из письма Г. С. Макаренко

21—22 октября 1929

...Работу писать сейчас очень трудно. Я не могу отдать ей подряд даже и полчаса, и вся моя голова переполнена страшной массой всяких хозяйственных и педагогических забот, для работы души не остается, нужно писать по ночам...

Из письма Г. С. Макаренко

23—24 октября 1929

...Я весь себя ощущаю как бесконечную великую стихию любви, благоговения и благодарности всему миру, всему на свете, каждой паршивой козявке, каждому желтому листику за то, что они участвуют вместе со мной в этом замечательном мире...

Из письма Г. С. Макаренко

1—2 ноября 1929

...Вот сейчас в кабинете, когда никого уже нет, я Вам печатаю письмо, и плачу, и мне трудно печатать, потому что сквозь слезы я плохо вижу...

Г. С. Макаренко

[Ноябрь 1929]

...Сегодня я особенно чутко живу любовью к тебе... И сегодня весь мир кажется мне построенным из особенно прекрасного, легкого и сияющего материала, страшно обильного и страшно нежного...

Сегодня я очень сложно и трепетно живу. И, что всего удивительнее, так же сложно и так же трепетно живет и все вокруг меня. Сегодня передо мной прошли неожиданно очень богатые и прекрасные куски жизни, осколки чьих-то радостей, грустные, нежные женские глаза, здоровые нежным детским здоровьем, ясные и ароматные души наших мальчиков, сегодня особенно одухотворены и горды строгие формы нашего коллектива... Каким-то образом я увидел сегодня самые тайные прелести вещей, самые богатейшие хрустальные переливы и страшно огромные ценности, заключенные в едва заметном человеческом движении.

Все меня приводит в восторг, и он тем дороже для меня, что его никто не видит, никто о нем не знает, и я переживаю его в моменты самых будничных вздохов жизни, сопровождаю самыми обыкновенными привычными словами:

...надо прибавить стоимость сушки...

...ваши спинки оказались никуда не годными...

...пяти пудов рису маловато, ну да ничего...

А на самом деле мне хочется нежно прижаться к каждой спинке венского стула, к каждому мешку риса, к котлу паровой сушки, ко всем этим замечательно оригинальным и удачным творениям божьим. И они такие прекрасные, все эти милые вещи, которые живут в том самом мире, в каком живешь и ты...

Из письма Г. С. Макаренко

4 декабря 1929

...Я много писал в своей жизни всяких бумажек, писал и писем много, но ничто и никогда я не писал так непосредственно и свободно, как пишу письма тебе. Нет, серьезно, когда я тебе пишу, я себя почти буквально чувствую поющей птицей, вот такой самой обыкновенной серенькой глупенькой птицей, которая поет, поет и страшно рада, что светит Солнце! Только, конечно же, я не соловей, так что-то попроще...

О. П. Ракович

24 марта 1930
Харьков

Дорогая Ольга Петровна!

Ваше письмо меня и страшно обрадовало, и поразило, и страшно огорчило. Читаю его несколько раз и своим глазам не верю — неужели это Вы, Солнышко, пишете? Подумайте, я Вас 4 года не видел и не получил от Вас, конечно, ни одной строчки.

Поверьте, я совершенно не помню вашего письма после «сокращения»[1]. Очевидно, я посчитал Вас вправе как угодно меня ругать, я поэтому о нем совсем забыл — вот просто ничего не помню. Вы остались в моей памяти только прелестной улыбчивой царевной, которая так радостно и непринужденно посмеялась над моим искренним и очень глубоким чувством к Вам. Все эти 4 года я с мучительной обидой вспоминал «нашу» историю, которая, собственно говоря, не была Вашей историей. В моем представлении Ваша позиция не может быть осуждена: надо же Вам было как-нибудь отделаться от любви «уважаемого начальника». И Вы прекрасно, остроумно и весело отделались. Может быть, Вы даже думали, что я просто лгу о своей любви.

Вы меня простите сейчас за все то, что пишу. Сами виноваты — зачем написали мне?

Я не могу ни о Вас говорить, ни с Вами говорить иначе, как о любимой. Не хочу ни себя, ни Вас обманывать — в моей жизни Вы были чрезвычайно значительны. В моих записных книжках записано очень много отдельных Ваших слов, шуток, движений, разных печальных и прелестных историй — все, что у меня осталось прекрасного в жизни. Но все это необычайно грустно, Солнышко, и, кажется, совершенно непоправимо.

И скажите; зачем Вы, милая, написали? Что это — новая шутка? В таком случае, почему Вам через 4 года захотелось пошутить именно надо мной? И почему Вы обо мне вообще вспомнили?

Вы писали мне в 1927 г.? Почему? Зачем Вам это нужно?

Если Вы настоящий живой человек, если Вы не шутите просто надо мной, Вы должны ответить мне на все мои вопросы — Вы должны мне написать правду. До тех пор о «моей жизни» я ничего не хочу Вам писать, потому что я не хочу больше, чтобы Вы надо мной так же посмеялись, как в 1925 г.

Это вовсе не значит, что я Вас осуждаю. Вовсе нет — Вы имеете право как угодно поступать, я просто не хочу без всякой нужды растравлять «старые раны» — вы меня простите за откровенность. Дело, видите ли, в том, что я не из тех людей, которые находят удовольствие в приятных воспоминаниях. Воспоминаниями я жить не хочу и не верю, что Вы хотите жить прошлым.

Для меня было бы счастьем Вас увидеть и поговорить с Вами, но я вполне понимаю, что позволить себе такую радость будет для меня слишком большой роскошью — потом это приведет к очень затяжным и тяжелым вещам.

Как видите, Красавица, мое положение аховое.

Напишите мне проще и правдивее, ответьте мне прямо на вопрос: «Что я такое для Вас, чем был и чем остался?»

Как раз об этом я никогда не имел никакого понятия — в Ваших «приветах» заложены только возможности — и возможности чувства, и возможности насмешки — я в этом уже ничего не понимаю.

Если Вы меня любили или любите, напишите мне об этом. Если никогда этого не было — помогите мне забыть Вас, это будет самое честное и разумное.

При всем том страшно печально, что Вы больны или были больны, по Вашему письму я не мог разобрать, выздоровели Вы или нет.

Будьте радостны. Передайте мой искренний дружеский привет всем Вашим.

Ваш *А. Макаренко.*

P.S. Если захотите написать, то так: Харьков, почтовый ящик № 309, мне.

А.

М. М. Букшпану

29 декабря 1930

Глубокоуважаемый Михаил Маркович!

Очень прошу Вас пересмотреть вопрос о Весиче. Для меня этот вопрос имеет не столько даже практическое, сколько принципиальное значение.

Когда открывалась коммуна им. Дзержинского, единственным резервуаром, из которого можно было черпать сносные педагогические силы для детского дома, была колония [им.] Горького. Это совсем не преувеличение и пустая похвальба. Педагогический коллектив колонии [им.] Горького был единственным ценным педагогическим коллективом в детских домах всей Украины. Он был подобран мною в течение 8 лет работы[1].

Когда я брал на себя заведование коммуной им. Дзержинского, я поставил в известность правление [коммуны], что отвечать за коммуну могу только в том случае, если мне будет предоставлена известная свобода в подборе педагогического коллектива.

Эта свобода вообще и не особенно стеснялась в течение 3 лет работы в коммуне.

С самого начала из колонии [им.] Горького было переведено в коммуну 4 работника, из которых до сих пор работают трое (Терский, Татаринов и Григорович). Дальнейшее «извлечение» работников из колонии в коммуну я должен был прекратить, так как Наробразом было возбуждено против меня дело в РКИ. Было возбуждено оно как раз в связи с моим настойчивым предложением перейти в коммуну Весичу. Из всего горьковского коллектива Весич был самым сильным, дисциплинированным и способным работником. Одновременно со мной Весича перетягивала и Прилукская коммуна ГПУ. Он не ушел туда только по моему настоянию.

В Наробразе Весич был последней надеждой на здоровое существование

колонии [им.] Горького. После моего ухода там переменилось трое заведующих и постоянным их заместителем был Весич, который был фактическим заведующим.

Я хотел перевести Весича в коммуну с первых дней и не мог этого сделать только потому, что на нем держалась вся колония, и Наробраз к его переходу относился очень ревниво.

Весич прекрасно известен в педагогических кругах Харькова и Наркомпроса как один из самых способных работников в детских домах.

Приглашая Весича, я был уверен и теперь уверен, что делаю ход, имеющий самое важное значение для коммуны. Работников, равных Весичу по ценности, удается получить раз в 5 лет. К тому же положение коммуны в деле снабжения педперсоналом, в особенности достаточно образованным и работоспособным, чрезвычайно тяжело. Если Вам или правлению кажется, что с этой стороны все хорошо, то это большая ошибка. У нас в коммуне есть много слабых педагогов. Другие детские дома сплошь из них состоят, в том числе и пригородные, и положение этих детских домов в общем скверное. Нам бросаться такими работниками, как Весич, совершенно невозможно.

Сейчас пойти работать в детский дом может лишь определенное барахло. Только наша дисциплина позволяет педагогам идти в коммуну без особого страха, но вы уже видели, что делают с дисциплиной такие учителя, как Строкань, а это еще не самые худшие.

В ценности Весича я не сомневался: я с ним работал почти с основания колонии им. Горького, и в значительной мере благодаря ему колония тогда процветала.

Сейчас в коммуне сам детский коллектив держится только на мне одном. И это очень плохо. Татаринов силен в своей области — школьной, Терский увлекается только клубом и только в клубе может дать эффект, Григорович истрепана до последней степени и уже оканчивает свою педагогическую дорогу. Мне сейчас невыносимо трудно. Вот уже в течение 3 лет я не имею отпуска. Мне нужен в коммуне такой человек, как Весич: умный, умеющий замечательно ладить с ребятами и держать их в руках, много знающий и трудолюбивый. В противном случае и мне придется [свои позиции] сдать.

Я знал, что Весич где-то там был в 1918 или 1919 году и, разумеется, прекрасно понимал, что это само по себе может быть препятствием. Но известно мне также и то, что во многих случаях это обстоятельство не ставится человеку в строку, если он своей работой и своим отношением к Советской власти доказал, что у него совершенно выветрились всякие остатки старины.

По отношению же к Весичу это тем более имеет значение, что он был командиром Красной Армии, сейчас командир запаса. Уж если ему в Красной Армии доверяют командование, то, значит, он действительно это заслужил и что-нибудь это стоит. Наконец, он, конечно, имеет право голоса, старый член профсоюза. Командирует его в коммуну официальный отдел кадров ВСНХ после специальной подготовки, к которой допускаются люди с разбором.

Пожертвовать таким работником, как Весич, можно было бы только при условии замены его равноценным лицом. Никакой надежды на это,

даже самой отдаленной, нет. Никакой уважающий себя серьезный педагог сейчас работать в детский дом не пойдет. Никому нет охоты за 100 рублей бросать город, отправляться в наше бездорожье и обрекать себя на довольно тяжелое существование в наших неважных квартирах.

И Весич пошел в коммуну только потому, что здесь я. Ни в каком случае нельзя думать, что работа в коммуне устраивает именно Весича. Весича возьмет с охотой любой рабфак, и он заработает в городе несколько сот рублей в месяц без особого напряжения.

В коммуне сейчас только 7 декадных уроков физики, т. е. месячный заработок преподавателя всего 58 руб. Даже и за гораздо большее жалованье никто в коммуну на уроки ездить не будет, и, наконец, такие приезжающие преподаватели вообще ничего не стоят.

Снимая Весича сегодня, мы рискуем остаться без преподавателя физики на всю зиму, а без хорошего работника очень надолго.

Такое же случилось и с математиком. Я вот уже 2 года пробавляюсь таким барахлом, как Бершетин. Недавно можно было получить хорошего преподавателя — Зарка, но он был осужден на 1,5 года за халатность или за превышение власти и поэтому нам оказался не подходящим. Ну и что же? Его нарасхват берут во все рабфаки, а мы так и остались при Бершетине, а это значит, что может быть очень плохим положение наших студентов с математикой в вузе. В городе треть рабфаков сидит без математиков, и получить работника невозможно.

Вообще работников приходится брать на ощупь и часто получать слабых, вроде Строкань. Тем более мы не имеем права швыряться такими определенно ценными работниками, как Весич.

Наконец, если я говорю Вам, что работал с этим человеком несколько лет и очень высоко его ценю, то это что-нибудь для Вас, вероятно, значит. Не допускаете же Вы мысли, что я могу легкомысленно отнестись к такому факту, как «белое» прошлое. Вы же понимаете, что в случае какого-то вредного отражения этого прошлого на работе мне грозит большая беда, ибо я никогда не забываю, что работаю в ГПУ. Следовательно, я действительно уверен в действительной советской ценности этого человека.

А Вы хотите, чтобы я получил случайного кандидата, которого никто не знает, который не был у белых, но по своему настроению может быть в тысячу раз хуже и вреднее.

Мое право подбирать персонал, в особенности пользоваться работниками, которых я уже раньше испытал, это право только и может определить успех коммуны. Если до сих пор есть такой успех, то им мы обязаны на 80% подбору персонала, по крайней мере подбору ядра персонала. Если Вы меня такого права лишите, коммуна обязательно будет падать, иначе быть не может — наши педагогические кадры слишком засорены.

Мое право подбирать персонал само собою уравновешивается моей ответственностью за персонал, и в деле этой ответственности я никогда не буду малодушным.

При всем том, положение с персоналом становится очень напряженным, и, если такие счастливые назначения, как назначение Весича, нами не будут использованы, мы обязательно «сядем».

Отвечать за это придется мне, ясно, что для меня конъюнктура получается далеко не завидная.

Несмотря на то что Весич был в «белых» или в «желтых», я все-таки убедительно прошу Вас утвердить его, совершенно отвечаю за него как за человека мне известного со всех сторон. Политически Весич не только лоялен, но и активно по-советски настроен, гораздо более по-советски, чем многие работники-педагоги, у которых на 90% поповского мещанства и обывательской злобы. Весича Советская власть давно простила и дала ему хорошее положение, мы не должны его выбрасывать из коммуны по узко-биографическим данным.

...настойчивая просьба о Весиче определяется у меня исключительно соображениями дела. Устраивать самого Весича никакой нужды нет, ибо сейчас нужда в хороших педагогах слишком везде чувствуется.

А. Макаренко.

P. S. Барбаров[2] мне говорил, что Весич производит на него хорошее впечатление. Не успел представить Весича предварительно потому, что в отделе кадров ВСНХ пришлось выбирать [работника] в течение одного дня.

А. М.

Из письма Г. С. Макаренко

9 сентября 1931

...Я по-настоящему тоскую и похож на доберман-пинчера, которого бросил хозяин. Нам в Сочи подарили доберман-пинчера, хозяин привязал его к нашей палатке и ушел. Собака сначала рвалась за ним, потом улеглась на мешке и плакала на весь лагерь до позднего вечера, а на другой день она не ела и не пила, а молча простояла у входа в палатку целый день, не отрываясь, глядя в ту сторону, куда ушел хозяин.

Никто лучше меня не понимал доберман-пинчера, и я очень ему сочувствовал. Сегодня я и сам такой...

Коммунару Черному

14 апреля 1932

Дорогой товарищ Черный!

Спасибо тебе и Матвееву, что не забываете меня. Благодаря Вашим письмам я знаю все, что делается у нас в коммуне, и задаром не беспокоюсь.

Хлопцы наши молодцы, что держат дисциплину и порядок, я за это им страшно благодарен.

О колонии им. Горького интересно: как же это устроили праздник и не сумели удержаться от пьянства?

Тимофей Денисович[1] писал мне, что у нас плохая весна, а Вы пишете, что хорошая. Как же так? А в Москве весна прямо на ять: солнечные дни, уже кругом сухо, почти как в Крыму.

Спасибо, что пишете. Скоро буду в Харькове.

Передай привет Матвееву, Богдановичу, Коломийцеву, Студецкому, Анисимову, Сычеву и всем коммунарам.

По коммунарам соскучился.

Передай привет этому ленивому Степану Акимовичу, который не хочет со мной переписываться.

Твой *Макаренко*.

М. М. Букшпану

август 1932

Дорогой Михаил Маркович!

Простите, что пишу карандашом, мы в походе и еще не устроились, стараюсь как можно разборчивее.

Сегодня получили Ваше письмо — на него отвечаю подробно.

Токаренко меня не удивляет — это страшно отставший тип, и я никогда не дал бы ему отдельного отпуска, если бы моя воля. Коммунары его, наверное, будут выгонять, по совести говоря, мне не хочется выступать в его защиту. Помните историю 1930 г., когда тот же Токаренко участвовал в продаже пальто и часов с Гершановичем? Тогда Вы здорово защищали виновных, и я [защищал] под Вашим влиянием и по Вашему наущению.

В этом пункте основной вопрос советской педагогики, и в письме его не решить. Личность или коллектив? Я хочу орудовать большими числами и доказывать, что выгоднее жертвовать отдельной личностью и воспитывать коллектив, чем возиться с отдельным человеком, хотя бы и с некоторой надеждой на успех, но с явными травмами для коллектива.

Для меня сейчас этот вопрос имеет прямо жизненное значение.

Токаренко нужно выгнать еще и потому, что коммуна теряет и свое воспитательное значение и свою воспитательную силу и уже не может рассчитывать на особенный успех в трудных случаях.

Я это мог бы предсказать заранее и мог бы это доказать теоретически, но ведь достаточно и фактов. С такими, как Токаренко, Белостоцкий, Лазарев, Жуков, Яковлев, можно справиться только при помощи самого энергичного поднятия культурного уровня и обязательно на фоне действенного, полного достоинства и уверенности коллектива.

По отношению к воспитательной работе коллектива мы сейчас поступаем прямо самоубийственно и очень быстро скатываемся на позиции Болшева и Прилук[1], совершенно безграмотные с точки зрения воспитательной логики.

Утверждение, что никакого воспитания не нужно, что воспитывает только работа на производстве, — одна из завиральных идей, которыми так полна педагогическая кустарщина. Подобных, скороспело изобретенных, на вид даже революционных, а на самом деле затасканных мещанских «педагогических» афоризмов я в последние 4 месяца наслушался довольно. Заменять четкую и до конца продуманную воспитательную систему случайным набором «педагогических взглядов» — значит быстрыми шагами приближаться к обычному типу детского дома, и никакой завод нас от этого не спасет.

Тов. Максимов[2] не силен был в педагогической логике, да он ничего и не решал, решали другие, а иногда даже и никто не решал, а решали обстоятельства, как будто не имеющие никакого воспитательного значения. Но была надежда, что он постепенно научится разбираться в воспитательных вопросах. Теперь новый человек, значит, новые установки и мнения.

За зиму и весну 1932 г. коммуна очень мало продвинулась вперед в воспитательном отношении. Был бесконечный штурм, закончившийся июльской горячкой[3]. Скажите, кому нужна была именно 1000 сверлилок, если для этого нужно ввести 12-часовой рабочий день, разрушать всю коммунарскую организацию, покончить с книжкой и всякой другой культурной работой, перемешать день с ночью?... А впереди какая-то «основная рабочая» смена или 6-часовой рабочий день. Ажитация, хотя бы и производственная, разве это здоровые условия для воспитания? Самый лучший выход, какой намечается, чтобы использовать станки, — это прием приходящих коммунаров — тоже не очень блестящ. Это обратит коммуну в вокзал, в проходной двор, и от нашей воспитательной четкости, конечно, ничего не останется. Представьте себе только раздачу пищи в 4 смены.

Явно коммуна направляется к определенному пункту: это завод для несовершеннолетних с общежитием и столовой для рабочих и с кое-какой учебной установкой. Для того чтобы держать этих молодых рабочих в повиновении, нужен такой какой-нибудь Макаренко — старший надзиратель. Вот и всё.

И не заметили того, что самое замечательное, что есть в коммуне, — это коммунарский коллектив. Его не заметили, как не замечают здоровье.

А этот коллектив — плод огромной филигранной работы целого десятилетия. Это огромный и, может быть, единственный в Союзе педагогический опыт, а мы к нему отнеслись так расточительно и легкомысленно, просто начали его потреблять с жадностью и не оглядываясь, как пришлось по аппетиту Кочубиевского[4]. А как раз этот коллектив и интересует всех окружающих, только он и славен и у нас, и за границей.

Только работа этого коллектива над собой, только школа и книга могут определить наше движение вперед. Завод только часть общей работы над коллективом. А у нас раздали награды за копию немецкой шлифовалки и не заметили первого в Союзе выпуска рабфака беспризорных. Да и как могли заметить? Я 5 лет работаю в коммуне, и мне никто ни разу не выразил официальной благодарности, педагоги в коммуне — это парии, которые заслуживают только одного — «выгнать», с которыми даже не здороваются при встрече. Истратить 1000 рублей на школу — целое событие, наша школа живет больше подачками ЦКПД и Наркомпроса[5].

Я совершенно не хочу разливаться в скорби. Очевидно, моя роль в коммуне просто закончена. Я воспитатель, я потратил 12 лет на уточнение и практическое воплощение идеи коммунистического воспитания, я создал для этого с большим трудом опытный коллектив, который оправдал все мои положения. Уже сейчас я могу писать теорию. Я имею, наконец, имя, хотя бы в пределах Союза. Какое я имею право похерить всю свою работу и отказаться от всех выводов моего опыта, совершенно необходимых для Советского Союза, и обратиться в надзирателя, в «помощника» случайных меняющихся людей, хотя бы и заслуженных и почтенных, но не имеющих никакого отношения к проблеме советского воспитания?

Второй раз у меня вырывают работу из рук — первый раз в колонии им. Горького в 1927 г., когда наркомпросовские дамы испугались командира, и второй раз, сейчас, когда Кочубиевскому захотелось употребить и дисциплину, и мощь, и культуру нашего коллектива для производственного марафета. В первый раз мне посчастливилось отступить к Вам с отрядом в 60 человек, а теперь и отступить некуда. Кроме того, тогда я был холост, а теперь я связан с семьей, с квартирой и прочими сложностями. Только потому я в апреле и согласился сделаться помощником Максимова.

А теперь я вижу, что совершил преступление и перед собой, и перед своим делом.

Я хочу одного, чтобы Вы лично меня поняли, больше мне ничего и не нужно. Никого не попытаюсь убеждать или жаловаться. По возвращении из отпуска коммунаров буду просить об увольнении по семейным обстоятельствам. Где-нибудь начну новую работу, а где, еще и сам не знаю, мне бы хотелось в Крыму, этого требует здоровье моей жены[6].

Я очень Вам благодарен за то человеческое, понимающее отношение ко мне, с которым Вы были всегда на протяжении 5 лет. За все время моей работы Вы единственный человек, который понимал глубину нашего опыта и умел видеть единственную ценность, заслуживающую внимания, в нашем пацане, в его человеческом росте. Я настолько дорожу Вашим отношением, что мне хочется мечтать...

Из письма Г. С. Макаренко

28 октября 1932

...Вот сейчас почти круглые сутки вожусь со всякими черными пустяками: столовая, спальни, вешалка, обувь, подготовка к юбилеям, стенгазета, журнал, кружок, целый день в мелочах... А с книгой? Когда я ее пишу, у меня голова лопается от обилия мысли, от материала, страшно для всех нужного, но на это я могу истратить только полчаса в день...

Коммунару Шварцу

10 сентября 1933

Милый Шварц!

Здесь объявлено, что прием в геолого-разведочный институт будет сейчас. Прием заявлений до 20-го. Приемные испытания 22—30-го. Начало занятий — 1-го, но: «студенты общежитием не обеспечиваются». Вообще об этом институте в Москве говорят плохо. Раз нет общежития, не стоит и связываться. Я тебе советую не терять времени и поступать на геологический факультет Харьковского университета. Нужно там поучиться годик-другой, и потом уже перевестись в Москву, к тому времени многое прояснится.

Придется только делать тебе новые документы. Я твои «затырил» дома, был уверен, что пригодятся только к марту. Без меня их там никто не найдет. Ты от моего имени попроси Добродицкого[1], он все сделает.

Будь здоров.

Передай привет всем пацанам и девчатам, Дидоренко[2], Теперу, Кононенко[3], педагогам.

А. С. Макаренко

Москва, 19
Моховая, 14, кв. 2.
Г. М. Васильеву, для А. С.

С. А. Калабалину

11 июля 1934
Харьков

Дорогой Семен!

Читаю твое письмо несколько раз и прямо не могу поверить страшной его трагичности. Выходит так, что все эти научные шарлатаны не только губят нашу работу, но и физически уничтожают наши семьи[1]. И ни за что не отвечают. Вот они убили твоего сына и продолжают дальше самым паскудным образом ломаться перед страной. И тронуть их нельзя, потому что на них научное табу, наложенное каким-то идиотским набором предрассудков.

Я страшно хочу с тобою побыть, еще больше хочу работать с тобой вместе. Здесь, на Украине, затеялось было одно дело, которое сначала показалось мне солидным и возможным. Меня даже выбрали в члены Комитета Совнаркома [УССР] по организации новых детских коммун на 12 000 человек. (Я предлагал одну коммуну на берегу Днепра на все 12 000.) Но Совнарком уехал в Киев, и все это дело расстроилось. Я, впрочем, думаю, что оно еще всплывет, так как беспризорных «до биса».

1 августа везу коммуну в лагерь в Одессу. Будем там до 15 сентября.

Не приедешь ли ты туда? Приезжай хоть на все время. К тому времени, может быть, что-нибудь прояснится на нашем горизонте.

Коммуну [им. Ф. Э.] Дзержинского все равно буду бросать. На нее уже набежала толпа тех самых охотников «задирать ножку на жеребчика», о которых ты писал недавно.

В самом деле, приезжай в Одессу. Там среди ребят, у моря, приглушишь свое горе.

Очень благодарю тебя, что написал. Напиши, как ты решаешь. Во всяком случае, если переменишь адрес, обязательно сообщи.

Привет Гале и от Гали[2].

Твой *А.*

Е. З. [Юрченко]

[до 28 декабря 1934 г.]

Елена Захаровна!

Очень прошу Вас взять на себя заботу о костюмах для кружка им. Балицкого. Всем нужно дать парусовки, их должны хорошо выстирать и отгладить. Они не должны быть узки.

Мальчикам — трусики. Надо, чтобы они были по возможности новые и по росту. Девочкам — синенькие юбочки. У них, кажется, есть.

На ноги голубые или синие носки и новые балетки.

Может быть, у Дидоренко есть тюбетейки?

Во всяком случае он обещал поддержку.

Все это должно быть приготовлено к вечеру 28 — к генеральной репетиции.

Кроме этого у меня будут к Вам еще две-три просьбы — потом поговорим.

А. Макаренко.

Н. В. Петрову

27 февраля 1935

Дорогой Николай Васильевич!

Почему это так печально вышло, что мы с Вами не повидались и не поговорили? Честное коммунарское слово, это Вы виноваты. Очень хочу надеяться, что после марта мы наверстаем утерянное, если с Вашей стороны все будет в порядке. Возможность дальнейшего Вашего охлаждения (на севере) меня прямо пугает.

Моя пьеса? Стоит ли о ней говорить? Много в ней слов. Честное слово, я очень хорошо знаю, что все эти «кольца» не стоят того, чтобы Вы особенно о них думали[1].

Спасибо за книжку, очень спасибо[2].

Весь Ваш *А. Макаренко.*

Е. Невечере

18 марта 1935
Одесса

Спасибо, Лена, за письмо.

Конечно, мы поговорим о разных делах и всё поправим, как следует. Самое главное: духом не падать — и смотреть вперед весело. Я считаю, что у тебя много способностей и энергии, значит, ты должна быть счастливым человеком. Надо только срочно выправить кое-какие детали, правда?

Пока.

Будь здорова.

А. Макаренко

Е. М. Коростылевой

13 мая 1935
Харьков

Уважаемая тов. Коростылева!

Простите за надоедание. Если Вам не трудно, сообщите, почему до сих пор нет 5-го альманаха.

Разумеется, если он выходит в ближайшие дни, не затрудняйте себя ответом.

Привет.

А. Макаренко

Е. М. Коростылевой

[28 сентября 1935]
Киев
ул. Леонтовича, 6, кв. 21

Многоуважаемая Елена Марковна!

Немножко опоздал, но ничего нельзя было поделать, слишком загружен. Третью часть выслал сегодня авиапочтой. Второй экземпляр послал Алексею Максимовичу.

Боюсь, опять будете резать. Честное слово, не знаю, что можно сократить, я и так выбросил три четверти материала. В письме к А. М. я указываю для сокращения две главы: «У подошвы Олимпа» и «Помогите мальчику», потому что изъятие этих глав меньше всего будет нарушать цельность сюжета.

В глубине души я думаю, что для третьей части можно было бы сде-

лать даже исключение — все равно последний мой грех перед Вами.

Числа 6—12 я буду в Москве. Надеюсь, тогда Вы мне скажете, в какую книжку идет «ПП» и какую ампутацию над нею организовала Ваша редакция.

Спасибо за 6-й альманах.

Привет.

А. Макаренко

Из письма К. С. Кононенко

[сентябрь-октябрь 1935]

...Поэма, собственно говоря, говорит о том, что, невзирая на никчемность теории, делались педагогические дела. Какими же силами? Силами самого воздуха нашего общества. В этом весь пафос поэмы. Ибо что такое педагогическая теория? Это формулировка стремления, напряжений, принципов и взглядов, которые существуют в обществе в области требований к личности. (Проблемы морали, личности и коллектива и прочее.) Та теория, с которой я боролся и теперь борюсь, есть теория чуждого нам общества, а новой теории нет[1]. Но все же, несмотря на то что ее нет, требования общества действуют и создают практику через голову теории...

К. С. Кононенко

3 октября 1935, Киев

Насилу вырвался, чтобы написать тебе. Только на днях кончил третью часть и отправил Горькому. Еще заканчиваю перепечатывание для отдельного издания[1]. Получилось... черт его знает? Люди хвалят, а у меня, конечно, впечатление всякое. Есть листы сердцещипательные, как будто благополучно разрешена известная тебе проблема финала.

11-го выезжаю в Москву, отпускают меня с трудом, и вообще меня здесь используют больше по писанию разных докладов[2], а этого дела хватает на каждый день.

Еще не знаю, как пойдет третья часть, там много разных ехидных вылазок и против Наркомпроса[3], и даже против финотдела, который у меня получил прозвище Кащея Бессмертного. Но во всяком случае у меня поэма свалилась с плеч. Теперь ощущаю некоторую пустоту, абсолютно не знаю, о чем буду писать дальше.

Галя настойчиво советует писать «Книгу о мальчиках», где, по ее мнению, нужно выложить всю мою педагогическую философию, но обязательно в художественной форме, сопровождая все сравнениями, сентенциями, лирическими отступлениями и т. д.. Я еще не продумал это предложение и даже не представляю себе, что это может быть. Может быть, это и хорошо, но все-таки хочется попробовать силы на художественном вымысле. Я уверен, что в таком вымысле найду для себя совершенно невиданный

мною простор. Ты себе представить не можешь, как меня связывала эта самая «художественная правда», а лучшие листы в поэме — это как раз те, которые от начала до конца вымышлены[4].

По этому вопросу мне дозарезу нужно поговорить с тобой. Я уже по опыту знаю, что значит разговор с тобой. Финал третьей части целиком обязан нашей с тобой беседе на диване в твоей столовой.

Но вот беда: не знаю, когда буду в Харькове. Из Москвы я возвращусь 15 октября. Кто знает, смогу ли я побывать в Харькове до конца октября? В таком случае совершенно надежными остаются только праздники 5—7 ноября.

Вернулись ли твои из Крыма? Как их здоровье? Как теперь получается с учебным годом Олега[5]? Наверное, он...[6]? Да? Пиши. Галя прихварывает. Это не мешает ей посылать всем Вам горячий привет и такие же горячие поцелуи.

Будь весел.

Твой *А.*

К. и Е. Кононенко

22 октября 1935
Киев

Дорогие и равноапостольные!

Константин и Елена!

Что это Вас совсем не слышно? Притаились там на харьковских хатах и помалкиваете. Я по Вас соскучился, как собака, а моя поездка в Харьков все откладывается и откладывается. Сейчас говорят, что я поеду в Харьков 26—20 октября, а я этому не верю. В этом самом ОТК меня используют исключительно как писателя — пишу целыми днями доклады, обзоры, сводки. До того дописался, что хочу уже составлять «Памятку докладчикам». Между прочим, я пришел к глубокому убеждению, что докладов этих никто не читает, что вообще они никому не нужны. И поэтому я, как «апурсовский» щенок перед граммофоном, начинаю психовать: мне необходимо понять, для чего меня заставляют писать доклады.

Был в Москве, Горького не видел, он в Крыму. Но мою третью часть успели уже ему послать и получить от него обратно. Горький прислал мне письмо, в котором пишет, что третья часть лучше первых двух, что многое его волновало и так далее. Уговаривает меня писать о чекистах[1]. Посмотрим.

Вчера получил письмо от своего редактора. Он сообщает, что рукопись третьей части затребовали в «Правду». Для чего? В 10-м номере «Красной нови» напечатана очень хвалебная статья Колбановского[2]. Но мне не нравится. Костина статья гораздо глубже[3].

Я так думаю, что скоро меня перестанут хвалить и начнут ругать, в особенности за третью часть, в которой много всякого перца.

Я настолько в этом уверен, что не буду даже удивлен какому угодно неожиданному грому, готов оказать самую улыбчивую встречу. Еще в Москве собираются организовать какую-то страшную дискуссию с моим участием[4]. Не думаю, что это будет приятная вещь... Без дискуссии было бы лучше.

Сегодня приступил к роману[5]. Пока что дело находится в стадии организации материала. Тема намечается, сюжет еще темен. Не дает мне покоя тема «Дураки». Запросил «Отдел газетных вырезок» в Москве, могут ли они прислать мне вырезки о дураках. Думал, что «Вырезки» обидятся, но представьте себе, они ответили с полной готовностью и только спрашивают: «Какого типа дураки Вас интересуют?» Написал им, какой нужен тип, и скоро я стану владельцем интересной коллекции.

Все-таки я приеду, черт возьми, в Харьков и поговорим с Вами аж до обалдения. Об этом мечтаю как о празднике. Мечтаю и всё! Восхищен решением Олега догнать и перегнать — это класс! Это в нашем стиле, черт его дери!

Галя Вас целует, она толстеет и занимается сейчас парижскими модами.

Будьте веселы и здоровы.

Ваш *А.*

Е. М. Коростылевой

16 ноября 1935

Дорогая Елена Марковна!

Ваша записка написана 14-го, я сдаю гранки на почту 16-го. Скорее ничего в свете быть не может.

В этой части я показываю образцы покорности, почти физически чувствую, как в моей душе появляются какие-то новые элементы, не то ангела, не то агнца (если говорить торжественно).

Вообще, все на свете прекрасно, и прекраснее всего редакция альманаха «Год XVIII»!

Крепко жму руку.

А. Макаренко.

К. С. Кононенко

24 ноября 1935
Киев

Милый Константин!

Каждый день собираюсь тебе написать, но письмо к тебе представляется таким канительным делом, что все кажется, будто времени мало. Даже и сейчас у меня такое настроение: я пишу тебе записку под свежим впечат-

лением твоего письма, а письмо настоящее напишу в свободное время — сейчас ухожу.

Что касается Москвы, то вопрос считается решенным. Галя — за дачу с теми самыми условиями, что я называл: не при железной дороге, а на автобусной или трамвайной линии. То, что ты едешь в начале января, очень хорошо, ибо мы с 15 января в Москве в отпуске. Наверное, так и выйдет, что в Москве встретимся, и я буду смотреть, как ты действуешь.

Очень важное дело — твоя возвратившаяся рукопись[1]. Я смотрю гораздо оптимистичнее тебя. Считаю, что сделана была работа все-таки наскоро, замечания их, разумеется, правильны. Но начинать новую работу было бы ошибкой. Именно по этой первой работе, где тебя уже немного поправили, надо продолжать. Что нужно сделать? Прежде всего переделать план, теперь все-таки не модно делать критическую работу по отдельным частям. План должен быть оригинальным, а не формальным. Например, о недостатках не нужно писать в отдельной главе, а попутно на общем транспаранте развития определенной мысли-темы.

Я думаю, что план должен быть построен по линии логического (тематического) сечения самой поэмы. В таком случае лучше вяжется язык. К примеру: становление коллектива, жизнь коллектива, его борьба, его победа, поражение. Либо: бессилие и дерзание одного человека, его рост вместе с коллективом, его победа вместе с коллективом. Или какой угодно другой план, но только органический. Уже по этому плану строить нужно логику критических тем и твоих собственных литературных и педагогических утверждений.

Только считаю, что писать нужно совсем новый текст, а старым пользоваться как материалом.

Очень жаль бросить сделанную работу и начинать новую, это было бы просто слишком неэкономно. Ты хорошо знаешь книгу, хорошо знаешь среду, описанную в книге, ты здесь не будешь дилетантом. О каждом другом авторе написать капитальную работу очень трудно — нужно говорить не только о данном произведении, [но] и обо всем писательском пути, нужно взять критическую литературу о нем. Это очень большой план, и в Харькове он невыполним.

Пиши о поэме. Прочитай и проведи общую линию по таким книгам, как «Республика Шкид», «Утро», «Правонарушители», есть [ли] кое-что [общее], обязательно пересмотри все последние постановления о школе, и в особенности постановление ЦК о ликвидации беспризорности от 1 июня[2]. Конечно, перечитай все критические статьи о поэме («Красная новь», «Новый мир», «Литературный критик»), все десятые книги.

Думаю, что рукопись послать нужно все-таки в альманах. Были бы в Москве, все это было бы проще и замечательнее, честное слово.

Я тебе еще напишу подробнее. В Харькове буду, вероятно, в декабре, а про то, кто его знает.

Очень много работаю над романом. Затевается настоящая «Война и мир». Ты, конечно, будешь играть роль Наполеона.

Целую ручку Лене, Олега в сахарные уста.

Галя всех целует.

Будь весел.

Твой *А*.

Е. М. Коростылевой

26 ноября 1935, Киев

Милая, дорогая Елена Марковна!

Не умею рассказать, как я тронут Вашим вниманием. Для провинциала это дело вообще непривычное.

Статьи все похвальные, но хором все защищают педагогику, вот беда! Что же теперь будет после выхода 8-го альманаха? Ужас, что такое! У меня такое состояние, как будто я бросил бомбу и возвратить ее уже невозможно. Что делать?

Впрочем, ничего. Иногда у меня уже начинает преобладать спортивный интерес: а ну, что будет?

Когда меня все начнут бить, я приду к Вам... хохотать. Ваша редакция разрешит мне воспользоваться ее уютом?

Страшно Вам благодарен! Страшно!

Привет!

Салют.

А. Макаренко.

Е. М. Коростылевой

3 декабря 1935, Киев

Дорогая Елена Марковна!

Здесь в «Державидаві» собираются выпустить третью часть на рідній мові[1]. Но они ужасно напуганы главой «У подошвы Олимпа», прямо дрожат и требуют: «выкреслиты»[2].

Между прочим, они указывают, что Шульгин[3] жив и даже состоит в партии. Конечно, Шульгин не контрреволюционер, может быть, не стоит его обижать? Как Вы думаете?

Может быть, можно вычеркнуть его фамилию, оставить просто «...сидел такой теоретик» — и всё... Он-то себя узнает, но другие, может, и не догадаются. Как Вы думаете?

Как идут дела? Альманах в самом деле выйдет в декабре? А когда? Ей-богу, боюсь, а тут еще украинцы меня наперчили. Вот связался я с этой педагогикой!

В Киеве издается такой журнал «Советская литература» на русском языке. Они давно ко мне пристают: «Дай одну главу». Я не знаю, как это будет с моральной точки зрения. Они уверяют, что это похвально даже, и в особенности, если будет указание, что третья часть печатается там-то. Черкните мне два слова, и я им дам первую главу — все равно.

Привет.

А. Макаренко.

Вас, вероятно, уже называют «Год XIX»?

Е. М. Коростылевой

10 декабря 1935, Киев

Дорогая Елена Марковна!

Как всякий провинциал, я боюсь телеграмм, а срочные — вызывают у меня повышение Т°.

Ваша телеграмма:

«Правку внесем кусок печатать можно
ссылкой альманах телеграфьте как расшиф-
ровать полностью пойдет».

Вероятно, под влиянием испуга я долго был уверен, что если я что-то расшифрую, то третья часть в альманахе пойдет полностью, если не расшифрую, Вы из нее сделаете отбивную. А что именно расшифровать, очевидно, было в письме Вашем, которое задержалось. Но до сегодня письма никакого нет, испуг мой «потроху» проходит, и я начинаю догадываться, что расшифровать нужно слова «полностью пойдет», от которых в телеграмме отвалились кавычки. Так? Если так, что легче. Я могу расшифровать и вообще готов отвечать на любую викторину, которую находит нужным предложить мне родненькая редакция.

«Полностью пойдет» в буквальном значении встречается очень редко, вообще может иметь отношение только к «человекам», обладающим протезами. Например, если человек сидел, а потом пошел, но забыл на столе искусственный глаз, про него уже нельзя сказать «полностью пошел». Или ногу. Хотя без ноги — он черта с два пойдет.

В переносном значении выражение «полностью пойдет» тоже встречается редко, в практике редакций, наверно, никогда не встречается, правда?

Все-таки я должен расшифровать это выражение?

Что во всем этом деле участвует нечистая сила, не сомневаюсь. Когда-нибудь вся эта таинственная история выяснится.

Уже декабрь. Уже 10 декабря. Вы писали, что альманах выйдет в декабре. Наверное, 31 декабря, правда? Или 38 декабря? Подобные случаи бывали в моей производственной жизни. Я сам видел, как один завод добился-таки выполнения месячного плана 31 июня, и только через два дня поняли, что они заехали в чужой месяц.

Простите болтовню, бывает.

Привет.

А. Макаренко.

Вы уже переделали вывеску на «Год XIX» или еще не переделали? Боже, что это за редакция!

С. А. Калабалину

30 декабря 1935

Дорогой Семен!

Прими Мохарева как можно лучше. Он хороший работник.

Сегодня Цыбульский[1] (он в Киеве) получил телеграмму о побеге к тебе целой кучи командиров. Ахматов[2] лютует. Если ты их сманил целой кучей, нехорошо. Надо было это делать умнее, нельзя же хватать всех, весь совет, что это такое?

Как там дела в Виннице? Завтра, послезавтра начнут прибывать ребята. Советую делать небольшие бригады и не особенно увлекаться выборностью бригадиров.

Пиши.

Деньги твои получу завтра. Куда их выслать? Семья уже с тобой? Как ты устроился? Привет твоим.

Целую.

А. Макаренко.

Е. М. Коростылевой

11 января 1936, Киев

Дорогая Елена Марковна!

Спасибо огромное и самое искреннее за журнал. Видите, как меня защищают, даже неловко. С какой стати люди переживают?

Богачер жалко. Зачем так обижать человека, ну, написал и написал, надо же что-нибудь написать.

Вы ни слова не пишете о 8-м альманахе, неужели он и в январе не выйдет? У меня такое нетерпение: страшно интересно, как меня будут крыть.

Во всяком случае авторских экземпляров мне не высылайте, мне приятнее получить их из Ваших рук. С 25-го я в Москве. Ух, и люблю же Москву!

Спасибо за пожелание. Книгу напишу, только она будет еще хуже, чем поэма.

А кто такой Колбановский[1]?

Будьте радостны.

Жинка моя очень тронута Вашим вниманием, благодарит и кланяется низким поклоном.

А. Макаренко.

В. Г. Зайцеву

14 марта 1936, Киев

Дорогой Зайцев!

Я тоже очень жалею, что не успел поговорить с тобой. А в общем скажу: у тебя есть талант, и немаленький, очень много хороших стихов, которые трогают, и волнуют и, наконец, просто нравятся. К сожалению, рядом с прекрасными строчками и между ними встречаются слабые, производящие впечатление каких-то временных, поставленных только для того, чтобы обозначить место, может быть, с расчетом потом заменить другими, да так и оставшихся. Это нехорошо не только потому, что рябит впечатление, но главным образом потому, что разрушает стиль и целостность впечатления.

Видно по всему, что над рифмой ты работаешь больше, чем над ритмом, еще меньше работаешь над образом и совсем мало над тематической стороной стихотворения. В лирике особенно важно добиваться ритмики мыслей и чувств, а не только слова. Я жалею, что не взял с собою твою тетрадь, побоялся без твоего разрешения. Но это можно исправить. Давай договоримся. Пришли мне лучшее из твоих последних произведений или новое, я тебе отвечу подробным разбором, в этом деле я кое-что понимаю. Уверен, что помогу тебе. Так будем делать и дальше.

Вашего материала здесь не нашел, говорят, что он и не получался. Что это значит? Поищу еще.

Пиши и присылай, буду очень рад.

Привет всем представителям искусства в коммуне, и особенно Працану, Мельнику, Ройтенбергу, Нине Слисенко, всем девчатам IV курса[1], и Федоренку, и Чевелию и всем, всем.

Привет.

А. Макаренко.

Е. М. Коростылевой

18 марта 1936, Киев

Дорогая Елена Марковна!

Мой телеграфный демарш 9 марта принес мне одно разочарование: вы ответили поистине дипломатической и немного женской уверткой — «Скоро номер вышлем». Принимая во внимание, что термин «скоро» на языке миленького моего альманаха обозначает «неизвестно когда», нужно признать, что на мою телеграмму Вы просто не ответили.

Кроме того, в Вашей телеграмме вообще не содержалось ответа на мой вопрос. Я спрашивал, не когда я получу книгу, а когда она выйдет в свет. Меня этот последний вопрос интересует гораздо больше, чем всякие «шкурные» соображения. Как ни приятно держать в руках альманах, выходящий под Вашей редакцией, но в данном случае эта приятность отступает перед

другой: знать, что моя третья часть, наконец, вышла. Гослитиздат еженедельно пугает меня очень скорым выходом отдельного издания[1]. И сегодня я получил письмо, в котором содержится некоторое даже раздражение: где же Ваш альманах? А что я могу ответить, ежели альманах «скоро» выходил еще в декабре?

Я им так и написал, что альманах может выйти и в марте, а может быть, и в начале апреля, но нет никаких препятствий и к тому, что он выйдет в конце июня, ибо «декабрь» может продолжаться чрезвычайно долго, до чего, можно сказать, устойчивый месяц.

Елена Марковна, без шуток, напишите все-таки, когда он выйдет, только, пожалуйста, серьезно.

В чем дело? Ведь, когда я был в Москве, все говорили, даже люди технически образованные, что он выйдет между 20 и 25 февраля.

Еще раз уверяю Вас, что меня больше всего смущает очень неприятный «нагон» отдельного издания. Я снова пишу туда, и кланяюсь низко, и прошу: «задержите как-нибудь».

Я живу нормально: разъезжаю по Украине и болею гриппом.

Это не мешает мне писать роман для альманаха (в отдельное издание не дам, пока альманах не выйдет в каком-нибудь декабре). Роман, честное слово, получается хороший, дамы будут плакать, так что Вы не бойтесь.

Кроме того, пишу учебник русской истории на конкурс ЦК[2]. Пишу из одного озорства, страшно интересно похулиганить, хочется доказать, что учебник истории, в сущности, пустяковое дело и поэтому нашим ученым очень стыдно. Если они и на конкурс не откликнутся, честное слово, вырву у них премию и пропью против окон исторического факультета.

Из Москвы уехал неожиданно: заболела жинка, простите, что не зашел к Вам проститься. К тому же я был напуган во время одного из моих визитов Вашим «захлопотанным» выражением лица. Человек я искони пугливый и застенчивый.

Засим желаю Вам здоровья и благополучия. Передайте привет 9-му и 10-му номерам альманаха.

Пожалуйста, ответьте. Вы не должны на меня сердиться за назойливость, примите во внимание, в какое время живем: теперь за нашего брата взялись. Я только и жду, что вот-вот будет напечатано: «Так называемая «Педагогическая поэма» представляет собой набор самых посредственных фраз, вовсе она не педагогическая и ничуть не поэма, поэтому...»

Это должно случиться именно после третьей части. А поэтому, чем скорее, тем лучше. Но почему Вы так волыните?

Извините за выражение.

Крепко приветствую *А. Макаренко.*

Е. М. Коростылевой

28 марта 1936, Киев

Дорогая Елена Марковна!

Спасибо огромное за внимание — 8-й номер, «сигнальный», получил. Глубоко верю тому, что через 8 дней в публику поступит весь тираж. Попрежнему выход этой книги меня очень волнует, в то время когда к выходу первых двух я относился почти хладнокровно.

Волнение, впрочем, не писательское, а педагогическое. Чувствую некоторую неудовлетворенность: не так сказано, как нужно было сказать, нужно было сказать некоторые вещи как-то иначе, во всяком случае нельзя было ограничиваться одной злостью. По-прежнему я убежден в какой-то своей глубочайшей правоте, и поэтому досадно, что отстаивать ее не умею.

Кроме того, меня смущает еще одно обстоятельство: книга получилась почему-то грустная, несмотря на «высокий тон», по Вашему выражению, заключительного эпилога. Не только грустно, и даже трагически-грустно. А на самом деле я этого не хотел, и я вовсе не грустил ни о чем.

Ну, ничего. Есть и оправдание: нельзя такие книги писать в толпе, по полстрочки между разными делами, разговорами и нервами, на краю столов и на улице во время парада.

Во всяком случае дело теперь кончено, остается получить заслуженное. А разве это главное?

Главное все-таки в том, что сказана моя маленькая, но необходимая правда. Кому-нибудь пригодится. За это я страшно благодарен альманаху и Вам. Знаете, в присланной Вами книжке милее всего не «Педагогическая поэма», а переплет, титул, привычный вид, печать. Альманах Ваш замечательно симпатичный.

И Вы страшно симпатичны, имейте это в виду. Я когда-нибудь подробнее расскажу, впрочем, не сумею рассказать, а опишу в книге. Если что-нибудь дополню воображением — не опасно.

Простите за карандаш. У нас «запарка», работаем день и ночь.

Спасибо.

Ваш *А. Макаренко.*

Б. Ф. Рыбченкову

18 мая 1936, Киев

Уважаемый Борис Федорович!

По Вашему письму я запросил т. Ковнатор, но вразумительного ответа не получил. К сожалению, хорошо разбираюсь только в поведении и поступках беспризорных, правонарушителей и «трудных» детей... Поведение нормальных людей и вообще деятелей издательства с трудом поддается моему анализу. Какие возможности заключены в их психике и можно ли ожидать их исправления, сказать не могу.

Вообще понимаю немного. Я сам никого за язык не тянул и не добивался ничего.

Меня пригласили в кабинет к Лупполу и наговорили мне всяких хороших вещей. При мне было отдано распоряжение заключить с Вами договор.

Очень неприятно, что так все случилось, я, к счастью, во всей этой истории был стороной пассивной. Лично я считаю всю затею с «золотой серией» исчерпанной, о чем написал Рахили Ароновне. Честное слово, я так мало потрясен достоинствами своей книги, что меня все это нисколько не огорчает. Досадно только, что Вас буквально втянули в легкомысленную эту игру.

Вы сильно не огорчайтесь. Справедливость всегда восторжествует, я в этом уверен.

А то, что мы близко познакомились с неожиданными для нас типами поведения человека, тоже неплохо. В нашей опытности кое-что прибавилось.

Желаю Вам всего хорошего.

Привет.

А. Макаренко.

Е. М. Коростылевой

20 июля 1936, Киев

Дорогая Елена Марковна!

Только сегодня посылаю Вам статью о Горьком. А вчера получил Вашу дивную телеграмму. Опоздал потому, что служба не дает работать, [есть] некоторые осложнения, которые отнимают и день и вечер, а иногда и ночь. Но все-таки посылаю.

Что получилось, судите сами: написано искренно. Эта штука, как Вы знаете, заменяет у меня талант, а вообще получилось, кажется, средне. Писатель я все-таки «так себе». Ну и пусть.

Даже на даче редко бываю, некогда. Что это за жизнь?

А почему Вы о даче молчите? Как оно будет?

Недалеко от нашей комнаты есть свободная комната «у одной женщины». Просит за сезон 200 рублей. Разумеется, Вы имеете право жить меньше сезона, например один месяц. «Женщина» согласна готовить пищу, конечно, за Ваш счет.

Я чего боюсь? Ведь это дело трудное.

Пока мы будем думать, «женщина» возьмет и отдаст свою комнату какому-нибудь лицу, менее достойному, чем мы с Вами, но ведь в таком случае ничего не поделаешь.

А Вы ничего не пишете про это. И телеграмму даете только о редакционных делах. Надо расширять горизонты!

За статью о Горьком не злитесь. Честное слово, я не виноват.

А почему в телеграмме Вы написали: «Не сердитесь за телеграмму»? Как я могу на Вас сердиться? Это было бы изуверское хамство с моей стороны!

Просто Вы были в хорошем настроении, правда!

Привет. Пишите же.

Ваш *А. Макаренко.*

«Книгу для родителей» напишу в срок.

Честное слово.

А. М.

Вы получили договор?

Из письма Г. С. Макаренко

30 июля 1936

...27, 28, 29-го провел здесь три собрания читателей, посвященных «Педагогической поэме». Читатели поразили меня сверх всякой меры... Об их выступлениях рассказать даже невозможно. Очень многие кончали слезами, некоторые от слез не могли кончить. Особенно поразил меня один больной наборщик... Он насилу говорил. Но главное — все услышали: «Я не могу жить, несколько раз я хотел умереть, в такие минуты я беру и читаю «Педагогическую поэму»...

Н. В. Петрову

Киев, 9 декабря 1936

Дорогой Николай Васильевич!

Письмо Ваше получил давно, но заболел, конечно, гриппом в самой резкой форме и поэтому не отвечал. Но это ничего — важно, что страшно хочу Вас видеть, а аппетит на Вас тем более увеличивается, это, наверное, скоро увижу. Только страшно боюсь, что не застану Вас в Ленинграде, тогда умру от обиды.

На 14-е назначен в Ленинграде диспут о моей книге в СП[1]. Вы только не бойтесь, я на диспут насильно Вас не потащу, но, если Вы будете, страшно буду Вам благодарен.

Думаю, что найду Вас еще 13-го вечером.

Тогда о многом побалакаем, Ваши дела меня страшно интересуют, да и вообще дела ленинградские.

Мой сценарий засох на 4 частях — все-таки две трети сделано, но конец отложил, успею, да и давать некому, здешним портачам не хочу[2]. А кстати, занялся «Книгой для родителей» (для Вашего брата). Начало уже послал в Москву — получил оттуда ответ, что это будет «великая народная книга». Начинаю уже задаваться!

А все же писать не дают. Завидую Вам — Вы всегда умеете найти время для литературы.

Всё же надеюсь: через 10—20 дней меня отсюда выпустят, тогда буду целыми днями писать, только иногда отрываться для поездок к Вам в гости.

С переездом в Москву дело затянулось — не готова квартира.

Галя Вас целует[3]. Я тоже.

Значит, до 13-го — 14-го.

Ваш Макаренко

Леонтовича, 6, кв. 21.

Н. В. Петрову

Киев, 22 декабря 1936

Дорогой Николай Васильевич!

Не нравится тебе скоропись XVII века, — пожалуйста, читай ундервудовскую тоску, сразу видно твои бюрократические замашки. Что касается гриппа, тоже заедаешься напрасно, мне что, если хочешь, буду писать тебе в случае надобности при какой угодно температуре, за последствия, конечно, не отвечаю.

То же самое и насчет называния меня покойником: большей свежести никогда от тебя и не ожидал. Я действительно умирал от разлуки, а ты ничего лучшего не придумал, как проявить свою определенную черствость. Я это запомню и больше нежных писем писать тебе не буду. И вообще посмотрим, кто напишет тебе нежно при твоем характере. Разве Театралов, пожалуйста, ему все равно!

Твое письмо, переполненное грубостями, в фактическом отношении очень страдает. Когда у человека истекает злоба, ему трудно касаться разных фактов. Вот, например: что случилось с харьковским театром? Почему они вдруг все разбежались, а некоторые добежали даже до Ленинграда? Посыпали их каким порошком, что ли? Или Гальперин и Театралов пошли вместо порошка? Ты ничего подробно не написал. Никаких подробностей у тебя не встречается.

То же самое: Крамов, какая степень отравления, не написано. Что касается, например, Людмилы, то, во-первых, и без тебя знаю степень отравления, а во-вторых, она и сама расскажет, ибо по опыту знаю, что она врать не то что не любит, а просто не умеет. Ну а все-таки Крамов? Почему он в Москве, да еще с Театраловым? И дальше, что же теперь будет с театром? Пожалуй, его можно будет употреблять вместо крематория, который в Харькове строится десять лет и никак не построится? А теперь будет хорошо: пойди в театр — и через десять минут все кончено, получите вашего родственника без нарушения целости покровов. От скуки, конечно!

Милые мои актеры! Что же это такое? До чего может дойти искусство, если такой живой коллектив может так быстро и некрасиво опаскудиться, попасть под высокую руку Театралова. Черт знает что! До чего великолепен в таком случае и до чего лучезарен был Радин! А ты, дорогой Николай Васильевич, после этого не плачешь и не посыпаешь лысину всякими от-

бросами, а зубоскалишь по адресу твоего лучшего друга и поклонника. До чего ты тоже опустился...

А где твой стыд, слабые признаки которого изредка можно было наблюдать в Харькове. Ты нахально удрал из Ленинграда и не нашел лучшего оправдания, как сослаться на профсоюз. В сравнении с этим мой грипп, честное слово, образец благородства. Я действительно страдал в вашем паршивом Питере — каменная лоханка, в которой плавает несколько грязных бумажек и перья из императорского орла. Окраины еще так сяк, а центр — ужас. Там могут жить только меланхолики, как ты можешь любить эту бурду?

Ну, бог с тобой, люби.

Только теперь мы с тобой не скоро увидимся, профсоюзник. А вот, если Людмила завернет в Киев, будет страшно хорошо. Она всю правду расскажет и про театр, и про Театралова, и про этот самый профсоюз. А что наши все склочники, так это признак великого подъема искусства, так вам и надо. По-нашему это называется «зашились». А все потому, что Киршона боитесь и Афиногенова.

Людмила!

Когда же вы приедете?

Почему написала под влиянием этого Талейрана так невразумительно и противоречиво? Приезжайте скорее, а то в Киеве нас не застанете: в Москву, в Москву! Уже я стащил с себя последнюю писательскую шкуру и отдал в жилстройкоп, уже и шкафы запакованы, уже все готово ехать. Приезжайте скорее!

Привет и поцелуй без различия пола и возраста, значит, и Николаю попадет.

А только жену мою зовут не Астафьевна, и не Остафьевна, и не Евстафьевна, а Стахиевна. Господи, какие теперь пошли режиссеры!

Целую и, ей-богу, соскучился.

Напиши хоть, когда будешь в Москве. Можно остановиться у меня: дам тебе водки и поведу в Третьяковку, очень полезно будет для твоего развития! И для твоей безнравственности.

Крамов очень поседел?

Николай! Ты скажи прямо, может, написать для тебя пьесу? Так ты скажи прямо, на какую тебе нужно тему!

А почему не написали про Янкевского? Он жив?

Господи, боже бой! Как я был огорчен, что у меня не было адреса Татьяны Викторовны! Это все, что у меня осталось от Харьковского театра, ибо... те далече, а тех... Мазепа украл или как там у Пушкина?

Вот письмо так письмо! Приписок сколько!

И при этом: в половине одиннадцатого еще темно, а в половине первого уже темно! А в промежутке темно от тумана.

А Нева! Сколько даром пропадает... ! А каналы! Мойка! Зимняя канавка! Вообще: — какая... !

В Ленинграде все улицы одинаковы и шоферы не знают, в какую нужно поворачивать. Памятник Николаю глуп как сивый мерин, а бедный Петя протянул руку к гражданам: да заберите же меня в музей! А Катерина! Бр!!! К чему это! А ангел с крестом? Ну, к чему?!

М. Е. Лапировой

25 декабря 1936, Киев

Марусино, сердце!

Не писать Вам так долго, разумеется, подлость, тем более что Вы в своем роде невинный ребенок, обижать Вас нельзя. Но у меня есть и оправдания. Черт меня угораздил перекуриться и переработаться, короче говоря, я на работе свалился в обмороке и перепугал всех местных врачей. Пришлось компенсировать их несколько излишней покорностью и проваляться в постели 2 недели. А потом меня запрягли так, что я от удивления даже пришел в восторг. Сейчас я накануне освобождения, мечтаю о Москве и по секрету мечтаю о прогулке с Вами по Москве, мне страшно понравилось, как Вы разговариваете.

Стихи Ваши доказывают существование в Вашем организме симпатичного и ласкового таланта, но ведь они недоработаны. Может быть, Вы не знаете, что творчество — это работа прежде всего черная. Поэтическим жаром всего не возьмешь, нужно еще и попотеть, извините за выражение. Поэтому у Вас много хороших, милых стихов, но, например, «Не боишься мертвецов» — в постороннем стиле. Тоже:

И от тока этой фразы,
Как ее ты произнес...

— сделано в чересчур примитивной грамматике.

«Сын» страшно тепло и нежно сделан, в особенности хорошо, что Ваша мать вышла живая и индивидуальная, но «не скрутит рот» плохо. «Не будет боль широка» нарушает общее настроение. О боли в такой вещи говорить не нужно, пусть читатель без Вашего участия почувствует, какая у женщины боль, широкая или узкая. Последние четыре стиха замечательны по тону, но «оттого если» нельзя сочетать.

И «Дорога» — прекрасная лирика, женственная по-новому, и концовка восхитительна, но конструкция всей вещи неряшлива. Зачем чемодану отведено так много места, почему запутаны времена глаголов, любимого поэта нужно выбросить, слишком добродетально и пахнет Надсоном[1].

Если Вы поэт, так не спешите заканчивать Ваши вещи, возитесь с каждой строчкой. Это обязательно.

При всем том Вы молодец, честное слово. Вы мне очень нравитесь и как «девушка» из Ваших стихов, и как реальная москвичка.

Привет.

Пишите.

А. Макаренко.

Киев, Рейтарская, 37, ОТК, мне.
Присылайте еще стихи.

А. М.

Н. В. Петрову

Киев, 10 января 1937

Дорогой Николай Васильевич!

Пишу под первым впечатлением Вашей служебной записки, представляющей, безусловно, шаг вперед в деле опрощения и вообще гибели человеческой культуры. И бумага — дрянь, между нами говоря.

Но какие-то остатки культуры XIX века у Вас еще задержались. Между ними самым заметным нужно признать предложение провести вместе лето. Будущий какой-нибудь Моммзен[1], найдя Вашу служебную записку, обязательно напишет докторскую диссертацию на тему «Моменты просвещения во второй четверти XX века». И заработает сукин сын на этом деле хорошую деньгу.

По существу говоря, данное предложение заставляет меня думать о Вас лучше. Провести вместе лето нам и вам без заметных вкраплений посторонних может понравиться даже такому требовательному человеку, как я; Галя, Людмила и я — хороший комплекс? Похвалы, расточаемые Вами по адресу собственному в летнем оформлении, вызывают естественное сомнение, но так как персонально Вы будете составлять ничтожное меньшинство, то общая гармония не сильно нарушается. Допускается даже, что лето будет несколько испорчено фотоманией некоторых отдыхающих и необходимостью хвалить разные снимки (лучшее доказательство — Ваши настойчивые требования похвалы какой-то фотографии 1935 г.) — все же в штате получается хорошо.

Галя поддерживает проект. Она только просит, чтобы мы с Вами не пели «українських пісень». Ваше близкое знакомство с Корнейчуком и украинские вздохи в служебной записке позволяют мне думать, что песенная опасность гнездится именно в Вас.

Дача может состояться либо под Киевом, либо под Москвой. В первом случае будет земляника, во втором — грибы. Для мученических Ваших запросов и то и другое достаточно.

Окончательно место определится в марте — апреле.

Но где же «безумная» Скопина? Я предпочел бы разговаривать о даче с нею. Это гораздо меньшая нагрузка для моих нервов и культурных навыков.

Спасибо, дорогой Николай, за сообщение о статье Левина[2]. Я ее не читал. Посылаю в Москву просьбу выслать. Меня теперь много хвалят. В одном журнале Феликс Кон[3] написал, что это лучшая книга из прочитанных им за последние годы. Во! Боюсь, как бы это не перед грозой.

Ты великолепно прав, что драматург должен быть поэтом. К сожалению, поэты никогда не бывают хорошими драматургами. Исключение — Шиллер.

Давай летом вместе напишем мировую комедию! Давай?

Целую и обнимаю.

Галина Стахиевна нежно тебя приветствует и прощает твои выпады против ее отчества.

Любящий тебя *Антон.*

В последний момент приехал из Винницы Семен Карабанов и предложил дачу в 7 км от Винницы, рядом с детской колонией НКВД, где он работает. Хороший лес, красивые места. Пруд! Коропчуки! Караси! Черешни! Дает нам лошадь и корову, которую ты будешь доить.

М. Е. Лапировой

17 января 1937, Киев

Дорогая Мария Ефимовна!

Я снова отвечаю с опозданием, но Вы не должны придавать этому значения, это ведь гораздо важнее того, что с 1 января я переживаю желание Вам ответить, заметьте — неудовлетворенное желание.

Ей-богу, меня обратили в лошадь, не в коня, а именно в лошадь. Что я могу поделать?

О себе писать, честное слово, нечего. Лучше я расскажу, когда буду в Москве, — писать об этом долго. Меня увлекают сейчас не пацаны, а чудаки, я собрал здесь прекрасную коллекцию.

Нет, я не врал, когда писал Вам о своей мечте: гулять с Вами по московским улицам и болтать. Вы не можете себе представить, какое в этом деле для меня большое очарование! Вот увидите. А что я не реализовал этой мечты ранее, так... ведь всегда так бывает. Какая же это мечта, если она реализуется сразу! Это уже не мечта, а бизнес!

Хорошая мечта всегда встречает препятствия, хотя бы в образе москвичей, которые хотели сделать из меня дежурное блюдо.

Жаль, что собственные стихи Вы считаете только грехами молодости. Нельзя ханжить, надо продолжать и дальше грешить, ибо без греха невозможна никакая красота. Вы согласны с этим?

Я постараюсь Вас убедить в этом тезисе основательно при встрече. В Москве надеюсь провести февраль, а впрочем, не знаю, как оно будет.

Вас найду обязательно, очень хочу на Вас посмотреть.

Привет.

Пишите. *А. Макаренко.*

Киев, Рейтарская, 37 ОТК, мне.

А. С. Сватко

6 мая 1937, Москва

Дорогой Сватко!

Спасибо, что вспомнил обо мне, теперь мало кто обо мне вспоминает, не пишет никто, кроме Федоренко да Конисевича, все остальные забыли.

Я тебя очень прошу хоть изредка писать мне, держать в курсе дела, как о Броварах[1], так и о «дзержинцах» — хлопцах и девчатах.

Конисевич мне сам написал о своих успехах, но письмо долго за мной ходило, я не знаю, получил ли он мой ответ. Если знаешь его адрес, пожалуйста, напиши мне. Если что-нибудь знаешь о судьбе других хлопцев, и их адреса сообщи. Особенно прошу о последних дзержинцах.

Относительно тебя я почему-то уверен. Было очень полезно, что ты побродил по Союзу и кое-чего хлебнул. Это всегда помогает человеку, но не все вовремя умеют выбраться на берег.

Меня очень интересуют твои литературные дела. Жаль, что у тебя лучше выходит по-украински и я мало чем могу тебе помочь. Во всяком случае, если можно, пришли что есть последнего из стихов.

Напиши, как думаешь о своей дальнейшей судьбе. Мое глубокое убеждение, что тебе нужно обязательно идти в вуз. Без высшего образования писателем хорошим быть нельзя. Только не поступай на литфак, там засушивают в форме, а нужна жизнь. Очень хорошо и важно, если писатель знает и какую-нибудь другую работу, кроме порчи бумаги. Самые лучшие писатели выходили из военных и докторов. Ты об этом подумай.

И еще одно: рано не женись, а то от таланта останутся рожки да ножки.

В Броварах старайся держаться до вуза, кажется, для тебя это не трудно.

Очень тебя прошу, обрати там внимание на мальчика Антонова и напиши мне, как он себя ведет и будет ли из него толк.

Я сейчас заканчиваю книгу для родителей и начал большой роман «Человек».

Еще раз прошу тебя писать.

А. Макаренко.

Н. В. Петрову

17 июня 1937,
Высшая Дубечня

Милый наш и знаменитый Николай Васильевич!

Прямо в глаза скажу: наш летний план лопнул. Никаких наслаждений в Дубечне нет, кроме сознания, что ты выехал на дачу и не пожалел для этой авантюры столько-то сот рублей. Мы с Галей и прочим семейством будем отсюда удирать в конце июня или в начале июля. Может быть, твое общество и скрасило бы тоску, но согласись, что ожидать тебя до такого времени, да еще с опасностью тосковать потом вместе с тобой, не стоит.

Заедает продовольственный вопрос. Село в трех километрах от базара, а на базаре тоже того купишь, а того и не купишь. Ходим и выпрашиваем у колхозников, но они неохотно снабжают.

Лес далековато, речка прямо далеко, пока до нее доберешься, не узнаешь собственного характера. Блохи, мошки, жара, духота, теснота, отсутствие газет, вечерняя темнота, одним словом, как мы будем рады, когда в Москве прижмем тебя к сердцу и выпьем в хорошей обстановке рюмку коньяку!

Нет, я не создан для дачных наслаждений...

Сообщаю тебе обо всех этих неприятностях, просим не падать духом. Если ты останешься в Москве, напиши об этом, тем приятнее будет для нас туда возращаться.

Одним словом, в конце июня встретимся. Ты все-таки напиши два слова.

Привет и поцелуй.

А. Макаренко.

Н. Ф. Шершневу

1 июля 1937, Ялта

Дорогой Коля!

Спасибо, что ты героически написал мне, не ожидая моего ответа. А с моим ответом обыкновенная история — хотелось написать тебе подробнее и поэтому все откладывал на завтра, а так как меня солидно загрузили разной писаниной, то откладывание вышло безобразно длинным.

Вчера мы с Галей приехали в Ялту. Здесь есть так называемый Дом творчества. Условия здесь шикарные, но творцов мало, живут больше жены творцов.

В твоем письме на первом месте стоит слово «грусть», одно из самых отвратительных человеческих слов. Такое же противное еще слово «тоска». Я не люблю их за то, что они в сущности слова фиктивные. Я понимаю такую штуку, как горе, ненависть, отчаяние. Это очень серьезные штуки, и с ними не позорно повозиться. Но, скажи пожалуйста, что такое грусть? Не могу связать это слово с тобой, человеком молодым, сильным, здоровым, красивым, умным. Да и стоишь ты на интересном рабочем месте организатора — самое лучшее, что можно предложить человеку. И если тебе пришлось пустить в ход упорство и нахальство, то это только и доказывает, что у тебя самое интересное дело. Я вспоминаю сейчас свое горьковское время, когда тоже преимущественно требовалось упорство и терпение. Я помню, сколько я тогда «грустил» в одиночку, а потом оказалось, что это самый счастливый участок моей жизни.

Страшно богатое и настоящее дело устроил ты с коммунарами, хотя я уверен, что оно требует от тебя много энергии и приносит неприятности. Там, в коммуне, сейчас протекает обычный похабный процесс, какой всегда бывает, когда бессильные, бесталанные люди из зависти к другим и из подражания берутся за большое дело. К сожалению, до сих пор это довольно часто у нас встречается и еще будет встречаться — необходимая дань нашему переходному времени. Я уверен, что коммунарские головотяпы понесут и возмездие, все в свое время.

Я, веришь, некоторое время пописывал статейки. Поверь, они были не так плохи, но редакционные бюрократы боятся живого слова, портят, вставляют свои фразы и выбрасывают самое интересное. Нужно было реагировать на события, нужны были и деньги, жалованья я теперь не получаю,

а «ПП» иссякла. В «Известиях» от 26 августа я напечатал большой подвал «Цель воспитания» — это должно тебе понравиться.

Очень хочу видеть тебя, но теперь уже к тебе не доберешься. За зиму нужно это обдумать, а следующим летом обязательно поехать. Если мои литературные дела будут удачны, летом я получу возможность покататься.

«Книга для родителей» (первый том) закончена. Она печатается в 7, 8, 9 и 10-й книгах «Красной нови». С 1 января будут печататься два романа: один — в «Красной нови»[1], другой — в «Октябре»[2]. Твои отзывы буду ждать с нетерпением. Вообще пиши чаще, не ленись.

Передавай привет всем хлопцам. Тебе кланяется Галя.

Будь здоров.

Твой *А. Макаренко.*

А. С. Сватко

14 августа 1937, Москва

Дорогой Сватко!

Возвратился из поездки в Минск и нашел твое письмо.

Спасибо за память.

Пиши подробнее о твоих делах.

Подробно сейчас тебе не пишу, но уверен, что ты еще в Броварах.

Пиши.

Привет.

А. Макаренко.

Е. Н. Логиновой

10 сентября 1937, Ялта

Уважаемая Екатерина Николаевна!

Получил только данные о печати. А прочее? Школа, театр? Здесь, в Ялте нет ни одной человеческой цифры! Что делать? Пришлете или нет? Если не пришлете, то как понимать? Если пришлете, то как быть со сроком? Три дня над этими вопросами думал самостоятельно, но результаты неопределенные.

В Ялте нет света и машинки, поэтому производительность труда жалкая.

Привет.

А. Макаренко.

Е. Н. Логиновой

11 сентября 1937, Ялта

Дорогая Екатерина Николаевна!

Через час после отправки Вам письма[1] я получил посылку — деревянный ящик 80×60×40. Хорошо, что мои нервы отличаются некоторой устойчивостью: я не столько испугался, сколько почувствовал бодрую солидность Вашего органа, а также массивную величину оказываемого мне доверия. И подумал: получив такой ящик материалов, только подлец может написать плохую статью. Правда, в огромном ящике оказались три симпатичные книжечки, настолько симпатичные, что Ваше указание на их библиотечное происхождение далеко не лишнее указание. Но все равно. Статью после этого нужно написать хорошую, в противном случае стыдно будет проходить по Пушкинской площади.

Я теперь понимаю, что это был один из самых легкомысленных шагов в моей жизни, когда я обещал Вам и Кривицкому эту обязательно «хорошую» статью. Ничего не поделаешь — у Вас такой народ обаятельный. Вот и теперь: посылать ящик 80×60×40 и одновременно желать мне хорошо отдохнуть. Я благодарен Вам, восхищен и... принимаюсь за работу.

К 25-му, а может и раньше, статья будет у Вас. Я не подведу, ибо прекрасно понимаю, что у Вас должно еще остаться время, чтобы заказать кому-либо лучшую статью.

Привет всем.

А. Макаренко.

P. S. Насчет морали трудно. Я кое-кому показывал мои «тезисы» — падают в обморок. Все дело в «любви». Я доказываю, что «любовь» — функция, а мне говорят — аргумент.

Вы даже представить себе не можете, сколько еще у нас христиан, воображающих, что они марксисты[2]. Я их боюсь, с детства перепуган.

А. М.

Л. В. Конисевичу

24 ноября 1937, Москва

Дорогой Конисевич!

Я тебе давно не писал, и ты мне не пишешь. Как там ты поживаешь? Как жена? Ездишь куда или сидишь на месте? Мне говорили, что у вас в Одессе появилось много наших коммунаров, и все они сделались будто морскими волками. Кого ты встречаешь там?

Я всё пишу и пишу. «Книгу для родителей» закончил, скоро она выйдет отдельным изданием. Сейчас печатаю в «Октябре» роман «Честь». Найдешь — прочитай.

Пиши пожалуйста, на меня не обращай внимания, я загружен свыше моих сил.

Привет.

А. Макаренко.

В. Г. Зайцеву

24 ноября 1937, Москва[1]

Дорогой Василий!

Прости, что отвечаю на твое письмо с опозданием. Был очень болен, перенес тяжелый грипп с разными осложнениями.

Очень интересуюсь Вашими комсомольскими новостями и вашей жизнью, но оттуда никто мне не пишет, даже Колька[2], нахал такой, не отвечает на мое письмо. Я обязательно хочу знать точно, какие ребята живут в Комсомольске, что делают, где работают, как живут, кто женился, кто не женился, кто пьянствует, кто воздерживается, кто доволен, кто недоволен, какие у кого перспективы и планы на будущее. Очень тебя прошу, немедленно по получении сего письма напиши мне подробно о Вашей жизни, а если тебе будет лень исполнить мою просьбу, потому что поэты вообще ленивый народ, попроси кого-нибудь сделать это вместо тебя.

Я даже не знаю, что за компания собралась там в Комсомольске. В особенности интересуюсь Пановым и Харченко. Если бы они были люди, а не граки[3], то, наверное, давно бы уже мне написали. Очень хочу интересоваться и другими, но все такие свиньи, ни одна собака обо мне не вспомнила и не написала. И это называется — дзержинцы!

Что касается твоих стихов, то я готов не только помогать тебе критикой, но и устраивать их в журналы, но для этого необходимо выполнение главного условия: стихи должны быть хорошие. То, что ты мне прислал, слабо, гораздо слабее твоих прежних стихов.

«Амур» очень не оригинален, кому-то подражает и в стиле, и рифме, и в размере, и при всем том очень много слабых стихов:

Как жерновами растирал
Амур увесистую гальку —

и сравнение неважное (в какой мере река может быть похожа на жернова?), и эпитет «увесистую» слабый.

...и было всё в крови:
И небо, и вода, —

Это значит закат? По самой теме стихотворения «кровь» мало подходит, не «работает».

Он плыл и камни оббегал,
Как будто вовсе их не знал.

Ведь как раз наоборот: оббегают тогда, если хорошо знают, но с плохой стороны.

И сама тема: любовь реки к сопке — тема никчемушняя, кого она может обрадовать и почему? Нет, это плохо.

Слабо и второе: «Ну, куда это годится».

«Вся в цветах и вся в батисте» — согласись, это трудно представить, что значит «вся в батисте», неужели и юбка батистовая? И дальше читатель готов допустить, что этот оригинальный наряд мог вдохновить поэта. Хорошо, пусть себе влюбляется. Но при чем в таком случае страна?

Технически это стихотворение лучше, но тема диковатая и сугубо интимная. Тебе начинать с этого трудно.

Почему бы тебе не написать хорошую поэму о ваших комсомольских людях? Вы там сидите, черт бы вас побрал, и не видите, что у вас под носом самое интересное и самое ценное проходит. Тот, кто его опишет в поэтических словах, и будет поэтом настоящим. Пиши о ваших людях, хорошее и плохое, пиши просто, без формалистических загибов, без любви Амура к сопке, без фокусов, но сумей найти в жизни, в людях, в словах этих людей интересные, новые краски. Вот это и будет поэзия. А я ручаюсь, что, если стихи будут хорошие, я их в Москве устрою в печать. Для хорошей вещи это вовсе не трудно.

Пишу тебе так строго потому, что сам этого просишь. И это для тебя будет полезно. Только пиши о том, что ты действительно знаешь, что тебя злит или радует, что тебя трогает.

Передай привет всем.

Крепко жму руку.

А. Макаренко.

Нет ли у тебя твоей хорошей фотографической карточки?

А. Макаренко.

Л. В. Крендясовой

3 декабря 1937, Москва

Дорогая Люба!

Очень хочу знать подробно о твоей жизни. Не ленись, напиши. Что делаешь, работаешь или нет, замужем или нет, дети есть или нет?

И еще одна просьба. Напиши мне всё, что знаешь о девчатах.

Какие хорошие были у нас девчата! Правда?

Где Брегель, Вехова[1], Зозуля и все другие?

Напиши, буду очень благодарен.

Крепко жму руку.

А. Макаренко

В. Козырю

3 декабря 1937, Москва

Дорогой Володя!

Узнал от Волчка[1] твой адрес. Я все думал, что ты начальник цеха, а может быть и завода, а оказывается — ты летчик. Как это случилось и когда, неужели прошло так много времени? Но я уверен, что ты летчик прекрасный, и горжусь тобой. Крепко держись на этом славном посту, будь всегда таким же честным, преданным, талантливым, каким был и в коммуне.

Я нигде не служу, много пишу, много говорю, завертелся в словах — литературной работе, не знаю, когда буду отдыхать.

Очень тебя прошу, напиши подробнее о своей жизни, о своих перспективах. Напиши мне, с кем ты не порвал связь из товарищей, с кем переписываешься. Где Семенцов, Иван Михайлович?[2]

Крепко жму руку. Пожалуйста, напиши. Любе пишу отдельно.

А. Макаренко

Мохареву

13 декабря 1937, Москва

Дорогой Мохарев!

Напиши, как живешь, работаешь, какие успехи, настроение, быт. Слышал, что ты женился, что у тебя дочурка. Какие у тебя планы на будущее, собираешься ли учиться?

Мой адрес такой: Москва, 17, Лаврушинский пер., 17/19, кв. 14.

Я много работаю, но пока исключительно по литературной части. Здесь в Москве Клюшник[1] и Ройтенберг[2], часто у меня бывают. Вспоминали коммуну.

Итак, напиши.

Крепко жму руку.

А. Макаренко

Е. Н. Логиновой

24 декабря 1937, Тбилиси

Екатерина Николаевна!

20-го утром совершенно для меня неожиданно мне приказали ехать в Тбилиси. Как я и предполагал, в этом моем путешествии ни для меня, ни для людей никакой пользы и радости не заключается. Поэтому я поехал

без пафоса и без настроения рабочего. На заседаниях я буду изображать добродетельно-литературный объект, над которым докладчики могут вволю куражиться, огражденные от моих сопротивлений регламентом. Они обязательно попортят мое впечатление от Шота Руставели. Это они сделают обязательно, я вижу по их лицам. А кроме того, они испортили хороший кусок моей жизни. Я не обижаюсь на них, потому что они не имеют злого умысла, нельзя же обижаться на трамвай, который нечаянно тебя переехал, правда?

Если бы я мог скорбеть, я обязательно скорбел бы, что наши с Вами литературные и культурно-просветительные планы так жестоко нарушены. Но ведь и Ш. Руставели, когда писал свою поэму, не имел в виду вмешиваться в нашу жизнь.

Как человек дисциплинированный, я ни на кого не обижаюсь, я только боюсь, что Вы на меня разгневаетесь, что Вы инкриминируете мне подлые мысли и свойство характера.

Очень Вас прошу, считайте меня по-прежнему ребенком с чистой душой и учтите, что «от судеб защиты нет». Я и впредь не собираюсь от судьбы защищаться, но Вы хорошо знаете, что характер у судьбы чрезвычайно неровный. Это обстоятельство я и раньше умел учитывать в своей жизни, и всегда выходило: мой покорный вид производил на судьбу приятное впечатление, она не только милостиво улыбалась, но даже оказывала мне положительное внимание.

Я не буду возражать, если Вы поступите по отношению ко мне строго, но благородно.

Ах! Ах, какие душки наши писатели! Тот восторг, который они у меня вызывают, в некоторой степени поможет мне перенести тяжесть ударов судьбы.

Екатерина Николаевна!

Пусть с 1938 г. для Вас начнется красивая и богатая полоса Вашей жизни. Если и раньше у Вас бывали такие полосы, ничего, лишняя не помешает. С Новым годом!

Адреса Вам не сообщаю, так как времени отвечать у Вас не будет, и желание тоже под сомнением.

А. Макаренко

Н. В. Петрову

[без даты]

Милостивый государь мой, Николай Васильевич!

Так как в газетах не было Вашего некролога в сопровождении портрета, делаю отсюда заключение, что Вы находитесь в живых, а посему и принимаю на себя дерзость обратиться к Вам с настоящим письмом, в коем, во-первых, спешу уведомить Вас, что жительство имею в городе Москве, где и рассчитываю увидеть Вас в самое ближайшее время, ибо, зная Ваш характер и характер Вашей деятельности, предвижу, что не может пройти

больше месяца без того, чтобы Вы не приехали в наш город по разным делам, имеющим отношение, разумеется, к искусству.

То, что Вы не ответили на мое последнее письмо, отношу единственно к чрезмерной Вашей занятости.

Со своей стороны, рассчитываю быть в Ленинграде в средних числах мая месяца, но зайду к Вам только в том счастливом случае, если получу от Вас благоприятный ответ на сие письмо.

В противном случае буду полагать, что Вы ни в Ленинграде, ни в Москве видеть меня не желаете, что вполне можно ожидать от такого талантливого человека, каким всегда считал Вас, независимо от Вашего ко мне иногда вызывающего отношения.

В Москве проживаю по Лаврушинскому переулку в доме № 19, в квартире 14.

Примите уверение в глубочайшем моем к Вам, милостивый государь, почтении и любви.

А. Макаренко

А. Ромицыну

7 февраля 1938, Москва

Уважаемый тов. Ромицын!

Получил Ваше письмо от 30 января и вчера телеграмму с напоминанием. Полагаю, что переписываться нам не о чем. Никогда не мог предполагать, что возможны такие нравы в деловых отношениях. Вы заказали мне сценарий. В ноябре прислали договор на подпись. В декабре телеграфно просили «не ослаблять» работы и сообщили, что договор задерживается техническими обстоятельствами. Потом замолчали на 1,5 месяца, и, наконец, в феврале выяснилось, что такой сценарий Вам не нужен, что Ваша декабрьская телеграмма, осторожно говоря, не соответствует действительности.

О чем можно говорить сейчас? О новой теме и новом сценарии? Но для меня совершенно очевидно, что Вас абсолютно не интересует вопрос о напрасной трате времени и моих сил, и нет никаких гарантий, что и в дальнейшем я не могу очутиться в таком же глупом положении. А между тем ничто не вынуждает меня так рисковать. Одесская киностудия заставила меня отказаться от предложений московских студий, и я очень об этом жалею, ибо здесь, кажется, другие обычаи.

Все это вовсе не значит, что я отказываюсь работать над сценарием на тему из жизни школы, но едва ли мы с Вами сговоримся. Я рассчитываю разработать сюжет, построенный на внешнем событии: защита города от наводнения, на фоне которого можно красочнее и выразительнее изобразить внутренние движения в школьном коллективе и отдельные характеры учеников, педагогов, отдельных групп. Московские товарищи побаиваются технических трудностей в изображении наводнения, но вопроса еще не решили.

Само собой разумеется, что могу начать работу над сценарием, только

получив утвержденный договор и аванс, и сроки должны быть обозначены так: 4,5 месяца со дня получения мною утвержденного договора. Разумеется, что письмо прошу не считать предложением к чему-либо обязывающим. Если здесь предложат договор, я его подпишу.

А. Макаренко.

А. Ромицыну

15 февраля 1938, Москва

Уважаемый товарищ Ромицын!

Я очень рад, что наш «конфликт» можно считать исчерпанным, и тем более приятно догадываться, что Вы лично не были его причиной. Уверен, что в работе у нас наладятся правильные, солидные и товарищеские отношения. Не хочется сомневаться, что и художественная сторона нашей работы не подкачает.

Верный своему отвращению к либретто, я рассчитываю представить Вам готовый сценарий к 20 мая, а может быть и раньше. Это выгодно и вот в каком отношении: я имел случай познакомиться с некоторыми сценариями в других студиях на молодежные темы. Есть очень много хороших либретто, но везде, как правило, чрезвычайно слаб диалог. Хотя я еще не написал ни одного сценария, но чувствую, что в звуковом фильме все-таки решает успех диалог. Поэтому судить о моей работе без диалога будет для вас трудно, а для меня трудно писать либретто, не представляя себе, как ребята говорят. Я с трудом представляю себе действия, не соединенные с мыслью, а следовательно, и со словом.

План у меня такой. С 15 мая я должен отдыхать в Ялте. Я вышлю Вам сценарий к 5—10 мая, а по дороге в Ялту заеду к Вам поговорить. Если в сценарии потребуются доделки, я сделаю их в Ялте в течение мая месяца.

Я имею возможность сделать это вот почему. Через 3 дня я сдаю в печать большой роман. Март и апрель у меня сравнительно свободны. 22—25 февраля я уезжаю в Малеевку, где подальше от столичного шума займусь сценарием.

Буду очень благодарен, если Вы к 22—25 февраля вышлете мне деньги. Они не столько нужны мне как деньги, сколько как доказательство, что моя работа над этим сценарием действительно состоится.

Привет.

Уважающий Вас *А. Макаренко.*

Н. Ф. Шершневу

20 февраля 1938, Москва

Дорогой Коля!

Прости, что долго не писал. Был тяжело болен, прикован к постели.

Был у меня твой брат, очень мне понравился. Я с ним согласен, тебе нужно переехать к нему в Мариуполь. Переходить на педагогическую работу не советую, это самая неблагодарная, убийственная для здоровья работа.

Брат обещает устроить тебя во всех отношениях хорошо.

А то, что отстал от уровня молодежи, пусть тебя не смущает. Надо больше читать, больше общаться с людьми, и ты всегда догонишь кого угодно.

«Педагогической поэмы» у меня нет — всю разобрали.

Пиши.

А. Макаренко.

P. S. Недавно у меня были Захожай[1], Борискина[2], Сыромятникова[3], Ткачук[4], Джуринская[5].

А. М.

Л. Н. Разумовой

6 июня 1938, Ялта

Уважаемая Лидия Никитична!

Ваше письмо переслано мне в Ялту с некоторым опозданием. В нем затронуто много интересных вопросов. Но трудно ответить на них в письме, а кроме того, трудно заглазно судить о Вас и Вашей семье. И наконец, еще одно важное обстоятельство: я посылаю письмо по тому адресу, какой вы сообщили, в нем нет названия улицы. Напишите, как называется Ваша улица, я Вам отвечу подробно, а может быть, повидаюсь с Вами, когда буду в Ленинграде в июне — июле. Еще лучше было бы, если бы Вы сообщили Ваш телефон.

Из Ялты я скоро возвращаюсь в Москву. Мой адрес: Москва, 1. Лаврушинский пер., 17/19, кв. 14. Антону Семеновичу Макаренко.

Привет.

А. Макаренко.

Дмитриеву

17 июля 1938, Москва

Дорогой тов. Дмитриев!

Ваше письмо меня очень взволновало. Часто приходится видеть горестные коллизии, происходящие от человеческой слабости. А Вы — это совершенно очевидно — личность незаурядно сильная, и поэтому Ваше горе ощущаешь по-настоящему тяжело.

Трудно советовать людям за глаза, не будучи с ними знакомым и не видя их жизни, их лица, их души. Но по отношению к Вам у меня все-таки преобладает впечатление от Вашей силы и мужественности. Может быть, поэтому я в вашем положении не вижу двух выходов, а только один: Вы должны уйти к той женщине, которую любите, и вообще я не понимаю, как это можно жить вместе людям, не любящим друг друга. В своей книге я и не думал рекомендовать что-либо подобное[1]. Совершенно особый вопрос о том, как нужно сохранять любовь и как определять ее. Но если она утеряна, ничего поделать нельзя, даже оглядываясь на детей: в этом случае дети все равно страдают и очень часто страдают больше, живя в насильственно сохраняемой семье.

Я думаю, что Ваше решение вполне точно определяется Вашим чувством к N, Вашим уважением к себе и Вашей любовью к дочке. Все эти три основания приводят к одному выводу: Вы должны мужественно отказаться от отцовских радостей (по отношению к этому ребенку), оставив себе только отцовский долг. Как вы это сделаете, я не могу сказать, все зависит от Вашего характера, ума, натуры, от силы Ваших тормозов.

Конечно, Вы должны оставить дочку матери, не сомневаясь в праве матери и уважая это право, как бы несимпатична ни была эта мать. Вы не должны этой матери как-нибудь мешать, нарушая единство воспитательного процесса, Вы не должны стремиться к тому, чтобы девочка стала участницей Вашей распри. Если при этом Вы сумеете сохранить некоторую близость к дочери — хорошо, если не сумеете, нужно и от этой близости временно отказаться[2]. Уверяю Вас, в этом есть много кажущихся бед, увеличенных воображением и чувством. В общем, Вам нужно создавать новую семью.

Примите это решение со всеми последствиями — приятными и неприятными.

Простите за поучительный тон, иначе — трудно.

Привет.

А. Макаренко.

Т. В. Турчаниновой

14 августа 1938, Москва

Дорогая тов. Турчанинова!

Самое горячее спасибо Вам за внимание и за письмо. Оно поднимает столько интересных вопросов, что едва ли на все смогу ответить.

Кажется, Вы очень удивлены, что я изменил педагогике.

Во-первых, я не изменил, а во-вторых, до каких же пор мне с ней ссориться? Она оказалась очень вредной и упорной дамой, мои атаки в лоб она встретила с завидной твердокаменностью. Я решил после этого брать ее измором.

Правда, сейчас очень плохо чувствую себя без ребят, но мало ли приходится по разным причинам плохо себя чувствовать? Приходится делать то, что целесообразнее. В течение 16 лет я создал две колонии, и каждая из

них была в своем роде хороша, и каждую развалили в момент наибольшей высоты.

До каких же пор можно продолжать подобную работу? Очевидно, что опыт никому ничего доказать не может. Нужно писать. Буду писать как умею, надеюсь, что рано или поздно будет моя победа. Если заинтересуетесь моими писаниями, читайте новый роман «Флаги на башнях», который печатается в журнале «Красная новь».

Пишите о себе, буду очень благодарен. Отвечаю всегда, обижаться не будете.

Привет.

А. Макаренко.

А. К. Виноградову

14 августа 1938, Москва

Дорогой Александр Корнеевич!

Сейчас получил ваше письмо, отвечаю на московский адрес, а может быть, передам в Тарусу с Галей, моей женой, которая собирается поехать посмотреть Ваш рай. Простите, что печатаю на машинке, — привык и люблю.

Между нами говоря, Ваше письмо меня возмутило. Нет никаких оснований для таких горестных мыслей. Лозовский — это и есть Лозовский, не больше. И всякий человек не выше своей макушки. Даже при самом заядлом стремлении напакостить реальная пакость всегда меньше проектируемой, потому что люди сопротивляются и борются. Это и есть необходимейшее условие здоровой жизни. Всякая другая позиция неправильна. Я испытывал в своей жизни много раз правильность этой установки. И я много раз был свидетелем таких случаев, когда победа у человека сидит на носу, а он этот самый нос опускает.

Совершенно естественно во время борьбы переживать неудачи и поражения. Без поражений не может быть ни силы, ни победы. Разумеется, поражения неприятны, но и неприятность хорошая вещь, если относиться к ней философски. Неприятность — это та соль жизни, без которой вообще совершенно невозможно счастье. А у нас и неприятностей не больше, чем у всякого другого человека.

Что особенного случилось? Ничего не случилось, а что случится завтра, Вы даже не знаете. Печатают очень много учебников, не хватает бумаги, от этого все люди, стоящие возле бумаги, «хужеют» в несколько раз. Разве это не естественный процесс? Вам господь бог дал талант и культуру в таком размере, в каком они даются не больше как 0,0001% людей. Это такая хорошая вещь, что она раз и навсегда способна покрыть любые неприятности.

Я признаю в жизни только одну неприятность, перед которой приходится пасовать, — это смерть. Все остальное весьма относительно и по же-

ланию человека может быть навсегда переделано в какое угодно удовольствие. Этому мешает одна скверная штука — память. Как было бы хорошо, если бы все неприятные разговоры и события просто не вспоминались. Но и к этому легко можно привыкнуть.

Одним словом, дорогой товарищ, хотите — пишите о молодежи, это вовсе не кампанейская тема, а тема всегда важная и нужная. У Вас такой хороший сын, что Вам, наверно, есть что написать. У нас, например, нет ни одной порядочной книги, да и никакой книги, написанной отцом, воспитавшим хорошего сына-комсомольца. Мне кажется, стоит просто сесть за стол и написать просто о том, что было и что пережито, и получится прекрасная книга. И это вовсе не надуманная и не посторонняя тема, а тема нашей жизни, настоящей, реальной ее практики. Нет, тут человек вспоминает, что он, видите ли, не специалист. Голубе, какие там мы специалисты. Мы просто обыкновенные живые люди, и все человеческое нам близко. Я осуждаю писателей, которые воображают, что они люди узкой тематики. Если они вообще люди, они должны быть специалистами жизни, и это самое главное. Правильно сказано, что мы инженеры человеческих душ. А человеческую душу можно увидеть и найти в любой области, самой как будто далекой и неожиданной.

Беда! Мешает нам наше писательское воображение. Именно благодаря ему мы начинаем мнить себя специалистами узкой темы. Ничего подобного, честное слово, ничего подобного.

Бросьте Ваши счеты и расчеты с разными фамилиями. Если Вас покусает бешеная собака, неужели нужно на нее обижаться? Простите за поучительное письмо. Педагогическая привычка.

Н. Г. Шкляру

14 августа 1938, Москва

Дорогой Николай Григорьевич!

Не вполне понимаю, почему ты так погорячился. О коллективе и о детях я писал, писал и еще писать буду. Как мне нужно специально откликаться?

Писал я и о значении детского коллектива в школе — два подвала в «Правде»[1], почему и в каком разрезе я должен сейчас откликнуться? Ты меня уволь от этого дела, которое в общем нужно делать, конечно, не в порядке отклика. К тому же я сейчас чрезвычайно скверно себя чувствую.

Привет.

Ф. С. Борисову

15 августа 1938, Москва

Дорогой Федор!

Письмо твое пришло, когда был в Крыму, потом ездил в другие места, потом болел, письмо все ожидало ответа — не хотелось отвечать на него как-нибудь небрежно, а ответить по-настоящему все не было времени и свободной души. Неделю тому назад я серьезно заболел, упал в обморок на улице, врачи запретили мне писать и даже читать, и именно потому я имею свободу, чтобы ответить тебе.

Письмо твое серьезное и поднимает самые страшенные вопросы, те самые вопросы, которые издавна составляют предмет философии и на которые философия не дала никаких ответов. Поэтому глупо было бы слушать, что я такой же простой и скромный человек, как и ты, могу дать более исчерпывающие ответы, чем самые значительные философы. Конечно нет.

Но для меня все эти вопросы давно решены, и давно их решение помогает мне жить. Поэтому я не буду тебя поучать вроде какого-либо проповедника, а просто расскажу тебе, как я для себя их разрешил.

Пессимизм «твоего» типа не нов. Все молодые люди, удостоенные раннего развития, обязательно переживают такой пессимизм. Его происхождение очень ясно. Человеческая жизнь идет по строгим законам. Юношеству свойственно горение и искание правды. От всяких пропастей и срывов в этом искании спасают только недостаточное знание и недостаточный анализ жизни, какие обыкновенно бывают... Но если горячность молодости и правдолюбие случайно соединяются с некоторым знанием жизни, тогда обязательно получается пессимизм.

Так случилось и у тебя, так было и в моей юности. У меня это было долго и мучительно и отразилось на всей моей жизни. Я, например, до 40 лет не женился потому, что не хотел скуки и обыденщины, не хотел теплого угла и успокоения в потомстве. У другого это бывает иначе, другой находит придирки в каких-то других вещах.

Таким образом, это все естественно, но эта естественность тебя не устраивает. Вопросы все-таки остаются, и нужно их во чтобы то ни стало разрешить.

Я для себя их разрешил, и ты разрешишь.

Конечно, вся суть в том, что требуется ответ на вопрос: в чем цель жизни? Вопрос всем кажется правильным, и всем кажется, что на него нужно отвечать. На самом деле и вопрос неправильный, и отвечать на него просто не надо. Что такое цель? Откуда взялось самое понятие цели и самый этот термин? Почему на свете все должно быть целесообразно? А если нецелесообразно, так разве это плохо? Большинство решает: да, плохо. Должна быть цель.

Понятие цели пришло от простой обыкновенной человеческой деятельности. Вся жизнь человека в том и состоит, что он борется с природой, с холодом, с голодом, с нуждой, с врагами. Его жизнь — это череда определенных мелких или крупных мероприятий, направленных к поддержанию жизни. Каждое такое мероприятие имеет цель, но все эти цели сводятся

к одной: прожить как можно дольше и как можно приятнее. Цель эта разумная, и разумно ее достигать.

В старом мире эта цель достигалась каждым человеком за свой страх и риск, при помощи своей личной борьбы. Чем более росло человечество, тем все больше и больше начинало понимать, что лучше всего эта цель будет достигаться, если бороться не в одиночку, а коллективно. В социализме идея коллективности выражена в наиболее совершенных формах, но нельзя сомневаться в том, что через несколько тысяч лет будут найдены новые, еще более богатые выражения коллективности. А цель остается все такой же: человек хочет жить как можно дольше и как можно приятнее.

Такая цель ни в коем случае не есть цель абсолютная, так сказать, цель принципиальная. Она выражает только требование количественного максимума, того, что в готовом виде дано уже природой, принципиально ничего нового она не выражает. Природа сама по себе не знает цели, мир тоже цели не имеет, одним словом, в природе вовсе нет никакой цели и быть не может. Плохо это или хорошо?

Ни плохо, ни хорошо. Человек в минуты слабости и зверской трусости перед смертью начинает кричать, вопить, стонать: он не выносит смерти, он протестует, он не хочет умирать, смерть кажется ему ужасным явлением. На самом деле, конечно, ничего ужасного в смерти нет. Смерть так же естественна, как и жизнь, и, вероятно, состояние небытия нисколько не отвратительно. Оно становится отвратительным в нашем воображении, когда мы противопоставляем смерть и жизнь, на что мы вовсе не имеем права: жизнь и смерть одинаково законны и естественны, между ними нет противоречия.

Требование, чтобы в жизни была какая-то абсолютная цель, — требование, ни на чем не основанное. Я прямо спрошу: а почему? А чем будет лучше, если будет цель? А что ты будешь делать, если цель будет достигнута: может быть, ты хочешь вечно жить? Если даже представить себе вечную жизнь, она мало чем будет отличаться от настоящей нашей жизни, все равно страдание и тогда неприятно будет, а счастье и теперь хорошая вещь. Воображение, что цель, абсолютная цель жизни что-то изменит к лучшему, это воображение ни на чем не основано.

На самом деле цель не имеет такого значения. И в нашей теперешней жизни часто именно бесцельные поступки бывают самыми лучшими и благородными поступками. Самые счастливые состояния человека — это те состояния, которые не стоят ни в каком отношении к какой-нибудь цели. И наоборот, слишком реальное видение близкой цели, в особенности цели индивидуальной, делает жизнь часто прямо отвратительной.

Я так и считаю: жизнь должна быть прекрасна, она и есть прекрасное начало, но она вовсе не должна иметь абсолютную цель. Это было бы слишком расчетливо, слишком бледно, слишком по-сволочному. Я люблю жизнь такой, как она есть. Она прекрасна именно потому, что непрактична, не рассчитана по эгоизму, что в ней есть борьба и опасности, есть страдание и мысль, есть какая-то гордость и независимость от природы. Природа придумала свои законы, придумала смерть, только один человек научился с нею бороться и научился плевать на смерть, хотя и узнал смерть. Животные спасены от страха смерти потому, что ничего не знают о ней.

Вот и все. Я живу потому, что люблю жить, люблю дни и ночи, люблю борьбу и люблю смотреть, как растет человек, как он борется с природой, в том числе и со своей собственной природой. Мне все это нравится. Я уверен, что люди и дальше будут бороться с природой, научатся жить лучше и дольше, но все равно они всегда будут жить приблизительно так, как и я, с той же полнотой радости и горя, т. е. с полнотой ощущения.

А цель ни для чего не нужна. Цель, идеальная цель жизни испортила бы ее, сделала бы ее менее интересной.

Философия, как видишь, не очень сложная, но это самая простая и самая распространенная философия. Так люди жили всегда и так всегда будут жить. Они только все больше и больше учатся находить радости жизни в коллективе, радоваться не личным победам, а победам человечества, в этом и состоит настоящий смысл социализма.

Рассуждения о том, что мы — материя, — рассуждения лишние. Никто еще не знает, что такое материя, но можно уже предчувствовать, что материя очень сложная штука. А если даже и материя, так почему это плохо? Какое ты имеешь право презирать материю? Материя — это прямо замечательная штука, богатая возможностями и красотой. И я хочу жить в материи, которая в моем ощущении все-таки представляется богатой и великолепной моей личностью.

Самое главное, Федор, надо уметь видеть прелесть сегодняшнего и завтрашнего дня и жить этой прелестью. В этом и заключается мудрость жизни и, если хочешь, ее цель. Только один человек видит прелесть жизни в куске хлеба или водке, а другой находит более сложные и богатые прелести — в работе, красоте, борьбе, в росте человеческой материи. Уже и сейчас материя, выраженная в музыке Бетховена или Чайковского, в великих изобретениях, в технике, — очень высокая штука, такая высокая, что я не променял бы ее на вечность.

У тебя все же это непременно и скоро пройдет. То, что тебя мучит неуверенность в специальности, — тоже хорошо. Это доказывает только широту твоей натуры, ее требовательность. Потом ты ясно увидишь, что у человека должна быть единственная специальность, он должен быть большим человеком, настоящим человеком. Если ты сумеешь это требование понять, ты не будешь волноваться по поводу специальности. Ты будешь инженером, а потом станешь судьей, или писателем, или учителем, а может, и музыкантом — везде для тебя будет интересно, и везде ты сможешь быть честным, работоспособным, внимательным, вдумчивым. И каждая специальность станет в таком случае большим и важным делом.

Пиши, если с чем-нибудь со мной не согласен. А пока желаю тебе самого главного: больше здоровья, больше терпения и спокойствия. Все остальное придет.

Крепко жму руку.

С. А. Калабалину

15 августа 1938, Москва

Дорогой, милый, родной Семен!

Что мне не повезло, это куда ни шло, но и ты связался с моим невезением, и тебе хлопоты и беспокойство и, может быть, даже разочарование. Я уже собирался на днях выезжать, достал нужное разрешение (довольно длинная штука), случилась большая неприятность: среди бела дня на одной из главных улиц, без всякого предупреждения со стороны судьбы, без всякого предчувствия я грохнулся в обморок прямо на трамвайной остановке. Кто-то со мной возился, сбежались мильтоны, погрузили меня в машину и привезли домой в состоянии довольно мерзком, мерзком, главным образом потому, что оно было прежде всего глубоко безразлично: умирать или не умирать — все равно. Хотелось только одного, чтобы никто не говорил громко. Домашние мои, конечно, всполошились, всполошили Союз, и возле меня завертелись целых четыре врача. Это произошло 10 августа.

Разговоры со мной ведутся... тяжелые. Запретили писать, читать, играть в шахматы, волноваться. Сейчас пишу тебе украдкой, только потому, что на минутку остался один дома. Я, правда, не лежу, но состояние возмутительное. Через 5 дней еду лечиться здесь под Москвой. Покой, электричество и вода в разных видах. Признали у меня тяжелое переутомление мозговых сосудов — все на нервной почве, хотя, как ты знаешь, я очень редко нервничал. Хуже всего то, что пугают Галю: такие обмороки, говорят, не должны повторяться, это звучит отвратительно.

Я понимаю, голубок, что тебе неприятно и досадно: приготовился к гостю, а гость какие-то дамские обмороки закатывает. Но что я могу поделать? Мое положение еще неприятнее, я хочу, чтобы ты мне посочувствовал.

Сейчас я утверждаю дома, что после санатория я поеду все-таки к тебе, но и сам себе не верю, и никто этому не верит. Врачи требуют, чтобы я никуда далеко от врачей-специалистов не удалялся надолго. Между прочим, в глаза они утверждают, что ничего особенно опасного нет, что нужно только аккуратно подлечиться и ничего не делать, но тут же они прибавляют слова далеко не утешительные: не забывайте, что Вам уже 50 лет.

Все-таки меня больше всего беспокоит, что я подвел тебя и вместе с тобой, наверное, еще несколько человек. Моральные твои страдания... что я могу поделать, страдай, по дружбе ты мне это недоразумение простишь, но ведь ты влез в материальные расходы. Если ты хочешь хоть немного меня успокоить и порадовать, сделай дружескую милость: сообщи, сколько ты истратил денег на разные подготовки. Очень тебя прошу об этом.

Осень для меня вообще погибла, на это приходится махнуть рукой. Но весной, я уверен, даже врачи посоветуют мне поехать к тебе, ведь к тому времени все их процедуры должны вернуть мне нормальное состояние. Сейчас, между прочим, я чувствую себя очень неважно: пусто в голове,

досадно и как-то неприятно легко возле сердца, и, кроме того, стал злой, страшно со мной разговаривать.

Прости, дорогой, да, собственно говоря, старость штука непростительная. Поцелуй своих и передай горячий привет и извинения. Пиши по московскому адресу, передадут.

Твой *А. Макаренко*

С. П. Вельяминовой

15 августа 1938, Москва

Уважаемая тов. Вельяминова!

Гослитиздат переслал мне Ваше письмо с приложением материалов по женскому вопросу, который, между прочим, благополучно существует и у нас.

Все, что вы говорите по этому вопросу, очень меня занимает, и притом очень давно. Почти со всеми Вашими положениями я согласен, но для меня далеко не так ясно, что нужно делать. Я не очень верю в силу агитации по этому вопросу, если агитация не поддержана какими-то более могучими средствами, главным образом экономикой. В частности, я не очень верю в агитацию среди мужчин.

Во всяком случае я очень буду рад встретиться с Вами и поговорить. Если Вам не трудно, позвоните мне по телефону В-1-78-96, лучше звонить поздно вечером, после двенадцати. В Вашем письме нет номера Вашего телефона, поэтому я не могу сейчас позвонить Вам.

Привет.

А. Макаренко.

Н. Д. Соколовой

15 августа 1938, Москва

Уважаемая Наталья Дмитриевна!

Напишите, как живете. Я за последние месяцы много работал, путешествовал, болел, лечился, совершенно выбился из переписки. Сейчас немного успокоилась обстановка, я нашел все Ваши письма, на которые отвечать поздно. Но Ваша карточка в хорошем состоянии, Вы не беспокойтесь.

И не обижайтесь. Я о Вас много думаю и хорошо помню Ваше первое письмо. Очень прошу, напишите, как у Вас дела и как с настроением. Не думайте, пожалуйста, что мне нужны жизненные материалы, я в них как раз не нуждаюсь, а по-человечески Вы меня очень интересуете, и я от самой настоящей и горячей души желаю Вам счастья.

Напишите, серьезно!

Привет.

А. М. Доленго

15 августа 1938, Москва

Уважаемый тов. Доленго!

На днях я получил Ваше письмо — открытку и пьесу. К сожалению, в ближайшие дни я не могу заняться Вашей работой, так как у меня много другой работы, и литературной, и консультационной, а Вы не предупредили меня о намерении прислать пьесу. Во всяком случае к 25 числу я рассчитываю прочитать и сообщить Вам мое мнение.

Бригады имени [А. М.] Горького еще нет и в скором времени, вероятно, не будет. О причинах распространяться долго.

Привет.

Л. Н. Разумовой

16 августа 1938, Москва

Милая Лидия Никитична!

Простите, что немного запаздываю с ответом, есть кое-какие уважительные причины. Очень благодарю Вас за две записки, из которых прежде всего видно, что человек Вы душевный и хороший. Нужно еще, чтобы Вы были и человеком счастливым, это буквально в моих интересах — у счастливых родителей всегда хорошие дети.

Кажется, Вы и есть счастливый человек, по крайней мере в Ваших письмах, несмотря на маленькое брюзжание, видно и хорошее настроение, и оптимистическая душа. И специальность у Вас прекрасная, ужасно люблю бухгалтеров и до сих пор мечтаю: может быть, я когда-нибудь сделаюсь бухгалтером.

Снова сомневаюсь, получите ли Вы это письмо. Очевидно, в Вашем характере есть некоторая неопределенность, она сильно отражается в письмах. Написали Вы, что с 10 по 24 августа Ваша душа будет в Крыму, а потом написано, что 24-го Вы выезжаете в Крым. Я так и постарался понять, что 24 августа выезжает в Крым Ваше тело. В известной мере я был бы удовлетворен, если бы мое письмо было получено Вашим телом, передача письма душе — дело, так сказать, техническое. Но меня смущает, почему Ваша душа будет в Крыму только с 10 августа. Душа — это такая легковесная штука, что ее можно отправить в Крым и раньше. Почему пересылка души произойдет только 10 августа? Неужели Вы умеете так точно расправляться со своей мечтой: начинаю мечтать о Крыме с 10 часов утра 10 августа? Одним словом, я боюсь, как бы Ваше тело не увязалось с душой в этот самый Крым тоже 10 августа.

Впрочем, при всяком условии я боюсь, что ни Магомет, ни гора не в состоянии будут организовать нашу встречу. Недавно я свалился в обморок, прямо на улице, в объятия милиционера. Случай сам по себе пустяковый, но он передал в руки врачей большую власть, врачи отправляют меня лечиться, здесь под Москвой, в специальном медицинском учреждении.

Приходится ехать, и уезжаю я 25 августа часа в 2 дня. Буду там до 25 сентября, а потом придется еще куда-то ездить, ибо врачи поставили себе очень смешную цель: добиться, чтобы второго обморока у меня не было. Все это чепуха, я чрезвычайно здоров, только уморился. Но из-за них повидаться нам придется не скоро, а я очень хочу.

Страшно благодарен Вам за приглашение остановиться у Вас. Вероятно, это штука очень обременительная для хозяйки, и я постеснялся бы воспользоваться приглашением. Но побывать у Вас, познакомиться с Вашей жизнью, с Вашими наследниками — очень, очень хочу. Как только мы с Вами снова обратимся в оседлых людей, я обязательно приеду в Ленинград. Очень Вас прошу, пишите, как у Вас и жизнь, и дела, что видно хорошего впереди. Буду очень благодарен Вам за письма. Писать можно по старому адресу, мне передадут.

Крепко жму Вашу руку и желаю счастья в Крыму.

Ф. А. Дыбиной

16 августа 1938

Милая, замечательная Фрида, здравствуйте!

Что Вы — замечательная, я уже в этом не сомневаюсь. Правда, Вам не следовало бы об этом говорить, но, кажется, Вы не из тех, кого можно испортить.

Спасибо за письмо. Вы даже представить себе не можете, как оно поэтично. И если бы Вы спросили меня, чего я хочу, я ответил бы прямо: пишите мне длинные-предлинные письма. Я сейчас очень много читаю рукописей, главным образом начинающих писателей (бывает и старых), но только Ваше письмо доставило мне истинное художественное наслаждение. Видите, я тоже умею радоваться!

Очень хочется поехать в Ростов-Дон посмотреть на Вас, на вашу маму, на Наташу, на младшую сестру. Мне не хочется видеть только этого вашего... Михаила. Честное слово, это нехороший человек. Как он смеет говорить вам такие слова: «Ни одному твоему слову не верю». Пусть он там летчик и даже герой, а все-таки таких слов он говорить не должен.

Ведь даже из письма вашего видно, можно вам верить или нельзя. А он ведь видел Вас... живую и такое позволяет себе говорить Вам. Я убежден, что он принадлежит к людям толстокожим, досадно ужасно, что он получил на вас какие-то права.

Очень досадно! Вы должны найти себе друга нежного и мужественного. Говорить вам «Ни одному слову не верю» — это прежде всего не мужественно. Наверное, вы хороши, и его терзает мелкая будничная ревность. Ну, хорошо, пускай себе и мучится по секрету, а зачем выбалтывать такие вещи?

Что же, приняты Вы в институт? В педагогический? Вот мне кажется почему-то, что вы для этого института не подходите. А впрочем, все равно, в каком вы будете институте. Видно, что вы поэт. Где бы вы ни учи-

лись, вы все равно будете поэтом. Только вы немножко ленитесь. Над стихом нужно много работать. У вас в последнем стихотворении есть такие рифмы, как «чехарду» и «войну», есть слабые строчки: «как один, отказались все быть» или «солнце ярче лишь стало светить». А есть и замечательные строчки, которые радуют искренней и глубокой духовной силой. Я думаю, однако, что из вас выйдет не поэт-поэт, а поэт-прозаик. Со временем у вас будет получаться замечательная проза, только теперь еще рано. В 19 лет не может быть хорошая проза. Вы должны больше читать, особенно стихи, больше и смелее жить, больше смеяться и не должны позволять говорить вам такие слова, как говорит Михаил. За такие слова всякий должен получать высшую меру, т. е. изгоняться из вашего сердца навсегда.

Если это правило соблюдаться не будет, не выйдет из вас поэта, так и знайте.

Это очень важно для вас, не расплескать, не раздарить вашу хорошую, искреннюю силу. Ох, боюсь я педагогических институтов, очень боюсь, будьте, пожалуйста, осторожнее с ними. Во всяком случае не влюбляйтесь в педагога. Это невыносимо скучно: мужчина-педагог!

Очень прошу: напишите очень подробное письмо. О себе, конечно.

На днях я еду лечиться: меня угораздило на днях свалиться на улице в обморок!!

Это врачи называют переутомлением. Враки, какое там переутомление, но лечиться все-таки нужно: не люблю обмороков.

Напишите. Только подробнее. Передайте привет Наташе и нашим друзьям. Напишите, как Михаил будет себя вести. Устройте над ним какой-нибудь... погром. И напишите, как он будет реагировать.

Привет.

А. Макаренко.

А. Е. Коломийченко

16 августа 1938, Москва

Уважаемая тов. Коломийченко!

Пишу в расчете, что Вы уже вернулись в Истру. В конце июля мне пришлось быть в Вашем городе. У Вас красиво и мило, страшно хорошенькая речка и вообще интересный антураж. Сейчас многие люди уговаривают меня перебраться в Истру и купить там дачу. Это отчасти хороший совет: в Москве не дают ни жить, ни работать. К последним дням я окончательно заморился: и пишу много, а еще больше разговариваю то с родителями, то с педагогами. Боюсь, что из моих разговоров толку будет мало, я вообще в разговоры не верю.

Вы человек с очень оптимистическим характером. Вам кажется, что с начала учебного года все наладится. Ох, до чего это трудная штука — педагогика! Вы правильно обмолвились, что педагогика есть бездна всяких вопросов. Именно — бездна.

Пишите больше о себе и о своей работе. До сих пор Вы даже не написали, как Вас зовут. Напишите о себе подробнее, как Вам живется, какая у Вас семья, как идет школа, вообще обо всем. Если буду в Истре, теперь уже обязательно Вас найду. Хорошо ли отдохнули в Черниговской? Там прекрасные места — по Десне.

Крепко жму руку.

А. Макаренко.

В. Н. Терскому

17 августа 1938, Москва

Дорогой Виктор Николаевич!

Очень приятно было получить от тебя письмо. Я все собирался тебе написать, но ждал более определенных решений в «Затейнике». У них все делается невыносимо медленно, этому помогает еще летнее время. Договоришься с одним, смотришь, он поехал на курорт, начинаешь с другим, через день его тоже нет.

Они очень хотят, чтобы ты у них работал, но люди они весьма затхлые и очень трудно разобрать, как они представляют себе твою работу. Одно время они так наперчились, что уверяли меня: «не пожалеем никаких денег, жен и детей...» А потом что-то у них лопнуло внутри, и на некоторое время они испортились.

Между нами говоря, у них очень мало затейного в самом их активе, и они не представляют себе нынешних ребят. До сих пор у них в головах торчат вообще мальчишки или те мальчики, которые в нашей литературе называются пионерами и которых в природе вообще не существует. Пионера они не могут представить себе вне модельного кружка, но даже и в модельном кружке этот пионер не стоит больше самой модели. Ну... и так далее.

Я еще буду с ними разговаривать. Не хочу, чтобы ты с первого дня нарвался на взаимное непонимание. Вероятнее всего, осенью (когда это будет, зависит от разных курортов) они вызовут тебя для предварительной беседы. Я тебе, конечно, напишу, если и раньше что-нибудь выяснится более или менее определенно.

Спасибо, что сообщил кое-что о наших колониях. Степан, значит, утихомирился в семейном очаге. При встрече, будь добр, передай ему привет.

Да! Что такое в календаре? Это странное предприятие. Они ввели меня в свою редколлегию и очень торжественно сообщили об этом, но потом в течение 3 месяцев ни разу не вспомнили о моем существовании. Наверное, у них тоже легкий маразм. А кроме того, до Нового года еще 5 месяцев и можно не спешить.

Передай привет твоей семье. Кланяйся Тимочке и всем, кто еще меня помнит.

Пиши.

В. М. Роот

24 августа 1938, Москва

Вопрос главный и единственный: что называется в таком случае катастрофой? Не в области чувств? Что обозначает это ограничение? Я человек тупой в отношении катастроф. Хорошо знаю две категории катастроф: смерть и подлость. Судя по тону Вашего письма и по очаровательным и совершенно безгрешным пейзажам, присланным Вами, ни одна из этих катастроф с Вами не произошла. Что касается так называемых обстоятельств, то эти никчемные звери, собственно говоря, не должны портить не только настроения, но даже аппетита.

Вы обращаетесь со мной высокомерно: пишете о катастрофе и не говорите, в чем дело. Знаю, сейчас Вы презрительно сгримасничали: во-первых, какое дело поэту мирному до Вас, во-вторых, катастрофы не относятся к темам переписки незнакомых людей.

Пожалуйста! Будьте высокомерны, Вам же хуже! Я ничего не могу поделать. А между тем Вы даже представить себе не можете, какой я мастер по части уничтожения катастроф!

Это место Вашего письма произвело на меня очень сильное впечатление. Все остальное потеряло вкус.

Очень хочу надеяться, что мне удастся на Вас посмотреть и поговорить с Вами без претензий. Уверен, что, невзирая ни на какие катастрофы, наше свидание обязательно состоится. Это будет в конце ноября или в начале декабря. Раньше не могу поехать в Ленинград. Это потому, что я заболел самой неприличной болезнью: почувствовал приближение старости. Одним словом, заболел и еду лечиться. Ваши письма, если они будут написаны, мне перешлют.

Крепко жму Вашу руку. Держите хвост трубой, а если он не держится, тоже держите.

Н. Ф. Шершневу

7 сентября 1938, Москва

Дорогой Николай!

Наконец-то ты объявился! Давно уже знаю, что ты уехал во Владивосток, писали ребята из Комсомольска, а чего уехал, надолго ли, было неизвестно.

Письмо твое интересное, по письму видно, что за последнее время ты здорово расширился и поумнел, прости за такое прямое слово, в нем не только нет ничего обидного, а даже наоборот. Если человек может поумнеть в 30 лет, это очень хороший признак, прямо существенный признак!

Страшно приятно было узнать, что ты учишься. Это замечательно и говорит о тебе тоже прекрасно...

В твоем письме точные, ловкие высказывания о литературе. Во всем с тобой согласен. И Катаева «Хлеб», конечно, пузырчатое явление. И вообще, никто сейчас ничего хорошего не пишет и, вероятно, не напишет. Поче-

му? Черт его знает почему. Думаю, что здесь не «рамки» виноваты, а виновата война. Литература — это сугубо мирное дело. Когда все более или менее отстоялось, стабилизировались мирные гнезда, есть достаток и покой, можно писать, мыслить, итожить, найти свою индивидуальность, свое слово, можно писать. Сейчас борьба, и все нужно для борьбы, писательский организм работает обязательно плохо.

Я и своими писаниями недоволен[1], и чужими. Едва ли кто-нибудь когонибудь лучше. Читать ничего не советую — ничего путного нет. «Честь» и «Флаги» сделаны наскоро. «Флаги» немного лучше, «Честь» немного хуже, все равно это не то, что я должен сказать и могу сказать. В истории коммуны [им.] Дзержинского была своя драма, не менее острая, чем в горьковской, но об этой драме я еще не хочу писать, подожду, пока в душе уляжется. Темы, конечно, есть, но у меня какая-то духовная неопределенность. Я знаю, что нужно сказать, но вопрос «как сказать?» — вопрос чрезвычайно трудный. Способ педагогической поэмы — от первого лица — уже не годится, а вот от третьего я никак не найду стиля. «Честь» сделана в одном стиле. «Флаги» в другом. Сейчас заканчиваю новый роман (для «Молодой гвардии»), может быть, в нем поймаю стиль за хвост. Пока знаю только одно: штампованных, стандартных вещей делать не буду.

Живу очень напряженно, много работаю, часто впустую. Переутомился, 5 августа был обморок на улице. 10 октября еду в Кисловодск лечиться. Дома все хорошо, но уже начинается старость. Ты пишешь о «напоре», хорошая вещь, но «напор» делается годами, а на годы у меня расчета нет. Одним словом, я сделался чересчур мудрым.

Приезжали ко мне Павло[2] и Семен[3]. Павло — на Самарском гидроузле, Семен — завдетдомом на Винничине; тоже стареют. Кажется, ты моложе всех себя чувствуешь. Про твои любовные дела ничего не скажу. Женитьба тоже дело сомнительное.

Очень хочу с тобой повидаться. Но как? Зимой к тебе и не доедешь.

Привет от всех наших. Целую.

Твой *А. Макаренко*

Л. В. Конисевичу

6 октября 1938, Москва

Дорогой Леонид!

Очень милое и интересное твое письмо, но... какого черта, в самом деле, писать его карандашом, да еще плохим! Что у вас там в Баку—Баилове чернил нету, что ли? Насилу дочитал без врачебной помощи.

В письме вижу твои литературные таланты, да и умница ты, а почему же среди всяких планов ты совершенно не упоминаешь о литературной деятельности? Наверное, ты слышал о большом литературном успехе вашего бакинца Ю. Крымова, который написал «Танкер «Дербент» — читай «Красную новь» за этот год. Я уверен, что, если бы ты захотел, ты мог бы написать лучшую повесть.

Вот если рассматривать тебя с этой стороны, то мне твой мореходный пессимизм совсем не нравится. Конечно, трудно на море, и неудобств

пропасть, и жену редко видишь, и время рассчитываешь от порта до порта. Но зато там и жизни много, и людей, и пейзажей. Думаю, что тебе не миновать литературной карьеры, а в таком случае хорошо было бы, чтобы ты не прыгал из одной деятельности в другую, а хорошо знал бы что-нибудь одно, чтобы потом сделать это одно основанием для литературной работы. Вообще ты как-то потерялся для меня с этой стороны. Читаешь ли ты книги? Записываешь ли что-нибудь?

Очень досадно, что я тебя так давно не видел, наверное, при встрече было бы за что тебя поругать, а меня хлебом не корми, а дай поругать пацана.

Будешь ли ты третьим механиком или береговым бюрократом, меня, собственно говоря, интересует мало, а вот зароешь или не зароешь свой литературный талант, меня это в особенности интересует. Я знаю, ты сейчас же запищишь: у меня никакого таланта нет и ничего у меня не выходит. Чепуха, у тебя обязательно выйдет, но дело это трудное и само в рот не лезет.

У тебя есть много о чем писать, в ближайшем письме ты сообщи мне, как обстоит дело с этой стороны.

Очень я счастлив, что рядом с тобой нашла свою жизнь и дорогу Нина. Это один из твоих хороших подвигов, и за это одно можно тебя уважать как человека сильного.

Я много работаю и в августе доработался до обморока на улице. Милиционеры подхватили меня в объятия и прислали домой. На ноябрь еду лечиться в Кисловодск.

Сейчас тоже много работаю, недавно сдал в печать «Флаги на башнях», нечто навеянное коммуной имени Дзержинского, вечная ей память. У меня бывает много коммунаров. Вася Клюшник бывает у нас почти ежедневно. Были харьковские актеры во главе с Клавой Борискиной, заходят и другие. Народ все правильный, и моя совесть не страдает.

Левка уже окончил институт и работает в ЦАГИ. Просит меня передать тебе привет.

Пиши, пожалуйста, только, если можно, чернилами. Привет, кланяйся Нине Константиновне. Когда же ты будешь в Москве? И когда перебираешься в Одессу? Может быть, я и в самом деле к тебе приеду?

А. Макаренко.

С. А. и Г. К. Калабалиным

6 октября 1938, Москва

Милые, славные Калабалины!

Я не ленив писать, но обтяжен семейством и писательской черной работой. Все откладываю на завтра солидное какое-то письмо, все хочется написать Вам по-настоящему. И приходит день, и меня с утра втаскивают в какие-нибудь срочные и безусловно никому не нужные работы, и к вечеру

я снова ни к черту не годен. А сейчас меня нагрузили в нескольких направлениях так, что и обедать не всегда удается.

Хочется очень знать, как идет воспитание долгожданного тезки, как идет прибавление в весе и какие черты Калабалиных уже можно наблюдать в этом молодом гражданине СССР. Я думаю, что в общем ему можно позавидовать. К тому времени, когда он вырастет, в нашей стране будет на каждом квартале университет, а шелковые галстуки будут прямо сваливаться с неба. Рассчитываю также, что и с Гитлером мы к тому времени покончим начисто, вообще Антону Семеновичу останется не так много забот, а будет он жить да поживать и кормить родителей, к тому времени основательно постаревших. Очень прошу Вас, передайте ему на каком-нибудь Вашем языке мой привет и поздравление с благополучным открытием жизненного плавания.

Всегда страшно жалею, что не удалось погостить у Вас, и мечтаю, что весной или летом это мне обязательно удастся. Сейчас решил солидно заняться починкой своей старости: с 1 ноября буду лечиться в Кисловодске, доктора говорят, что меня очень легко вылечить. Сентябрь провел здесь, под Москвой, в одном медицинском застенке, но доктора недовольны: нужны ванны — углекислые!

Несмотря на все это, много приходится работать, сейчас особенно нагружен работой с так называемыми молодыми. Народ этот вооружен волей и решимостью, долготерпелив и напорист, к сожалению, не хватает только талантов — чрезвычайно существенное обстоятельство. Поэтому боюсь, что моя работа пропадет даром.

Начал роман, который называется «Ньютоновы кольца». Роман о человеческих недостатках и о человеческом достоинстве. Пишется хорошо, особенно потому, что не спешу и никому его не обещал, никто не стоит над душой, поэтому работаю как душа хочет. Галя здорова и возится с Левкой, который тоже только что родился, уже в качестве инженера ЦАГИ. Первые инженерские шаги, наверное, не слишком отличаются от первых жизненных шагов твоего Антона.

На днях выезжаю в Ленинград — там уготовано несколько собраний с педагогами и родителями, работа тяжелая, но отказываться невозможно. Разговоры с педагогами в особенности надоели, все без толку и без пользы, только Наркомпрос дразнить, но и это уже надоело, главным образом по причине полной бесполезности.

Получили ли вы нашу поздравительную телеграмму? И вообще, как дела, как работа, настроение, жизнь? Не обижайтесь на мою неаккуратность в письмах, пишите чаще...

Целую вас, пишите.

В. Г. Зайцеву

6 октября 1938, Москва

Дорогой Василь!

Долго собирался тебе ответить, да все откладывал на завтра, страшно был занят, разъезжал, болел и занимался другими, такими же буднич-

ными делами. За это время получил письмо Шершнева из Владивостока и ответил ему. Он, оказывается, там временно и скоро собирается возвратиться к Вам.

Твой «сон» мне очень понравился, я уже и сам начинаю подумывать о съезде дзержинцев, но сейчас у меня даже нет времени, чтобы составить адресный список всех моих друзей, а это нужно обязательно сделать, а то всех растеряем. Однако со съездом придется подождать до более спокойного времени. Кстати, к тому времени все судьбы наши определятся, все успеют закончить разные курсы и вузы, женятся, народят детей, будет что рассказывать. К сожалению, едва ли такой съезд можно будет устроить в коммуне. Я так слышал, что с 1 января коммуна как воспитательное учреждение закрывается, значит, съезд придется устраивать где-нибудь в другом месте.

За поздравление с введением меня в ред[акционный] совет [издательства] «Советский писатель» не благодарю. Это очень тяжелая работа, главным образом с начинающими писателями, а между ними очень мало будущих писателей и много так называемых графоманов. Приходится читать целые горы написанной бумаги, и на 99% все это мура. Много приходится времени тратить и на заседания.

Вот Вас есть с чем поздравить. Прежде всего передай мое поздравление Панову и Яновскому со вступлением в партию. Передай поздравление и Мельнику и Ковалевскому и все тому же Яновскому с..., надо полагать, сыновьями.

К сожалению, не могу исполнить твою просьбу о заказе моих книг для Вас. Ни в магазинах, ни в складах издательства, ни у меня на полках моих книг нет. Недавно у меня просили «Книгу для родителей» для перевода на какой-то язык, и то пришлось отказать. В 1939 г. должна выйти «ПП»[1] и «Флаги на башнях», тогда только и смогу Вам прислать.

Пиши чаще, на меня не обижайся. Передай горячий привет ребятам, всем, кто меня помнит. Может быть, летом соберусь к Вам: у меня предстоит командировка в Иркутск, а там уже и к Вам недалеко.

Крепко жму руку.

Ф. А. Дыбиной

6 октября 1938, Москва

Милая Фрида, здравствуйте!

Вместо лечения мне пришлось поехать в командировку, а возвратившись, я нашел Ваше письмо. ...не нахожу слов, чтобы поблагодарить Вас по-настоящему. За то, что написали подробно, и теперь я могу Вас представить так ясно, как будто мы вместе с Вами сделали хорошее дело.

Насчет Михаила, видно, придется мне уступить, но при одном условии: не давайте ему много воли. И правильно, сделайтесь парашютисткой и докажите ему, что небо отнюдь не его вотчина.

Понравились мне и Ваши стихи о Пушкине и о жене. Я страшно люблю Пушкина, и вся моя квартира украшена его портретами, и Ваш Пушкин

именно такой и есть — любимый. К сожалению, нужно исправить несколько стихов, главным образом в размере, и тогда можно было бы их печатать. Но я не поэт и боюсь исправлять, да еще без Вашего разрешения. Буду ожидать терпеливо, пока Вы пришлете мне такие стихи, которые исправлять не нужно. Кстати, напишите стихи о тех девушках, которые полетели к Владивостоку. У Вас должно это очень хорошо выйти, только пишите искренне и ни к кому и ни к чему не подделывайтесь.

Я искренне вместе с Вами погрустил по случаю болезней и в Вашей семье. Мне кажется, ни Вам, ни Вашим друзьям как-то не идет болеть, и поэтому я уверен, что все у Вас будет хорошо и Ваша Татьяна наберется сил и забудет о болезни. Кроме того, я подозреваю, что врачи что-то там напутали. Вы пишите мне, в каком положении у Вас дела. И вообще, очень ходатайствую: пишите мне чаще, даже если я иногда задержусь с ответом, все-таки меня гоняют по СССР по разным делам.

На ноябрь еду лечиться в Кисловодск и буду проезжать Ростов ночью, я не сообщу Вам точного числа, а то Вы человек горячий, в самом деле ночью будете беспокоиться.

В Ростове я бывал несколько раз и видел Ваш Дон. Конечно, Вы преувеличиваете его красоту и ширину, а также и быстроту Ваших донских пароходов. Воображаю, как это все там получается на самом деле.

Очень большое Вам спасибо за то, что обещаете не влюбляться в педагога. Это было бы для меня настоящей драмой.

Напишите, как Вам нравится учеба на литфаке. Напишите, что Вы читаете. Вышлите Вашу карточку и, если можно, карточку Михаила. И пишите о себе подробнее, и обязательно присылайте больше стихов. Не обижайтесь, пожалуйста, на меня за такой заказной тон, ничего не поделаешь, я человек жадный и страшно люблю людей, а таких, как Вы, люблю до глупости. Напишите, какие у Вас недостатки, все-таки мне будет легче. Прыгали уже с парашютом или еще не прыгали?

Будьте счастливы.

Л. Н. Разумовой

6 октября 1938, Москва

Милая Лидия Никитична!

Редко человек получает такие удовольствия: возвращаюсь из медицинского застенка и получаю целую кучу Ваших писем. Теперь Вы очень важно называетесь... производственно-калькуку..лю..ционного.., а на самом деле Вы поэт и психолог. Ваше письмо из Крыма — лучшее тому доказательство. Правда, по старой бухгалтерской привычке, Вы называете меня растратчиком, но я думаю, что это пройдет. Жаль только, что о себе Вы пишете очень мало: никак Вас не представишь. Зато мой портрет Вы разделали шикарно, даже черные блестящие глаза приделали и чуть-чуть не приделали шевелюры.

Вы — молодец, честное слово, молодец. Ваши слова о том, что мужчины (надеюсь, только на курорте) ищут женщину, а женщины ищут че-

ловека, очень хорошо сказанные слова, хотя и не вполне отражают действительность. Я надеюсь скоро Вас повидать и тогда докажу, что Вы ошибаетесь. А сейчас хочется Вас кое в чем упрекнуть, во всяком случае кое-что в своем письме Вы недописали. Интересно, например, услышать Ваше мнение о развитии Вашей основной мысли: если мужчина ищет женщину, хотя бы и неумело и некрасиво, то все же он знает, чего он хочет. А вот если женщина «ищет человека», то, как Вы думаете, чего ей на самом деле нужно? Проще говоря, что она хочет сделать с искомым человеком? И кроме того, Вы еще не написали, нашли Вы что-нибудь там... в Крыму, ну... человека, что ли? Судя по поэтическому антуражу Вашего письма, нашли. Вот Вы мне обо всем дадите отчет в самое ближайшее время.

Теперь о себе. Кажется, я здоров, и кажется, что и не был болен. Сейчас приступил к работе и работаю как собака.

12 октября приезжаю в Ленинград. Мечтаю, что мы с Вами сядем где-нибудь в хорошем ресторане и ознаменуем наше знакомство рюмкой водки и психологическими разговорами. Честное слово, до чего это прекрасный народ бухгалтеры, насколько они живее и симпатичнее нашего брата-педагога. Педагог — это такая прирожденная зверушка, которой и согрешить хочется, и [дурной] славы она боится и районо. А бухгалтер всегда точно знает, кто чего ищет и в чью пользу получается сальдо. Бухгалтер не может нагрешить, он может только потерять в каком-нибудь балансе одну копейку, просидит ночь и копейку эту все-таки найдет, а если нагрешит, то сам черт не найдет, куда он свой грех списал.

Судя по Вашим письмам, Вы живой и умный человек, и я буду очень Вам благодарен, если Вы не откажетесь со мной встретиться в Ленинграде. У меня есть Ваш служебный телефон Е71613, может быть, теперь у Вас другой телефон? Если я Вам не дозвонюсь, Вы всегда сможете узнать мой адрес в Союзе писателей. Буду я в Ленинграде до 18 октября.

Среди других достопримечательностей Ленинграда хочу посмотреть и Вашего сына.

Крепко жму Вашу руку и благодарю за интересные и душевные, настоящие письма.

Привет.

М. Непорожней

6 октября 1938, Москва

Уважаемая товарищ Непорожняя!

Только что возвратился из дома отдыха и нашел Ваше письмо. Очень благодарен за внимание. Если у Вас есть готовая рукопись, пожалуйста, пришлите ее мне. Все, что будет в моих силах, я сделаю, чтобы ее опубликовать. Конечно, каждый новый материал о [Довженко] сейчас, да и всегда, очень важен.

Пишите мне по адресу: Москва, 17, Лаврушинский, 17/19, кв. 14, Антону Семеновичу Макаренко.

Привет.

Т. В. Турчаниновой

6 октября 1938, Москва

Дорогая Татьяна Васильевна!

Возвратился из командировки и нашел целую серию Ваших изумительных писем. Не знаю, за что ухватиться, на что отвечать? И так досадно, как и полагается женщинам, Вы уже запутали меня в самом главном вопросе: куда Вам писать? Это, с другой стороны, и приятно, свидетельствует о Вашей женственности, а я, признаюсь, терпеть не могу неженственных женщин. Рискую на один глаз и предполагаю, что у Вас женственности так много, что Вы обязательно не сможете управиться в Харькове с делами за месяц и задержитесь там, поэтому пишу в Харьков.

Все-таки: на что отвечать? Лаврушинский или Лаврушенский? Вот еще беда, и на это нужно отвечать. Честное коммунарское слово, у нас на улице буквально рядом висят две таблички, и на одной написано Лаврушенский, а на другой — Лаврушинский. Если от слова «Лавруха», то нужно «е», а если от слова «Лаврушин», то нужно «и». И Донбасс пишется через два «с» — правильно, это я просто распустился и забыл, что имею дело с педагогом, который не может читать писем без красного карандаша...

Чтобы не забыть: 29 октября в полдень буду проезжать через Харьков в Кисловодск. Поезд в Харькове стоит 15 минут. Наверное, Вы из Харькова еще не уедете. Вы сейчас же будете протестовать: что это за свидание — 15 минут? Не нужно протестовать: никто никогда не может сказать, сколько минут нужно для счастливого события...

Теперь — насчет машинки. Чем машинка хуже почерка? Лучше: разборчивее, удобнее, и все равно, вкусы таких ретроградов, как Вы, не будут приняты во внимание, и через 100 лет новорожденным будут дарить не пеленки, а маленькие, портативные машинки, а перья останутся только в музеях, да и то ржавые.

Еще один немаловажный вопрос: кто я? Давайте отложим его обсуждение до нашей встречи, которая непременно произойдет рано или поздно, но могу сказать одно: я — обыкновенный человек в том смысле, что ничего загадочного во мне нет и никогда не было. С внешней стороны я вам во многом уступаю: страшно некрасив, о ямочках на щеках, конечно, не может быть и речи, длинный нос и выцветшие, когда-то голубые глаза. В зеркало стараюсь не смотреть. Кроме того, моя физиономия несколько перекошена. Прибавьте к этому еще 50 лет, и получится картина довольно неприятная. Правда, чувствую себя очень молодо, но это ведь обычный фасон в нашем возрасте. И еще есть один недостаток: я никогда не был хорошим человеком, а всегда отличался вздорным характером, и женщины никогда меня не любили по-настоящему, а только начинали любить.

Детей у меня, разумеется, нет, потому что я женился в 40 лет, женился по дружбе и по благодарности. Но зато есть сын жены — красавец 23 лет, мой воспитанник по коммуне им. Дзержинского, я очень его люблю. И кроме того, есть еще несколько сот человек, которые относятся ко мне по-сыновнему, приезжают навестить меня.

«Книга для родителей» не изъята, но наркомпросовцы написали статью

в своем журнале под заглавием «Вредная книга»[1], чем меня по-настоящему сильно обрадовали. Теперь пишу второй том, а потом будут еще третий и четвертый, так или иначе нервы наркомпроссовских профессоров (смотрите, через два «с» написал) в опасности.

Очень хочу с Вами увидеться, и сейчас больше всего хочется об этом говорить. Вы мне очень понравились, знаю великолепно, что Вы живой и интересный человек, веселый и прямой, знаю также, что Вы не синий чулок, а интересная женщина...

Если будете писать, обязательно напишите по этому вопросу: как мне Вас увидеть? Не собираетесь ли Вы в Кисловодск на ноябрь месяц? Что Вам стоит после всяких зачетов потребовать путевку в Кисловодск? Я там буду от чего-то лечиться, а больше писать, потому что в Москве не дают, буду вести добродетельный образ жизни, и, если Вы туда приедете, Ваша педагогическая совесть ничем не будет оскорблена.

Страшно благодарен Вам за письма и за то, что есть такие интересные люди, как Вы.

Будьте здоровы и веселы. Разрешите по-старомодному поцеловать Вашу руку.

Привет.

А. Е. Коломийченко

6 октября 1938, Москва

Здравствуйте, Александра Елисеевна!

Очень приятно, возвратившись из дома отдыха, получить два Ваших письма. Жаль только, что о себе Вы пишете мало, а больше об Украине, обо мне и о родителях. А я влюбился в Вашу Истру и до сих пор мечтаю пожить там хотя бы одно лето. Весной буду Вас просить по знакомству посоветовать какую-нибудь хату. Украину я тоже люблю, но на Истре как-то светлее и чудеснее воздух, нежнее краски. В прошом году я провел один месяц на Десне, в Великой Дубечне, и вспоминаю этот месяц как очень большое счастье. Но Украина далеко, и ездить туда с семьей и хлопот много, и просто физически трудно.

Почему Вы так мало пишете о себе и все, что пишете, выходит у Вас с гримасой, и имя Ваше Вам не нравится, а между тем даже имя у Вас замечательное, я страшно люблю такие имена, наши скромные, восхитительные имена, даже кажется, что иметь отчество Елисеевна — значит быть счастливым человеком.

Напишите о себе подробнее, как Вы живете, какая у Вас семья, счастливая или не очень счастливая у вас жизнь. С родителями дело очень трудное. Я сейчас почти каждую шестидневку с ними встречаюсь в том или другом собрании, рассказываю им о разных педагогических тонкостях, но разве можно в нашем деле что-нибудь рассказать в один вечер.

Лично я всегда думаю, что не родителей нужно учить, а нужно детей в школе воспитывать так, чтобы они вносили нечто здоровое в семью. Я глубоко убежден, что государственная, да еще советская, школа и может учить и должна уметь воздействовать на семью через ученика. Для этого, конечно,

нужно, чтобы школа была хорошая, чтобы был в ней сильный коллектив, чтобы ученики вели себя так, как хочет воспитатель. В таком случае и родители сами собой начинают идти в ногу со школой. Наверное, у Вас, в Вашей школе так и делается, правда?

В конце октября я еду лечиться в Кисловодск, и мое сердце требует поддержки. Надеюсь до отъезда получить от Вас письмо, только очень прошу Вас напишите о себе больше. По Вашим письмам вижу, что Вы хороший, душевный человек. Напишите о разных мелочах вашей жизни, ни в чем так не заметна жизнь, как в мелочах. Сколько Вам лет, какое у Вас здоровье, какая у Вас квартира, какие дети, товарищи, друзья? Пожалуйста, не подумайте, что я просто любопытствую. Раз мы уже с Вами переписываемся, хочется знать о Вас больше. Может быть, летом я и в самом деле поселюсь на Истре, тогда познакомимся с Вами ближе. Может быть, Вы не уедете на Украину — проведем с Вами лето. Поговорим, посудачим о наших педагогических делах.

Привет.

Пишите.

А. Макаренко.

В. М. Роот

6 октября 1938, Москва

Дорогая Вера Михайловна!

За машинку не сердитесь, я привык, — лучше пишется и лучше думается. И, кроме того, все равно через сто лет люди совсем забудут, как писать пером, а перья останутся только в музеях, да и то ржавые.

Возвратился из санатория и нашел у себя Ваши письма. Спасибо и за письма, и за снимки, и за ласковый тон.

Что у Вас произошло? Почему седеют виски и почему такой лирически-грустный тон?

12 октября я приезжаю в Ленинград, там буду до 18 октября, целая куча всяких встреч и обсуждений. Имеется ли у Вас телефон? В Ваших письмах не нашел. Очень Вас прошу, давайте повидаемся. Где я остановлюсь, можно будет узнать в Союзе писателей, а ещё лучше напишите мне сюда, — успеете? Как Вам позвонить? Иначе я не решусь беспокоить Вас дома.

Скорее всего меня остановят в гостинице «Интуриста». Не знаю, как она называется, помню, что возле Исакия.

Очень хочу Вас увидеть.

Привет.

А. Макаренко.

Т. В. Турчаниновой (из письма)

7 декабря 1938

Татьяна Васильевна!

...Целый месяц я прожил в Кисловодске. Отдыхал, грустил, старел душой, мыслил...

Я не смотрю на педагогику как на искусство.

Не смотрю! Я на нее смотрю как на педагогику, хай она сказится, но пускай она перестанет быть такой скучной...

Теорию я так высоко ценю, что даже самому страшно становится. Только то, что у них есть, — это не теория, а болтовня. Вот если бы кто-нибудь написал книгу в 300 страниц под заглавием «Технология чистого и практического чувства» или «Педагогические повороты глаз и бровей» — это была бы теория...

Привет.

А. Макаренко

М. Н. Меклер

25 октября 1938, Москва

Дорогая Мина Николаевна!

Нехорошо, грустно пишете, падаете духом, а оснований, честное слово, для этого мало. Нельзя в настроении исходить из обстоятельств, не от Вас зависящих. Мало ли чего хочется людям, которых Вы не уважаете, мало ли какие эмоции могут возникнуть у ребенка по самым случайным поводам. И приезд отца к Вашей дочери тоже повод мелкий и случайный. Ваше настроение должно исходить из Ваших стремлений, из Ваших настоящих, справедливых чувств и идей, только в этом случае они ценны и о них можно думать и говорить.

Под влиянием одной минуты, в сущности, пустякового значения Вы плачете. Куда это годится? Ведь в Вашей личности, в каждом Вашем движении так много силы и благородства, и все это почему-то оказывается в стороне, обо всем этом Вы забываете. И самое худшее, в этой своей слабости Вы ищете основание для слабости завтрашней, Вы себя обижаете и тормозите.

Очень хорошо, что Вам охотно пишется, что в этой работе Вы находите радость и содержание. Это лучший признак Вашего будущего успеха. Держитесь по этой линии и не сдавайтесь.

А с мужем Вы управитесь, я в этом не сомневаюсь. Просто пришла пора начать расправу с этими многочисленными мелкими тварями, не способными принести радость ни себе, ни жене, ни детям. В большой общественной справедливости Вы должны найти и силы. Вы всегда должны

помнить, что Вы защищаете [себя], нельзя допускать небрежения [к] женской доле, издевательства над лучшими чувствами и стремлениями женщины, нельзя разрешать никому испытывать материнские жертвы. Вы всегда должны об этом помнить. И конечно, Вы должны положить самый решительный и немногословный предел домогательствам Вашего бывшего супруга, домогательствам в сущности дешевым и дешево-сентиментальным. Разумеется, Вы должны его прогнать как можно скорее и как можно решительнее.

И самое главное, пишите. Я хорошо чувствую Вашу будущую книгу. Только больше правды, больше чувства и больше подробностей. Не жалейте ни себя, ни тем более мужа.

Простите меня, что пишу на машинке. Образовалась привычка к этому способу письма, пером писать сейчас для меня мучительно.

Очень хочется Вас видеть. Проще говоря, немного скучаю по Вас. Пишите мне в Кисловодск, каждой Вашей строчке буду несказанно благодарен. Мой адрес: санаторий КСУ имени М. Горького.

Крепко жму Вашу милую руку, от души желаю Вам бодрости, суровости и последовательности. А для того чтобы Вам было легче, чаще улыбайтесь. Я о Вас каждый день подолгу думаю и уверен, что все будет прекрасно. Во что бы то ни стало постараюсь в декабре Вас повидать.

Будьте веселы.

П. П. Архангельскому

25 октября 1938, Москва

Дорогой Павлуша!

Спасибо тебе за письма и за то, что подождал с моим ответом.

И еще большое спасибо за подарок. Это замечательно мило у тебя вышло, прислать мне законы эндшпиля.

Послезавтра я уезжаю в Кисловодск не гулять, лечиться. Все меня уверяют, что оттуда я возвращусь совершенно здоровым человеком, хотя сейчас я и так чувствую себя неплохо.

Семен часто пишет, хвастается своим сыном, и, мне кажется, в нем никаких изменений не произошло. Это больше всего мне не нравится. При всей своей богатой натуре он все-таки засох на скучном детдомовском подвиге. Очень явно ощущается в нем, что он не получил высшего образования, сам не растет. Поэтому получается очень однообразное впечатление. Это было бы не так плохо, если бы у него беднее была натура. В общем из него вышел довольно сентиментальный человек, он чересчур часто умиляется. А все же он замечательный, благородный и сильный человек.

О нем я сейчас пишу вот по какому поводу. Не устроить ли нам съезд у Семена приблизительно в мае—июне месяце. У него там природа и украинские запахи, я думаю, что не так трудно будет списаться с Колькой и с Супруном. Семен нанял бы там соколовскую хату и кормил бы нас варениками, конечно, за наш счет.

От Кольки я недавно получил письмо из Владивостока, он на каких-то курсах переквалификации. Колька молодец, умнеет не по дням, а по часам

и пишет философские письма. Он участвовал в медпомощи на о. Хасан, и это здорово его расшевелило.

Я живу по-прежнему: не скучаю, но бестолково, много даром растрачиваю энергии, как и большинство москвичей. Заканчиваю роман «Ньютоновы кольца», пишу так много, что на меня уже начинают коситься братья-писатели.

Ты мало пишешь о своей жизни, почему? Пиши подробнее. Для меня милы самые пустяшные детали, например: ходишь ли ты в баню?

От Гали и от Левки горячий привет.

Крепко жму руку. Спасибо, что не забываешь.

В. Н. Колбановскому

12 ноября 1938, Кисловодск

Дорогой, милый Виктор Николаевич!

Спасибо за память и на добром слове. Мне никто не пишет, кроме Гали[1], и поэтому так значительно для меня, что Вы обо мне вспомнили.

Живу в непривычной для меня санаторной обстановке. Очень скучно, но я сейчас и скуку принимаю как медицинскую процедуру и не жалуюсь. Обнаружил у себя большую тупость в деле «схождения» с людьми. Все они хотят со мной разговаривать о воспитании детей, а мне эта тема здорово уже надоела, да и до каких пор разговаривать? Здесь находятся и большие поклонники «Флагов на башнях»[2] («Лучше «Педагогической поэмы»), и хулители («Не может быть!»). В общем, я доволен, что эта книга вызывает такие разноречивые отзывы, это значит, что книга живая.

Но интересно, что наша читающая публика иногда не способна верить идиллии. Эта неспособность воспитана, конечно, наркомпросовской практикой. Поэтому возможно, что этот мой выстрел не всегда попадает в цель: нарисовать идиллию, основанную не на добром сердце, а на дисциплине и организации. Ну и пусть!

«Флаги на башнях», к сожалению, испорчены в одном отношении. Я писал их по заказу Детиздата для старшего возраста. Это определило очень простой тон и почти полное отсутствие словесного орнамента. Потом обнаружилось, что Детиздат — это филиальное отделение Наркомпроса, во всяком случае там я встретил такую ненависть к себе, какой не встречал и в Наркомпросе. Еще не прочитав книжки, они уже смотрели на нее с презрением. Эти люди, конечно, не могут пропагандировать дисциплинирование. Дисциплину они представляют себе исключительно как результат добрых намерений. В общем, я с ними не помирился, а «инфантильность» книги все-таки осталась, это меня немножко удручает.

Впрочем, по старой привычке, не люблю ретроспективных настроений, а поэтому живу больше в будущем романе, а не в прошлом. Пишу много — больше нечего делать. Выходит иногда хорошо, но я не верю авторской критике. Так или иначе, а делаю вторую попытку сдвинуться с педагогической тематики[3].

Хорошо было бы с Вами, дорогой друг, погулять по окрестностям. Я еще

не гулял — одному не хочется, а с здешними людьми не хочется разговаривать — не о чем. Я всегда со странным наслаждением вспоминаю наше путешествие в Тарусу. Куда бы нам еще поехать? В Загорск? В Истру? Кстати, в Истре учителя обещали мне дачу на лето. Давайте заранее планировать лето. Да! Не собираетесь ли Вы в Малеевку? Например, в феврале или в марте? Может быть, там теперь не будет больного ребенка?

Нарзанные ванны для нас, стариков, приятная вещь!

Крепко жму руку и обнимаю.

Привет супруге.

Ваш *А. Макаренко.*

Л. Н. Разумовой

7 декабря 1938, Москва

Дорогая Лидия Никитична!

Возвратился из Кисловодска и получил Ваше письмо.

Оно заполнено таким сложным и таким точным анализом, что прямо вконец опровергает Ваши собственные утверждения. Вы пишете, что нужно-де увлекаться и жить сердцем. Но вот у меня осталась к Вам самая нежная и сердечная благодарность, а у Вас остался все-таки бухгалтерский анализ с сальдо не в мою пользу.

Честное слово, Вы ни одного слова правды не написали в Вашем письме. Никакой я не расчетливый и не упорядоченный человек, люблю и беспорядок, и чувство, и грех, только... не люблю глупости.

И нежным и ласковым, особенно с детьми, умею быть и бывал очень часто — Ваши представления очень далеки от истины...

Л. В. Конисевичу

7 декабря 1938, Москва

Дорогой Леонид, здравствуй!

Приехал из Кисловодска и получил твое письмо. Теперь оно написано на хорошей бумаге и чернилами, и его просто приятно взять в руки. Но мысли твои мне не нравятся. Напрасно ты воображаешь, что знания даются только в университете... Главное в жизни не самое знание, а та гармония, которая получается, когда знания хорошо уложены в душе, та философия, которая определяет человека, его мировоззрение. А ты всегда был комсомольцем в мыслях и делах.

Поэтому особенно жаль, что ты ничего не написал, а ездил ведь немало. Даже удивительно, до чего плохо получается: сколько вашего брата шныряет по свету, моряков, а ни один не написал ничего хорошего о своих путешествиях. Ведь у вас ни одной большевистской книги о Западной Европе,

ни одной строчки. И нужно писать просто: как люди живут, какие у них дома, какие у них лица, костюм, дороги, улицы, фонари, вещи. Не нужно никаких специальных поучений. Нужно только все видеть нашими советскими глазами, и тогда поучения каждый читатель сам найдет, если хорошо будет описано. Как можно больше подробностей, как можно больше красок и звуков, вот и все, что нужно. А если ты начнешь так описывать, то научишься и все видеть, что нужно, тогда ты найдешь неожиданно даже для себя и разные скрытые штуки: человеческие мысли, желания, удовлетворенность, неудовлетворенность и т. д.

Конечно, я учитываю еще одно обстоятельство: прежде всего, нужно расправиться с ленью. Даже у самого трудолюбивого человека творчество, работа мысли, работа синтетических и аналитических приборов вызывает наибольшее сопротивление. Нужно заставить себя мыслить, видеть, смотреть, находить, размышлять.

Для этого, прежде всякого другого действия, нужно победить в себе лень. Я это хорошо по себе знаю: когда приступаешь к новой вещи, прямо изнываешь от желания делать что-нибудь известное, что-нибудь повторять, говорить о том, что полегче.

Очень было бы хорошо нам повидаться. В следующем письме ты обязательно мне напиши, какие твои планы в ближайшее время. И вообще пиши, как ты дома живешь, что у тебя за квартира, как вы проводите время. Может быть, мне придется скоро быть в Одессе.

Передай горячий привет Нине. Кланяются тебе Галина Стахиевна, Лева и Виктор Богданович, который сейчас у нас гостит. Он настоящий бомбардировщик.

А. Макаренко.

Т. П. Чапской

7 декабря 1938, Москва

Уважаемая Таисия Павловна!

Возвратившись из Кисловодска, нашел у себя Ваше письмо.

К сожалению, не могу ничем Вам помочь. Какие бы советы я Вам ни дал, все равно Вы не справитесь сейчас с Вашим сыном, ему мог бы помочь только хороший человеческий коллектив. Вы совершенно правы, самое лучшее было бы поместить его в военную школу, а если этого нельзя сделать, на хороший завод. С такими характерами бороться в одиночку очень трудно.

Во всяком случае духом не падайте, рано или поздно ему придется быть в Красной Армии, там дисциплина и обстановка, а самое главное, военная работа быстро приведут его в чувство.

Кроме того, думаю, что Вы после всех описанных Вами случаев не должны больше ничем жертвовать. Подумайте и о своей жизни, она тоже чего-нибудь стоит. А для него было бы положительно полезным, если бы он стал жить независимо от Вас, от Вашего труда и Вашего зарабо-

ка. Для того чтобы так круто повернуть, с Вашей стороны нужно большое волевое напряжение, но, мне кажется, Вы найдете у себя силы, если будете уверены, что это полезно и для сына.

Не зная Вашего сына и подробностей Вашей с ним борьбы, затрудняюсь вообще что-нибудь советовать, но уверен, что сыну Вашему нужно пережить кое-какие неприятности, это всегда бывает полезно.

Если будете в Москве, заходите поговорить.

Привет.

Лаврушинский, 19, кв. 14.

В. С. Барсукову

7 декабря 1938, Москва

Уважаемый Владимир Сергеевич!

В Ленинграде я буду не раньше начала января, а в общем это зависит не от меня, а от разных лиц и обстоятельств. Буду очень рад встретиться с Вами и познакомиться с Вашим Юрой. Думаю, что это интересный человек, а еще интереснее Ваша настойчивость и твердое решение воспитать его как следует. Ничего другого пока из Вашего письма заключить не могу.

Боюсь только, что Вы слишком надеетесь на физическое воздействие. Я настоящий противник этого метода, хотя сам с него начинал. Очень может быть, что первый Ваш гнев и первая порка и произвели сколько-нибудь полезное впечатление, но в дальнейшем все-таки это опасная штука, опасная потому, что слишком большое место отводится для страха. Очень часто приходилось мне наблюдать, что такой страх действует ненадолго и, когда наступает взрослое состояние, обнаруживаются очень печальные последствия страха.

Во всяком случае поговорим основательно при встрече. Ведь никаких законов педагогики нельзя установить незыблемо: всегда картина бывает индивидуальная и всегда требуется специальное для данного случая решение.

Желаю вам удачи и хорошего терпения.

Привет.

Розиной

7 декабря 1938, Москва

Уважаемая тов. Розина!

Возвратился из Кисловодска и получил Ваше письмо. Представьте себе, Вы оказались настоящим оракулом: новый ТЮЗ заключил со мной договор, я обязался написать пьесу — в этом отношении Вы все угадали.

Но не угадали в другом смысле: ни старые, ни новые театры не интересуются моими героями. У них, видите ли, другие планы, и по планам требуется, чтобы была показана наша современная школа. Поэтому все заказывают мне пьесы о школе. Несколько лет я сопротивлялся, а теперь решил попробовать. Но уже сейчас вижу, что никакой хорошей пьесы о школе написать не могу. В реальной нашей школе нет ничего такого, что могло бы меня увлечь как художника, а выдумывать и врать не умею. Так что... не знаю, что вообще выйдет из этого самого договора. Наверное, просто ничего не выйдет.

Ваше письмо обрадовало меня совсем с другой стороны. Смотрите, есть такие хорошие искренние люди, которые умеют взять, сесть и написать письмо о том, что нужно, о том, что в шкурном отношении простой нуль, но в отношении общественном просится на душу. Это, честное слово, очаровательно. Очень интересно было бы посмотреть, какое у Вас лицо.

Еще раз спасибо.

Александровой

7 декабря 1938, Москва

Уважаемая тов. Александрова!

Очень благодарен Вам за внимание и на добром слове. Это было бы замечательно — поговорить и поделиться впечатлениями о нашей педагогической жизни. Я буду в Ленинграде в начале января, о дне моего приезда будет известно в Учительском клубе на Мойке, да и я постараюсь Вам об этом написать.

А что Вы сейчас делаете? Почему Вы о себе ничего не написали? Получается несправедливо, я разболтался о себе на сотнях страниц, а Вы и на одной устроили о себе полное умолчание.

Будьте здоровы и жизнерадостны.

Привет.

Л. Н. Разумовой

30 декабря 1938

Дорогая Лидия Никитична!

Признаюсь, не ожидал от Вас письма и поздравления с Новым годом. Думал, что вы расчеты со мною покончили своим ультиматумом: либо пиши настоящие письма, либо ничего не пиши.

Я этого ультиматума не понял по простоте сердечной. Что такое настоящее письмо, понятия не имею. Я даже не понял до сих пор, за что Вы на меня злобитесь и чего от меня хотите — в письме. Я понимаю, чего можно хотеть от человека в жизни, и сам часто требую того или другого от

людей. Но почему к письмам можно предъявлять какие-нибудь требования — не понимаю. У каждого человека своя манера писать. Я готов в крайнем случае писать и по чужой манере, но в таком случае нужно мне показать, кому я должен подражать. Вообще, как видите, я поставлен в чрезвычайно затруднительное положение.

Я решил покориться необходимости и молчать. Но Ваше новогоднее письмо снова меня взволновало, как говорят поэты. Значит, Вы все-таки не такая злая и не такая ультимативная.

Это прекрасно. Это позволяет мне надеяться, что в следующий раз мы с Вами встретимся друзьями и на той самой точке, на которой мы расстались, т. е. без всяких обид и реакций. Это для меня существенно важно. Если и у Вас это так получается, значит, все хорошо. Может быть, еще и как-то иначе хорошо, но как — не знаю. Все-таки письмо есть письмо, то есть бумажка, которая живого человека заменить не может...

Вот мы и покончили со всем тем, что несущественно. Есть еще много несущественного. Например, я действительно страшно занят, буквально обратился в грузчика. У меня много тяжелых неприятностей. При всем этом я сейчас очень одинок, но все это, честное слово, несущественно.

Важны только люди и живая жизнь — глаза, улыбки... разум.

Я от самого искреннего сердца желаю Вам счастья, свободного времени, первосортных друзей.

Но остерегайтесь людей, умеющих писать хорошие письма. Это всегда обманчиво.

Привет.

Макаренко

В. П. Захаржевскому

11 января 1939, Москва

Валериан!

Как приятен твой поэтический почерк! Как приятны — терпки твои сентенции и намеки, особенно на Чехова, Толстого, Тургенева...

Может быть, в «их» время и было богатство [жизни], которое просится в роман, но я с ними не поменялся бы. Лучше наша бедность. Мы живем страшно большими поворотами души, хоть сами этого не замечаем.

Вот, например, ты пишешь книгу. Я уверен, что это будет очень хорошо. Устрой так, чтобы эта книга была хорошим ответом вересаевским «Запискам врача».

Напиши остроумно, бодро и зло. Ничего не бойся, медицина не педагогика!

Мы живем скромно — денег мало, в гости не ходим, в театрах почти не бываем. Очень будет приятно, когда Елка приедет в Москву. Мы, столичные, любим, когда к нам приезжают провинциалы. Мы показываем им Третьяковскую галерею и говорим: «Это мы сделали!»

Показываем метро, и ничего даже говорить не нужно — провинциал настолько обалдел, что все равно ничего не услышит. Пиши книгу скорее, будешь печатать.

Привет всем от всех.

Твой *А. Макаренко.*

Л. Н. Разумовой

11 января 1939, Москва

Дорогая Лидия Никитична!

Спасибо, что написали просто и толково. Я такой человек, каким Вам представился в Ленинграде, но одиночество иногда и мне надоедает, надоедают неприятности. Никакого нет противоречия, все правильно. А почему я один — это разговор длинный.

Сейчас я живу как чернорабочий, делаю всякую неинтересную работу и ожидаю вдохновения, т. е. хорошей темы. Все это, конечно, придет.

Что касается друзей, то я не запрещаю им помогать мне нести груз, если они это делают по собственному почину, а не по моей просьбе. Сам я об этом никогда не попрошу. Такой гордый.

А письма все-таки далеко не то, что живой человек. Уж это извините. Пишите, Лидочка.

Пишите больше. Я люблю получать длинные письма от умных людей. От дураков люблю короткие.

А. Макаренко.

С. А. Калабалину

январь 1939

Дорогой Семен!

С Новым годом я тебя поздравил — получил ли ты мою телеграмму? Я послал телеграмму и Шершневу, но он давно мне не пишет, свинья совершенно исключительная.

Спасибо, что хоть ты меня не забываешь. Очень рад твоим семейным и производственным успехам, это всегда меня наполняет гордостью.

Недавно в Москву приехала экскурсия работников детских домов и колоний Полтавщины. Многие меня помнят по Полтаве. Говорят, что во всех колониях Полтавской области заведена наша система — командиры и даже сводные отряды. Завели они все это рановато, хорошие вещи у нас принято заводить через 5 лет после смерти авторов. Черт с ними, даже для распространения совета командиров я умирать не хочу.

Что это значит: «Меня назначили внешкольным инспектором-консультантом»? Как темно нынче пишут! Значит ли это, что ты ушел из Соколовки или не значит[1]? А если не значит, какой из тебя к черту инспектор?

Я живу скучно. Писать ничего не хочется, меня все равно читают только читатели, «Зои» принципиально не читают и пишут гадости в «Комсомольской правде»[2]. Выползают эти Зои в одиночку, нагадят и пойдут, а в одиночку мне с ними спорить не хочется.

Писать скоро ничего не буду. Пробавляюсь разными пустячками да-

леко не первого сорта. Надо накопить достаточно энергии, чтобы взяться за моих врагов по-настоящему, никак не сосредоточусь на хорошей теме.

В марте собираюсь поехать в один дом отдыха, здесь есть под Москвой приличный, а на май закачусь в Ялту и, честное слово, буду лежать на травке и плевать на кипарисы.

Пиши, не забывай. Привет Гале, Антону и всем прочим твоим наследникам.

От Гали привет и поцелуй всем соколовцам.

Твой *А*.

С. А. Калабалину

2 февраля 1939, Москва

Дорогой Семен!

В голову мне не приходило, что ты можешь так волноваться по поводу прошлогодних обстоятельств твоей биографии, я на твоем месте не волновался бы и забыл всё, но совершенно [не поддается] пониманию, что в детском доме тебе скучно и неинтересно.

Поэтому буду все-таки рад, если из нашей переписки с Яцкевичем что-нибудь выйдет. Сегодня я отправил ему длинное письмо, в котором рассказываю, какой ты педагог. Предупреждаю, что ты человек горячий и лодырей и шкурников не любишь, пишу также и о том, что ты — сторонник моей системы. Приложил, конечно, и твое письмо, в котором зачеркнул слово «амплуа», поставленное у тебя буквально ни к селу ни к городу.

Вчера я получил орден, поэтому, может быть, особенного страха или отвращения к нашей системе у Яцкевича не обнаружится. Почти уверен, что он что-нибудь сделает. Разговаривать с ним лично, думаю, было бы хуже, я произвожу на некоторых людей отталкивающее впечатление.

Но если даже получится осечка, падать духом не нужно, будем думать что-либо другое. Напрасно ты написал, что согласен работать в любой области, было бы хорошо, если бы ты [был] ближе к Москве и ко мне: иногда и выпили бы чарку.

Спасибо за предложение проекта провести у тебя лето, но будем надеяться, что это будет не в Виннице, а где-нибудь ближе.

Мы живем в общем по-прежнему, работы много, толку мало. Орден всех взволновал, думаю, что теперь и работать станет легче.

Левка заканчивает дипломный проект, и мы все с ним волнуемся.

Галя кланяется тебе и Гале и всей твоей многочисленной фамилии. От меня тоже передай поцелуи и поклон.

Антон похож на меня? По моему глубокому убеждению, это не такое большое счастье, во всяком случае от души желаю ему быть больше похожим на батька.

Будь здоров и ни при каких обстоятельствах не пищи.

Твой *А*.

Из письма О. П. Ракович

13 марта 1939

Как я живу на новом поприще? Трудно сравнить с прошлым. Но сейчас уже не бывает у меня таких счастливых минут, помните? Ехали мы в Полтаву на нашем замечательном фаэтоне. Почему-то Вы ночевали в колонии. Вы сидели на главном сидении рядом со Стефанией Потаповной, я — против Вас, и мы смеялись всю дорогу. Я не помню уже, о чем мы говорили тогда, но я хорошо помню, что это был самый счастливый момент моей жизни. В общем, Вы стеснялись и дерзили мне, но Вам страшно хотелось хохотать, а Стефания Потаповна завидовала Вашей молодости и обижалась.

...Я очень много работаю, много борюсь и часто лезу на рожон, у меня много врагов, а друзья... В руках у меня нет такого дела, которое я готов защищать до последней капли крови. Пишу. Сейчас развел повесть о любви — длинную повесть, в которой хочется сказать многое и многое вспомнить, поэтому сейчас я еще чаще вспоминаю о Вас.

О. П. Ракович

28 марта 1939

...Ну, вот и прекрасно, переписка началась и сразу вошла в спокойные берега. Удивительное дело, я переписываюсь с Вами, а говорят, что чудес не бывает! Да еще как замечательно — у Вас остался не только почерк прежний, но и характер, такой же счастливый характер, как и был. Я очень хорошо представляю, какая Вы сейчас — Ваше лицо, смех, ухватку, походку. Конечно, Вы потолстели, конечно, у Вас теперь новая грация, Вы референт и иногда напускаете на себя важность. Но это Вам всегда было к лицу, помните, как Вы кричали на заведующего губфинотделом: «Не морочьте мне голову!»

А люди вокруг Вас, по всей вероятности, такие же, как и вокруг меня, — только они всегда грызут меня, а Вас иногда любят, даже в проходной комнате Вас не трогают и не обижают. Одним словом, я завидую Вам и тем самым хорошим людям, от которых Вы в таком восторге.

Ну, бог с Вами, живите счастливо, только комнату перемените, с какой стати в проходной.

Очень хорошо, что Вы не вышли замуж и что у Вас нет детей. Теперь это тяжелый крест, и мне было бы очень печально.

Я живу по-прежнему. Много работаю, много спорю, у меня, как и всегда, масса врагов, а друзья растерялись, только мои бывшие воспитанники иногда меня вспоминают. За счастьем я и раньше не гонялся, а теперь и совсем потерял к нему аппетит, очевидно, между счастьем и мной невозможен обычный язык. Но и катастроф я в своей жизни не допускаю — терпеть не могу страданий, ни своих, ни чужих.

Очень много разъезжаю...

Это хорошо — много вижу людей и новых мест, я ведь всю жизнь прожил домоседом.

А где Вы бывали, куда ездили, бывали в Москве?

Очень хотел бы подарить Вам какую-нибудь мою книгу, но сейчас у меня нет ничего. Обязуюсь все книги, если будут выходить, немедленно высылать Вам — с лирическими надписями.

Пишите, Красавица, Вы представить себе не можете, как это для меня важно.

Целую Ваши руки.

Ваш *А. М.*

С. А. Калабалину

28 марта 1939, Москва

Дорогой мой Семен!

Я в последнее время по обыкновению замотался и долго тебе не отвечал. Спасибо, что не обращаешь внимания на мое свинство и пишешь.

В общем твои дела как будто идут полным ходом. Яцкевич мне не ответил, и это, конечно, квалифицированное хамство, ничего не поделаешь, и напоминать ему не хочу, тем более что по всему видно, мы с тобой ему не ко двору, — у него, вероятно, какие-нибудь другие есть «соображения».

То, что он молчит, между прочим, меня даже утешает. Это значит, что все равно ты с ним не сработался бы. Стоит ли в таком случае лезть на разные рожны?

Вообще думаю, что тебе не нужно нервничать, по опыту знаю, что лучше бывает там, где трудно...

Было бы очень хорошо, если бы твой сегодняшний опыт кто-нибудь записывал. Только не нужно увлекаться живописанием беспорядка в детских домах, это все хорошо известно и имеет характер классический. А вот записывать твои начинания, изобретения, споры, рабочие физиономии ребят и прочих людей это было бы важно.

Очень рад твоим семейным успехам.

Был на днях в Харькове, видел много своих ребят, видел Терского, Тимочку[1] и других...

Пиши, серденько!

Передай привет Гале, Антону Семеновичу и прочим твоим наследникам.

Твой *А.*

Перазич

28 марта 1939, Москва

Уважаемый товарищ Перазич!

Спасибо Вам за внимание и за добрые чувства по поводу моей «Поэмы».

Тему о любимчиках в семье обязательно использую, признаюсь Вам, что эта деталь семейных отношений как-то ускользнула из моего внимания, а между тем это настоящий бич.

Спасибо и за поправку насчет зверей. Поленился проверить, да и как-то так случилось, что под рукой ничего не было из Ветхого завета. После Вашего письма ходил по букинистам, искал Библию или что-либо в этом роде и, представьте, ничего не нашел.

Еще раз прошу принять от меня самую искреннюю человеческую благодарность.

Желаю Вам здоровья и хорошего настроения.

Ваш *Макаренко.*

Дорофееву

31 марта 1939, Москва

Севастополь.
Дом учителя.
Директору т. Дорофееву

К сожалению, сейчас не могу обещать Вам приехать в Севастополь в апреле, так как очень занят. В Крыму буду не раньше осени, в сентябре или в октябре. Если к тому времени у Вас еще не остынет охота встретиться со мной и поговорить, прошу сообщить — желательно через массовый сектор клуба писателей в Москве (Воровского, 50).

Привет.

А. Макаренко.

II. Документы биографического характера

Аттестат А. С. Макаренко, 4 июня 1904 г.

Аттестат

Предъявитель сего Макаренко, Антоний Семенович, сын цехового города Харькова, православного вероисповедания, родившийся 1 марта 1888 г., обучался с 1901 по 1904 год и окончил полный курс учения в Кременчугском 4-классном городском училище.

При отличном поведении оказал успехи:
по закону божью — отлично — 5,
—«—русскому и церковнославянскому языку — отлично — 5,

—«—арифметике — отлично — 5,
—«—геометрии — отлично — 5,
—«—естествознанию и физике — отлично — 5,
—«—истории — отлично — 5,
—«—географии — отлично — 5,
—«—чистописанию — отлично — 5,
по черчению и рисованию — отлично — 5,
и, сверх того, обучался пению, гимнастике и предметам дополнительным, а потому он, Макаренко Антоний Семенович, на основании ст. 39 Высочайше утвержденного 31 мая 1872 г. Положения о городских училищах, при производстве в первый классный чин, если он, на основании существующих узаконений, имеет право вступить в государственную службу, освобождается от установленного для сего испытания на основании ст. 64 пункта 2-го устава о воинской повинности, пользуется льготою, предоставленною 2-му разряду по образованию.

Кременчуг, июня 4 дня 1904 г.

Свидетельство

Предъявитель сего сын цехового г. Харькова Антоний Семенович Макаренко, состоявший в течение 1904/05 учебного года слушателем Педагогических курсов при Кременчугском городском 4-классном училище, учрежденных на основании правил 31 марта 1900 г. для приготовления учителей и учительниц начальных училищ, согласно ст. 7 и 8 сих правил, а также § 13 правил 20 марта 1896 г., в специальных испытаниях подвергался в педагогическом совете означенного училища сокращенному испытанию и, выдержав оное весьма хорошо, удостоен звания учителя начальных училищ с правом преподавания в сельских 2-классных училищах Министерства народного просвещения и обучения церковного пения. В удостоверение чего дано ему это свидетельство за надлежащими подписями и с приложением печати Кременчугского городского 4-классного училища.

Кременчуг, августа 11 дня 1905 г.
Руководитель педагогических курсов
Инспектор-учитель училища
Преподаватель русского языка
Преподаватель арифметики
Преподаватель истории и географии
Преподаватель чистописания

Формулярный список о службе

Составлен 1 июня 1912 г.

Антон Семенович Макаренко, 23 лет, православного вероисповедания, учитель Долинского двухклассного железнодорожного училища М. н. просв. Херсонской губернии Александрийского уезда; знаков отличия не име-

ет. Содержание получает 480 руб. и квартирных 120 руб. в год.

Сын цехового г. Харькова.

Окончил Кременчугское 4-классное городское, по положению 31 мая 1872 г. училище, 1904 г.

Получил свидетельство от Педагогических курсов при Кременчугском 4-классном городском училище на звание учителя начальных училищ, с правом преподавания в сельских двухклассных училищах М. н. просв. и обучения церковному пению, 1905 г., 11 авг.

Распоряжением г. Директора народных училищ Полтавской губернии назначен на должность учителя Крюковского 2-классного железнодорожного училища М. н. просв. (Х. Н. ж. д.) Кременчугского уезда согласно прошению, 1905 г., 19 сент.

Распоряжением г. Инспектора народных училищ 6-го района Херсонской губернии перемещен на должность учителя Долинского классного железнодорожного училища М. н. пр. (Юж. ж. д.) согласно прошению, 1911 г., 24 сент. Холост.

Почетный блюститель Долинского училища инженер
Заведующий Долинским классным училищем

Характеристика воспитанника Полтавского учительского института Макаренко Антона, окончившего курс в 1917 г., составленная Педагогическим советом института

Макаренко А. — выдающийся воспитанник по своим способностям, знаниям, развитию и трудолюбию, особый интерес проявил к педагогике и гуманитарным наукам, по которым очень много читал и представлял прекрасные сочинения. Будет весьма хорошим преподавателем по всем предметам, в особенности же по истории и русскому языку.

Председатель педагогического совета института
Директор А. Волнин.
Члены совета: (подписи).

Подписка

Я, нижеподписавшийся воспитанник Полтавского учительского института и казенный стипендиат Министерства народного просвещения Антон Макаренко, даю сию подписку в том, что обязуюсь прослужить по окончании курса за казенную стипендию не менее 6 лет в должности учителя городского училища по назначению учебного начальства.

Полтава
Ноября 26 дня 1914 г.

Писал собственноручно.
Воспитанник Полтавского учительского
института Антон Макаренко.

Аттестат

От педагогического совета Полтавского учительского института, на основании высочайше утвержденного 31 мая 1872 г. Положения об учительских институтах, выдан сей аттестат воспитаннику учительского института Макаренко Антонию Семеновичу, родившемуся 1 марта тысяча восемьсот восемьдесят восьмого (1888) года, в том, что он при отличном поведении оказал отличные (5) успехи:

В законе божием
—«—педагогике и дидактике
—«—логике
—«—русском и церковнославянском языке с методикой,
—«—теории словесности и русской словесности
—«—математике (арифметике, алгебре, геометрии и тригонометрии) с методикой
—«—истории с методикой
—«—географии с методикой
—«—естествознанию
—«—физике
—«—географии
—«—рисовании
—«—черчении
—«—чистописании
—«—пении
в гимнастике
В практических занятиях:
по русскому языку
—«—математике
—«—истории и географии
—«—естествознанию и физике

Вследствие чего он, Макаренко Антоний, удостаивается звания учителя высшего начального училища на основании: высочайше утвержденного 25 июля 1912 г. закона о сих училищах и при поступлении на означенную должность имеет пользоваться всеми правами, той должности присвоенными. Удостоен золотой медали.

Полтава, июля 15 дня 1917 г.

Председатель педагогического совета,
директор института А. Волнин.
Члены педагогического совета: (подписи).

Поименованный в этом аттестате воспитанник Макаренко Антоний обязан прослужить 6 лет в должности учителя высшего начального училища, по назначению учебного начальства, за полученное им на казенный счет воспитание в Полтавском учительском институте или возвратить Государственному казначейству затраченную на него сумму, всего пятьсот девяносто два (592) руб. 26 коп.

Директор института А. Волнин.
За Письмоводителя (подпись).

Удостоверение А. С. Макаренко-учителя

М. П. С. Управление Южных казенных железных дорог.
Училищный отдел. Октябрь, 10 дня, 1917 г.

Дано сие Антону Семеновичу Макаренко в том, что он состоял учителем общеобразовательных предметов, а также и дополнительных: черчения и рисования — железнодорожных училищ Южных дорог, а именно в Крюковском с 1 сентября 1905 по 24 сентября 1911 г. и в Долинском с 25 сентября 1911 по 14 ноября 1914 г. С указанного времени, т. е. с 4 октября 1914 г., был освобожден от учительских обязанностей на Южных ж. д. вследствие поступления в Учительский институт.

За председателя комитета
для заведования образовательными
учреждениями дорог
Заведующий делопроизводством

Уведомление Полтавской городской управы

7 сентября 1919 г.

Г-ну инспектору Соединенного железнодорожного училища на ст. Крюков Юж. ж. д. Макаренко Антону Семеновичу.

Полтавская городская управа имеет честь уведомить Вас, что Вы, согласно прошению, назначены коллегией городской управы на должность заведующего городским низшим начальным училищем им. князя Куракина. Назначение считается с 9 сего сентября, и управа просит Вас к тому времени прибыть в Полтаву и приступить к исполнению обязанностей или, в случае отказа от этой должности, немедленно уведомить об этом управу.

За городского голову
Член управы
Делопроизводитель

Мандат А. С. Макаренко-депутата

15 апреля 1921 г.

Предъявитель сего тов. Макаренко в действительности является членом Совета Рабочих и Красноармейских Депутатов г. Полтавы, делегированным от союза «Наркульт». Тов. Макаренко значится в секции просвещения, что подписано и печатью удостоверяется.

Председатель Совета
Писарь

Записка заведующего дорожным отделом Южной железной дороги

Т. Макаренко!

Давно разыскиваю Вас. Намерение мое — просить Вас взять на себя руководство делом социального воспитания на Южной дороге.

Если имеется у Вас малейшая возможность дать свое на это согласие, то сообщите незамедлительно депешей.

Жду ответа. Жму руку. К. Гресь.

24 июня 1922

Письмо комитета мастеровых Крюковских вагонных мастерских

Антон Семенович!

По поручению родителей, заинтересованных в обучении детей в железнодорожной школе при Крюковских мастерских, на заседании масткома[1] и цеховых старост 1 июля с. г. был поставлен вопрос о восстановлении вышеназванной школы и при обмене мнениями все пришли к одному решению, что восстановление школы возможно, если пригласить Вас на место заведующего школой.

И поэтому поручено масткому возбудить этот вопрос перед Доркультраном о зачислении Вас на вышеуказанную должность, конечно заручившись Вашим согласием. Поэтому мастком Крюковских мастерских обращается к Вам с запросом, согласитесь ли Вы на занятие этой должности, и если да, то просьба сообщить в мастком для возбуждения ходатайства перед Доркультраном[2] Южных железных дорог о Вашем утверждении в вышеуказанной должности.

Председатель масткома
Крюковских вагонных мастерских (подпись).

4 июля 1922 г.

Письмо-рекомендация Полтавского губнаробраза

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
25 августа 1922 г.

В Московский институт организаторов народного образования

Полтавский губнаробраз убедительно просит Институт организаторов народного образования зачислить тов. Макаренко А. С. в число студентов института.

Тов. Макаренко не может быть отпущен раньше 15 сентября с. г., так как в пределах указанного времени он должен подготовить к сдаче сложную организацию колонии морально-дефективных [детей].

При этом губнаробраз рекомендует тов. Макаренко как очень энергичного, способного и знающего работника-организатора. За 2 года управления колонией при очень трудном составе детей тов. Макаренко создал одно из лучших учреждений Полтавской губернии.

Завгубоно Полтавщины
Завгубсоцвосом
Управделами

Из протокола заседания малого президиума Полтавского окружного исполнительного комитета

24 августа 1925 г.

Слушали: II. О юбилее 5-летней деятельности Полтавской трудовой колонии им. М. Горького, который будет отмечаться в конце августа с. г. (тов. Фиалковский).

Постановили: II. а) Отметить чрезвычайно большую проделанную работу колонии в деле перевоспитания малолетних правонарушителей.

б) Отметить персонально работу зав. колонией тов. Макаренко, а также других сотрудников, которые работают в колонии без перерыва в течение пяти лет. Зав. колонией тов. Макаренко дать двухмесячную научную командировку и отпустить на расходы по командировке из местных средств 200 рублей, а остальным работникам поднести подарки на сумму 300 рублей, поручив это дело окринспектору Наробраза[1]. Окрфинотделу срочно изыскать средства.

Мандат А. С. Макаренко

6 июля 1927 г.

Выдан т. Макаренко в том, что окринспектурой Наробраза ему вместе с т. Довгополюком[1] поручено составить план рационализации сети детучреждений интернатного типа округа, а поэтому они уполномачиваются

ознакомиться с работой этих учреждений и им дается право:

1. Знакомиться с хозяйством и бухгалтерскими книгами.

2. Знакомиться с персоналом и детским коллективом, собирать общие собрания и специальные совещания.

3. Изучать распределение работы и внутреннюю организацию учреждения.

4. В целом изучать жизнь детучреждения во всех ее областях.

Все заведующие и работники детучреждений должны помочь товарищам исполнить порученное им дело.

Зам. окринспектора Наробраза
Секретарь

Удостоверение А. С. Макаренко

9 июля 1927 г.

Окружная инспектура наробраза поручает заведующему Харьковской колонией им. М. Горького т. А. С. Макаренко ознакомиться с постановкой сельскохозяйственной и организационной работы в совхозах Харьковского округа для углубления постановки сельского хозяйства в детских учреждениях. ОкрИНО просит администрацию совхозов помочь т. Макаренко в деле ознакомления.

Окринспектор Наробраза А. Миколюк[1].

Из протокола заседания президиума Харьковского Окрисполкома

11 июля 1927

Слушали: 21. Назначение на должность инспектора всех детских домов ОкрИНО. (Докл. секр. ОИКа тов. Мороз.)

Постановили: 21. Заведующего колонией им. Горького т. Макаренко включить в штат окружной инспектуры Наробраза и назначить на должность инспектора всех, без исключения, детских домов, городков и колоний.

Предложить тов. Макаренко срочно подать через ОкрИНО в Президиум ОИКа свои предложения по реорганизации детских учреждений и тем мероприятиям, которые нужно провести для улучшения их положения.

Зам. председателя Окружного Исполнительного Комитета
Секретарь Харьковского Окружного Исполнительного Комитета

Автобиография

Макаренко Антон Семенович

Родился 14 марта н. с. 1888 г. в гор. Белополье б. Харьковской губ. Сумского уезда в семье рабочего вагонных ж.-д. мастерских.

Учился в двухклассном ж.-д. училище в Белополье с 1896 по 1901 г.

В 1901 г. переехал вместе с родителями в п. Крюков, куда отец перешел рабочим в Крюковские вагонные мастерские.

1901—1904 гг. учился в городском четырехклассном училище в Кременчуге, которое окончил в 1904 г. По окончании училища поступил на одногодичные педагогические курсы в Кременчуге.

С 1905 по 1911 г. работал учителем в Крюковском ж.-д. двухклассном училище. За ссору с заведующим-черносотенцем переведен в Долинское ж.-д. училище на ст. Долинская Юж. ж. д.

В 1914 г. поступил в Полтавский учительский (потом педагогический) институт, который закончил осенью 1917 г. с золотой медалью.

Во время пребывания в институте был призван в ратники 127-й пешей Воронежской дружины неправильно, несмотря на то что был студентом последнего курса и подлежал освобождению по состоянию здоровья (зрение). Тем не менее освобожден был только через 6 месяцев.

По окончании института был назначен инспектором высшего начального ж.-д. училища в Крюкове. С весны 1919 г. из учеников училища организовал с/х. коммуну и за это при Деникине уволен. Поступил зав. нач. училищем в Полтаве, откуда перешел в 1920 г. заведующим колонией им. М. Горького.

Вместе с колонией Горького переехал в Харьков.

С октября 1927 г. принял заведование коммуной им. Дзержинского. Работу в колонии Горького оставил в 1928 г. 3 сентября.

Приветственный адрес Антону Семеновичу Макаренко

1932

Дорогой Антон Семенович,

Разрешите Вас, в 4-ю годовщину коммуны, поздравить с достижениями, которые имеются в коммуне благодаря Вашему твердому и умелому руководству.

Заветы Ильича, директивы партии в борьбе против беспризорности, за политехнизацию, за кадры социалистической промышленности претворяются Вами в жизнь.

Ваше желание — видеть в беспризорном человека, умеющего работать и могущего стать полезным членом общества, Ваша уверенность в том, что нет таких ребят, которых нельзя перевоспитать, подтверждаются результатами Вашей долголетней работы.

Ваши воспитанники теперь уже врачи, инженеры, литераторы, квалифицированные рабочие.

300 коммунаров поставлены Вами на верную дорогу.

И сейчас наша коммуна, единственная из всех детских коммун, воспи-

тывается самим же коллективом коммунаров. Воспитателей у нас нет — есть коллектив.

Четкость в работе, строгое выполнение ее, ответственность за работу, воспитываемая советом командиров и общими собраниями, под идейным руководством партии и комсомола, является верным залогом воспитания здорового коллектива...

Вы, Антон Семенович, с первых дней существования коммуны поставили цель дать образованные кадры культурных и честных рабочих, которые будут полезными на всех фронтах нашего социалистического строительства.

Вы для нас — лучший друг и товарищ.

Вы сумели влить в нас чувство дружбы, радости, желание работать и учиться, ценить коммуну и любить ее как родной дом, как очаг культуры и воспитания новых людей, уважающих и ценящих труд.

Вы бичуете наши недостатки и умеете учить нас делу чести и доблести.

За это мы любим Вас и стараемся всегда внимательно относиться ко всяким Вашим указаниям и замечаниям. Больно слушать Ваш укор, но зато всегда приятно заслужить Ваше одобрение.

Желаем Вам сил для дальнейшей упорной работы над воспитанием нового человека.

По поручению общего собрания
Совет командиров и Бюро ЛКСМ.
7 января 1932 г.

Грамота

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
1917—1932

ВЧК—ОГПУ

Дана коллегией Государственного политического управления Украинской Социалистической Советской Республики товарищу Макаренко Антону Семеновичу в том, что он за преданную и энергичную работу в Трудкоммуне им. т. Дзержинского награждается золотыми часами.

За председателя Государственного политического управления УССР
Основание: Приказ ГПУ УССР № 392, 1932 г.

Харьков, 20 декабря 1932 г.

Грамота

Правление трудкоммуны
им. Ф. Э. Дзержинского

Ударнику

Дана тов. А. С. Макаренко в том, что постановлением правления Трудкоммуны имени Ф. Э. Дзержинского за энергичную преданную работу в коммуне он премируется настоящей грамотой, значком и званием лучшего ударника.

Правление Трудкоммуны
им. Дзержинского

29 декабря 1932 г.
Харьков

Грамота

Наркомпрос УССР

Народный комиссариат просвещения за большую работу по борьбе с детской беспризорностью, за умелую организацию работы в коммуне по воспитанию активных и сознательных строителей социализма награждает тов. Макаренко Антона Семеновича, помощника начальника коммуны им. Ф. Э. Дзержинского по педчасти, почетной грамотой.

Зам. наркома просвещения
Член коллегии НКП,
руководитель Соцвоса

Приказ по детской трудовой коммуне НКВД УССР им. Ф. Э. Дзержинского

5 января 1935 года № 8 г. Харьков

За энергию, умение и инициативу, проявленные в деле постоянного и повседневного руководства всем коммунарским коллективом, органами коммунарского самоуправления и школьной сетью, за постоянную мобилизацию всего коммунарского коллектива на активную дружную и сплоченную работу на производстве — первому руководителю коммуны и бессменному на протяжении всех 7 лет — начальнику учебно-педагогической части тов. Макаренко А. С. объявить благодарность и премировать месячным окладом зарплаты...

Начальник коммуны

Удостоверение А. С. Макаренко-депутата

8 июня 1935 г.
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Удостоверение № 1201

Предъявитель сего тов. Макаренко является членом Дзержинского районного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов II созыва[1].

Председатель городского совета
Секретарь

Из Указа Президиума Верховного Совета СССР «О награждении советских писателей»

За выдающиеся успехи и достижения в развитии советской художественной литературы наградить:
...орденом Трудового Красного Знамени...
14. Макаренко Антона Семеновича...

Председатель Президиума Верховного Совета СССР
М. Калинин.
Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. Горкин.

Москва, Кремль, 31 января 1939 г.

Заявление А. С. Макаренко о приеме в кандидаты в члены ВКП(б).

В парторганизацию
Союза советских писателей

Члена ССП
Антона Семеновича
Макаренко

Заявление

Прошу принять меня в число кандидатов в члены ВКП(б).

Москва
15 февраля 1939 г.

А. Макаренко

Из протокола заседания партийного комитета Союза советских писателей

16 марта 1939 г.

Слушали: 2. Заявление т. Макаренко А. С. о приеме его в кандидаты ВКП(б) (т. Зайцев).

Тов. Макаренко Антон Семенович род. в 1888 г. в г. Белополье, б. Харьковской г., Сумского уезда. Украинец, отец — рабочий-маляр в вагонных мастерских ст. Крюково на Днепре, умер в 1916 г. Мать, домохозяйка, умерла в 1931 г. Образование — окончил Кременчугское 4-классное городское училище в 1904 г., одногодичные педагогические курсы при том же училище в 1905 г., Полтавский учительский институт в 1917 г. Писатель-прозаик, член Союза советских писателей, член бюро Секции прозаиков. Награжден правительством за литературные заслуги орденом Трудового Красного Знамени.

Рекомендуют т. Макаренко А. С. в канд. ВКП(б):

1. Павленко П. А., чл. ВКП(б)	с 1920 г., п/б № 1274158, писатель
2. Бобунов А. А. —«—	с 1918 г., п/б № 1255271, писатель
3. Ермилов В. В. —«—	с 1927 г., п/б № 1255270, писатель
4. Булыга-Фадеев А. А. —«—	с 1918 г., п/б № 1189040, писатель
5. Колбановский В. Н. —«—	с 1919 г., п/б № 1230960

Вопросы к т. Макаренко.

Вопрос. Во время прихода Деникина вы учительствовали и какая у Вас была политическая точка зрения?

Ответ. Да, учительствовал, я был против деникинщины, но активной борьбы против него не вел, занимался педагогической работой.

Тов. Павленко (рекомендующий). Т. Макаренко я узнал тогда, когда вышла его книга «Педагогическая поэма». Эта поэма вызвала большую ярость со стороны некоторых работников НКВД, и приходилось обращаться к А. М. Горькому, чтобы напечатали эту книгу. У многих была уверенность в том, что т. Макаренко является коммунистом, а оказывается, что он беспартийный.

Тов. Макаренко, придя в литературу, отложил свою педагогическую деятельность. Это неправильно, и сдавать свои позиции по педагогической линии не нужно.

Правление ССП должно помочь т. Макаренко в этой работе и нужно дать бой тем, кто против коммунистического воспитания.

Тов. Бобунов (рекомендующий). Когда читаешь книгу т. Макаренко «Педагогическая поэма», то сразу складывается мнение о человеке. Когда бываешь у т. Макаренко на квартире, то чувствуешь, что попал в коммуну. Я многим коммунистам говорил, что нужно помочь т. Макаренко вступить в партию, что мы и сделали.

Постановили: Поставить вопрос на общем партийном собрании о приеме т. Макаренко А. С. в кандидаты ВКП(б) по 4-й группе.

Секретарь парткома ССП Зайцев.

III. Материалы педагогической и литературной деятельности

Заведующему отделом снабжения губнаробраза

21 марта 1921 г.

В дополнение к моему рапорту от 25 февраля за № 181 покорнейше прошу о скорейшем разрешении вопроса о возвращении вывезенных из колонии вещей. Со своей стороны полагаю, что разрешение вопроса путем создания специальной комиссии не может привести к цели.

Библиотека, инструменты и земледельческие орудия необходимы колонии сейчас, работа комиссии обязательно затянется на несколько месяцев, если комиссии вообще удастся собраться. На каждом шагу комиссия будет встречаться с затруднениями, возникающими вследствие того, что вещи разбросаны по всей волости, большею частью у частных лиц.

Единственным выходом я считаю выдачу мне мандата на право немедленного получения принадлежащих колонии предметов с необходимой оговоркой о помощи со стороны волостной милиции и комнезаможей[1].

Заведующий колонией А. Макаренко,
Заведующий хозяйством Сердюк.

Через труд и самоорганизацию — к новой жизни

[Начало 1925 г., февраль,
не позже марта]

I

Видели ли вы когда-нибудь ребенка-преступника? По-видимому, видели, да и не одного. Жизнь больших городов, жестокая борьба за существование, убожество рабочих окраин и наряду с этой бедностью шуршащая жизнь городских улиц со своими искушениями — все это изуродовало не одну детскую душу.

Но пробовали ли вы всмотреться в души этих молодых преступников, подойти к ним поближе, просто, по-человечески; думали ли вы о том, как можно в современной, еще довольно трудной жизни, без больших средств и помощи со стороны, привлечь их к труду, к полезной работе, не навязывая ее им, а доказывая, что она вытекает из самой неизбежности живой, творческой жизни в советском обществе?

И если не пробовали, то послушайте, что сделал коллектив педагогов, заинтересованный этим делом, в условиях нашей, бедной ресурсами, но богатой возможностями и большим энтузиазмом, советской действительности.

II

Может, рассказать вам с начала — от времени, когда в воздухе еще носились громы и молнии гражданской войны, когда голод костлявой рукой душил за горло молодую республику — с конца 1920 и начала 1921 г., когда колония и была основана? Но стоит ли говорить о том ужасном времени, которое пришлось пережить педагогам-энтузиастам и воспитанникам, только что вырванным из объятий воровского мира для новой, трудовой жизни?

Достаточно сказать, что в таких неимоверно трудных условиях коллектив колонии сумел из полуразрушенного, запущенного и постоянно разворовываемого имения бывшего помещика Трепке (11 верст от Полтавы) создать очаг труда и знаний, заложить в нем фундамент для дальнейшего развития молодых воспитанников колонии в условиях, помогающих превратить их в сознательных тружеников Советской Республики.

III

Вы не были в колонии, но если б вы посетили ее, то увидели бы, как приветливо встретили б вас колонисты!

Молодые, здоровые мальчики, все — как один. Лица загорелые, сильные руки, мускулистые ноги, в белых сорочках, с закатанными по колени штанинами — летом и в такой же простой, примитивной одежде — зимой.

Веселый, здоровый смех, шутки и совершенно свободное самочувствие. Еще где-то спряталась инстинктивная робкая настороженность к тому, нет ли в наших словах, в поведении чего-то от того мира, который совершенно условно поделен на два лагеря — воров и честных. Здесь нет этого деления. Здесь — здоровье и молодость, труд и желание культурного саморазвития, здоровая коллективная жизнь, самоорганизация и солнечные надежды на будущее.

На этом фундаменте и построена вся система воспитания — весь комплекс жизни детской колонии. Нет специфического подхода к детям, как к бывшим преступникам, здесь не пытаются влиять на них, постоянно указывая на их недостатки, плохие склонности; здесь просто стремятся, чтобы трудовой дисциплиной, с одной стороны, и самоорганизацией, с другой, создать из них этически и социально здоровых людей.

Труд и самообслуживание в коллективе, потребность улучшать этот труд на основе приобретаемых знаний, потребность дать выход здоровой юношеской энергии в такой же здоровой игре — вот логика этой системы и фундамент для самоорганизации целого коллектива.

И не удивительно, что эта логика творит чудеса.

IV

Разве не чудо — пять, прежде совсем разрушенных строений вместе с пристройками без каких-либо средств отремонтировал, оборудовал и восстановил (правда, еще убого) сам коллектив![1] Разве не чудо — сорок десятин великолепно обработанной земли (200 пудов пшеницы с десятины) там, где когда-то, во времена гражданской войны и революционного вихря, произрастал только чертополох...

Восемь лошадей, две жатки, две сеялки, конная молотилка, веялки и много другого — это вам, братцы, не шутка! И совсем не шутят 63 свиньи аглицкой породы, 3 дебелые коровы, столько же десятков гусей, два десятка овец, полсотни кролей и т. п., которые все время хрюкают, мычат, блеют и другими звуками наполняют и без того бойкую и звонкую жизнь колонии.

...Хозяйство колонии еще увеличивается. Изо всех сил гонят его колонисты вперед и выше. В 1924 г. колония после трехлетней «революционной» борьбы с окрисполкомом и другими организациями получила, наконец, паровую мельницу, находящуюся в самой усадьбе колонии. Кроме того, есть еще 4 мастерские, продукцией которых обеспечивается хозяйство колонии.

V

Однако есть чудеса и получше — чудеса в области знаний и нравственного оздоровления.

Достаточно сказать, что, несмотря на то что в колонии постоянно имеется 25—30 новых воспитанников, часть преступников-рецидивистов, колонийская коммуна представляет из себя прочно сбитое по-товарищески и дисциплинированное рабочее сообщество, беспрерывно повышающее свой культурный уровень и в то же время всегда веселое, с бойким настроением.

Но тесно становится многим в этом рабочем сообществе: многим хочется изведать культуры больших городов и многие из колонистов уходят из детской колонии, чтобы дальше учиться на рабфаках и в высших школах по большим городам. В настоящее время колония имеет больше десятка студентов в Киеве и Харькове, сама же о них и заботится, да и они не порывают связи с ней, ощущая себя и на стороне членами ее, подчиняясь ее дисциплине и поддерживая ее. Так, харьковские рабфаковцы-колонисты составляют так называемый седьмой отряд колонистов, и быть в нем — самое большое желание большинства из воспитанников колонии, их надежда и мечта.

И надо только посмотреть, с какой любовью встречает колония такого рабфаковца, когда ему посчастливится хоть на короткое время прибыть к своим! Надо посмотреть, с какой заинтересованностью и братской нежностью читает рабфаковец письмо, получаемое иногда из далекой колонии...

«...И еще сообщаем тебе, что любимая твоя Машка (большая свинья) недавно опоросилась и принесла десяток поросят».

И радостно становится молодому рабфаковцу: растет и развивается хозяйство колонии.

VI

Вот такие достижения у колонии. Однако много чего еще и не хватает: много еще недостатков и преград, которые необходимо перескочить, преодолеть.

40 десятин принадлежащей колонии земли ей недостаточно, хотя сельское хозяйство, хлебопашество и ведется улучшенными способами. 120 воспитанников и 12 воспитателей требуют хотя бы по одной десятине на чело-

века, но достать земли в округе трудно потому, что вся земля — у крестьян. То же самое и со скотоводством: ограниченность земли под лугами не позволяет его развивать.

Тяжелы и условия аренды земли, а также и условия аренды паровой мельницы, не позволяющие создать, пусть небольшой, оборотный капитал для колонии.

Основные поступления колонии — это труд колонистов, беспрерывный, старательный труд, только и поддерживающий бойкую жизнь...[2].

Именно потому и ощущается примитивность быта воспитанников. Не хватает самого необходимого: одежды, белья и т. п. Вся обстановка — из простых столов и стульев; отсутствует самый элементарный комфорт и необходимый уют, несомненно влияющие на воспитанников.

Нуждается в решении и дальнейшая судьба колонистов, выход их в самостоятельную жизнь. Только некоторым, немногим удается попасть на рабфак, а потом и в высшую школу. Но таких счастливцев немного. Кроме того, не все имеют склонности к дальнейшему образованию. Остается производство и сельское хозяйство.

В области того и другого воспитанники приобретают практическую квалификацию в самой колонии — на мельнице и в мастерских, и, самое главное, в сельском хозяйстве. Однако этой категории воспитанников вступать в самостоятельную жизнь очень трудно: медленно развивается производство в стране и безработица преграждает многим из них путь на заводы. Некоторый выход для них — сельская работа и женитьба на сельских девушках; однако это имеет и свои отрицательные черты, поскольку воспитанники попадают в условия малокультурной крестьянской жизни, далекой от коллективной жизни коммуны.

Надо наделить колонию большим количеством земли, позволяющей воспитанникам организовать свои трудовые коммуны, объединенные единой хозяйственной и культурной связью с колонией.

VII

Идет весна. Солнце уже пригревает наполненную соками землю. Земля ждет юношество. И оно придет к ней, чтобы трудом еще раз обновить ее — старую, но не стареющую.

В эти дни колонию совсем не узнать. Ее жизнь кипит и бурлит молодым весенним ручьем. Она готовится к новым чудесам, к новому творчеству.

И жаждут колонисты этого творчества, отвергая все старое и созидая новую жизнь.

О патронировании

...Лучших ребят, оказывающих успехи в школе или в производстве, и сам завкол никогда не пошлет к сапожнику на довольно тяжелую и беспросветную жизнь, в этом случае и мальчик и завкол всегда будут чего-то ожидать лучшего. Следовательно, к кустарям отправляются или те, которых заведующему интересно скорее сплавить, или те ребята, которым вообще ничего особенного не хочется и которым просто интересно переме-

нить обстановку. Все это определяет то, что при помощи кустарей мы разгружаемся от ребят, далеко не окончивших воспитание. Все остальные способы разгрузки не составляют сколько-нибудь заметной картины и не влияют почти на нашу проточность[1].

Среди этих остальных способов бывают и такие, которые сильно разваливают нашу работу. Так, например, в этом году Помдет обязал посылку нескольких десятков ребят в сельскохозяйственную коммуну «Снежное» за Киевом. Все были уверены, что «Снежное» есть действительно сельскохозяйственная коммуна и что таким образом для наших ребят открывается путь к коллективному хозяйствованию. Мы на эту посылку обратили особенное внимание и постарались отправить в «Снежное» хороших ребят. Оказалось, что «Снежное» — обыкновеннейшая детская колония железнодорожного ведомства, при этом очень бедная и небольшая, всего на 50 воспитанников. Нашим колонистам после наших достаточно мощных хозяйств она показалась просто оскорблением, и они почти все оттуда разбежались.

Выпуск к кустарям все же дает для нас некоторый отток. Этого совершенно нельзя сказать об отдаче крестьянам. Через управление не было направлено к крестьянам ни одного мальчика, и у нас не было ни одного требования.

Об этом «проклятом вопросе» нужно говорить серьезно. Я очень боюсь, что по вопросу о передаче детей крестьянам мы находимся в целой полосе недоразумений. Я не знаю наверное, откуда пошла первая мысль о возможности и полезности такой передачи. Может быть, в некоторых местных условиях она и могла составить серьезную меру для увеличения проточности и для действительной помощи крестьянам. В наших условиях эта мера ни в педагогическом, ни в социальном отношении не представляется действенной. В нашем селе в настоящее время такое обилие предложений работы, что нужда крестьянина в работнике удовлетворяется на месте вполне достаточно. Если мы предложим крестьянину по 15 рублей в месяц за то, что он возьмет к себе нашего беспризорного, он, конечно, предпочтет его своему односельчанину, но тем самым мы вытолкнем из села на наши улицы нового беспризорного, которого со временем и возьмем в детский дом, но уже научившегося кое-чему на улице и получившего определенную степень отвращения к сельскохозяйственному труду, да, впрочем, и ко всякому иному труду.

Между тем тот же крестьянский мальчик, если бы он не заразился в городе различными претензиями, мог бы раньше поступить к крестьянину и с гораздо большим успехом заменить нашего воспитанника. Для крестьянина он был бы лучшей и более верной рабочей помощью и скорее мог бы войти в его хозяйство как равноправный член и даже в его семью. Таким образом, наше патронирование у крестьян только переставляет одного беспризорного на место другого, переставляет в страшно невыгодной комбинации и, кроме того, стоит нам довольно солидных денег, представляющих простой подарок крестьянину.

Какое влияние может оказать самый процесс патронирования на работу детского дома, какие настроения вносятся этим институтом патронирования в жизнь нашей трудовой колонии? Как бы ни плохо была поставлена работа в нашей колонии, все же наши дети растут под влиянием идеи

рабочего класса. Они, может быть, не умеют вести себя, не умеют даже работать, если мы плохие воспитатели, но они уже умеют презирать эксплуатацию и эксплуататоров и сами совершенно искренне стремятся быть рабочими в городе, на производстве. Другое дело, насколько мы сможем удовлетворить их стремление и подготовить их на этот случай, если оно будет удовлетворено, но само стремление это должно быть признано здоровым и составить базу для воспитательной работы колонии.

К сожалению, мы не можем заметить это стремление к занятию сельским хозяйством, ибо наши дети от природы пролетарии и не видно для них почти никакой возможности обзавестись необходимым сельскохозяйственным имуществом. Рассчитывать на то, что они смогут устроиться в сельскохозяйственную коммуну, не приходится также, ибо в такие коммуны выбирают людей с большим осмотром, уже более взрослых, а мы, конечно, не в состоянии держать у себя воспитанника до 18 лет и все время внушать ему, что его доля быть членом такой коммуны. Конечно, к 18 годам он успеет научиться кое-чему, с его точки зрения более солидному, чем сельское хозяйство.

Поэтому к крестьянину мы с чистой совестью можем послать только новичка, при этом еще не забывшего черноземного запаха. А сколько же у нас таких? За мою восьмилетнюю практику я видел не более десятка. А между тем такая отсылка в батраки к крестьянину страшно запутает наши соцвосовские карты. Если смотреть на соцвос не как на игру, то нужно такое назначение крестьянину проводить через органы самоуправления, нужно вместе с ребятами выбирать, кого отправить. При наличии желающих добровольно идти в село это еще кое-как можно устроить, но, если желающих нет, вся наша соцвосовская работа делается чем-то в высшей степени сомнительным.

В президиум Харьковского окрисполкома

24 декабря 1927

Колонию имени М. Горького в течение года посетили следующие иностранные делегации:

28/VIII—26 — американская,
31/VIII—26 — английская,
8/IX—26 — американская,
8/IX—26 — голландская,
17/IX—26 — немецкая,
16/X— 26 — французская,
26/X—26 — английская,
27/X—26 — итальянская,
28/X—26 — немецкая,
22/V—27 — бельгийская,
25/V—27 — профессор из Берлина,
27/V—27 — делегация международного союза «Помощи детям»,
29/VI—27 — данцигская,
7/VII—27 — пионерская немецкая,
9/IX—27 — немецкая,
10/IX—27 — американский профессор,
13/IX—27 — американская,
5/X—27 — Анри Барбюс,
27/X—27 — немецкая,

3/XI—27 — французская,
„ — итальянская,
„ — английская,
„ — польская,
„ — немецкая,
19/XI—27 — красные фронтовики,
19/XI—27 — аргентинская, парагвайская,
20/XI—27 — итальянская,
20/XI—27 — скандинавская,
24/XI—27 — эстонская,
30/XI—27 — бельгийская,
7/XII—27 — палестинская,
11/XII—27 — немецкая.
Всего 32 делегации.

Принимая эти делегации, колония всегда находится в чрезвычайном затруднении. Для одежды, для ремонта, на учебную часть колония получает по обычным соцвосовским нормам, и, как и всякое учреждение соцвоса, колония только при исключительном напряжении может кое-как сводить концы с концами и жить удовлетворительно. Все же в обыкновенный рабочий день наш внешний вид далеко не блестящ: часть воспитанников одета в старую одежду, иногда даже в рваную, для черных работ, связанных с порчей одежды, в колонии выдается такая «спецодежда», к которой не привык заграничный глаз. Точно так же мы имеем бедно обставленные классы, полное отсутствие учебных пособий, хотя и просторные, но также бедные клубы.

Колония формально считается опытно-показательным учреждением, но никаких дополнительных ассигнований она не получает...

Тем более в теперешнем положении колонию нельзя показывать иностранцам, которые могут неправильно истолковать нашу нужду.

Колония им. Горького обращается в Президиум окрисполкома с ходатайством ассигновать дополнительно:

на приведение в полный порядок всех зданий — 3000 руб.,
на организацию учебной части — 2000 руб.,
на улучшение одежды — 5000 руб.

Всего 10 000 руб.

Если такие дополнительные ассигнования невозможны, колония ходатайствует о распоряжении ОкрИК соответствующим учреждениям о том, чтобы иностранные делегации в колонию не привозились.

Зав. колонией А. Макаренко

Соображения о детской трудовой коммуне им. Ф. Э. Дзержинского

1. Трудовая коммуна является памятником Ф. Э. Дзержинскому и поэтому должна быть поставлена образцово.

2. Трудовая коммуна имеет все технические данные для такой постановки (здание высокой технической квалификации, наличие мастерских: слесарно-механической, деревообделочной и обувно-пошивочной, наличие участка земли для сельскохозяйственных работ, своей электростанции и т. д. и т. д.).

3. Трудовая коммуна комплектуется за счет беспризорных в возрасте от 12 до 16 лет, причем 20% состава из общего количества 100 человек девочки.

Беспризорные с физическими, умственными и моральными дефектами в трудкоммуну не принимаются.

4. Трудовая коммуна должна воплотить в себе все достижения марк-

систской науки по социальному воспитанию. Поэтому и основы учебно-воспитательного плана, «конституции» коммуны должны быть всесторонне обсуждены и пропущены через критическую лабораторию научной мысли.

5. Необходимым условием для этого является активное участие теоретиков и практиков социального воспитания в выработке и определении основных начал жизни и деятельности трудовой коммуны, для чего:

а) Прилагаем один экземпляр проекта по интересующему нас вопросу.

б) Просим всех участников посетить трудовую коммуну, чтобы иметь о ней представление (посещать при помощи правления — телефон-коммутатор ГПУ, кабинет секретаря ЭКУ тов. Букшпана).

6. Прилагаемые проекты составлены заведующим трудовой коммуной — (он же заведующий трудовой колонией имени Горького) т. Макаренко. Они (проекты) представляют собой нечто оригинальное в системе социального воспитания и требуют к себе особого внимания.

Трудовая коммуна считает необходимым изыскивать наиболее совершенные формы работы, не оставаясь на застывшем уровне современной практики детских учреждений. Поэтому она не может являться объектом педагогических экспериментов в этой области. Это обстоятельство просьба учесть.

7. Порядок обсуждения изложенного вопроса нам представляется наиболее целесообразным в следующем виде:

а) Ознакомление всех участников с материалами проектов и самой трудкоммуной.

б) Проработка вопроса в специальных научных секциях, семинарах и т. д.

в) Назначение доклада-диспута по этому вопросу, причем докладчиком может быть тов. Макаренко — с участием всех научных и практических сил.

8. Правление Детской трудовой коммуны им. Феликса Эдмундовича Дзержинского обращается к представителям науки и практики социального воспитания с просьбой помочь в деле превращения трудовой коммуны в достойный памятник вождю.

Председатель правления трудовой коммуны
Член правления

8/II—28 г.

Операционный план педагогической работы трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского

В основу настоящего плана положен опыт колонии им. М. Горького в Полтаве, а потом в Харькове с 1920 по 1928 г. Опыт этот протекал в исключительно неблагоприятных условиях, как в материальном отношении, так и в характере детского состава (правонарушители). Трудовая коммуна им. Ф. Э. Дзержинского по своим условиям значительно отличается от горьковской колонии, и в деталях необходимы отступления от горьковской системы, но в основе наш педагогический совет[1] стоит на базе этой системы.

Полезность этой системы и правильность наших взглядов для нас доказаны внутренним благополучием горьковского коллектива и удачными пересадками нашего опыта в Будах, Дергачах и в Нежине[2].

Поскольку же трудовая коммуна им. Ф. Э. Дзержинского представляет исключительно благоприятные условия для работы с детьми[3], мы рассчитываем при помощи научных сил Наркомпроса[4] проверить нашу практическую педагогику в отдельных ее моментах, в тех местах, где у нас нет еще уверенности в том, что решение найдено, где есть проблема не нашей только системы, а вообще системы соцвоса.

I. Цель воспитания

В нашем соцвосе, по примеру других педагогических школ, раньше декларировалась цель воспитания. Говорилось, что цель — воспитать гармоническую личность, или человека-коммуниста. Для нас, практических работников, эти цели не могли иметь какое-нибудь значение вследствие того, что они были слишком общо выражены и не давали никаких оснований для практической работы. Кроме того, мы полагаем, что вообще установка вечных идеалов воспитания невозможна. Для каждой эпохи и даже для каждого поколения цель воспитания должна быть установлена диалектически. Подлежит также сомнению, что право устанавливать эту цель принадлежит нам, педагогам. Почему, например, мы задаемся целью воспитать гармоническую личность, если обществу в данное время нужны люди менее гармоничные?

Мы поэтому считаем, что цель воспитания нужно не устанавливать умозрительно, а находить в требованиях общества в данное время. Обращаясь к нашей непосредственной задаче, мы видим: общество отдает нам для воспитания не всех своих детей, а беспризорных, более или менее социально запущенных. Нашей ближайшей целью является возвратить им качества «социально вместимого» человека. Положительные стороны задачи, одинаковые и для беспризорных, и для семейных детей, мы видим и слышим на каждом шагу вокруг себя в обществе, в печати, в речах, в литературе. Одна дискуссия о новом быте достаточна для того, чтобы знать, чего хочет от нас общество.

Исходя из характера указанных двух сторон нашей задачи, мы можем составить список качеств и навыков, которые в данное время желательно воспитать в нашем юноше или девушке.

1. Ощущение своей принадлежности к коллективу, зависимости своего блага от блага коллектива. На высших ступенях это ощущение переходит в классовое чувство.

2. Уважение к установлениям коллектива (класса)[5], к его богатству, к его законам. Верхняя ступень этого уважения есть понятие о чести, вытекающее из чести, т. е. ценности, коллектива.

3. Способность подчиниться коллективной дисциплине, т. е. ограничить себя в любой момент, когда этого потребует коллектив или его уполномоченный. Эта способность должна перейти в постоянное свойство сдержанности, такта и уступчивости.

4. ...в каждый момент каждый член коллектива должен быть готовым к активной борьбе. Это идея долга.

5. Ощущение равенства и взаимной зависимости по отношению к другим членам коллектива и вытекающей отсюда расположенности к ним, уважения, вежливости, доверия.

6. Работоспособность, т. е. стремление быть полезным членом коллектива.

7. Хозяйственность, т. е. способность организовать работу свою, чужую, руководить ею и оценивать ее результаты.

8. Здоровье, т. е. нормальный комплекс физических, физиологических, нервных качеств и проявлений, опрятность, жизнерадостность, половая порядочность.

9. Грамотность, т. е. вполне достаточная сумма формальных знаний и навыков в языке, графике, математике, естествознании и истории.

10. Ясное и уверенное представление о положении своего коллектива (класса, государства) среди других коллективов, дружеских и враждебных — политическое воспитание.

Примечание:

1. Степень достижения в каждом из указанных разделов может быть как угодно высока в зависимости от индивидуальных талантов и наклонностей, но ни в коем случае нельзя воспитывать одно какое-либо качество, например литературный или художественный талант, совершенно забывая об остальных задачах или закрывая глаза на недостаточную их проработку. Даже больше: совершенно преступно воспитывать этот талант, одновременно допуская наличие антиобщественных навыков или враждебных классовых настроений... Я особенно останавливаюсь на этом вопросе, потому что так обычно заблуждается наша соцвосовская практика.

2. Я особенно подчеркиваю значение таких терминов, как ощущение, чувство, способность. Я хочу этим сказать, что нужно не приучать выражать или высказывать свое отношение к коллективу или классу, а именно нужно воспитывать почти инстинктивное устремление к нему, поскольку оно выражается в ощущении или чувстве. Я это говорю потому, что слишком часто наблюдал полный провал пионерской работы, иногда комсомольской, когда яркие внешние выражения уживались с весьма несимпатичными и антиобщественными инстинктами и навыками.

II. Единство коллектива

Переходя к методу, прежде всего говорю о единстве коллектива. Нет ни одной педагогической книжки или статьи, где бы этому существеннейшему вопросу придавалось достаточное значение. Напротив, многие теоретические положения содержат в себе тенденции, противоречащие этому единству. Например, детский коллектив рассматривается как нечто отдельно стоящее, как некоторый материал для воспитания. Тогда как нигде не говорится о педагогическом коллективе, воспитатель рассматривается как индивидуальный деятель и педагогический коллектив рассматривается как простая сумма этих деятелей[6]. В результате наша практика представляет обыкновенно безотрадную картину двух лагерей, в лучшем случае находящихся в состоянии мира, но никогда не слияния, не дружбы, не единства. В отдельно стоящем детском коллективе организуется самоуправление, которое обращается в пустую игру и бузотерство, могущие

умилить корреспондента газеты, но не имеющие абсолютно никакого значения для воспитания. Педагогический персонал ограничивается школьной работой и приносит в этом кое-какую пользу, но никаких, разумеется, воспитывающих процессов, никакой реорганизации личности здесь наблюдать не приходится.

Все это в лучшем случае. Обыкновенно же разрыв между детским коллективом и педагогами принимает характер шпионского недоверия, подозрительности, с одной стороны, шпионства и надзирательства — с другой. Результаты как мирного, так и не мирного разрыва можно наблюдать на каждом шагу. Беспризорные, лишенные семьи, и в детском доме растут почти вне общества взрослых. Их отрыв от старшего поколения сказывается в образовании многих черт характера, имеющих явно нездоровый вид. Это бедность языка, долго сохраняющийся детский способ мышления, самонадеянность, подозрительность. У более развитых это переходит в сознательное противопоставление себя старшему поколению, обычно связанное с моральным анархизмом.

Еще больше зла приносит нарушение коллективного единства в другом отношении. Весь городок[7] или колония разделяются на отдельные спальни или комнаты. Каждая спальня вмещает в себе отдельную школьную группу, к каждой прикреплен отдельный штат воспитателей, каждая себя коммунально обслуживает, имеет свою столовую, свой клуб.

Таким образом, воспитывается социальное обособление, «соседский» коллективизм, мелкое мещанское кружковое объединение. Гибельность этого, впрочем, не в том, что достигается, а в том, что теряется. Упрощенная система комнатных коллективов просто бедна содержанием социальных моментов. Она не приучает к сложной машине общества со сложной цепью взаимных, не только личных, но и коллективных зависимостей (зависимостей между отдельными коллективами), к сложной системе разделения труда, к идее организованного трудового коллектива.

Избегая этого, наша система вводит:
а) равноправие воспитателей и воспитанников[8],
б) обязательное участие тех и других во всех функциях коммуны,
в) возможность подчинения воспитателей воспитанникам[9],
г) отказ педсовета от права законодательства[10],
д) нераздельность педколлектива по комнатам или по функциям,
е) игнорирование почасового распределения труда воспитателей,
ж) единый детский коллектив,
з) самоуправление коммунальными отрядами[11],
и) систему переменных сводных отрядов,
к) обязательное приветствие,
л) символ единства — знамя,
м) воспитание переживания общеколлективной чести.

III. Диктатура коллектива[12]

В наш соцвос с самого начала привнесены были идеи *свободного воспитания*, идеи о правах ребенка, о непогрешимости ребенка. Хотя формально у нас и отказались от этой шумихи, в нашем обществе, в особенности интеллигентной его части, продолжают жить старые педагогические фе-

тиши. У нас готовы признать за благо дисциплину, но решительно не способны без отвращения наблюдать какое угодно дисциплинирование, которое если и допускается, то обязательно с тем условием, чтобы оно протекало приятно, без конфликтов и «насилия».

Мы при этом считаем: для того чтобы это принуждение приходилось применять как можно реже, чтобы оно не было усмирением, а законом, оно должно быть абсолютным, т. е. применяться с железной необходимостью, как только есть нарушение, без пропусков, без уговаривания, без послабления[13].

Совершенно безнадежно думать, что это принуждение возможно без конфликтов, без насилия и без неприятностей. Общественное желание, чтобы в детском доме все решительно и всегда напоминало счастливую Аркадию[14], [это] тем более невозможно, что мы имеем дело с детьми, более или менее запущенными.

В то же время, поскольку мы имеем свободный, живой, реально самоуправляющий коллектив, поскольку у нас не придавлена личность, постольку у нас больше возможностей проявиться и отрицательным сторонам личности.

Поэтому принуждение может иногда принять форму насилия, если без него обойтись невозможно.

Всякое принуждение при этом должно совершаться только уполномоченным для этого лицом или органом и при обязательном одобрении коллектива и обязательно от его имени.

Опыт показывает: чем прямее, откровеннее и увереннее проводится принуждение, тем реже его приходится применять. В таком случае представление о силе коллектива делается привычным и положительным переживанием.

Кто должен быть уполномочен на принуждение? Это очень трудный, но все же технический вопрос. Правильная и точная политика принуждения должна находиться в руках опытного, знающего и тактичного человека. Это нельзя доверять нескольким людям, и, следовательно, ясно, что только заведующий [учреждением] может быть уполномочен на это. Но именно уполномочен, т. е. настолько [может] пользоваться доверием, чтобы об этом не могло быть двух мнений. Я не возражал бы даже против выборности [заведующего] детским составом.

Внешним выражением принуждения является наказание.

Проблема наказания чрезвычайно трудна, и здесь предстоит еще много поисков. Во всяком случае во всяком наказании должна быть логика, соответствующая логике поступка. Но в некоторых случаях наиболее уместным является формальное наказание, например «домашний арест»[15]. Можно даже допустить и точный кодекс, во всяком случае такой опыт произвести не мешало бы.

Возражая решительно против физического наказания, мы все же считаем, что в некоторых случаях применение физической силы бывает необходимо, главным образом с целью задержки, остановки.

Говоря о наказании, мы все еще должны помнить, что нашей целью, как и целью всего общества, является такая организация влияния, когда наказание станет излишним. В настоящий момент до этого еще очень далеко, но наше воспитательное учреждение все еще стоит впереди общества.

IV. Первичный коллектив

Вопрос о первичном коллективе тем более важен, чем острее мы ставим вопрос о единстве коллектива. Это единство отнюдь не предполагает аморфности коллектива. Последний должен быть организован, т. е. обладать живыми органами движения и действия.

Идея социального воспитания требует, чтобы детский коллектив был построен по законам данного общества. Обращаясь к обществу советскому, мы видим, что оно разделяется на множество первичных коллективов, причем сеть этих первичных коллективов очень сложна: отдельный член общества состоит членом нескольких первичных коллективов (рабочего, партийного, кооперативного, жилищного), но основным коллективом всегда является рабочий.

По этому образцу мы строим систему наших первичных коллективов. Каждый воспитанник должен состоять членом нескольких групп (рабочей, школьной, клубной, партийной[16]). Наше отличие от обычных систем соцвоса заключается в том, что основным первичным коллективом мы считаем производственный отряд, а не спальню или школьную группу.

Этот момент мы считаем чрезвычайно важным, ибо он определяет основной характер нашего воспитания. Превалирование спальни, как уже было сказано, дает очень бледный эффект узкого соседского компанирования личности, превалирование же школьной группы ведет к воспитанию интеллигентских тенденций в развитии, что в нашем обществе представляется прямо гибельным. Обычно у детей в таком случае образуется пренебрежение к производственному труду, развивается чисто индивидуальный комплекс устремлений, иногда чересчур повышенное мнение о своих способностях, дилетантское суждение о вещах. В обществе буржуазном чисто школьное воспитание не шло вразрез с тенденциями общества, поскольку оно, во-первых, гармонировало с интеллигентским бытом буржуазной семьи, во-вторых, вообще соответствовало задачам командующего класса. Наши рабочие дети, особенно беспризорные, получают совершенно ложную зарядку, которая потом спутывает возможность правильной ориентировки в жизни.

Лучшим примером гибельности такой установки является история дома им. ВУЦИКа[17], разложившегося, несмотря на прекрасные материальные условия.

Производственный отряд у нас является хозяином своей мастерской.

Для работ по самообслуживанию, а летом по сельскому хозяйству[18] производственные отряды выделяют из себя временные (сводные) отряды. В трудовой коммуне им. Ф. Э. Дзержинского на такую работу зимой расходуется 25% рабочей силы, летом же больше. Благодаря этому наши производственные отряды приобретают характер профессиональных союзов, и, с другой стороны, отряды не занимаются в своем обособлении. Из прилагаемой «конституции» трудовой коммуны видна техника функционирования основных и сводных отрядов. Между прочим, мы и нашим школьным группам придаем характер сводных рабочих отрядов.

V. Самоуправление

Как и положено по соцвосу, у нас имеется выборное детское самоуправление. Моменту выборности, впрочем, мы придаем меньшее значение, нежели функционированию. Мы считаем, что каждый воспитанник должен пройти не только через рабочее усилие, но и через усилие организатора и хозяина. Мы решительно стоим против замыкания органа самоуправления в самом себе, его отрыва от массы, как это обычно наблюдается в наших детских учреждениях. Детские исполкомы, избираемые всем детским коллективом, обыкновенно представляют чисто бюрократические верхушки в детском коллективе, рабочие функции этой верхушки особенные, даже в быту она отделяется от массы. Самый же главный недостаток такого самоуправления состоит в том, что оно заключает в себе очень небольшую часть детей, обычно не более 5%, действительным же активом является только президиум из нескольких человек.

Система небольших производственных отрядов, усложненная системой недельных рабочих отрядов, школьных сводных отрядов, отдельных индивидуальных задач, позволяет нам достигать следующих выгод:

а) выборные командиры производственных отрядов, составляя орган самоуправления (совет командиров) и работая в этом органе как «член правительства», каждый в своем отряде является уже организатором быта и работы, принимающим также одинаковое со всеми участие в работе и несущим ответственность от имени отряда;

б) все решения совета командиров (СК) немедленно делаются известными в отрядах, и каждый командир таким образом является живой связью между СК и массой. А так как у нас давно есть обычай, по которому права в СК предоставлены не лицу, а представителю отряда, то очень часто в нем бывают в качестве таких представителей рядовые члены отряда. В совете командиров поэтому никогда не считаются голоса лиц, а всегда — голоса командиров;

в) в педагогических и некоторых общественных кругах сложилось такое впечатление, что наша система покоится на некотором «янычарстве»: заведующий, а вокруг него кучка командиров, «насилующих» детский коллектив. Такое впечатление могло сложиться только благодаря простому незнанию нашей жизни...

Насколько вообще никакое «янычарство» у нас не может иметь места, видно из следующих стажных списков[19] нескольких производственных отрядов колонии им. М. Горького.

Фамилия	Время поступления	Сколько раз командовал основным отрядом	Сколько раз был помощником командира	Сколько раз командовал учебным сводным отрядом	Сколько раз командовал рабочим сводным отрядом
21-й отряд колонии (обычный полевой отряд):					
Новицкий	1926—V	1	1	—	7
Фесенко	1926—V	1	1	—	8
Вовченко	1926—V	3	1	—	119
Братухин	1926—XI	—	1	—	8
Калинин	1926—V	1	1	1	4

Сахаров	1927—XII	—	—	—	—
Лаврищук	1927—XI	—	—	—	—
Чуманенко	1927—X	—	—	—	1
Путехов	1927—XII	—	—	—	—
Марченко	1926—X	1	1	—	16
		9-й (ремесленный) отряд:			
Зелендинов	1926—II	4	2	2	12
Агеев	1925—IV	5	14	3	34
Стебловский	1921—V	2	2	2	96
Перцовский	1923—IX	7	2	5	121
Кабачный	1924—V	1	7	3	30
Турганинов	1926—V	—	3	—	9
Викторов	1926—V	3	1	—	19
Криницкий	1926—V	3	4	1	32
Халин	1926—V	3	2	—	49
Литвинов	1926—IX	1	3	—	10

Из этих стажных списков видно, что воспитанники, прибывшие в конце 1927 г., не командовали постоянными отрядами или сводными отрядами, а пробывшие в колонии больше года все без исключения участвовали в организаторской работе. В этих стажных списках не учитываются помощники командиров учебных и рабочих сводных отрядов, назначаемые до последнего времени самими командирами.

В трудовой коммуне им. Ф. Э. Дзержинского за месяц работы, согласно анкете, проведенной 3 февраля 1928 г., перебывали на командирской функции 34 воспитанника из 89.

Пропитывание нашего детского коллектива функциями организатора в действительности еще больше благодаря многим частностям основной традиции, по которым нашим отправным моментом является отряд, а не командир. Эти частности можно видеть по «Конституции».

Таким образом мы достигаем того, что у нас нет игры в самоуправление, а действительное самоуправление. В согласии с этим и другими принципами мы совершенно не допускаем никаких конституционных изменений от имени педагогического совета[20]. Педагогам нашим предоставляется только один путь творчества — влияние в совете командиров и на общих собраниях[21].

VI. Интерес или долг[22]

Мы считаем, что воспитание эмоции долга[23] является нашей главнейшей целью. Когда я в истекшем году на московском съезде[24] сказал об этом, наши педагоги удивленно открыли глаза. То, что дети из детских домов выходят убежденными потребителями, не только практическая случайность. Наша педагогическая литература достаточно погрешила по этому пункту. Не только эмоция долга, но и необходимейшая правовая эмоция[25] почти не пользовалась вниманием педагогики. Между тем как раз в Советском государстве, основанном на гораздо большем вмешательстве государства в мир отдельных интересов, наше воспитание должно было опереться на науку о праве. Это еще и тем более необходимо, что мы отказались от таких стимулов поступка, как боязнь греха, вера в бога, «любовь к ближнему» и т. п.

И как раз, как будто в порядке какой-то иронии, в нашей педагогике особенно надеются на значение интереса. Решительно все должно подноситься нашим ребятам в занимательном виде, в образе какого-то вкусного пирога, все должно заинтересовать, все должно пройти через их психику по специально облегченным путям, без усилия и напряжения с их стороны, без неприятностей.

Не нужно много говорить о гибельности такой воспитательной политики. Жизнь как раз наполнена усилиями и напряжением, она требует от человека регулярной скучной работы, и нужно приготовить наших детей к жизни так, чтобы они могли делать эту работу без страдания и без подавления своей личности.

А это возможно только в том случае, если ценность работы оправдана ясным представлением о ее значимости для коллектива и, следовательно, для всех членов коллектива. Это и есть переживание долга.

Только воспитывая эмоции долга, приучая ребят идти не только за своим интересом, занимательностью данной минуты, а за идеей создания коллективной ценности, явно полезной и для них, — мы воспитываем крепких, волевых людей, способных перенести лишение с бодрым самочувствием, способных не только «рвать», но и тянуть, не только ударять, но и терпеливо надавливать. И у нас не выйдут те жалкие, ноющие, жадненькие потребители, всегда чего-либо хотящие и просящие, всегда недовольные и своей работой, и своей жизнью, которыми наполнены сейчас дома подростков.

VII. Общий тон[26]

Как бы ни прекрасны были наши воспитательные идеалы, как бы ни полезны были для общества наши будущие педагогические достижения, мы, конечно, не должны забывать, что детство — это не только подготовительный период жизни, а это часть жизни, и, может быть, даже лучшая часть. Не нарушая интересов воспитания (интересов общества), мы не можем нарушать интересов детства. Дать детство здоровое, жизнерадостное, бодрое — это продолжает оставаться нашей обязанностью.

И если это можно сделать в бедности в колонии им. М. Горького, то это тем более возможно и в трудовой коммуне им. Ф. Э. Дзержинского.

Но это вовсе не значит доставлять детям развлечение и удовольствие и этим ограничиваться. Это, конечно, внесло бы в жизнь детей некоторую долю радости, но это было бы чисто механическим добавком к чему-то такому, что этой радости не содержит.

Нужно внести в детскую жизнь струю бодрости и удовлетворения так, чтобы она проникла во все органы коллектива, чтобы она была органически связана со всем укладом его жизни. Нужно создать то, что мы называем общим тоном.

Общий тон зависит от множества самых разнообразных явлений, учесть которые можно только в серьезной монографии. В последнем счете общий тон есть производное от всех остальных элементов. Но он возбуждается и специальными приемами. Сюда относится и покрой одежды, и манера говорить со стороны педагогического персонала, и правила вежливости, и отношение посторонних. Особенно же он организуется такой формой быта,

которая идет навстречу постоянному стремлению детей к игре. Дети склонны играть не только тогда, когда у них в руках мяч, а в каждый момент.

Пользуясь этим, мы вокруг игры строим наш быт. Несколько военный характер, который мы придаем этой игре, вполне соответствует той любви к военной внешности, какая всегда есть у ребят. Кроме того, пользуясь этой военной игрой, мы физически подтягиваем ребят и приучаем их к физической сдержанности. Особенное значение имеет и то, что это позволяет нам выпрямлять позвоночник, искажение которого серьезно нарушается как в школе, так и в мастерских.

VIII. Заключение

Чего мы можем достигнуть благодаря нашей системе? Ни в коем случае нельзя утверждать, что мы способны создавать тот тип человека, который нам нужен. Для этого нужно, чтобы под нашим влиянием дети находились не с 14 лет, а с 3. Раннее детство, от 3 до 7 лет, как раз то время, когда определяются основные элементы личности, не находится у нас в руках. Это первое.

Второе: от нас дети уходят все же довольно рано, уходят в среду, которая также вне нашего влияния. Таким образом, в наших стенах дети проводят только небольшую часть своего детства — 3—4 года. За это время мы должны настолько реорганизовать личность, чтобы она была вполне пригодна для жизни в нашем обществе по тем десяти линиям, которые были перечислены вначале. Тем более наша ответственность велика, и тем более непростительно, если мы принесем детство в жертву педагогическим предрассудкам.

Зав. трудовой коммуной им. Ф. Э. Дзержинского
А. Макаренко

«Конституция» трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского

I. Общая часть

1. Членами трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского состоят все воспитанники, воспитатели и служащие. Все они имеют право участвовать в общих собраниях и быть избираемыми в отдельные комиссии.

2. Члены коммуны не имеют права отказываться ни от какой работы, если она назначается общим собранием или советом командиров.

3. Все члены коммуны (коммунары) в течение рабочего дня беспрекословно обязаны подчиняться распоряжениям рабочего командира, инструктора, учителя в классе, дежурного по коммуне и заведующего коммуной. Внешним выражением этого является ответ «есть».

4. В случае необходимости или невозможности подчиниться явно неправильному распоряжению об этом необходимо немедленно доложить дежурному по коммуне.

5. Всякое обсуждение распоряжения или наряда на работу может быть

только на общем собрании или в совете командиров. Принятое большинством решение обязательно для всех коммунаров.

II. Общее собрание

6. Общее собрание собирается ежедневно после рапортов командиров в 8 ч 30 мин и, кроме того, может быть собрано всегда по сигналу «общий сбор» по распоряжению заведующего трудовой коммуны или секретаря совета командиров (ССК).

7. Общему собранию принадлежит рассмотрение следующих вопросов:

а) выборы совета командиров (СК) и товарищеского суда (ТС);

б) выборы отдельных комиссий;

в) изменение нарядов на работу совета командиров;

г) изменение «Конституции» трудкоммуны;

д) рассмотрение объяснений коммунаров по замечаниям рапортов командиров;

е) прием в коммуну новых кандидатов, непосредственно обращающихся к общему собранию;

ж) рассмотрение всех вопросов, выдвигаемых коммунарами на общем собрании.

8. На общем собрании председательствует заведующий коммуной или его заместитель, а в их отсутствие — ССК.

9. Заведующий коммуной имеет право опротестовать постановление общего собрания и поставить тот же вопрос на новое обсуждение.

10. Все коммунары обязаны быть на общем собрании, за исключением дежурных по сторожевому отряду и по отоплению.

11. На общем собрании все обязаны говорить стоя.

12. Общее собрание ни в каком случае не может накладывать наказаний на провинившихся коммунаров. Оно может принять только постановление об исключении из коммуны, нуждающееся в утверждении педсовета.

III. Совет командиров и отряды

13. Коммунары-воспитанники делятся на отряды по производственному признаку с тем, однако, чтобы в отряде не было более 20 коммунаров.

14. Определение, сколько в каждом отряде коммунаров и какие именно должны быть отряды, принадлежит совету командиров.

15. Перевод воспитанников из отряда в отряд принадлежит СК по заявлению отдельных коммунаров, а по нужде — и без заявлений.

16. Совет командиров избирается общим собранием сроком на 3 мес. На избирательном общем собрании каждому отряду от имени отряда предоставляется право выдвигать своего кандидата.

17. На избирательное общее собрание может быть подан список кандидатов в совет командиров с распределением их по отрядам, подписанный или от имени одной из организаций коммуны, или не меньше как 20 коммунарами.

18. На том же избирательном общем собрании избирается и ССК, который ведет все дела совета и председательствует на нем.

19. Совет командиров имеет право до истечения срока своих полномо-

чий изменять свой состав, т. е. смещать, назначать и перемещать командиров, а также заменить секретаря совета командиров.

20. Отрядам предоставляется право протеста и отвода в случаях, предусмотренных § 19. В таком случае конфликт между отрядом и советом командиров разрешается общим собранием.

21. В совете командиров с правом решающего голоса присутствуют: заведующий коммуной, его заместитель и секретарь педагогического совета.

22. На заседание совета командиров может явиться не командир и не его помощник, а любой рядовой член отряда, и, если он присутствует от отряда один, он имеет право решающего голоса без представления каких бы то ни было письменных полномочий.

23. Совет командиров собирается в воскресенье в 10 ч утра и, кроме того, может быть собран в любую минуту сигналом «сбор командиров» по распоряжению заведующего коммуной или ССК.

24. В СК председательствует ССК, а в его отсутствие — командир III отряда.

25. Каждый командир, услышав сигнал «сбор командиров», должен или сам явиться на собрание, или командировать помощника или одного из членов отряда.

26. ССК во время заседания СК имеет право наказания по отношению к нарушителям порядка на заседании, а также по отношению к опоздавшим членам совета.

27. Каждый коммунар, услышав сигнал «сбор командиров», если он знает, что командир и его помощник отсутствуют, должен явиться в СК.

28. Каждый командир или помощник, уходя из помещения коммуны, должен объявить отряду, кому передает свои полномочия.

29. Отряд, не представленный в заседании, должен быть отмечен в рапорте ССК, и командир его должен дать объяснение общему собранию.

30. Совету командиров принадлежат:

а) проекты изменения «Конституции» коммуны,

б) обязательные постановления по коммуне о порядке текущей работы,

в) распределение труда между отрядами коммуны,

г) смещение, назначение и перемещение командиров,

д) назначение и смещение помкомандиров по представлению командиров,

е) назначение заведующих отдельными частями,

ж) перемещение коммунаров из отряда в отряд,

з) рассмотрение всех хозяйственных вопросов и принятие решений по этим вопросам,

и) рассмотрение вопросов культурно-бытовых,

к) прием отчетов от отрядов,

л) избрание комиссий с временным заданием,

м) устройство праздников,

н) установление очередей по потреблению[1],

о) решение всех вообще текущих вопросов.

31. Совет командиров назначает заведующих отдельными частями, а

именно: зав. клубом, зав. библиотекой, зав. канцелярией, зав. светом[2] и др.

32. Все заведующие отдельными частями состоят членами III отряда, также и все имеющие постоянную индивидуальную работу. В III отряд входит и ССК как рядовой его член.

33. Командир III отряда является помощником заведующего хозяйством, на его обязанности лежит контактная работа с завхозом, наблюдение за хранением и исправностью всего имущества коммуны.

34. Все отряды, в том числе и III, имеют отдельную спальню и отдельный стол в столовой.

35. На обязанности командира и его помощника лежит:

а) представительство отряда в СК и у заведующего коммуной,

б) наблюдение за порядком в отряде, в спальне и в столовой,

в) руководство отрядом во время работы,

г) ответственность за инструменты во время работы,

д) получение рабочих задач и отчет об их выполнении,

е) получение белья, одежды, мыла и прочих предметов потребления для отряда и правильное их распределение,

ж) забота об отряде и о своевременном удовлетворении его нужд,

з) наблюдение за чистотой тела и одежды в отряде и мастерской.

IV. Рабочий (сводный) отряд

36. Каждый производственный отряд на работе является рабочим отрядом.

37. Рабочим отрядом на работе командует его командир, а в его отсутствие — помощник.

38. Для выполнения работ по самообслуживанию организуются сводные рабочие отряды сроком на одну неделю из частей производственных отрядов.

39. На воскресном своем заседании СК устанавливает план сводных отрядов и предъявляет требования к производственным отрядам об откомандировании в тот или иной сводный отряд определенного числа коммунаров.

40. На том же заседании СК устанавливает план производственных совещаний всех отрядов, как основных, так и сводных, и назначает председателей этих совещаний из числа воспитателей и старших коммунаров.

41. Если основной отряд весь разделен по сводным отрядам, он считается нерабочим, не устраивает производственного совещания и командир его сдает не письменный, а устный рапорт о благополучии в отряде.

42. Производственное совещание рабочих отрядов происходит в воскресенье в 2 и в 4 ч дня[3].

43. К 12 ч дня в воскресенье каждый командир основного отряда должен представить ССК список своих коммунаров с указанием, в каком рабочем отряде работает каждый.

44. На основании этих списков ССК составляет списки рабочих (сводных) отрядов и передает их лицам, назначенным вести производственные совещания.

45. На производственном совещании устанавливается план работы от-

ряда на неделю, определяются инструменты и производственные нужды отряда. В сводных отрядах, сверх того, избирается командир сводного и его помощник.

46. Все эти постановления записываются в бланк отрядного рапорта, заготовленного для отчета отряда в течение недели.

47. Сводный отряд считается существующим только на работе, где он и подчиняется своему временному командиру. По окончании рабочего дня отряд считается несуществующим и члены его — свободными от подчинения комендантскому сводному отряду.

48. Исключение из предыдущего составляет комендантский сводный отряд и все сводные отряды, носящие 17-й номер и работающие без определенных часов. Например, 17-й сводный, работающий в больничке, если там много больных, и 17-й сводный, работающий по подвозке воды, если испортился водопровод.

49. Каждый сводный отряд имеет номер, характеризующий длительность и часы работы, и литеру, представляющую первую букву названия работы. Учебные отряды не имеют литеры и называются по порядковому номеру учебной группы: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, 5-й сводный.

50. Комендантский сводный отряд исполняет все работы по чистоте и следит за чистотой тела и костюма воспитанников. Командир комендантского сводного отряда имеет право удалить из-за стола или из спальни коммунара, если он недостаточно чист.

51. На обязанности комендантского сводного отряда лежит стрижка воспитанников и организация купания.

52. Сводный отряд, обслуживающий отопление, называется горячим сводным отрядом.

53. Каждый сводный отряд на работе обязан следовать строго своему плану и отмечать в рапорте все отступления от него.

54. Все рабочие отряды, кроме комендантского, горячего, сторожевого и 17-х сводных, выходят на работу по сигналу «на работу» и заканчивают работу по сигналу отбоя.

55. Сторожевой сводный обслуживает в течение времени от сигнала «вставать» до сигнала «спать» вешалку и дневальство в спальне, а ночью — только последнее.

56. Сторожевому отряду сдаются на ночь все ключи от входных дверей.

57. Сводный отряд, обслуживающий кухню и столовую, называется «старшая хозяйка».

V. Дежурство

58. В дневное дежурство входит: дежурство по коммуне, дежурный командир, дежурный сигналист.

59. Дежурство по коммуне составляют двое: воспитатель и коммунар, избравшие друг друга по добровольному согласию и утвержденные приказом педагогического совета.

60. Оба дежурные по коммуне пользуются совершенно равными правами и распределяют работу между собой по своему усмотрению, отвечают же за день вместе.

61. Дежурство по коммуне сдается и принимается в 9 ч вечера и считает-

ся суточным. Ночью дежурный имеет право спать, но не выходит из здания.

62. Дежурный по коммуне в течение всего дня наблюдает за дисциплиной, работой, сном, приемом пищи и исполнением всех законов коммуны.

63. Дежурный имеет красную повязку и должен одевать фуражку[4].

64. Дежурный командир не несет никакой особой работы и не освобождается от своей прямой работы. Он считается резервом дежурства по коммуне и может быть затребован на помощь в любой момент.

65. Дежурный воспитатель ведет дежурный журнал[5].

VI. Законы дня

66. Ночной дневальный в назначенный час должен разбудить дежурного и сводный отряд «старшая хозяйка».

67. Сигнал «вставать» дается в 6 ч 50 мин утра. В течение 30 мин коммунары должны умыться, привести себя в порядок и убрать постели.

68. В 7 ч 20 мин дается сигнал «общий сбор», по которому все отряды должны выстроиться каждый в своей спальне.

69. Утренний обход делает заведующий коммуной или его заместитель, а в их отсутствие — ССК, все в сопровождении дежурного. Обход встречается командой «Отряд, смирно!». Обход и отряд приветствуют друг друга взаимным салютом.

70. Во время утреннего обхода проверяется чистота спальни, правильность заправки постелей и аккуратность костюмов коммунаров.

71. В 7 ч 30 мин дается сигнал на завтрак.

72. За столы все коммунары садятся по отрядам. По окончании еды вставать из-за стола можно только тогда, когда весь отряд поел.

73. Все коммунары обязаны после приема пищи поблагодарить дежурных салютом.

74. Командир отряда выписывает пищу для отряда своим ордером, на обороте которого должен отметить, кому и по каким причинам нужно оставить пищу.

75. Во время раздачи пищи сводный отряд «старшая хозяйка» должен быть в фуражках.

76. В 8 ч дается сигнал на работу. По этому сигналу 1-я бригада (половина 1-го, 3-го отрядов и 2-й, 4-й, 8-й отряды) отправляется в школу, а 2-я бригада (половина 1-го, 3-го отрядов, 5-й, 6-й, 7-й отряды) — на работу.

77. В 11 ч совершается комендантский обход. Его проводит один из дежурных коммуны и командир комендантского сводного отряда. Обход должен установить состояние чистоты в коммуне.

78. В 11 ч 50 мин дается отбой, а в 12 ч — сигнал на обед.

79. Сигнал на работу и в школу дается в 1 ч 10 мин.

80. В 4 ч дается отбой и сигнал к чаю. После чая бывает...[6] один урок в школе.

81. Клубы открываются в 4 ч и закрываются в 10 ч.

82. Сигнал на ужин дается в 8 ч.

83. В $8^1/_2$ ч дается сигнал «на рапорт» и одновременно на общее собрание.

84. Рапорты сдаются всеми командирами как основных, так и сводных отрядов, а кроме того, «судебным исполнителем», заведующими отдельными частями, ССК и дежурными по коммуне.

85. Рапорты сдаются по форме:

«В отряде №... все благополучно. Особые замечания...» или «В отряде не все благополучно».

86. Рапорты отдаются при взаимном салюте всех присутствующих.

87. После рапорта открывается общее собрание, на котором разбираются особые замечания в рапортах и все вопросы, поднятые тем или другим коммунаром.

88. Рапорты принимает и председательствует на общем собрании заведующий коммуной или его заместитель, а в их отсутствие — ССК.

89. В 9 ч дается сигнал «спать», который является разрешением войти в спальню. Немедленно после этого дежурный по коммуне совершает вечерний обход или поверку.

90. Во время вечернего обхода командир каждого отряда докладывает дежурному, что все на местах. Проверять его рапорт дежурному не разрешается.

91. Перед сигналом «спать» на общем собрании ССК зачитывает приказ на следующий день. Приказ как воля коммуны заслушивается стоя.

VII. Приказ и отчет

92. Никакое общее распоряжение по коммуне не действительно, если оно не объявлено приказом.

93. Приказ составляется ССК и подписывается им и заведующим коммуной.

94. В течение дня экстренные распоряжения делаются дополнительным приказом.

95. Приказ может быть опротестован на общем собрании.

96. Право наказания за неисполнение приказа принадлежит только заведующему, а в его отсутствие — заместителю. Наказания за более тяжелые проступки налагаются товарищеским судом.

97. Товарищеский суд избирается общим собранием на 3 мес, в составе 4 воспитанников. Пятым входит воспитатель, по очереди. «Обвинитель» — всегда заведующий, «защитник» — один из коммунаров, по назначению заведующего.

98. Заседание товарищеского суда происходит гласно и при знамени.

99. Наблюдение за выполнением наказаний, наложенных как товарищеским судом, так и заведующим коммуной, возлагается на «судебного исполнителя», выбираемого общим собранием.

100. Приговор товарищеского суда утверждается заведующим коммуной.

4 февраля 1928 г.

О выпуске воспитанников коммуны при достижении ими 16-летнего возраста

...Мальчик или девочка, выпущенные из коммуны к 16 летам, нуждаются в опеке нисколько не меньше, чем до выпуска из коммуны, а может быть,

даже и больше, ибо сумма вредных влияний и материальных затруднений в их жизни даже увеличивается.

До сих пор в практике наших детских домов еще не было случая, чтобы патронирование производилось тем же детским домом, в котором воспитанник жил до выпуска. Таким образом, получалось, что в 16—17 лет юноша попадал в совершенно новую обстановку и почти совершенно терял связь со старой. Благодаря этому даже незначительные результаты соцвосовского воспитания погибали в первый же год. В особенности это плохо отражается на мальчиках: они начинают пить, играть в карты, хулиганить. Очень слабая материальная обеспеченность начинающих работать на производстве еще более усиливает общий разлад в среде наших выпускников.

Патронирование должно производиться обязательно детским домом, в котором воспитанник был до выпуска. Мой проект об этом, представленный в прошлом году в окрисполком, не был даже рассмотрен.

Для коммуны Дзержинского патронирование не будет дорого стоить. Правление может, вероятно, те средства, которые отпускаются помдетом на дело патронирования по числу наших воспитанников, получить в свое распоряжение и, добавив к ним незначительную сумму, организовать собственное общежитие или сеть небольших квартир.

Только при условии такого патронирования можно говорить о выпуске шестнадцатилетних ребят.

О педагогической теории и практике
(фрагмент)

Мы как-то чересчур высоко летаем, не в обиду будь сказано нашим ученым-педагогам. Область научной педагогики — это что-то такое далекое и от общества, и даже от практических работников. Вероятно, ни в одной области знания высококвалифицированные ученые так основательно не оторваны от практики, как у нас. Это, впрочем, не мешает любому практическому работнику — педагогу при желании вдруг сделаться высококвалифицированным ученым-педагогом. Что во всем этом есть что-то в высшей степени странное и что-то в высшей степени передовое, не может подлежать никакому сомнению. Очень возможно, что это происходит от невероятных потуг нашей педагогики сделаться как можно скорее настоящей наукой: поэтому именно так хочется «заиметь», как говорят наши колонисты, «всамделишнюю» теорию, пусть даже и совершенно оторванную от нашей практики.

Очень возможно, что вся теперешняя наша возня с этой бедной молоденькой рефлексологией[1] когда-нибудь и поможет нашей педагогике выбраться на научную дорогу, но в настоящее время наши молодые педагоги, окончившие специальный педагогический вуз и очень гордящиеся своей рефлексологической подготовкой и серьезными соображениями насчет разных увязок, глубоко убежденные, что в комплексе действительно заключена квинтэссенция педагогической премудрости[2], на практической работе нисколько не лучше всех обыкновенных смертных, а по сравнению с людьми бывалыми, много видевшими и много мыслившими, они уже никак не пойдут в сравнение...

В педагогический совет трудкоммуны им Ф. Э. Дзержинского
О направлении и формах клубной работы
(на 1930—1931 гг.)

1

Клубная работа в наступающем году не может располагать достаточным временем, так как открытие в коммуне рабфака предполагает гораздо большую занятость коммунаров образовательной работой. Поэтому нужно ожидать, что особенного тяготения коммунаров к клубной работе не будет, в особенности в тех формах, в которых была работа в истекающем году. Так, работа кружков языка, художественного кружка, радиокружка, вероятно, будет пополняться теперь работами школьного типа или работой ответственных организаций коммуны.

2

В то же время в согласии с общими директивами о постановке клубной работы и в согласии с общей логикой настоящего времени совершенно необходимо подумать о большем приближении клубной работы к производству, придав ей характер мобилизации общественных свободных сил на дело улучшения производства. Этой основной идее нужно подчинить организацию клубной работы у нас в возможно большей степени.

3

Одновременно с этим мы должны не упускать из виду тяготение коммунаров к зимнему спорту, вполне правильное и законное. Спортивная работа имеет, конечно, огромное значение, и ни в каком случае мы не должны особенно ее урезывать, чтобы не обратить наших коммунаров в комнатных людей.

4

Таким образом, клубная работа должна строиться у нас по трем линиям:

1. Клубно-производственный уклон.
2. Спортивный уклон.
3. Уклон отдыха и общего развития.

5

По первому уклону мы предлагаем организацию следующих кружков:

А. Кружок коммунарского станка.
Б. Материальный кружок.
В. Кружок рационализации.
Г. Кружок организаторов.
Д. Кружок экономики производства.

6

По второму уклону мы предлагаем такие кружки:

1. Лыжного спорта.
2. Конькового спорта.
3. Военно-стрелковый.
4. Подвижных зимних игр

7

По третьему уклону мы предлагаем такие кружки:

А. Драматический.
Б. Кружок писателей.
В. Природоведческий.
Г. Библиотечный.

К этому же отделу мы относим внекружковую работу, направляемую состязаниями и турнирами: шахматным, шашечным, подвижных игр, ребусника и пр.

8

Работа каждого из тринадцати кружков должна быть строго регламентирована как в вопросах содержания, так и в вопросах организации. Для упорядочения работы мы предлагаем усилить, с одной стороны элементы дисциплины, с другой стороны, элементы заинтересованности.

9

В каждом кружке обязательно должен быть руководитель из числа педагогов, ответственный за работу и успешность кружка и ответственный в порядке оплаченного труда.

10

Дисциплина в клубной работе должна быть выражена:

1. В соблюдении расписания.
2. В посещаемости.
3. В учете и ответственности за материальные ценности.

11

В согласии с этим вопрос об общем расписании должен быть поставлен как общий серьезный вопрос. Ни в каком случае расписание не должно быть нереальным, только для декорации. Оно должно быть так составлено, чтобы его можно было выполнить, и поэтому обязательно должно быть выполнено.

12

Вопросы заинтересованности должны располагаться вокруг стержней идейного и материального. Идейная заинтересованность должна выбираться нами из общей суммы интересов и устремлений коммунаров. Мы должны направлять эти интересы и так организовать работу, чтоб она сама по себе была привлекательна. Так, например, работа в производственных кружках должна исходить из естественных устремлений коммунаров как будущих инженеров. Эту тему нужно всегда будировать и в кружках и в общем собрании, а самое главное, нужно в самой работе показать, что действительно в ней удовлетворяются указанные интересы.

13

Материальная заинтересованность должна выражаться в предоставлении каждому кружку средств денежных и материальных, чтобы он мог как следует развернуть свою работу. В производственных кружках эти средства должны предоставляться отчасти из сумм производства как на покупку литературы, так и на расходы по опытной работе, и в особенности на выдачу премий как целым кружкам, так и отдельным работникам за особенные достижения и помощь производству.

14

Работа кружка коммунарского станка должна заключаться в следующем:

А. В общем изучении станкового дела, в чтении соответствующей литературы, в особенности по истории машины.

Б. В экскурсиях на фабрики и заводы для изучения отдельных типов станков и сравнения с нашими.

В. В придирчивом наблюдении за работой наших станков, в организации общественного внимания к ним и сбережении их в работе.

Г. Изобретательская работа по улучшению и приспособлению станков, по замене старых станков новыми.

Д. В изучении чертежей и в небольшой работе по черчению деталей, в особенности в связи с изобретательской работой кружка.

Е. В ведении специального отдела по станку в стенной газете коммуны.

Ж. В выявлении лучших работников коммуны на станках и в представлении их к премированию.

15

Работа кружка материального должна заключаться в следующем:

А. В общем изучении материальной схемы производства коммуны.

Б. В чтении литературы о материалах, о новых идеях и практических усовершенствованиях в области замены и употребления материалов на Западе и у нас.

В. В наблюдении за правильным и экономным расходованием материалов в коммуне, за правильным снабжением коммуны материалами.

Г. Изучение вопроса о материальном снабжении производства Союза по пятилетнему плану.

Д. В изобретательской работе по улучшению материальной сферы.

Е. В экскурсиях на заводы и фабрики для изучения положения с материалами.

Ж. В выявлении отдельных лиц и цехов коммуны, наиболее бережно относящихся к материалам, и в представлении их к премированию.

З. В ведении специального отдела по материалам в стенгазете коммуны.

И. В участии в приобретении материалов для производства.

16

Кружок рационализации работает в таких разрезах:

А. Изучение литературы по рационализации, ее истории и основных теорем и проблем.

Б. Изучение постановки рационализации на советских заводах и фабриках.

В. Инициативная работа и практическая работа по рационализации производства в коммуне.

Г. Ведение специального отдела в стенгазете коммуны.

Д. Выявление работников коммуны, наиболее отличающихся в рационализаторской работе, и представление их к премиям.

Е. В устройстве дискуссий по вопросам рационализации в коммуне.

17

Кружок организаторов имеет работу по таким темам:

А. Изучение вопросов по управлению производством.

Б. Изучение схем организации производства на заводах, законов сечения предприятия по цехам и бригадам, организации отдельных сфер производства.

В. Сравнительное изучение вопросов организации у нас и на Западе.

Г. Практическое изучение организации управления нашего производства и внесение практических указаний по его улучшению.

Д. Изучение вопроса о качествах организатора и руководителя производством.

Е. Практическое вмешательство в производство коммуны по всем вопросам руководства.

Ж. Устройство дискуссий по отдельным вопросам организации управления производством.

З. Ведение специального отдела стенгазеты в коммуне.

И. Выявление лучших организаторов в коммуне и представление их к премиям.

К. Изобретения в области организации управления.

18

Кружок экономики производства:

А. Изучение вопросов калькуляции предварительной и исполнительной.

Б. Изучение основ бухгалтерского учета.

В. Знакомство с вопросами себестоимости вообще и в коммуне.

Г. Практическая работа по улучшению калькуляционного дела в коммуне.

Д. Ознакомление с договорами производства коммуны.

Е. Выявление непроизводительных расходов в производстве коммуны и условий, порождающих их.

Ж. Экскурсии на другие производства по вопросам калькуляции и экономики.

З. Сравнительное изучение вопросов о расценках и зарплате, о различных ее системах.

И. Выявление данных о прибылях производства и о расходовании прибылей.

К. Ведение специального отдела в стенгазете.

Л. Выявление товарищей, отличающихся [работой] по улучшению экономики коммуны, и представление их к премиям.

19

Кружок лыжного спорта имеет своими работами:

А. Организацию лыжного спорта в коммуне с монопольным правом участия в нем.

Б. Чтение литературы по лыжному спорту и знакомство с постановкой лыжного спорта в организациях Харькова.

В. Ответственность за покупку лыжных приспособлений и их выдачу и хранение.

Г. Ведение специального отдела в стенгазете коммуны.

Д. Выявление наилучших лыжников в коммуне и организация спортивных состязаний.

20

В таком же порядке организуется и кружок конькового спорта.

21

Кружок писателей (можно назвать его и иначе) имеет предметами своей работы следующее:

А. Объединить товарищей, интересующихся литературой и литературным трудом.

Б. Изучение явлений современной литературы, литературных объединений и направлений.

В. Практическая работа в области литературного творчества, писание очерков, рассказов и стихов.

Г. Усвоение основных законов литературного письма и стихосложения.

Д. Регулярное издание литературного журнала и ведение литстраницы в стенгазете коммуны.

Е. Пробы писания пьес из коммунарской и общей жизни для коммунарского драмкружка.

22

Кружок природоведческий должен принять на себя изучение не только рыб, но и окружающей природы в области ботаники и зоологии.

23

Библиотечный кружок должен иметь такой план:

1. Работа в библиотеке, учет читаемости и работа по пополнению библиотеки.
2. Организация коллективного чтения.
3. Ознакомление коллектива коммуны с важнейшими новинками литературы и устройство диспутов по темам, затронутым этими новинками.
4. Организация исследования коммунара-читателя по специальным способам.
5. Ознакомление с работой других библиотек.
6. Составление рекомендательных списков книг.
7. Организация чтения между рабочими коммуны.

24

Драматическому кружку должен быть передан в полное распоряжение весь «громкий» клуб. Предоставить кружку право организовывать внутри себя отдельные секции и учебные занятия.

Необходимо драмкружку передать все дело кино, театра и распорядительство в зале, а также всю работу по составлению киноплана и доставанию картин.

В задачи этого кружка должны входить и организация посещения членами кружка театров и кино в городе, и устройство отчетов и дискуссий по вопросам театра и игры вообще.

Одной из задач драмкружка должно стоять открытие при коммуне своего запаса париков и своих костюмов, а также организация выездов нашего театра в другие клубы.

25

Для общего управления клубной работой необходимо иметь только один орган, подобный совету командиров, — совет старост, которому передать все функции управления и координирования клубной работы. К совету старост нужно придать выбранного на общем собрании председателя-секретаря, которому поручить кроме общих задач еще и руководство работой «тихого» клуба: шахматами, шашками, настольными играми и ребусником.

26

Для специальных задач по клубной работе выбирать на каждый раз отдельные комиссии: комиссию по турнирам, по ребуснику и пр.

27

Выделить из средств учебной части и из средств производства деньги для организации премиальной системы по клубной работе. Совету старост принадлежит все руководство клубной работой, а также представительство перед другими органами коммуны и зав. коммуной.

Совет старост собирается один раз в декаду в часы собраний совета командиров по тому же сигналу.

Командиры отрядов не могут быть старостами кружков.

28

Ответственность за поведение коммунаров в клубах и за исправность здания и мебели возлагается по-прежнему на дежурный отряд.

29

Секретарь совета старост ежедневно сдает рапорт ДК в общем порядке.

В. Терский

О присоединении колонии им. М. Горького к коммуне им. Ф. Э. Дзержинского

(Выписка из протокола общего собрания ячейки КП(б)У и ЛКСМ при колонии им. М. Горького от 11. III. 1932 г.)

Слушали: 1. О присоединении к дет. коммуне им. Дзержинского.

Постановили: 1. Страна Советов вступила в 4-й, решающий год пятилетки еще с большими потребностями в кадрах, чем в предыдущие годы.

Колония им. Горького также ставит перед собой задачу создания квалифицированных кадров для социалистической промышленности Страны Советов.

Подводя итоги пройденному колонией пути, можно сделать вывод, что колония недостаточно как количественно, так и качественно выпускала для нужд государства квалифицированные кадры.

Имея очень слабую производственную базу, испытывая большие затруднения со снабжением мастерских материалами, ячейка приходит к выводу, что при нынешнем положении производства коммуны колония не сумеет дать социалистической промышленности кадров, обученных для нужд современной техники.

Имея в коллективе до 400 человек бывших беспризорных, организованных по типу производственно-бытовой коммуны, колония не имеет перспектив по усваиванию этим коллективом квалификаций, какие возможны были бы при более благоприятных условиях. Эти условия могут быть созданы организацией соответствующего комбината детских учреждений типа интернатов. В результате такого объединенного руководства несомненно улучшится воспитательная, педагогическая и хозяйственная жизнь колонии.

Колония им. Горького однотипна с коммуной им. Дзержинского как в отношении детского контингента, так и в плоскости организационных форм.

Принимая во внимание все вышеизложенное, а также то обстоятельство, что инициатива исходит из недр самого детского коллектива обоих учреждений в части федеративного объединения, а также принимая во внимание желание бывших горьковцев (ныне дзержинцев) иметь одну систему управления, собрание постановило:

Поручить треугольнику поставить перед ГПУ УССР вопрос об организации комбина-

та из двух детских коллективов — коммуны им. Дзержинского и колонии им. Горького — под общим руководством Правления коммуны им. Дзержинского.

Предложить треугольнику детально проработать этот вопрос и представить на рассмотрение ячейки план реализации этого постановления.

Секретарь ячейки КП(б)У
Секретарь ячейки ЛКСМ

Один день коммуны

Приказ по коммуне № 189 1 октября 1932 г.

1

Дежурные командиры — Ширявский и Пихоцкая.
Дежурный член санитарной комиссии — Клеточкина.
Дежурный член клубного совета — Илюшечкина.
Дежурный сигналист — Пащенко Николай.

2

С утра все по нарядам командиров.

3

Согласно постановлению совета командиров распределение работ по уборке коммуны на октябрь месяц следующее:

1-й отряд — математический кабинет, верхний коридор корпуса рабфака.
2-й отряд — мостик АБ, лестница к больничке, верхняя уборная корпуса спален.
3-й отряд — главная лестница корпуса спален, вестибюль и помещение вешалки корпуса спален.
4-й отряд — физический кабинет, зрительный зал и сцена.
5-й отряд — кабинет черчения и физкультурный зал.
6-й отряд — балкон зрительного зала, лестница к уборной учебного корпуса и уборная.
7-й отряд — кабинет языка и «тихий» клуб.
8-й отряд — нижний коридор корпуса спален утром и вечером и нижняя уборная корпуса спален.
9-й отряд — парадная лестница, нижний коридор и вестибюль корпуса рабфака.
10-й отряд — кабинет природоведения и верхний коридор корпуса спален утром и вечером.
11-й отряд — кабинет соцэка и уборные девочек.
12-й отряд — класс подготовительных групп и цветники перед зданиями коммуны.
13-й отряд — кабинеты начальника коммуны, учебной части и совета командиров.

2[1]

Согласно постановлению совета отрядов назначаются на октябрь месяц:

Сторожевой сводный отряд под командой Михаила Бондаренко в составе: Шапошникова, Букреева, Братчина Николая, Строга I, Соловьева.

Старшая хозяйка — коммунар Сычов.

3

Согласно постановлению совета командиров коммунар Демченко переводится из литейного цеха в токарную группу — по его просьбе.

4

Согласно постановлению совета командиров обращается внимание коммунара Костина на необходимость принять более активное участие в жизни коммуны, коммунарских органов самоуправления, в клубных и политических организациях.

Согласно постановлению совета командиров коммунару Синякову выносится строгий выговор за то, что уклонился от участия в тушении пожара рабочего барака 18 сентября и во время пожара продолжал чинить свой радиоаппарат...

6

Предлагается всем командирам отрядов в течение двух дней подать ССК списки коммунаров, желающих участвовать в культпоходе в театр «Березиль» 6 октября.

7

Согласно постановлению комиссии по расценкам, утвержденному советом командиров, объявляются новые расценки по сборному цеху завода по сборке нижнего щита:

	Норма за 4 ч	Цена в коп.
Установка шпинделя в щит	25	12
Запрессовка втулок, райберовок и засверловка	60	5
Укладка связки и установка крышек	50	5
Сборка комплекта промежуточных шестерен	35	10
Установка промежуточных шестерен	50	8

8

На довольствии коммунаров 333, из них девочек 86.

Секретарь совета командиров И. Волченко

Утренний рапорт дежурного члена санкомиссии
дежурному командиру 1 октября т. Ширявскому
ДЧСК Клеточкиной

Рапорт

Утренняя уборка закончена своевременно. Плохо произведена уборка 13-м отрядом в кабинете совета командиров.

ДЧСК Клеточкина

Сводка механического цеха о выполнении плана за 1 октября

Сверлилок выпущено — 58.
Токари по алюминию — 98,3%.
Токари по железу — 104,8%
Токари по чугуну — 125%.
Токари на эрликонах — 137,6%.
Револьверщики — 114,1%.
Фрезерные — 109%.
Строгальные и зуборезные — 127,3%.
Инструментальщики — 104,6%.
Шлифовальщики — 115,4%.
Штампы — 110%.
Сверлильные — 114,9%.

Начальник механического цеха Овчинников

Выписка из журнала преподавателя

1 октября

1. Старшая подготовительная группа А.
Математика: метрическая система мер.
Украинский язык: чтение и пересказ.
Природа: скелет человека.
Обществоведение: понятие о классе и партии. Их взаимоотношения. Классовые интересы и классовая борьба.
Немецкий язык: формы глагола.
II. Первый курс Б.
Математика: коэффициент.
Соцэк: сентябрьский Пленум ЦК ВКП(б).
Русский язык: суффиксы имен существительных.
Биология: ферменты, их особенности, алкалоиды, эфирные масла.
Физкультура: пять первых упражнений зарядки ГТО.
Метание гранаты.
III. Второй курс В.
Математика: уравнения с буквенными и дробными коэффициентами.
Физика: расширение жидких тел.
Химия: строение атома.
Черчение: проекция усеченного конуса на три плоскости.
IV. Третий курс А.
Математика: биквадратное уравнение.
Соцэк: экономизм и зубатовщина.
Автомобиль: части автомобиля.

Протокол заседания бюро комсомольского коллектива коммуны им. Дзержинского

1 октября 1932 г.

Присутствовали члены бюро: Швед, Пащенко, Мартыненко, Оноприенко, Богданович, Буряк, Черный, Вехова, Землянский, Мохарев. Комсомольцы: Боярчук, Прасов, Черников, Торский.

Слушали: О начале политучебного года (культпропколлектива тов. Мартыненко).

Постановили: а) Намеченный план политучебы утвердить; б) выполнить постановление ЦК ВЛКСМ о начале занятий 15 октября; в) немедленно развернуть соцсоревнование между группами; г) организовать вечернюю группу для комсомольцев подготовительных групп и рабочих; д) предложить «Дзержинцу» систематически освещать ход комсомольской политучебы.

Слушали: О выделении комсомольцев в состав БРИЗа.

Постановили: Выделить в состав бюро БРИЗа т. Боярчука, Козыря и Шатаева.

Слушали: Заявление Торской об освобождении ее от командования 10-м отрядом. Торская мотивирует свое заявление тем, что комсомолки Страхова и Жилина не слушают ее и мешают ей работать.

Высказывались т. Оноприенко, Мохарев, Вехова, которые считают, что нет никаких оснований снимать Торскую с работы по командованию отрядом.

Постановили: Торскую оставить командиром 10-го отряда. За некоммунарское отношение к командиру Страховой и Жилиной поставить на вид.

Слушали: О выделении командира в литейный цех.

Постановили: Ввиду того что т. Могилин из литейного цеха переводится в механический, командиром литейного цеха рекомендовать т. Черникова.

Слушали: Об общем комсомольском собрании 15 октября.

Постановили: 15 октября собрать общее собрание комсомольского коллектива.

Повестка дня: 1. Итоги сентябрьского Пленума ЦК ВКП(б). 2. Значение шестого менделеевского съезда (докладчик т. Татаринов).

Секретарь бюро Швед

Рапорт командира 2-го отряда (третий А курс рабфака)

Состав отряда: 1. Камардинов. 2. Ширявский. 3. Гонтаренко. 4. Буряк. 5. Бронфельд. 6. Файнергольц. 7. Волченко. 8. Куксов. 9. Панов. 10. Мельникова. 11. Сидоренко. 12. Илюшечкин. 13. Терентюк. 14. Водолажский. 15. Красная. 16. Конисевич. 17. Прасов. 18. Крымский. 19. Брацихин. 20. Семенцов. 21. Сторчакова. 22. Торская. 23. Бобина.

Командир Ширявский. Помкомандира Сидоренко.

В заседании совета командиров отряд получил задание:

I. Занятие на третьем курсе А рабфака.

II. Работа на заводе электросверлилок, кроме Камардинова, командированного в Москву по делам коммуны.

Секретарь совета командиров Волченко

Рапорт командира 9-го отряда (первый В курс рабфака)

Состав отряда: 1. Брицкий. 2. Виноградов. 3. Звягин. 4. Никитин Ш. 5. Новак. 6. Остапенко. 7. Романов М. 8. Яковлев П. 9. Якушин. 10. Октябрев. 11. Толстов. 12. Наконечная. 13. Страхова. 14. Малькова. 15. Карашевич. 16. Могилин. 17. Редькин. 18. Андриевский. 19. Смиренин. 20. Длугач. 21. Деминская. 22. Лиф. 23. Федоренко. 24. Чевелий. 25. Куслий Ф. 26. Романов П. 27. Иванова. 28. Торский. 29. Сычев.

В заседании совета командиров отряд получил задание:

I. Занятие на первом курсе В рабфака.

II. Работа на заводе, кроме Сычова, назначенного старшей хозяйкой на октябрь месяц.

Секретарь совета командиров Волченко

Рапорт старшей хозяйки

дежурному командиру 1 октября т. Ширявскому
старшей хозяйки Сычова.

Все благополучно. СХ Сычов

Рапорт дежурного члена клубного совета

Дежурному командиру 1 октября т. Ширявскому
ДЧСК Илюшечкина

Рапорт

Проводились занятия в драматическом, украинском литературном и фотографическом кружках.

Библиотека работала нормально, выдано 66 книг.

В «тихом» клубе играли в шахматы и шашки, а также в новую игру «Путешествие вокруг света».

Коммунар Иванов громко разговаривал в «тихом» клубе, на сделанное мною замечание не обратил внимания и только по требованию присутствующих коммунаров прекратил.

Была сыгровка оркестра.

ДЧСК Илюшечкин

Рапорт командира оркестра

Дежурному командиру 1 октября т. Ширявскому
командира оркестра Жмудского

Рапорт

Сыгровка состоялась по расписанию. Играли: Василенко — фантазии из революционных песен Запада, Верди — попурри из «Риголетто», Богуславский — «По зори».

Коммунар Алексюк погнул свой корнет.

Командир оркестра Жмудский

Вечерний рапорт дежурного члена санкомиссии

Дежурному командиру 1 октября т. Ширявскому
ДЧСК Клеточкиной

Рапорт

Во время ужина воспитанник Лазарев Петя пришел в столовую с грязными руками и был мною удален из столовой. Ужинал он после всех.

ДЧСК Клеточкина

Рапорт командира сторожевого отряда

дежурному командиру 1 октября т. Ширявскому
командира сторожевого отряда Бондаренко

Рапорт

По сторожевому отряду все благополучно. Воспитанник Кидалов забыл в умывальной свое полотенце и заявил о его пропаже.

Необходимо обновить приборы для чистки ног на главном входе.

Командир сторожевого отряда Бондаренко

Рапорт дежурного командира по коммуне

1 октября 1932 г.

комотряда 2 Ширявского

Тов. начальник коммуны, настоящим доношу, что в дежурстве по коммуне 2-го отряда все благополучно, за исключением: воспитанник Карашевич уходил без отпуска в город и возвратился только ко второму ужину. В объяснение сказал, что прибыл из санатория его больной отец и он спешил с ним увидеться.

Прошу обратить внимание на рапорт:
Дежурного члена клубного совета.
Командира сторожевого отряда.
Командира оркестра.
9-го отряда.

Деж. командир Ширявский

Протокол заседания совета командиров

1 октября 1932 г.

Присутствовали: Командиры всех отрядов и групп коммуны, Макаренко, Дидоренко, Шершнев.

Слушали: О поведении Карашевича, ушедшего в город без отпуска.

Выясняется, что отец Карашевича тяжело болен и находится на излечении в Сухуми. В Харьков он не приезжал, и никаких свиданий с отцом у Карашевича быть не могло.

Карашевич наврал дежурному командиру Ширявскому.

Постановили: Принимая во внимание, что Карашевич живет в коммуне уже четвертый месяц и до сих пор не умеет достойно вести себя в коммуне, уходит без отпуска и бродит по городу, врет и ведет себя менее смирно, чем малыши 13-го отряда, что он не имеет никакого понятия о чести быть коммунаром-дзержинцем, поручить командиру 13-го отряда объяснить Карашевичу, как должен вести себя коммунар-дзержинец.

Слушали: О порядке культпохода в «Березиль» 6 октября.

Постановили: Так как на культпоход ассигновано по смете коммуны 750 рублей, а нужно 1400 рублей, ассигновать из фонда совета командиров 650 рублей.

Культпоход провести в таком порядке: до городского парка перебросить коммуну на грузовиках, от парка до театра маршем, обратный путь в таком же порядке.

Слушали: Заявление инструктора Базилевича о том, что воспитанник Яновский делает много брака на сверлильном станке.

Постановили: Принимая во внимание, что в заготовительном цехе не хватает кондукторов, считать Яновского не виноватым в браке. Поручить коммунару Землянскому нажать на администрацию.

Секретарь совета командиров Волченко

Выступление А. С. Макаренко на совете командиров коммуны им. Ф. Э. Дзержинского 22 февраля 1933 г.

запись

Стреляный[1] и Крымский не посещают нормально рабфак. Я уже говорил об этом со Стреляным, он 3 дня походил и опять перестал. Сегодня я его вызвал для объяснений, его объяснения были короткими: «Не хочу — и все». Я тогда сказал ему, что в таком случае придется уходить из коммуны. Стреляный на это ответил, что он и сам хочет уйти и сегодня же подаст заявление.

Крымский очень плохо учится, представляется больным. В педагогическом совете недавно было вынесено постановление, предупреждающее Крымского, что оставление на второй год на выпускном курсе невозможно, так как Крымский уже оставался на второй год на предыдущем курсе...[2]

Это хорошо, что [комсомольскому] бюро удалось убедить Стреляного остаться в коммуне. Дурно влиял на Стреляного Крымский. Осенью он научил Стреляного пить водку, а теперь сбивает его уходить из коммуны. Стреляный — человек способный, жаль только, что он по отношению к совету командиров поступил не по-товарищески. Ему нужно было прийти и сказать в совете командиров, что он просит помочь ему пойти по музыкальной линии. У нас были случаи, когда мы коммунаров посылали не в наш рабфак, а на рабфак музыкального института. Только это плохо кончалось. И Волченко, и Жмудский[3] бросили этот рабфак и перешли на наш, учиться там трудно, общежития плохие и плохой стол. Стреляный этой жизни все равно не выдержит...

Можно помочь ему другим способом: просить Левшакова[4] подготовить Стреляного в музыкальный институт. Когда он кончит наш рабфак, ему все равно придется держать экзамен и по общим, и по специальным предметам.

Все равно, где бы ни учился раньше, через полгода в музыкальный институт ты попасть не можешь. Можно будет освободить Стреляного от некоторых предметов, которые не имеют значения при поступлении в музыкальный институт.

Картина вовсе не такая, какая нарисована Петром Ефимовичем[5]. Дело вовсе не в том, что коммунары теряют наряды[6], а в том, что безобразно поставлен учет. Я каждый месяц собираю жалобы коммунаров на неправильную зарплату и не знаю ни одного случая, чтобы неправильность проистекала от потери нарядов. Сплошь и рядом коммунары имеют на руках копии нарядов и никакой правды добиться не могут, потому что копии не сходятся с оригиналами. Часто коммунары работают в «коммунке»[7], и каждый надеется на равную долю заработка с товарищем, а в оригиналах показаны для них различные суммы. Гораздо чаще бывает, что наряды просто не выписывались, и никто не знает, какая работа производилась коммунарами и сколько она стоит. Коммунары виноваты не в том, что теряют наряды, а в том, что не умеют настойчиво потребовать наряды и приступают к работе без нарядов. Теряют наряды малыши, которые вообще способны терять многие вещи...

Я не сторонник предложения четвертых курсов рабфака. Они настаивают на первой смене потому, что считают утром заниматься лучше — на свежую голову. Я же особенной разницы не вижу. Утром у них хоть будет свежая голова, но придется вставать в половине шестого. Я думаю, что это вызовет кое-какой беспорядок: кто будет будить их на уборку в половине шестого, кто будет объявлять, что пора идти завтракать? На поверке они присутствовать не будут, вообще все утро у нас потеряет свою четкость. Сейчас, если кто поздно встает, так именно старшие. Боюсь, что будет столько недоразумений, что придется все равно отказаться от предложенной меры.

Выступление А. С. Макаренко на совете командиров коммуны им. Ф. Э. Дзержинского 28 февраля 1933 г.

запись

Борьбу с кражами нужно повести самую решительную. Необходимо подчеркнуть, что общее состояние дисциплины в коммуне значительно улучшилось с начала января[1]. Тем печальнее, что, вероятно, большая группа воспитанников регулярно обкрадывает коммунаров и коммуну. Общее возмущение среди коммунаров очень большое, можно ожидать даже расправ с ворами. Вся наша борьба с кражами была борьбой либеральной, мы больше говорим об исправлении. Оставляя в коммуне воров, наказывая их так называемыми моральными мерами, мы, собственно, оставляли их совершенно без наказания, а вокруг них разводились новые воры, образовывались целые шайки.

Вред от воровства нельзя измерять только ценностью пропавшей вещи. Нераскрытое воровство — это значит целая куча всяких подозрений, оскорблений часто ни в чем не повинных лиц. Вот у меня украли 500 рублей — я подозреваю несколько человек, и приходится даже говорить им об этом, а, может быть, из них именно никто ничего плохого не сделал. Это и есть самый большой вред от воровства — разделение в коллективе, разложение коллектива на части, ничем не связанные и друг с другом враждующие.

Кроме того, необходимо отметить: отсутствие четкой и решительной борьбы с воровством приводит к общему понижению честности. Уже теряется граница, где воровство, а где просто «взял». На каждом шагу у нас даже не крадут, а просто тянут, «берут». Поставили цветы в уголках — через пять минут они уже в спальне, берут ключи, лампочки, готовальни, книги, булочки, тарелки, чашки. Полная безответственность и беспорядок в распоряжении вещами...

Крадут не малыши. Крадут старшие ребята с младших курсов, наиболее отсталые в коммуне, типа Приса. Приблизительно мы знаем, кто крадет, но фактов в руках нет. Совершенно согласен с тем, что по отношению к воровству нужен самый жестокий подход. Только в этом случае коммунары не будут привыкать к воровской атмосфере. Никакой либерализм и никакие разговоры об исправлении отдельного человека не помогут. Исправление только и может заключаться в том, что никто не будет красть и будет забывать о кражах. Присоединяюсь к предложению выгонять из коммуны за самую маленькую кражу. Если человек полез в корзину и украл мыло, то это ничем не меньше, чем в той же корзине украсть 50 рублей. Все дело в том, есть ли в корзине деньги.

К сожалению, исключение из коммуны — дело чрезвычайно тяжелое. Совет командиров постановил исключить, а исключаемый живет в коммуне уже целую неделю и уже крадет без всякого стеснения, а вокруг него образуется целая шайка сочувствующих. Это все до тех пор, пока мы получим утверждение правления. А если даже утверждение получено, то мы начинаем соображать, куда отправить, коллектор не принимает старше 15 лет, с другими колониями договориться трудно.

Нужно также среди причин развития воровства указать на отсутствие света вот уже в течение трех месяцев, почти каждый вечер. Все бродят без дела, в темноте легче и украсть.

Выступление А. С. Макаренко на совете командиров коммуны им. Ф. Э. Дзержинского 13 марта 1933 г.

запись

Нельзя так говорить, как товарищ Гетте[1]. Нельзя дать всем коммунарам работу на станках. Все равно у многих коммунаров и сейчас есть работа, которая не приносит особой квалификации, но она приучает к труду, к материалу, к производственной обстановке. Всякая работа на производстве вообще полезна, и во всяком случае лучше, чтобы коммунары работали даже и на простых работах, чем болтались по цеху из-за отсутствия работы.

У нас есть много новых коммунаров, достаточно взрослых, которые могут временно поработать на простых станках... Им в коммуне быть еще долго. Конечно, все это временно. Когда откроется новый завод, для всех найдется интересная работа.

Доклад и выступление А. С. Макаренко на заседании комиссии по пересмотру учебной системы в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского 17 октября 1933 г.

запись

...Наши коммунары, поступающие в вузы, чувствуют себя слабыми в сравнении с другими студентами. Не успевают в учебе из-за недостаточной подготовки к самостоятельной работе в высшей школе.

Наш распорядок дня построен так, что коммунары имеют возможность готовиться к лекциям только в течение ограниченного времени. Они нагружены работой и на заводе, и бытовыми обязанностями.

Наши коммунары, кроме того, не имеют окружения взрослых, которое повышало бы их развитие.

Предлагаю:

1) перестроить нашу школу, удлиняя срок обучения на один год, т. е. ввести пятый курс на рабфаке, подготовиться к организации с будущего года техникума[1], куда бы могли пойте те, кто не хочет учиться в вузе;

2) организовать высококультурное окружение взрослых, которое повышало бы их развитие;

3) ввести институт воспитателей, но дать им название не «воспитателей», а какое-нибудь другое, например «ассистентов»...[2]

Нужно у коммунаров развивать культурные потребности, организовать культурное окружение, сделать их культурными людьми. Нужно пересмотреть наш рабочий день, чтобы разгрузить наших педагогов и инженеров от второстепенных работ, которые отнимают много времени и не дают возможности уделять достаточно времени воспитанию коммунаров.

Нужно создавать условия для борьбы коммунаров за культуру, за первенство в обучении, на производстве...

Коммунары к жизни подготовлены, но они просто не хотят идти в худшие условия жизни. Они избирают, где учиться, и заинтересованы перспективами своей работы в будущем.

Предлагаю:

а) учебной части проработать новый учебный план, учитывая дополнительный год обучения на рабфаке;

б) пересмотреть списки всех коммунаров и установить тот путь обучения, какой был бы целесообразным для каждого отдельного коммунара;

в) на рабфаке составить учебные группы не больше, чем из 25 человек;

г) немедленно приступить к составлению проекта организации техникума;

д) увеличить штат педагогов, чтобы разгрузить их, обязав принимать участие в хозяйственной жизни коммуны и воспитании коммунаров;

е) ввести дежурство педагогов по вечерам;

ж) поставить хорошо работу кружков взрослых (драмкружки, художественный, литературный и др.);

з) ввести институт лучших коммунаров, которые будут помогать в работе и организации коммунарской массы, создать им авторитет, дать некоторые права, касающиеся организации воспитания коммунаров.

Замечания к акту обследования коммуны им. Ф. Э. Дзержинского

Просим комиссию по обследованию коммуны им. Ф. Э. Дзержинского внести в акт обследования некоторые поправки, которые, по нашему мнению, необходимы для исправления неточностей, ошибок и искажений, вкравшихся в акт.

Сказано в акте: 1. *Констатируется таким образом пополнение коммуны юношами, имевшими уже самостоятельный заработок или источник существования.*

Наши замечания[1]: замечание акта высказано в такой форме, как будто в данном случае коммуна нарушила определенное правило.

Прием в коммуну, согласно существующим указаниям, производится не только с улицы. В каждом отдельном случае прием мальчика или девочки является результатом забот о нем многих лиц или организаций, в том числе и правления коммуны. Выяснение обстоятельств жизни отдельного кандидата производится, конечно, не по одному признаку, а по многим,

между которыми «источник существования» является не главным. Можно найти многих беспризорных, которые имеют «источники существования», кроме воровства. Сплошь и рядом бывает, что наряду с существованием такого источника мальчику просто негде ночевать. К примеру, та же Курьянова имела заработок только потому, что первоначальным видом помощи в ее беспризорности захотели сделать работу курьера в ГПУ, но спать она могла только на столах в том же ГПУ. Таким же наборщиком был и Зайцев.

С. 2. *В составе коммунаров имеются 36 детей чекистов, из них сирот совершенно незначительное число, остальные имеют родителей, братьев, сестер, могущих содержать и воспитывать* [*этих детей*].

Это замечание акта также имеет такую форму, как будто в коммуне нарушено какое-то правило.

Дети и сироты чекистов принимаются с 1930 г., после того, как об этом было высказано пожелание... во время отчета коммуны.

Никакого нарушения или недостатка в этом видеть нельзя. Трудно найти такого беспризорника, а не только ребенка чекиста, у которого не было бы где-нибудь сестры или брата. Наличие этих родственников нисколько не спасает ребят от беспризорности, ибо утверждение, что они могут «содержать и воспитывать» совершенно ошибочное. Часто эти родственники сами живут в детских домах, в других случаях имеют собственные семьи и решительно отказываются принять еще одного члена в семью. Положение ребенка в такой семье тяжелое и в моральном, и в педагогическом отношении. Если коммуна для таких сирот дает воспитание и готовит к жизни, это хорошо, и во всяком случае хорошо, если она помогает сиротам чекистов.

Точно так же необходима помощь в тех случаях, когда семья чекиста по разным причинам не справляется с ребенком, когда из него уже растет отрицательный тип. Можем указать на того же Сердобинского или Уральца, ребят, из которых без помощи коммуны обязательно вышли бы люди с уголовной биографией.

Запрещение принимать таких детей будет только означать отказ от профилактической работы исключительно в угоду некоторому романтизму, явно отсутствующему в совете[2], — принимать только беспризорных. Между прочим, среди беспризорных очень много таких жертв отказа от профилактики. К слову: Свитухова принята не по просьбе тети, а по письменному ходатайству т. Дубового и ей не 18 лет, а 14...

С. 3. *По возрасту коммунары распределяются так: 11 лет — 6, 12 лет — 10, 13 лет — 15, 14 лет — 20, 15 лет — 48, 16 лет — 62, от 17 до 20 лет — 204.*

Такая таблица создает, действительно, впечатление, будто преобладающий возраст в коммуне 19—20 лет.

Мы сообщили комиссии другую таблицу, в которой старшие возрасты показаны в точном отношении: 17 лет — 86, 18 лет — 62, 19 лет — 52, 20 лет — 11.

С. 3. *Наличие такого числа коммунаров старшего возраста происходит в связи с оседанием старших возрастов и возвращением выпущенных. Также расширен возрастной контингент при приеме, что совершенно неправильно и вредно для коммуны.*

Считали мы необходимым ввести более точные выражения. Термин «оседание» едва ли показывает, что коммунары переходят в старшие курсы рабфака. Раз мы имеем рабфак, то естественно ожидать, что в старших курсах будут старшие возрасты.

Возрастной диапазон расширен, правда, в 1931 г., но это сделано по настоянию члена правления тов. Букшпана[3], который в особенности полюбил десятилетний возраст.

Впрочем, никакого вреда от такого распределения в коммуне нет. Старшие коммунары — это самые исправные ребята, которые нас меньше всего затрудняют.

Боязнь старших возрастов, как это показывает опыт наробраза, обязательно приведет к выпуску людей, не закончивших воспитания, к выталкиванию их и совершенно спутает все линии развития коллектива.

Бракосочетание возрастает в коммуне: 1932 г. — 1, 1933 г. — 4, 3 мес. 1934 г. — 5.

Просим исправить неверные цифры. За весь 1933 и начало 1934 г. было 5 случаев брака.

С. 5. *Бракосочетание в коммуне приняло обыденный характер и легализуется, о чем отдается приказ: Снимается с довольствия коммунарка Деминская как вышедшая замуж.*

Считали бы необходимым уточнить выражения, чтобы было видно, что рекомендует комиссия: придачу ли бракам нелегального характера, или репрессии по отношению к желающим вступить в брак, или скрытие этого бесстыдного поступка от коллектива?

Без принципиальных установок заново коммуна не может изменить своей политики по отношению к желающим вступить в брак. До получения таких установок нам необходимо руководствоваться общими советскими законами, не рассматривающими брак как преступление.

С. 5. *Прием в коммуну производится в последнее время бессистемно, без подбора, безобразно. Втискивание в рабфак (по выражению т. Макаренко), с чем можно вполне согласиться.*

Считали бы совершенно необходимым многие разъяснения. Такой подбор без специальной системы, а исключительно по данным нуждаемости каждого отдельного кандидата производился в течение всей истории коммуны, а не только в последнее время. Только в 1931 г. был произведен прием в два месяца 180 человек, тоже, впрочем, без особой какой-нибудь системы и с большими и чрезвычайно вредными ошибками... Разумеется, применить эту систему в случае приема одного человека невозможно.

«Втискивание в рабфак», действительно, мы констатировали, но оно вытекает не из метода приема, а из того основного факта, что к нам приходят не специально желающие поступить именно в наш рабфак, а беспризорные, ищущие прежде всего воспитания и пристанища. «Втискивание в рабфак» еще надолго будет у нас необходимостью и нашей невольной бедой, до тех пор, пока нам не удастся довести коммуну до 1000 человек и иметь несколько учебных организаций, могущих удовлетворить разным наклонностям[4].

С. 5. *Следует прекратить прием из семей, заменив принятых на беспризорных.*

Не указано: почему? Почему, если ребенок в семье плохо живет и воспитывается, его нельзя принять в коммуну? Тем более не сказано точно, действительно ли рекомендуется всех детей из семьи заменить беспризорными детьми. Эта операция была бы чрезвычайно вредна для коммуны.

Комиссия, к сожалению, не проверила, действительно ли полезно создавать коллектив, состоящий только из беспризорных. Опыт многих поколений доказывает обратное. В самой коммуне еще не так давно изжита идея особой беспризорной гордости, когда ребенок из семьи считался почти врагом. В целях воспитания абсолютно необходимо принимать и детей из семьи, чтобы не делать беспризорность привилегией, не создавать чрезмерно замкнутого общества, чтобы внести в коллектив несколько иные привычки и характеры.

С. 6. *Выпускались из коммуны по формальным признакам (окончание рабфака) без учета и оценки индивидуальной подготовленности коммунаров к самостоятельной жизни.*

В этом утверждении комиссия повторяет чью-то фразу, неизвестно кем сочиненную и не имеющую никакого значения. Окончание рабфака есть не формальный признак, а действительная и реальная граница пребывания в коммуне. Мы не знаем случаев, когда бы эта граница совпадала с «индивидуальной неподготовленностью к жизни», и вообще такую неподготовленность трудно себе представить у окончившего рабфак.

Это не исключает в то же время необходимости для каждого отдельного выпускника подыскивать и рекомендовать дальнейшие пути: вуз, производство, и какие именно. По отношению к последнему выпуску это и было сделано.

С. 5. *Нет точной установки, кто может принимать в коммуну, и поэтому принимают все: совет коммунаров, начальник педагогической части, начальник коммуны, руководитель коммуны.*

Совершенно не соответствует действительности, и трудно понять, как могло возникнуть такое заключение. Верно, что принимают участие иногда все указанные инстанции, но всегда прием утверждается начальником коммуны и председателем правления...

С. 6. *Тут же под кроватями хранятся ведра, щетки, тряпки для мытья полов (хранятся здесь потому, что во всей коммуне не нашлось такого небольшого помещения, где бы можно было хранить инвентарь для уборки).*

Пользуемся этим случаем, чтобы обратить внимание комиссии на следующее замечание: в своем заключении комиссия совершенно не касается явлений и процессов, действительно характеризующих коллектив коммунаров и представляющих в своей сложности истинное его лицо, а оперирует исключительно указаниями на отдельные и большей частью самые незначительные детали этих явлений и процессов, которые заключают в себе иногда некоторую проблему.

Так и в данном случае. Комиссия ни словом не указала, что в единственной из всех коммун ГПУ у нас существует самообслуживание и ежедневно вся коммуна у нас убирается, т. е. два этажа двух больших зданий приводятся в порядок силами коммунаров.

Коммунарский коллектив, работая на производстве и в рабфаке, проводя большую внешкольную работу, находит в себе силы еще и наводить лоск на свои помещения. Иногда в этом чрезмерном напряжении заключаются и причины маленьких сдвигов, приводящих к тому, что под какой-нибудь кроватью недостаточно аккуратно уберут пыль.

Именно из этого основного факта вытекают и ведра, и щетки. Комиссия возмутилась ведрами и тряпками, сразу же увидела причину, определяемую иронически: «...во всей коммуне не нашлось помещения». В самом деле, если бы руководство коммуны не могло найти небольшого помещения для инвентаря уборки, это руководство было бы образцом портачества. Мы такого помещения и не искали.

В коммуне 49 спален, значит, 49 комплектов инвентаря уборки. У нас это не просто ведро

и щетка, а целый большой отдел нашего быта, требующий от нас огромного напряжения и отнимающий у руководства немало времени[5]. Каждый комплект состоит из ведра, тряпки, половой и полотерной щеток, одежной, сапожной щеток и т. д. Хранить это в одной какой-нибудь комнате, разумеется немаленькой, невозможно, во-первых, потому, что будет полная обезличка по отношению к инвентарю, во-вторых, и потому, что раздать несколько раз в день и снова принять инвентарь на 49 спален мы не имеем ни времени, ни технической возможности. Такая операция была бы совершенно безумным расходованием сил и времени, требующим к тому же большой энергии на учет. Представляет ли комиссия очередь из 49 человек три раза в день возле такой комнаты?

Потому инвентарь, разумеется в чистом виде, хранится в спальне, и никакого зла от этого нет. Его стараются спрятать, но иногда он покажется из своего убежища и приводит в ужас впечатлительных людей, но что же мы можем сделать?

С. 7. *Основной причиной является недостаточная борьба за чистоту и значительная теснота, так как здание рассчитано на 330 человек, а коммунаров есть 365.*

Теснота, недостаток мебели, старые одеяла и матрацы, другие недостатки быта имеют, конечно, свои причины. Эти причины точно так же могут быть выявлены в результате небольшого анализа. Указание на «недостаточную борьбу за чистоту» ничего не говорит. А причины эти такие.

1. Перенаселение коммуны. Это перенаселение было допущено еще в 1931 г., когда почему-то решили, что 330 коммунаров — это норма. Это не норма, а теснота. Норма для нашего здания — 292 человека.

2. Изношенность инвентаря. Коммуна существует седьмой год, в последнее время финансовые затруднения и большое строительство значительно уменьшили ресурсы коллектива.

3. Даже при наличии денег некоторых вещей мы достать не можем. Все наши усилия купить, например, одеяла здесь или в Москве окончились неудачей.

4. Чрезвычайная загруженность коммунаров. Коммунарский коллектив развил совершенно небывалую энергию, которой комиссия, к сожалению, не заметила, будучи введена в заблуждение внешним спокойным тоном коллективной жизни. Никогда в истории коммуны активное напряжение производственной, учебной, внешкольной, общественной и комсомольской работы не достигало таких степеней, как сейчас. Коллектив ведет большую работу на нескольких фронтах. В этих условиях совершенно естественно, что отдельные детали быта несколько разлаживаются. Часто у нас просто нельзя выбрать свободной полуминутки, чтобы проделать какое-нибудь пустяковое дело или собрать коммунаров и поговорить с ними.

5. Прачечная, по мнению комиссии, удовлетворительно оборудована и механизирована. На самом деле прачечная у нас неудачная и плохо механизирована...

С. 10. *Внешний вид коммунарской одежды оставляет желать лучшего. Юбки шьются сатиновые, с большим количеством складок (несмотря на то, что девочки просят шить гладкие, а эти презрительно называют парашютами).*

По причине некоторых затруднений с деньгами и невозможности достать шерстяные ткани в коммуне было недолгое время напряжение с одеждой, это верно. Причины в акте не указаны. Шерстяной ткани для девочек и до настоящего дня достать не могли. Купить можно только по очень дорогой цене, непосильной для нашей сметы. Юбки из сатина получаются приличные только со складками, остальные фасоны уже через несколько дней имеют вид ужасный.

У девочек есть нездоровое стремление к слишком модным фасонам («клеши», «баядерки»). Из акта обследования, очевидно, можно сделать вывод, что комиссия рекомендует удовлетворить это стремление. Во всяком случае то, что мальчики называют, действительно, презрительно «парашютами», едва ли уместно в коммуне.

Недоразумение проистекает непосредственно из метода обследования: беседа с какой-нибудь модницей принимается за достаточный анализ вопроса...

С. 12. *В области морально-бытовой при общем удовлетворительном состоянии имеется несколько отдельных фактов резко отрицательного характера. В конце прошлого года вопросы быта в связи с имевшими место несколькими случаями игры в карты, выпивок, драк и краж приобрели серьезное значение.*

Такая формулировка должна вызвать наши решительные возражения. Вся работа воспитательной части коммуны, ее основной положительный процесс характеризуются ничего не значащими словами: общее удовлетворительное состояние. А после этого приводятся описания отдельных проступков коммунаров и общие из них заключения на девяти страницах. Создается впечатление полного развала и морального неблагополучия в коллективе.

Такое отношение комиссии к воспитательной работе коммуны может иметь только одно последствие — понижение этой работы.

Что такое коммуна? Разве в коммуну специально подбираются идеально-моральные лю-

ди с тем, чтобы на них смотреть и радоваться? Разве в коммуну не присылаются нарочито юноши и девушки с антисоциальными привычками? Неужели коммуна может рассчитывать, что в момент помещения в коммуну с мальчиком происходит нравственный переворот и он моментально обращается в высококультурную личность, политически развитую и морально чистую?

Разве нельзя заранее сказать, что каждый воришка в коммуне обязательно что-нибудь украдет, каждый хулиган кого-нибудь оскорбит, привыкший выпивать обязательно выпьет? А сколько нужно ожидать случаев самых разнообразных припадков характера, отдельных трений личности в коллективе?

Ведь вся работа коммуны в том и заключается, чтобы из таких именно людей при помощи труда, учебы, политической работы воспитать нового человека. Если в последнем счете этот человек все же получается, то какое имеет значение, что он в начале своей коммунарской жизни что-нибудь украл? Если две девочки хотели попробовать вина, то какое право отсюда заключать, что в моральном состоянии коллектива что-то неблагополучно?

Каждый коммунар в течение своего пребывания в коммуне переживает очень медленный и длительный процесс воспитания, начиная от совершенно отрицательного комплекса малограмотности, слабой культуры, дурных привычек, эгоизма, первобытного сознания и пр. Очевидно, что этот процесс и нужно наблюдать и сделать о нем заключение.

Коммуна существует 6 лет, и всегда в ее жизни были случаи воровства, хулиганства, попыток выпить, поиграть в карты. Никакого значения поэтому не имеет констатирование самих этих фактов, а имеет значение ответ на другие вопросы, а именно:

а) Имеется и развивается ли коллектив, противодействующий всем этим явлениям?

б) Удачны и успешны ли противодействия этого коллектива?

в) В какой мере единодушны и решительны реагирования этого коллектива?

г) В каком количественном отношении стоит коллектив к группе воспитанников, склонных к дезорганизации?

д) В какой мере можно быть уверенным в силе коллектива и нет ли оснований опасаться, что он не справится со своей задачей?

е) Насколько правильно развиваются отдельные личности, насколько полезными для них являются воздействия коллектива, как успешно они переходят от первоначального положения к более высокому?

ж) Как звучит основной тон коллектива, какой вид имеют в нем дисциплина и внешние выражения?

з) Какие можно указать точки в последнем этапе этого процесса по отношению к отдельным личностям, как велик процент абсолютного брака?

На все эти вопросы нет ответа в акте обследования, зато есть указания на случайные события и отдельные проступки, которым при этом дается своеобразное освещение, никакого отношения не имеющее к общим воспитательным установкам коммуны. Например:

С. 12. *Указывается на письмо т. Броневого*[6] *по вопросам быта и дисциплины.*

Можно было бы привести очень много и письменных, и устных обращений руководства коммуны к коммунарам, часто даже в более резкой и осуждающей форме. Каждый рабочий день заключает в себе десятки таких обращений. В них заключается значительная часть воспитательной работы. Теперь выходит так, что эту основную нашу работу мы сами должны рассматривать как доказательство негодности или слабости нашей работы, каждое реагирование на отрицательное явление в коммуне мы должны понимать как наше падение. Мы не можем принять такой установки.

С. 13. *Среди девочек было два случая пьянства... Над ними был товарищеский суд, в результате которого, непонятно зачем и почему, избрали такую меру наказания: трое были переведены в полтавскую коммуну, как будто полтавская коммуна — исправительное учреждение по сравнению с харьковской...*

Чрезвычайно странно, что на шестом году работы коммуны ее основной воспитательный принцип неизвестен даже товарищам, работавшим в коммуне в течение всех 6 лет. Разве коммуна когда-нибудь практиковала метод исправления[7]? Разве мы не упразднили в 1930 г. должности воспитателя, решительно отказавшись от индивидуальной инструментовки нашего воспитательного процесса[8], а положившись только на организующее влияние коллектива, а еще больше на организующее влияние всей советской жизни, работы, на влияние сложных широких впечатлений жизни и — самое главное — влияние собственных активных движений, упражнений и переживаний коммунара? Это метод создания нового опыта, а не буржуазный метод исправительных заплат.

Зачем и почему выбрали такую меру наказания?

По методу приложения воздействия на личность это как раз не наказание, а широкая обработка личности. Почему? Какой смысл такого приема?

Вот какой смысл:

1. Имеет значение прежде всего момент решительного осуждения провинившихся воспитанников со стороны своего коллектива, единодушное решение удалить их из коллектива временно.

2. Имеет значение перевести провинившихся воспитанников в другой коллектив, более слабый, более не устроенный в бытовом отношении, чтобы при сравнении двух коллективов они могли оценить свой коллектив и понять, как эта ценность была унижена поведением коммунарок.

3. Имеет значение активное усиление роли коммунара в новом коллективе. Ведь в полтавской коммуне наш коммунар сразу становится в положение воспитателя. Как раз работа наших осужденных коммунаров в Полтаве была и могла быть только работой организующей.

4. Имеет значение возбудить у коммунарок стремление возвратиться в свой коллектив, заслужить это возвращение, следовательно, круто переменить отношение к своему коллективу: от игнорирования интересов членов своего коллектива — к уважению этих интересов.

С. 14. *Половое воспитание.*

...Верно, подошли неподготовленными. Мы это и сами признаем, однако вовсе не в том смысле, в каком это определяется комиссией. Мы в такой же мере не подготовлены, как и сама комиссия, как и вся наша педагогика, как вся мировая педагогика.

В целом Союзе, а может быть и во всем мире, наша коммуна — единственное учреждение, где взялись за совместное воспитание юношей и девушек в условиях общего интерната и даже больше — в условиях общего коридора спален.

Справились ли мы с этой грандиозной задачей? Конечно, в полной мере еще не справились, мы еще не выработали окончательного метода работы в этом направлении. Мы как раз находимся в разгаре этой сложнейшей и труднейшей операции, и мы имеем все основания ожидать от всех внимания к этой работе, поддержки и уважения. В настоящий момент, в момент самых тонких частей операции, которая все же в наших руках и никому детально не известна, нам очень мало могут помочь отдельные скороспелые советы, часто определенно опасные. К таким советам нужно отнести и совет четко и крепко поставить вопрос об общественном воздействии на область половых отношений у коммунаров. Это область интимная, и едва ли полезно придавать отдельным проявлениям влечения характер объекта наблюдения со стороны всех коммунаров.

Точно так же «самотек» здесь совершенно неустраним, ибо создать какой-либо план развития отношений будет совершенно напрасным трудом.

Вообще в этой области необходимо соблюдать чрезвычайную деликатность и осторожность в приемах влияния. Нарушение этого правила может привести к очень тяжелым проявлениям упадничества, разочарования, нервных движений, не исключая и самоубийства.

Не отрицая совершенно, что мы еще не пришли к точному методу и, может быть, не так скоро придем, поскольку можем вывести его только из опыта, мы в то же время должны указать, что в общем мы справились с вопросом достаточно удовлетворительно. Необходимо подчеркнуть, что наше положение было еще и затруднено некоторыми обстоятельствами, а именно: приемом нескольких проституирующих девочек, неумелым вмешательством отдельных лиц и т. д. Чрезвычайно усложнилось дело чрезмерной занятостью руководящего персонала коммуны, часто ненужными нагрузками, работой, не имеющей никакого воспитательного значения.

Наши достижения в разбираемом вопросе мы видим в следующем:

1) мы удержались на линии морального влияния, не перейдя на линию внешнего подавления;

2) мы не допустили в коммуне сколь-нибудь заметных беспорядочных половых отношений, локализовав половое влечение в границах отдельной пары и соединив его с началом дружбы;

3) мы сильно сократили количество пар и почти приостановили образование новых;

4) мы сделали почти непреложным положение, что любовь оканчивается браком. Это сообщило вопросам любви начало ответственности и значительно увеличило число сдерживающих, тормозящих стимулов;

5) мы окончательно ликвидировали наклонности к проституированию и в одном случае брака добились возбуждения материнского чувства.

Разумеется, трудная и сложная работа в этой области не может избежать форм индивидуальной обработки. Как раз в сфере личности половое влечение проявляет себя часто вторичными формами: понижением интереса к коммуне и к учебе, раздражительностью, у девочек это особенно сложно.

Большей частью наше воспитательное воздействие с внешней стороны направляется как

будто просто на нарушение дисциплины, и не всегда за нею удается разобрать черты какого-либо назревшего романа. В этом случае, конечно, возможны и ошибки, которых мы стараемся все же избегать.

Любопытен один документ коммунарки Дуси Мануйловой, в котором она описывает жизнь в коммуне...

Что это за документ: письмо, дневник, жалоба — из акта не видно. Комиссия приводит его, не поговорив о нем с руководством коммуны и не выяснив существа дела. Документ излагается с нескрываемым торжеством: так сказать, на свежих следах поймали воспитательную часть коммуны, поймали на месте преступления.

Документ этот и в самом деле интересен, ибо он показывает, во-первых, отрезок действительной живой операции воспитательной работы[9], во-вторых, как легко при легкомысленном подходе к работе в такой операции напутать.

История была такая: Мануйлова и Лазарева[10] подали заявление в совет командиров с просьбой выпустить их из коммуны, дать квартиру и устроить на работу в коммуне же. Совет командиров запросил педсовет и получил отзыв, что Мануйлова может учиться удовлетворительно, а Лазарева — хорошо. Это мнение педсовета тем более верно, что девочки раньше так учились.

На этом основании совет командиров отказал девочкам в удовлетворении их просьбы. Лазарева и Мануйлова прекратили посещения классов, а совет командиров немедленно снял их и с производства. Такую же позицию заняло и бюро ЛКСМ. Коммунаркам в выдаче паспортов было также отказано, и вообще им было предоставлено право поступать, как они сами хотят, раз они уже не подчиняются совету командиров.

История эта продолжалась целый месяц. Никаких репрессивных мер по отношению к коммунаркам предпринято не было, и они не были ограничены ни в каких правах коммунара. Вероятно, девочки предприняли поиски выхода из положения, вероятно, написали и приведенное в акте письмо. Их везде постигла естественная неудача, только письмо вызвало сочувствие комиссии. К счастью, по этому письму не было предпринято никаких мер, оно так и осталось только «любопытным документом», не отразившись пока на судьбе Лазаревой и Мануйловой никакой катастрофой.

Что нужно было сделать, по мнению комиссии? Лазарева и Мануйлова вздумали выйти из коммуны и прекратить учебу только потому, что их вдруг соблазнила перспектива совершенно свободной жизни, отсутствие учебного напряжения. Характеры у девочек очень трудные, часто их обуревают неожиданные фантазии. Только недавно Лазарева вздумала идти в балерины. Получить в коммуне квартиру и стать самостоятельными людьми, жить, как хочется, и делать, что хочется, — вот комплекс их настроений. Этот комплекс тоже рожден на фоне полового созревания, и у таких характеров он обязателен почти в каждой биографии...

Мы стали на путь решительного сопротивления и волевого давления коллектива. Нас не устрашили разные словечки и обвинения со стороны Лазаревой и Мануйловой, гораздо более резкие и ужасающие, чем приведенные в письме, ибо мы прекрасно знали, что все это только форма борьбы.

Тем временем происходила индивидуальная обработка девчат как со стороны воспитателей, так и со стороны комсомольцев.

Мы добились полной победы. Девочки признали ошибочность и гибельность своих домогательств, просили восстановить их в рабфаке и на работе, обещали заниматься. Между прочим, Лазарева дала обязательство заниматься на «хорошо». Сейчас у них прекрасное настроение, они жизнерадостны, и Лазарева даже работает над главной ролью в постановке «Тартюфа», который затеян нашим драмкружком.

Очень вероятно, что у Лазаревой и Мануйловой еще один раз повторится нечто подобное. Мы надеемся свою линию довести до конца и дать девчатам среднее образование (между прочим, среднее образование должно быть в скором времени обязательным в центральных городах)[11].

Обращаем внимание, что для успешного завершения подобных операций необходимо иметь крепкие нервы и не иметь никакого сентиментализма, отбрасывая решительно все темы, похожие на тему о рождественском мальчике, погибающем у окна богатого дома...

С. 17. *Среди коммунаров можно слышать такие настроения, что-де в коммуне надоело жить, скучно (заявление активного коммунара Землянского).*

Поскольку характеристика настроений коллектива производится при помощи таких случайных фраз, высказанных отдельными коммунарами (сколькими?), настроение и тон всего коллектива не описываются — трудно что-либо сказать.

Землянскому может быть сегодня скучно под влиянием отдельных неудач, другому коммунару может быть весело. Но общий тон из этих случайных переживаний складывается.

Если Землянский сказал такую фразу, значит ли это, что мы имеем право сделать заключение: это настроение старших, у малышей иначе? А между тем можно найти и малыша, которому тоже почему-либо скучно.

Разве это анализ, достойный серьезного исследования и достойный коммуны им. Дзержинского?

Мы можем его совершенно открыто продолжить.

Землянскому скучно потому, что он жаждет семейной жизни, потому что на территории коммуны живет уже его будущая жена, потому что благодаря органическому недостатку речи у него очень плохое положение с учебой.

Крикотину скучно потому, что уже в течение шести месяцев коллектив сильно бьет по его привычкам: схулиганить, выпить, достать револьвер, украсть.

Герановичу скучно, потому что его все время отучают от болтовни, лени и неряшливости.

Скучно и еще кое-кому.

Но весело Панову, Конисевичу, Оноприенко, Семенову, Куксову, Богдановичу, весело 30 человекам-планеристам[12], двум десяткам [членов] драмкружка, двум десяткам коммунаров из нового симфонического оркестра, многим десяткам [из] кавалерийской секции, многим кружкам и группам, увлеченным кроме учебы и производства каким-либо своим общественным делом, весело и занятно жить подавляющему большинству коммунарского коллектива.

Но и тем, кому скучно сегодня, не будем устраивать специальных увеселений, а поможем им в неудачах и укажем более мажорный путь.

В этом и заключается наша работа.

С. 17. *По линии административной реагирование на каждый поступок поставлено хорошо. По линии комсомола и совета командиров такого реагирования, конечно, нет. Поэтому в дисциплинарной практике и превалирует влияние администрации.*

Совершенно неверное, ни в какой мере не соответствующее истине утверждение, решительно опорочивающее всю педагогическую работу Макаренко, сводящее ее именно к работе администратора, а не педагога в коммуне им. Дзержинского.

Каждый мелкий, самый мелкий проступок прежде всего является объектом отряда и командира в отряде. Большинство мелких проступков даже не выходит за границы отряда и Макаренко часто неизвестно. Только по рапортам командиров отрядов, старост курсов и бригадиров на производстве разбор проступков коммунаров переходит к Макаренко.

Это все касается мелких проступков. Более крупные или регулярные обязательно передаются в совет командиров, а по отношению к комсомольцам совет командиров обязательно просит заключение бюро. Многие проступки разбираются на курсовых и производственных заводских совещаниях, некоторые — на общих собраниях коммунаров. Совет командиров не менее двух раз в месяц производит рассмотрение типичных состояний дисциплины и вызывает отдельных лиц для объяснений...

С. 19. *Школа не имеет соответствующих лабораторий и классов. В известной мере это вызвано тем, что нет свободных помещений.*

Почему «в известной мере»? В коммуне имеется только 8 классных комнат, из них 4 мало приспособленных. Об этом мы кричим давно, указываем на необходимость постройки хорошего школьного корпуса.

С. 20. *Коммунары воспитываются в стремлении после выхода из коммуны пойти в вузы.* По крайней мере, такая линия велась Макаренко. Эта линия находится в противоречии с той учебной подготовкой, которую получают коммунары (приводится факт неудачи 19 человек в вузах).

Ни коммуна в целом, ни Макаренко такой именно линии не проводили. Мы добиваемся обязательно среднего образования. Рекомендуем идти в вузы только воспитанникам лучше подготовленным.

Препятствовать коммунарам идти в вузы, если у них имеется такое стремление, нельзя. Некоторые на деле должны убедиться в том, что к вузу они не подходят.

Противоречие было досконально проанализировано во время работы комиссии. Все дело в том, что выпущенные в 1932 г. представляли из себя первых коммунаров, прошедших курс коммунарского рабфака. В свое время при организации рабфака были допущены ошибки. Во-первых, слишком оптимистическое определение курса, на который был назначен коммунар при открытии рабфака, во-вторых, функционирование рабфака в течение двух лет по учебному плану дневного рабфака, т. е. с отрывом от производства. Мы рассчитывали на этом сэкономить год. Это именно и привело к неудаче выпуска 1933 г.

Неудача эта отнюдь не была катастрофичной. Вступительные экзамены почти все выдержали, но подготовка оказалась слабой. Приняв этих коммунаров на дополнительный курс, мы только восстановили тот год, который неудачно сэкономили и который полагался бы по

плану вечернего рабфака. Поэтому подчеркивание и бесконечное воспоминание об этом случае едва ли нужны.

С. 20. *Факт неудачи Торской и Беленковой при поступлении в машиностроительный институт.*

Ведь во все институты конкурсные приемы. И в дальнейшем не все наши выпускники будут выдерживать эти испытания, тем более что, как уже было сказано, некоторые идут в вуз, не обладая необходимыми данными.

Между прочим, такого факта неудачи с Беленковой не было.

Она с самого начала хотела поступить в институт иностранных языков и поступила. Учится в нем и до настоящего дня.

Вообще, из 113 коммунаров, вышедших из коммуны, в вузах находится 20 человек. Это доказывает, с одной стороны, что никакой особенной линии не проводилось, а с другой — что в вузы все-таки поступали.

Уверены, что в этом деле многое будет зависеть от материального улучшения нашей школы, от организации техникума, который дает выход многим наклонностям коммунаров...

С. 33. *Вопросы производства весьма волнуют коммунаров, и в частности комсомольскую массу. Поднимается целый ряд больших вопросов, на которые администрация и комсомольская организация зачастую реагируют слабо.*

Вопросы поднимаются именно в комсомольских и общественных организациях коммуны. Реагирование на них составляют наш обыденный рабочий день. Можно привести сотни примеров такого реагирования.

То, что нам не удается сделать или удается сделать с недостатком, все то, что волнует не только массу, но и администрацию, объясняется многими причинами, в частности положением снабжения, перестройкой на фотозавод, а в области производственного обучения мы еще нескоро выберемся на настоящий путь ввиду крайней перегруженности коммунаров рабфаком и производством, выберемся только тогда, когда будем иметь техникум.

С. 34. *Есть много коммунаров, состоящих в нескольких кружках, не повсюду успевающих что-либо сделать.*

Очень интересное это явление не исследовано. Как раз те коммунары, которые состоят в нескольких кружках, очень много делают. Как правило, ничего не делают те, которые состоят только в одном кружке или даже ни в одном. Они и учатся хуже.

С. 34. *Коммунары (под влиянием системы зарплаты) иногда добровольную подлинную самодеятельность подменяют формальным проявлением общественной активности.*

Дедуктивный метод из некоторых положений, правил о зарплате. На самом деле это невозможно, ибо учитывается не формальное проявление активности, а настоящая живая активность.

Все кружки ведут точный учет работы каждого коммунара, в конце месяца они представляют сводки о работе кружка и каждого его члена, да и без этого мы знаем подробным образом лицо каждого коммунара...

С. 36. *Цитируется чья-то жалоба: Раньше устраивали у нас культпоходы, водили коммунаров в город, в музеи, театры, на предприятия, а теперь не водят.*

Это место необходимо вычеркнуть, оно одно из печальных последствий метода: записывать стенание какого-нибудь нытика без проверки и считать, что оно что-нибудь выражает.

Ни в одном году не было столько движений и походов, как в 1933 и 1934. Нет ни одного выходного дня, когда бы коммунары куда-нибудь не ездили. В этом году даже в Москву послали больше 20 человек. Все это можно было в коммуне точно установить. Да и в самом акте написано одной страницей раньше: «Имеется постоянных пятнадцать мест в театрах». Это значит: в год 4000 посещений, в то время когда в прошлых годах не бывало больше трех культпоходов, т. е. 1000 посещений. Кроме того, премируются культпоходами лучшие курсы ежемесячно. Постоянная связь поддерживается с некоторыми школами и со школой слепых.

В самой коммуне в течение зимы было несколько концертов и постановок драмкружка, два концерта симфонического оркестра.

Увеличивать эту нагрузку на коммунаров больше и нельзя — время необходимо для работы. Бывали и во всех музеях, на предприятия нас не пустили.

С. 36. *Комсомол мало занимается клубной работой и не играет в клубе руководящей роли.*

В высшей степени странное замечание. Всю клубную работу организует и действительно руководит ею клубный совет — орган комсомольской общественности, находящийся под постоянным руководством и влиянием комсомола. В какой другой форме можно представить себе руководство комсомола, что именно подразумевает комиссия, выдвигая против комсомола такое солидное обвинение?

Клубная работа у нас идет хорошо, в отдельных кружках она проводится старостами, которые несут ее как нагрузку. Фактически она вся в руках комсомольцев.

Понимать ли это замечание как совет для бюро вмешиваться в текущую работу клубного совета и подменять его, в особенности если работа идет хорошо?

Важные решения принимаются всегда вместе с бюро. Например, так были приняты решения о глубокой проработке темы «Евгений Онегин»[13], о кружке движения[14], о реорганизации «тихого» клуба[15], об издании органа клубного совета «Резец», о кружках для девочек.

Наконец, сколько же времени остается у комсомольской организации для такой сверхпотребной работы? Как у каждого коммунара, так и у каждого комсомольца остается в день два с половиной часа. Вот это время комсомольцу нужно отдать и на личную работу (подготовку уроков, работу в кружках, чтение книг и т. д.), и на комсомольскую работу.

Что в таком случае можно еще потребовать от комсомольской организации в порядке придирчивого к ней отношения?

Углубленной повседневной работы над повышением политуровня комсомольцев не проводится.

Рассматривая весь комплекс работы коммуны, не понимаем этого выражения[16].

С. 39. *В разгар проработки материалов съезда*[17] *педчасть затеяла всестороннюю проработку оперы «Евгений Онегин».*

Эта самая проработка, между прочим, и отмечена только как одно из преступлений педчасти. Другой формы внимания эта работа коммуны не заслужила, очевидно, потому, что эта работа представляется аполитической, ибо здесь Пушкин.

Проработка темы «Е. О.» есть тоже работа по повышению политического уровня. Чрезвычайно печально, что это само собой не понятно.

Фактически педчасть не «затевала» проработки «Е. О.» в разгар проработки материалов съезда. Проработка «Е. О.» была закончена, когда началась проработка материалов съезда. Осталось только одно заседание, которое было проведено между работами по съезду, не сорвав ни одной минуты этой работы.

Особенное внимание нужно обратить на слово «затеяла». Коммуна им. Дзержинского, направляемая затеями, едва ли может надеяться на какие-либо успехи.

С. 42. *О совете командиров и о других органах самоуправления.*

Об этом важнейшем органе в коллективе коммуны сказано только то, что совет претендует на администрирование и что он неправильно постановил о бесплатной выдаче махорки, а завхоз правильно не выполнил это постановление.

Претензии совета на большее влияние в коммуне, конечно, основательны. А постановить о бесплатной выдаче он тоже имел право, ибо этот расход входил в хозрасчет коллектива.

С. 45. *Работа коммуны на протяжении длительных периодов никем не проверяется и, следовательно, не подвергается критике. Коллектив коммуны больше привык к похвалам.*

Как раз наоборот. Нас хвалят только простые посетители. А для ревизий коммуна — самое лучшее упражнение в критике, и ни одна ревизия от этого не отказывалась.

В 1933 г. нас основательно и довольно длительно ревизировали дважды: специальная комиссия Наркомпроса[18] и комиссия ГПУ СССР. Каждая такая ревизия выбивает нас из нормальной работы приблизительно на месяц. Два месяца в году, нам думается, достаточно...[19]

В редакцию альманаха «Год XVII»

15 марта 1934 г.

На телеграмму редакции я ответил, что продолжение «Педагогической поэмы» могу прислать в конце мая. Причины некоторой отсрочки заключаются в том, что я очень занят по своей работе в коммуне им. Дзержинского и для литературной работы могу уделить не больше двух часов.

Если продолжение «ПП» может быть напечатано в альманахе, то для меня необходимо разрешить предварительно один вопрос. Уже сейчас величина второй части определилась в 15—16 листов. Вероятно, в таком размере вторая часть не может быть напечатана в альманахе. В таком случае для меня особенное значение приобретает вопрос, каким

способом будут производиться купюры. Я просил бы заранее определить и указать мне размер второй части для альманаха, чтобы я мог заранее наметить, какие главы можно отложить.

Как раз при печатании первой части были выброшены места, которые я считал совершенно необходимыми, вместо которых я предложил бы выбросить другие.

В связи с этими вопросами для меня приобретает особенное значение вопрос об отдельном издании, особенно еще и потому, что у меня не осталось копии рукописи. Я поручал нашему сотруднику т. Кононенко получить рукопись в редакции, чтобы восстановить текст и предложить какому-нибудь издательству. В редакции Кононенко обещали рукопись выслать мне, но до сих пор я ее не получил, — наверное, она по каким-либо причинам не выслана. В таком случае я прошу и не высылать ее почтой. Через несколько дней в Москве будет один товарищ, которому я поручу взять ее.

Надеюсь, никаких возражений со стороны редакции против возвращения мне рукописи не будет. В крайнем случае я прошу выдать ее временно, я сниму копию и пришлю рукопись обратно.

Очень прошу редакцию написать мне, к какому сроку нужно представить вторую часть и в каком размере для альманаха. Если у меня будет категорическое требование редакции с указанием срока, мне легче будет добиться отпуска, а следовательно, и ускорить дела.

С тов[арищеским] приветом

А. С. Макаренко

Харьков, 54
Коммуна им. Ф. Э. Дзержинского
Антону Семеновичу Макаренко

В редакцию альманаха «Год XVII»

7 июня 1934 г., Харьков

Через мою жену я передал Вам пьесу «Мажор», написанную мною в конце 1933 г. и рекомендованную на Всесоюзном конкурсе. В апреле эту пьесу прочитал Алексей Максимович. Она ему понравилась, и он нашел возможным рекомендовать ее для постановки в филиале МХАТа. Я значительно ее доработал по указаниям Алексея Максимовича, но вторично дать ему прочитать, пожалуй, и не следовало — неловко затруднять А. М. вторично одной и той же вещью. Поэтому я непосредственно передал ее Вам и одновременно копию в МХАТ.

Пьесу просит у меня для напечатания харьковское издательство «Радянська литература», которое согласно напечатать по-русски, но мне не хочется бродить по издательствам.

Во всяком случае я очень прошу Вас не отказать ответить мне возможно скорее, будете ли печатать, и если будете, так когда. Я считаю, что я и так слишком затянул с пьесой — уже 4 месяца, как закончился конкурс, а пьеса все лежит у меня без дела.

Над второй частью «Педагогической поэмы» работаю. Получил специально для этого отпуск, но меня ежедневно отрывают от работы. Все же рассчитываю к концу этого месяца отправить ее в Москву.

Очень хотел бы побывать у Вас и поговорить, но, наверное, не удастся. Может быть, можно будет посылать Вам книгу по частям? И когда вообще следует прислать ее в редакцию?

Когда для Вас наиболее удобно?

С товарищеским приветом

А. Макаренко

P. S. «Мажор» прошел конкурс под псевдонимом Гальченко. Если по каким-нибудь правилам возможно, я ничего не имею против печатания под моей фамилией. Решайте это Вы.

Выступление на педсовете коммуны им. Ф. Э. Дзержинского

9 декабря 1934 г.

запись

Комсомольский комитет уделяет недостаточное внимание вопросу успеваемости и работе старостата. Вопрос о старостате должен стать центром внимания нашей комсомольской организации...

Необходимость реорганизации третьих курсов техникума является следствием допущенной поспешности в механическом переводе студентов бывшего ранее рабфака на III курс техникума. Как признано и НКТП, слишком большая нагрузка была возложена на студентов, определенных прямо на III курс техникума без прохождения ими I и II курсов. Параллельно с этим констатирует допущенную ошибку в обязательном переводе студентов с рабфака в техникум.

Принимая во внимание [профессиональные] наклонности и желания коммунаров, а также реорганизацию третьих курсов в курсы по подготовке в вузы и создание одногодичных курсов типа ФЗУ, считать целесообразным:

Предоставить коммунарам возможность выбора профессии в соответствии с их возможностями и желаниями. Это будет способствовать повышению качества учебы и даст возможность повысить требования к студентам.

Организовать две группы по подготовке [коммунаров] в вузы к осеннему набору. Первую группу — на русском языке (для поступления коммунаров в вузы РСФСР), вторую — на украинском языке (для поступления коммунаров в вузы УССР). Коммунарам, желающим закончить техникум или поступить на одногодичные курсы по повышению технических знаний типа ФЗУ, предоставить эту возможность, оставив их в коммуне.

Обращение к коммунарам-выпускникам

Сегодня вы, 70 лучших коммунаров, вступаете в самостоятельную жизнь комсомольцами, образованными и квалифицированными людьми. ...Вы не только воспитанники коммуны, вы и строители ее. И в этом ваша заслуга и честь, в этом ваше настоящее боевое воспитание.

Ваша жизнь в коммуне — это прежде всего участие в общей нашей борьбе, участие в нашей великой революции. Вместе со всем рабочим классом, под руководством Коммунистической партии вы здесь, на своем участке, одерживали победу за победой в борьбе за технику, школу, экономическую независимость, новый быт и новую культуру, за социализм. Именно в этой активной борьбе вы получили воспитание.

Теперь вы выходите в жизнь. Вам предстоит большой путь впереди. На этом пути вы всегда должны быть прежде всего большевиками (партийными и беспартийными). Уже в нашей коммуне вы узнали, что такое большевистская дисциплина, что такое наше единство. Только благодаря этому наша коммуна выросла в прекрасное учреждение.

Провожая вас в жизнь, я хочу вам передать только один завет и хочу, чтобы вы помнили его всегда. Где бы вы ни были, будете ли вы рабочими, инженерами, летчиками, студентами, в какие бы условия вас ни бросила жизнь, будьте в каждый момент вашей жизни верными сынами партии...

Великая социальная борьба, происходящая на наших глазах и при нашем участии, уже привела к полной и блестящей победе на одной шестой части земного шара. Наша страна уже не только по сравнению со старой Россией, но и по сравнению с западными странами поражает величием и глубиной своих побед. Наша промышленность, культура, наука, военная мощь, духовная спайка и наша народная энергия сейчас, всего на 19-м году революции, уже выдвинули СССР на первое место в мире, доказывая ни с чем не сравнимую силу Октября, исключительную точность законов марксизма, глубочайшую проницательность и прозорливость Коммунистической партии и ее вождей.

...Всегда помните, что железная дисциплина, единство наших стремлений и усилий только и может привести к победе. Знайте, что против политики нашей партии стояли всегда шкурничество, эгоизм, глупые мысли, невежественные убеждения, неуважение интересов коллектива.

Ваш путь должен быть всегда прямым путем, и тогда ваша жизнь будет прекрасной и полезной. Главное, надо быть гражданином нашей великой Родины! Идя вперед по указаниям нашей партии, всегда будьте преданными, искренними и горячими большевиками!

Заключительное слово на совещании в Научно-практическом институте спецшкол и детдомов НКП РСФСР

...О моем отношении к педагогике...

У нас нет воспитательной педагогики. У нас есть методики, которые можно приложить к основному общеобразовательному процессу. У нас

должна быть теория педагогики, ...основанная на практической работе. Но здесь надо учесть поведение нового человека в новой обстановке.

Попробуйте взять любой вопрос, например воспитание воли. То, что раньше было основано на интересе, теперь основывается на долге.

Сегодня я шел по Мясницкой, висит объявление: «Спешите видеть выставку Левитана. Сегодня последний день». Раньше вывесили бы такое объявление, чтобы побольше заработать денег, а теперь — по чувству долга, чтобы больше людей посмотрели эту выставку.

Нам необходима такая теория педагогики.

Теперь еще два замечания.

Во-первых, я считаю, что наша советская государственная школа должна занимать более важное, более блестящее и более величественное место в нашей жизни. В этом я глубоко убежден и всегда буду об этом говорить. Наша школа представляет собой заброшенное учреждение. Никто о ней не знает...

И не нравится мне, что наши школы называются школами, что наших учеников называют школьниками, что наши школы пронумерованы какими-то страшными астрономическими номерами: 667-я школа, что это мне говорит?

В нашей стране школа должна быть важнейшим моментом в жизни не только детской, но и всего общества. Мне удалось этого добиться для моего учреждения. И я хочу, чтобы вы этого добились.

Я требую внимания к коллективу, себе — и мне это удавалось. В коммуне им. Ф. Э. Дзержинского мы имели духовой оркестр. Это было важно не только в смысле воспитания. Когда шла коммуна им. Ф. Э. Дзержинского, был гром на весь Харьков. У нас было несколько барабанов, тромбоны, причем мы не признавали никаких пианиссимо, играли как можно громче. Дети идут — смотрите!

Я употребил на это дело много энергии, и не только в смысле парадном (мы не встречали другой, равной нам, колонии). Мы не имели ни одного плаката, но имели знамя. Когда ребята со знаменем шли стройной колонной до 8 человек в ряд — это было очень красиво.

Мы строили свое производство так, чтобы к нам ездили, просили, кланялись: продайте, пожалуйста, 10 «Леек». А мы не желаем, не продадим, не продаем такому-то.

Все это очень важно. В глазах каждого ученика все это должно иметь огромный общественный вес. Каждый день мы имели во всех театрах 31 место[3]. Надо было, чтобы мои франты для этого умели входить в театр. Они входили в театр с носовым платочком в кармане, с запахом одеколона.

Мы добились права для моих коммунаров ходить потом в театр без билета, так их там любили. Они бывали в артистических уборных, открывали занавес, могли стоять около каждого музыканта, были настоящими хозяевами.

Такой шикарный размах должно иметь каждое детское учреждение, и этого можно добиться красивой дисциплиной, красивой, интересной, большой работой.

Наша школа должна иметь какое-то шефское имя, должна чем-то отличаться от другой школы, должна иметь свое лицо.

Я недавно был в X классе школы им. К. Е. Ворошилова. Спрашиваю учеников:

— Скажите, пожалуйста, Ворошилов был у вас в школе?

— Нет.

— Почему?

— Не приехал.

— А куда смотрела администрация, почему не пригласила?

Когда я стал расспрашивать, то узнал, что Ворошилов не играет для них какой-либо особой роли.

Я спросил:

— Вы себя называете ворошиловцами?

— Нет.

Тогда надо отнять имя К. Е. Ворошилова у этой школы.

Ученики этой школы должны быть ворошиловцами.

В Харькове предметом гордости коммунаров служило то, что они были горьковцы, и их гордость в этом отношении превосходила все нормы.

Мои коммунары гордились тем, что они дзержинцы. У нас все было пропитано памятью Ф. Э. Дзержинского. И это давало особый тон, особую гордость коллектива. И «Лейка» называлась «ФД», и на груди их был значок: «ФД».

Это дает большой размах школе. Я провел 8 походов. Правда, мне пришлось много поработать с ребятами. Я работал в течение двух месяцев по 4—5 ч. Это антипедагогическое действие, но зато мы могли заказать себе отдельный пароход и мы плавали, как хотели.

Это сообщает коллективу уважение к самому себе и дает мне такое средство в руки, какого не может иметь учреждение, заброшенное в переулке.

Мы должны были совершить экскурсию на Кавказ, причем должны были пройти пешком по Военно-Грузинской дороге. Мы начали подготовку за несколько месяцев. Выбрали маршрут, свою комиссию, шили костюмы.

Но у меня есть общее собрание, которое имеет право предложить не брать в поход какого-нибудь пацана. И вот к июню наберутся таких человек 5. Просишь у общего собрания дать амнистию. — Нет. Для меня это было очень тяжело. Общее собрание не хочет прощать, а для них надо специально оставлять кухарку и т. д.

День отъезда, в 4 ч кончили работать, в 5 строимся, чтобы идти на вокзал. Все уже готово, обоз готов, а в это время какой-нибудь малыш дергает тебя и говорит: неужели мы останемся?

Жалко их, у них слезы текут.

— Антон Семенович, возьмите.

— Да ведь не я, а общее собрание!

Они в тех же костюмах, в каких стоит строй.

Обращаюсь уже к строю: что же теперь их оставить?

— Да как же их брать, у них в обозе ничего нет, [походного] корзинок нет, куда же их брать?

А ребята кричат: все есть в обозе, есть наши корзины, только примите нас.

Их не могли простить в течение всей зимы, но в такой радостный мо-

мент, в момент отпуска, в момент начала похода, как их не простить?

И только потом, во время похода, когда воспитанник что-нибудь не так сделает, говорят: ведь мы же говорили, что нельзя тебя брать в поход.

Если бы мне дали такую школу, как у вас, я обязательно наладил бы там производство, вы не представляете себе, как это прекрасно, когда ребята делают нужные вещи.

Работая 4 ч в день на производстве, воспитанники коммуны им. Ф. Э. Дзержинского окупали содержание свое, учителей, театры, походы, костюмы и еще дали чистой прибыли государству 5 млн. рублей. Это, конечно, выгодное дело. Никаких налогов государству мы не платили. Но там был технический интерес, там была ответственность, там был сложный процесс. Приближение коллектива к жизни дает новые основания для размаха, и это вызывает сильное движение души.

Например, приезжает Эррио. Его надо принять. Ты должен чувствовать, что за нами стоит СССР, и каждый это понимает. Ребята чувствовали себя дипломатическими представителями СССР, а перед ними Франция — буржуазный мир. Нужно вести себя деликатно, вежливо, не сдавая ни на копейку уважения к себе.

Я не могу вам советовать делать такие же вещи на следующий же день после организации вашего учреждения, но добейтесь солидности вашего учреждения, добейтесь красоты, добейтесь того, чтобы это было крупное государственное учреждение. И тогда много можно выиграть на нашем советском гоноре. А этого достигнуть не трудно. Для этого нужно 2—3 года хорошей работы и хорошей борьбы.

Теперь отдельные замечания.

Очень трудно добиться, чтобы перестали плевать на пол, но это дело необходимой организации и мастерства. У нас везде поставили плевательницы. Коммуну НКВД еще не открыли, а пришли уже жены чекистов и в каждый уголок поставили плевательницы. Ребята ходили и плевали в каждом углу и вместо плевательниц попадали на пол. Я в конце концов обратился к общему собранию, и общее собрание постановило: человек не верблюд и плевать не должен, а если тебе все-таки хочется плевать — обратись к доктору. Постановили все плевательницы перенести в больницу. У нас не осталось ни одной плевательницы. Эти «верблюды» мучились два дня. Кое-кто плевал, их хорошенько взгрели. И плевать перестали.

Старшим ребятам мы выдавали папиросы, разрешали курить. Это с точки зрения педагогической незаконно, но я с курением «не боролся».

Ребята говорили: какой это курильщик, который после каждой затяжки плюет? Я с курением не боролся, но многого добился.

У меня был доктор — Колька Вершнев, бывший беспризорный. Он заявил: курить можно с 16 лет. Если в отряде курили более молодые, то старшие курильщики за них отвечали. Если более молодые продолжали курить, доктор вызывал и говорил: дай я тебя послушаю. Потом качал головой: посмотри-ка, что у тебя в легких делается. Ты, знаешь, лучше брось курить.

И смотришь, бросил курить. А старшим выдавали казенные папиросы. Самый верный способ — действовать с помощью доктора и разрешать курить.

Что касается термина «игра», то вы не так меня поняли. Не педагог играет, а ученики главным образом играют, педагог только участвует в этой игре. И тут можно многому подражать из старой школы.

Как ни ругают старую школу, а у нее были прекрасные примеры классовой последовательности. Я присматривался к работе кадетского корпуса. С их дворянской точки зрения и классовой целесообразности это была очень остроумно организованная классовая дворянская игра.

А мы немного очиновничили быт школы. На каждом шагу слышишь официальный термин «учащийся». Что это за учащийся? Что это за название: неполная средняя школа?

Ведь не боялись же дворяне называть свои школы гимназиями, кадетскими корпусами. Это был своего рода дворянский шик. Почему у нас не может быть своего шика?

Я окончил высшее начальное училище, и я этим очень гордился, все-таки высшее, а тут: неполная средняя школа.

И здесь должна быть игра. Не я играю, а дети играют в жизнь, в ответственность, в работу. Тут должно быть как можно больше серьезности. Этого не надо забывать.

О дисциплине сказано все, но о режиме не говорили. Это само собой понятно. Об искренности в игре, о том, что я против ровного голоса.

Я вовсе не противополагаю ровному голосу обязательный крик. Я имею в виду эмоциональность. Я либо кричу, либо говорю язвительно, либо с намеком. Моя обычная фраза: «Все, можешь идти». Так я обычно кончал разговор. Тут можно показать и одобрение, и удовольствие, и насмешку, и холодность, и негодование, и гнев. Но этих слов никогда не скажешь ровно. Это уже не игра, а глубина жизни, которая должна быть всегда видна вашим воспитанникам. А для того, чтобы это была жизнь, у вас должна быть культура личности.

Главный метод педагогического воздействия — это повышение культуры личности [воспитателя]. Тогда вы будете иметь разнообразные эмоции, личные переживания.

Относительно часового. Я не настаиваю, чтобы везде был часовой. Но у меня школа носила военизированный характер. И я являюсь сторонником военизации школы.

Недавно я нашел в 16-м томе сочинений Энгельса указание на то, что Энгельс требует военизации средней школы. Это имеет значение не только в смысле военной подготовки, но и в смысле воспитания характера.

Я допускаю, что, кто не испытал прелести военизации, может со мной спорить, но я должен сказать, что это богатая, очень красивая по содержанию вещь. В армии не только салютуют, но и поворачиваются, строй, «смирно» — в этом есть какая-то эстетика, есть какой-то большой смысл.

Такую военизацию [нужно] проводить серьезно, а не как-нибудь. Если дается сигнал, он должен играться идеально, с идеальным стаккато, с высшей формой музыкальной выразительности, а не так, как гуси кричат. Если знамя стоит в одной комнате и надо перенести его ввиду ремонта в другую комнату, то вся коммуна одевается в парадные костюмы и в строю переносит знамя.

Это не только символизирует любовь к нашей стране, но и чуткость работы коллектива.

Это красиво также потому, что я могу с каким-нибудь коммунаром разговаривать по-товарищески, даже выпить рюмку вина (я и от этого не отказывался). А когда он приходит, должен встать, вот как (показывает). Я не позволю ему иначе стоять, и сам я не разваливаюсь. Когда я вызывал его к себе, я вставал и говорил: товарищ, получите 5 часов ареста.

Здесь важна не только внешняя форма, но четкость, красота, уважение к коллективу и к себе. Это и есть тот фермент, который связывает отдельные части коллектива.

Приказ — вещь хорошая, если вы можете дать приказ о том, что сегодня форма одежды № 3, отделка такая-то, и вы знаете, что они могут эту форму надеть. Военизация требует логической последовательности.

Если все встали в строй и кто-нибудь не пришел, его место остается свободным. После переклички спрашивается: где такой-то?

— Там-то.

— Сомкнись.

И строй смыкается.

Таких приемов, увлекающих мальчиков и девочек, можно рекомендовать много.

Возьмите школы, где сейчас готовят артиллеристов. Положение там улучшилось не только потому, что туда пришли военные и надели форму, но там ввели вежливость. Этот вытянутый позвоночный столб ввел известную культуру. Управлять своим позвоночным столбом — это прекрасный способ торможения.

У меня в коммуне не разрешалось сходить с лестницы, держась за перила, и никому в голову не приходило держаться за перила. Это не только правило красивого движения, но и правило свободного управления позвоночным столбом. Никакой коммунар не мог опираться о стенку, и здесь было не только оберегание стенки, но и гимнастика. Если представить себе в таком разрезе часового, то это красиво, а если представить часового, который не может прижать к себе винтовку, то незачем его ставить.

Здесь должна быть красота, шик.

Насчет педагогического коллектива я не считаю, что я обошел педагогов в своей книге, что я только писал о себе. Если посмотреть те места, где изображены мои личные условия, то их очень немного, но, поскольку я наблюдал, я становился в центре как первое лицо, как лицо описывающее.

Но я считаю, что я говорю от имени всего педагогического коллектива, и описывал отдельные моменты и отдельных педагогов так, как мы все работали вместе.

Я не представляю себе вообще хорошей работы, если нет единого педагогического коллектива, идущего за одним своим главой, верящего ему. Как вам будет угодно, но я думаю так.

За 16 лет не имел у себя в штате заведующего учебной частью. Я считаю, что нельзя делить центр в детском учреждении. Здесь должен быть единый центр для педагогов и детей, и все дети и педагоги должны идти за главой коллектива по чувству веры, дружбы, по единству взглядов.

Если хоть один педагог не разделяет взглядов руководителя коллек-

тива, он должен уйти по чести, по совести. Это ни для кого не обидно. Более молодой педагог будет сначала по дружбе идти с руководителем коллектива, а потом сам будет руководить другим учреждением. Я не допускал никакого разнобоя между собой и педагогами. Мы действовали единым фронтом.

У меня работал Татаринов, талантливый учитель, но очень мягкий, воск, который не мог иначе разговаривать: «девчатка», «хлопятка». Я не мог добиться от него жесткого тона. Когда я уезжал, он становился на капитанский мостик и получал право наказывать. Когда я приезжал, я спрашивал: ну, как, ребята, у вас хорошо?

— Ничего, хорошо, но только вы так кричите: черт вас побери! А он тихо: черт вас побери, ребята. Но хотя он и тихо говорит, но все-таки страшно становится.

Может быть, различие между характерами, манерами, темпераментами, но я на этом не останавливался только потому, что мы действовали совершенно одинаково. Это необходимое условие, и я очень боюсь, когда у нас в школах есть директор и завуч, который не только заведует программой, но и воспитательной частью.

Я не могу понять: как можно разделить такой важный процесс между двумя лицами. В моей колонии никто не мог накладывать наказания, кроме меня одного, и не потому, что я такой мастер, но тут особая политика.

Разрешите перейти к ответам на вопросы.

1. Я написал в «Правде» статью о наказаниях. Но там мне предложили переделать, и в результате статья получила такой вид: наказывайте, а потом не наказывайте, давайте выговор и т. д. Я не знаю, что можно применять в школе.

Если бы я получил школу, я на другой день применил бы наказание, но это не значит, что это такой уж важный участок работы.

Вы обязаны наказывать детей, вы не имеете права не наказывать, если это нужно. Вы не должны считать наказание хуже другого метода, не должны никого прощать. Если вы так будете поступать, вам не придется никого наказывать. Тут есть диалектика. Я у себя такой диалектики придерживался, и это было хорошо известно не только моим коммунарам, но и всем беспризорным УССР. Они хорошо меня знали в лицо, и я их знал по моей прежней работе. И они знали, что если попадешься, то без наказания не обойдешься. Наказание не было экстравагантным случаем, а было обычным делом.

При этом надо наказывать не самых плохих, а самых хороших. Надо наказывать не того, кто не понял, что делает. Что его наказывать? Надо наказывать того, кто знает, что нельзя этого делать, и делает.

Я приехал в Ленинград и выступил на одном большом собрании учителей в Доме учителя. Там один педагог говорил мне: что-то не так у Макаренко. Уж слишком у него все благополучно. Не может так быть в действительности. У вас были дефективные дети, как это у вас было так хорошо?

Вдруг слово берет Вася Клюшник. Откуда, думаю, взялся мой коммунар? Оказывается, он кончает военную академию механизации и моторизации, уже инженер, приехал на практику.

Он выходит и спрашивает: какие это дефективные, кто это был дефективным? Откуда вы взяли, что я был дефективным? Я, правда, 8 лет был на улице, но ни на улице, ни в колонии я не был дефективным.

А другой педагог говорит: так раз у вас все-таки были наказания, значит, не все благополучно.

Опять Вася Клюшник выступает: откуда вы это взяли? Я три года командовал первым комсомольским взводом и не вылетал из-под ареста. Кто чего не сделает, не выполнит наряда и т. д. — меня моментально под арест как командира взвода. Я из-под ареста не выходил.

А между тем Вася Клюшник был мой личный друг. Я доверял ему многое из своей личной жизни. Он бывал у меня в гостях и сейчас, когда бывает в Москве, всегда приходит ко мне.

И этому моему личному другу я не прощал ничего. И все это знали. Этот закон я применял настойчиво.

От всех комсомольцев я требовал идеального поведения. Ни одного проступка не оставлял без наказания, новеньких не наказывал. И новенькие тянулись, мечтали о том, когда они достигнут совершенства, чтоб их тоже наказывали, а признаком такого совершенства было получение звания коммунара. Это звание получали через 4—5 мес, получали его очень торжественно, на собрании, при этом получали значок «ФД», вылитый зеленым цветом. Его могли носить только коммунары.

Я по закону коммуны мог оставлять коммунара без отпуска, без денег и т. д., но я старался этого не делать. Коммунары имели некоторые привилегии. Им должны были верить на слово. Если коммунар говорил, я даю слово, то проверять его было неудобно и неприлично. Вторая привилегия коммунаров заключалась в том, что их можно было наказать только арестом, и больше никак. Простого воспитанника я не могу арестовывать.

В самых тяжелых случаях наказание накладывало общее собрание. Здесь самым важным было осуждение проступков. Я не знаю, насколько это возможно в школах. Там вообще общие собрания не практикуются, а у нас общие собрания бывали через день.

Общее собрание могло вынести выговор перед строем и даже занести на черную доску. У нас висела черная доска. Это было в лучших случаях, а то могли наказывать, оставляя без отпуска, отправляя под арест и т. д. Но часто наказывать не приходилось.

2. *Пишете книгу о чудаках и дураках? Скоро ли она выйдет?*

Я эту книгу заканчиваю, и скоро она выйдет из печати. Это тоже педагогическая книга. Я считаю, что и те и другие люди хорошие, но надо уметь направлять их на правильный путь.

3. *Находились ли все три категории вместе?*

Да.

4. *Как бороться с ребенком, который лжет?*

Коллектив реагировал на ложь так, что лгать становилось невозможным. Коммунар требовал, чтобы ему верили на слово. Что бы вы ни сказали, вам обязательно должны были верить. Значит, и лгать было нельзя. К этому вела вся инструментовка хорошего коллектива.

5. *Будут ли существовать дальше коммуны?*

Сейчас все коммуны свертываются, так как беспризорных стало меньше. Мои коммунары почти все вышли из коммуны. Они вышли главным

образом в вузы, человек 70 — в летчики. Многие коммунары в разных частях Красной Армии. Более молодые тоже постепенно выходят, и коммуна свертывается, поскольку в ней нет сейчас постоянной нужды.

6. *Расскажите о случае риска с вами, о попытке самоубийства.*

Я рассказываю об этом в своей книге. Это был не риск, а было отчаяние. Я был тогда плохим мастером.

7. *Вы говорите, что приказание не должно повторяться, но как быть, если приказание не выполняется?*

Записка без подписи, вероятно, кто-нибудь из молодежи.

Это вопрос диалектический. Я не представляю себе, чтобы в хорошем коллективе, с хорошей дисциплиной не выполнялись приказания. Если это случается, то это же мировой скандал. Вы должны немедленно трубить общее собрание, доводить дело до крайнего скандала. Мне это не приходилось делать. Я мог отдавать приказание буквально не оглядываясь, и никто не мог себе представить, что оно не выполняется.

Другое дело, что иногда мог быть не выполнен бумажный приказ по ошибке, по недоразумению, но всегда такие вещи разбирались на общем собрании.

Я сторонник доводить всякий случай до абсурда, если он к нему направляется. Я не позволю никому опоздать к завтраку или опоздать на работу. Если у меня запоздал завтрак по чьей-либо вине, то я не позволю всем сидеть за завтраком и опаздывать на работу. Дается сигнал — уходи из-за стола. Если ты опаздывал — твоя вина. Если опаздывал завтрак — давайте позднее сигнал на работу, позднее с работы и т. д. И тогда я грею всех. Если получился скандал, надо доводить дело до конца и всех греть.

8. *Не думаете ли написать научную работу?*

Писать научную работу страшно, пока еще не думаю.

Вот, товарищи, все вопросы (аплодисменты).

О педагогическом наследии А. С. Макаренко

Творчество выдающегося советского педагога-писателя Антона Семеновича Макаренко (1888—1939) — значительная веха в истории советской культуры, педагогики, литературы. Его труды и педагогический опыт оказали и продолжают оказывать плодотворное влияние на разработку и развитие теории, методики и практики коммунистического воспитания.

Антон Семенович был разносторонне талантливой личностью. Блестящий педагог-практик, он создал два воспитательных учреждения 20—30-х гг. — колонию им. М. Горького и коммуну им. Ф. Э. Дзержинского, выпустившие в жизнь сотни граждан социалистического общества.

Как исследователь проблем коммунистического воспитания детей и молодежи, А. С. Макаренко оставил после себя богатейшее теоретико-педагогическое наследие, внес поистине новаторский вклад в развитие марксистско-ленинской педагогики. Видный советский писатель, автор всемирно известной «Педагогической поэмы» и ряда других замечательных произведений, смело развивавший традиции социалистического

реализма, он одним из первых раскрыл огромные возможности художественного обобщения и пропаганды передового опыта коммунистического воспитания, научно-педагогических идей. «Удивительный Вы человечище и как раз из таких, в каких Русь нуждается» — эта характеристика А. С. Макаренко, данная ему в одном из писем А. М. Горьким, как нельзя более полно и верно отражает совпадение объективных потребностей революционной эпохи и личностных качеств педагога-писателя, гражданина и человека.

Решение проблем воспитания в тесной связи с марксистско-ленинской идеологией, моралью и коллективистской психологией рабочего класса, с политикой Коммунистической партии, практикой коммунистического строительства— характерная черта макаренковского наследия, имеющая большое значение для современной педагогики и школы. Ведущий в советской педагогике и определивший всю деятельность А. С. Макаренко принцип связи воспитания с созидательным трудом и борьбой советского народа за коммунизм на современном этапе воплотился в основной задаче реформы общеобразовательной и профессиональной школы — «поднять ее работу на новый качественный уровень», соответствующий условиям и потребностям общества на современном этапе его развития[1].

Опыт трудовой колонии им. М. Горького, которой руководил А. С. Макаренко в 1920—1928 гг., и трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, где он работал в 1927—1935 гг., основанный на сочетании общего образования и политехнической, трудовой и профессиональной подготовки на базе общественного производства, становится особенно ценным в связи с предусмотренным решениями XXVII съезда КПСС, документами реформы обязательным участием всех школьников в общественно полезном, производительном труде, переходом ко всеобщему профессиональному образованию молодежи.

* * *

А. С. Макаренко родился 1 марта 1888 г. в городе Белополье Харьковской губернии. Годы детства Антона Семеновича прошли в этом городе. Здесь он в 1897 г. поступил в начальное железнодорожное училище. По воспоминаниям А. С. Макаренко, его отец — Семен Григорьевич, рабочий-маляр железнодорожного депо, был уважаемым человеком и мастером своего дела; мать — Татьяна Михайловна, умная и добрая женщина, занималась домашним хозяйством, обшивала и кормила всю семью. В 1901 г. семья Макаренко переехала в Крюков, пригород Кременчуга. Здесь в 1904 г. А. С. Макаренко успешно закончил железнодорожное училище, получив высший балл по всем предметам. В том же году решилась и его жизненная судьба. «Будешь учителем!» — сказал ему отец и определил его на педагогические курсы при том же Кременчугском училище.

С сентября 1905 г. в возрасте 17 лет А. С. Макаренко стал учителем Крюковского начального железнодорожного училища. Молодой педагог с первых дней работы поражал своих коллег разнообразными знаниями и способностями, умением интересно провести учебные занятия, спек-

[1] О реформе общеобразовательной и профессиональной школы. — М., 1984, с. 38.

такли, вечера, новогодние праздники. Одновременно он успевал много заниматься самообразованием, общался с рабочими — родителями своих учеников. Революционное движение 1905—1907 гг. ускорило процесс идейного становления личности А. С. Макаренко. Революционная волна в это время захлестнула многие слои общества, включая учителей и учащуюся молодежь.

1 сентября 1911 г. А. С. Макаренко был переведен в начальное железнодорожное училище на станции Долинская. Он стал не только учителем, но и воспитателем школьного интерната, где жили главным образом дети стрелочников, путевых обходчиков, железнодорожных рабочих. В своей работе он стремился к развитию детского самоуправления, проводил с учащимися увлекательные экскурсии, походы, дальние поездки, кружковые занятия, создал в училище духовой оркестр. Он стал любимцем учеников и душой коллектива. Накапливая педагогический опыт, А. С. Макаренко много работает над собой, изучает труды К. Д. Ушинского, которые особенно привлекают его внимание, Н. И. Пирогова, В. Г. Белинского, Н. Г. Чернышевского, увлекается философией, литературой, искусством. Большое влияние оказала на него русская литература, любимыми писателями были А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, А. П. Чехов, В. Г. Короленко. По-особому относился А. С. Макаренко к творчеству пролетарского писателя А. М. Горького. Любовь к нему педагог пронес через всю свою жизнь, побуждая и своих воспитанников учиться на жизненном опыте и произведениях великого писателя. Творчество А. М. Горького сыграло большую роль в становлении и развитии педагогической и литературной деятельности Макаренко, в разработке новых, подлинно гуманистических принципов и методов воспитания. А. С. Макаренко стал не только верным учеником писателя, но и другом Алексея Максимовича. Ему он посвятил «Педагогическую поэму».

В 1914 г., после 9 лет учительской деятельности, в возрасте 26 лет А. С. Макаренко поступил в Полтавский учительский (затем педагогический) институт, который готовил учителей для высших начальных и городских училищ из числа учителей начальных классов, имеющих педагогический опыт. Он скоро стал лучшим студентом, признанным авторитетом в различных областях знания, большим любителем студенческих дискуссий, в которых ярко проявлялись его личные качества и характер жизнелюба, сильная и выразительная речь, юмор. В институте А. С. Макаренко много занимался историей, и его эрудиция в этом предмете поражала не только студентов, но и преподавателей. С третьего курса института в 1916 г. он был направлен в ополчение. Прослужив в нестроевой команде рядовым несколько месяцев, из-за плохого зрения он был демобилизован. А. С. Макаренко возвратился в институт и в июле 1917 г. окончил его с золотой медалью. Он получил ее за выпускную работу «Кризис современной педагогики». Название этой работы свидетельствует о зрелости и критической направленности педагогических воззрений молодого педагога, прошедшего к этому времени немалую жизненную школу. После окончания института А. С. Макаренко возвращается к работе учителя в Крюковском начальном железнодорожном училище.

Институт сыграл большую роль в развитии и формировании личности Антона Семеновича, в становлении его педагогических взглядов и убежде-

ний. Он тепло и с любовью вспоминал об этом периоде своей жизни. Позднее А. С. Макаренко отмечал, что на его педагогическое развитие оказал благотворное влияние директор института, преподаватель педагогики А. К. Волнин, ставший впоследствии заслуженным учителем школы РСФСР.

Как представитель народного учительства А. С. Макаренко с воодушевлением принял Великую Октябрьскую социалистическую революцию, которая явилась переломным моментом в его миропонимании и педагогических исканиях. Будучи директором (инспектором) Крюковского училища, в котором обучалось тогда около тысячи детей, А. С. Макаренко в трудных условиях гражданской войны получает первый опыт руководства учебно-воспитательным учреждением, работы с педагогическим коллективом. Здесь зарождаются важные элементы его педагогической системы: воспитательное значение производительного труда школьников, создание единого трудового воспитательного коллектива детей и взрослых, разработка новой формы связи школы с семьей с помощью организации ученических отрядов по месту жительства, включения в педагогический процесс активной деятельности родительского комитета и общественности.

В сентябре 1920 г. А. С. Макаренко принимает предложение Полтавского отдела народного образования стать заведующим «основным детским домом» для несовершеннолетних правонарушителей под г. Полтавой, который впоследствии получает название Детской трудовой колонии им. М. Горького. Таким образом, после 12 лет работы в школе начался новый этап деятельности педагога: осуществление идей коммунистического воспитания применительно к педагогически запущенным и беспризорным детям, число которых значительно возросло вследствие гражданской войны, иностранной интервенции, послевоенной разрухи.

Пятнадцатилетний опыт работы в колонии им. М. Горького (которая в 1926 г. перебазировалась в Куряж, под г. Харьковом) и трудовой коммуне им. Ф. Э. Дзержинского (в пригороде Харькова), продолжившей развитие коллектива горьковцев, создал основу для формирования макаренковской педагогической системы. Замечательный и успешный социально-педагогический эксперимент, еще при жизни А. С. Макаренко известный в стране и за рубежом, имел большое значение для последующего развития советской педагогики и школы.

Этому в значительной мере способствовала плодотворная литературно-художественная деятельность А. С. Макаренко, активно поддержанная А. М. Горьким. На основе опыта работы в колонии им. М. Горького Антон Семенович пишет «Педагогическую поэму», новаторское по содержанию и художественной форме произведение, отразившее основные проблемы нового, коммунистического воспитания. До выхода в свет «Педагогической поэмы» (1933—1935) были опубликованы очерк «Марш 30 года» (1932) и пьеса «Мажор» (1935), отразившие жизнь и опыт трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского.

В 1934 г. А. С. Макаренко был принят в члены Союза советских писателей. В 1935 г. он избирается членом Дзержинского районного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов г. Харькова. Это было его второе избрание в органы народной власти (в 1921 г. он был членом Совета рабочих и красноармейских депутатов в г. Полтаве).

На работу в Киев А. С. Макаренко был переведен летом 1935 г. на должность заместителя начальника отдела трудовых колоний НКВД УССР. Участвуя в реорганизации трудовых колоний УССР, он оказывает им практическую педагогическую помощь. По совместительству некоторое время руководит трудовой колонией № 5 в Броварах (под Киевом). В 1936 г. выходит его первая крупная научно-педагогическая работа «Методика организации воспитательного процесса». С начала 1937 г. А. С. Макаренко живет в Москве, целиком отдается литературной деятельности, которую он рассматривает прежде всего как обобщение своего педагогического опыта. В этом же году А. С. Макаренко создает еще одно педагогическое и одновременно художественно-публицистическое произведение — «Книга для родителей», написанное в сотрудничестве с женой — Галиной Стахиевной Макаренко. В этой книге, как и в последующих работах и выступлениях А. С. Макаренко, его педагогическая система получает дальнейшее развитие. «Книга для родителей», так же как повести «Флаги на башнях» (1938) и «Честь» (1937—1938), получила небывалый отклик в советской учительской и родительской аудиториях.

В многочисленных выступлениях перед читателями, учителями А. С. Макаренко на основе своего длительного успешного опыта отметил некоторые существенные проблемы и пути дальнейшего развития педагогической теории и практики, творческого использования своих идей в массовом опыте воспитания. В таких значительных его работах, как «Проблемы школьного советского воспитания», «Коммунистическое воспитание и поведение», «Проблемы воспитания в советской школе» и «Воспитание характера в школе», прослеживается целостная система взглядов А. С. Макаренко на воспитание. В лекциях о воспитании детей, прочитанных по Всесоюзному радио, вопросы семейного воспитания неразрывно связываются с его творческим подходом к решению общепедагогических проблем, с задачами воспитания нового человека.

Важную часть наследия педагога-писателя составляют его литературно-критические выступления. Утверждая и развивая социалистический реализм в литературе, он критиковал устаревшие эстетические каноны, боролся за высокую идейность и художественность искусства. Он стремился собственным примером доказать единство высоких задач педагогики и художественной литературы. С особенной силой эта связь показана в статьях А. С. Макаренко о детской литературе, где он по-новому подошел к ее особенностям, опираясь на глубокое знание психологии детей и большой опыт организации детского чтения, всестороннего использования художественного слова в воспитании. В начале 1939 г. А. С. Макаренко был награжден орденом Трудового Красного Знамени. В феврале 1939 г. А. С. Макаренко подал заявление о принятии его кандидатом в члены ВКП(б), которое было поддержано партийным комитетом Союза советских писателей в марте того же года.

А. С. Макаренко скоропостижно скончался 1 апреля 1939 г. в вагоне пригородного поезда на станции Голицыно Белорусской железной дороги. Он умер в возрасте 51 года, в расцвете творческих сил и способностей, полный новых интересных замыслов, педагогических и литературных.

* * *

А. С. Макаренко не только был хорошо знаком с классическим дореволюционным наследием прогрессивной отечественной и зарубежной педагогики, но и внимательно изучал работы своих современников, видных советских педагогов и психологов: Н. К. Крупской и А. В. Луначарского, П. П. Блонского и С. Т. Шацкого, А. П. Пинкевича и В. Н. Шульгина, многих других исследователей проблем образования и воспитания, знал опыт ряда воспитательных учреждений на Украине и в РСФСР. А. С. Макаренко в своей педагогической деятельности активно проводил в жизнь ленинскую идею о единой трудовой политехнической школе. В его творчестве получили закономерное воплощение и развитие основные принципы единой трудовой школы: борьба за соединение подлинно научного образования с общественно полезным, производительным трудом, организация сплоченного коллектива на основе самоуправления, формирование подлинно гуманных отношений между педагогами и воспитанниками в коллективе.

Вместе с тем его опыт и теоретические воззрения явились качественно новой ступенью в развитии теории и практики коммунистического воспитания, что особенно ярко проявилось в совершенно новой области педагогического знания, в значительной мере созданной А. С. Макаренко, — в методике коммунистического воспитания. Он не только пошел дальше большинства своих современников в разработке методики и «техники» воспитательного процесса, но и сумел преодолеть ряд типичных ошибок и заблуждений своего времени (такие, в частности, как преклонение перед стихийностью процесса воспитания, недооценка и умаление роли педагогов и др.). Таким образом, педагогическая система А. С. Макаренко, зародившись в условиях учреждения для несовершеннолетних правонарушителей и беспризорных детей, развивалась в общем русле советской науки о воспитании, опыта школы 20—30-х гг.

Решающую роль в революционном преобразовании педагогической теории и практики сыграли «Положение об единой трудовой школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики» и «Основные принципы единой трудовой школы», опубликованные соответственно 30 сентября и 16 октября 1918 г. В этих руководящих материалах было указано на важнейшие идейно-политические принципы советского воспитания: связь школы с политикой Коммунистической партии и окружающей жизнью, всестороннее развитие личности, трудовая основа воспитания, его демократический и гуманистический характер, активные методы воспитания и обучения, соединение научного образования с общественно полезным трудом, воспитание в коллективе, новые отношения между педагогами и воспитанниками.

В педагогической системе А. С. Макаренко эти принципы являются основополагающими. В ней конкретизируется и развивается идея «Положения» о воспитании будущих граждан социалистической республики на основе организации детского учреждения как «школьной коммуны», тесно связанной с жизнью. Среди воспитательных средств на первый план выходит «коллективный производительный труд и организация всей школьной жизни», «реальная солидарность интересов». Школьный коллектив — это объединение учащихся данной школы и всех ее работников (Народное

образование в СССР: Общеобразовательная школа. Сб. документов. М., 1974, с. 134—136).

В макаренковском творчестве получила разработку сформулированная в «Основных принципах» задача усиления воспитательных функций школы, ее направленности на формирование характера и развитие воли. Руководящей стала идея создания «прочных коллективов», опирающаяся на представление о личности как «высшей ценности в социалистической культуре» и предусматривающая достижение «глубочайшего единства при максимальном разнообразии», индивидуализации (там же, с. 137—145).

Практически проверяя и творчески развивая в своем опыте рожденные новой общественной практикой воспитания педагогические идеи, А. С. Макаренко значительно раньше других педагогов в общей борьбе против муштры старой школы применил правильный подход к решению таких взаимосвязанных педагогических проблем, как педагогическое руководство и самоуправление учащихся, организация производительного труда воспитанников и формирование коллектива, крепкая дисциплина в нем и творчество детей, развитие личности в коллективе.

А. С. Макаренко в своих произведениях 20-х гг. много раз говорит о приверженности идеям советского социального воспитания, с гордостью причисляя себя к «подвижникам соцвоса»: «...Наш советский соцвос мы считаем одной из самых прекрасных мыслей человечества...» (т. 1 настоящего издания, с. 84—85)[1].

Вся научно-педагогическая деятельность А. С. Макаренко есть не что иное, как настойчивый творческий поиск в теоретической разработке и практическом осуществлении целей и принципов советского социального воспитания. В 1928 г. он писал, что в колонии им. М. Горького «осуществлен настоящий советский соцвос», что в колонии нашла отражение его «педагогическая вера» (т. 1, с. 93). В этой связи становятся понятными его критика «дамсоцвоса», высказывания о «ревизии нашего соцвоса» и о выработке в колонии им. М. Горького с самого начала своей линии «исключительно в опытном плане». Его критические выступления направлены против тех, кто становился на путь вульгаризации идей социального воспитания, их искажения на практике или отступления от них в теоретической разработке педагогических проблем.

Переход А. С. Макаренко из полтавской школы в трудовую колонию тесно связан с его представлением о том, что трудовая колония — «более передовой тип детского учреждения, более соответствующий принципам соцвоса» (т. 1, с. 33). Детский дом, по его словам, был действительно новым типом детского учреждения, где меньше всего можно было бояться остатков старой практики. Однако именно здесь «начетническая теория» старалась создать свою собственную «новую практику». Мысль о соцвосе заложена в самом начале «Педагогической поэмы», где заведующий губнаробразом напутствует: «Самое главное... не какая-нибудь там колония малолетних преступников, а, понимаешь, социальное воспитание...» (т. 3, с. 9).

Концепция советского социального воспитания, основанная на марксистской идеологии, выдвигала в качестве главной педагогической задачи формирование личности общественника-коллективиста, указывала на преимущества и радикально изменившийся характер общественного воспи-

[1] Здесь и далее ссылки даются на настоящее издание.

тания в новых социальных условиях, утверждала в советской теории и практике воспитания новые принципы. Она отмечала возросшую значимость воспитания в новой системе образования и обучения, подчеркивала общественную сущность воспитания.

Еще в 20-е гг. А. С. Макаренко выдвинул идею воспитания целостной личности в целостно организованном педагогическом процессе, в котором «...объединятся как воспитательные деятели и государство, и новая семья, и совершенно уже новый деятель — ребячий и производственный, и образовательный, и коммунистический первичный коллектив... Будущее поколение — дело всего общества...» (т. 1, с. 82). Стихии патриархального бытового уклада, на каждом шагу воспроизводившей в подрастающем поколении «самое наглое шкурное мещанство», он противопоставлял педагогически целесообразную организацию всей жизни детей на коммунистических началах, которая до минимума сводит случайность в результатах воспитания, негативные явления в детской среде. Ни одного процента брака не должно быть в работе с детьми — это был не просто призыв Макаренко к учителям и родителям уже в более поздний период его творчества, а своеобразная рабочая установка всех его книг, статей, выступлений.

Важное значение для опыта трудовой колонии им. М. Горького и трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского имела идея соцвоса о создании в учебно-воспитательных учреждениях производственно-хозяйственных коллективов. Детский дом развивался как «универсальная социально-педагогическая ячейка».

Данное направление организации труда вело к решительному устранению традиций «школы учебы», ее привилегированности, отрыва от труда и жизни народа.

Влияние идей соцвоса на педагогическую деятельность А. С. Макаренко выразилось и в рассмотрении «внутренней организации детского учреждения» как важного фактора воспитания в коллективе. Эта организация должна «покоиться на деятельном единении детей с руководителями» и слагаться из взаимодействия общего собрания коллектива детского учреждения, его заведующего, педсовета и выборных органов самоуправления.

Неуклонное и быстрое движение коллектива к более глубоким изменениям в содержании и методике воспитания закономерно порождало необходимость своевременно осознавать и преодолевать возникающие противоречия, совершенствовать достигнутое, устранять недостатки и ошибки. Сама же основа этого процесса, как показывают исследования, была непреходящей, она все более укреплялась и обогащалась новым опытом, диалектическим развитием макаренковской педагогической мысли, достижениями всей советской педагогики и, главное, все более благоприятными для коммунистического воспитания социально-экономическими условиями строящегося социализма.

До конца 20-х гг. в опыте А. С. Макаренко, как и во всей советской школе в это время, применялись комплексные программы обучения в начальных классах. Темы различных предметов в этих программах увязывались в искусственные комплексы. А. С. Макаренко сразу заметил их существенные недостатки (см. т. 1, с. 21) и внес важный корректив: с 1923 г. в колонии им. М. Горького стали действовать группы по подготовке к по-

ступлению на рабфак, работающие по особой программе.

Следует отметить, что до конца 20-х гг. А. С. Макаренко недооценивал роль семьи в воспитании. Позднее произошла существенная перестройка этого представления в связи с тем, что все чаще в колонию им. М. Горького стали поступать дети из семьи. Активизация макаренковского внимания к происходящим в семье явлениям, к сложному процессу возникновения новой, советской семьи привела к созданию «Книги для родителей».

Несмотря на огромный вклад А. С. Макаренко в теорию и практику коммунистического воспитания, который дает мощный импульс и для современного развития советской педагогики и школы, все сделанное им нельзя рассматривать в виде некоего «идеального образца». Он сам не раз говорил по этому поводу, отмечая диалектичность системы воспитательных средств (см. т. 4, с. 121 и др.). Высказанные им теоретико-педагогические и методические положения со временем изменялись, корректировались, отражая ход развития его опыта. Здесь нередки взаимоисключающие положения, характеризующие педагогические явления в их противоречивости. Новизна и необычайная подвижность, гибкость макаренковской системы педагогических понятий — яркий показатель глубины проникновения в диалектику реальных явлений воспитания.

Качественно новые общественно-педагогические явления в Советской стране определили характер педагогического опыта А. С. Макаренко и развитие в нем главного — идеи трудового воспитательного коллектива.

* * *

Педагогическая система А. С. Макаренко — это сложная, цельная и динамичная совокупность идей и практических решений, воплощенных в опыте выдающегося педагога, отраженных в его произведениях и выявленных исследователями при изучении и творческом использовании его наследия в свете новых достижений и актуальных задач теории и практики коммунистического воспитания.

Вся деятельность А. С. Макаренко была тесно связана с утверждением и развитием активно-творческой сущности советской педагогики, отражающей закономерное возрастание роли воспитания в новых социально-экономических условиях. Он с большой остротой ставил вопрос о необходимости глубоко и разносторонне утвердить в теории и практике воспитания стоящие перед Советской страной исторические задачи общественно-политического развития, идеологические и нравственные принципы социализма и коммунизма, последовательно применяя в своей педагогической деятельности марксистско-ленинскую идею единства процессов познания и преобразования действительности в соответствии с ее объективными законами.

Труды А. С. Макаренко характеризуются неразрывным единством теории и практики, чего в особенности не хватало абстрактно-схоластическим построениям некоторых педагогов-теоретиков 20-х гг., четким раскрытием каждой конкретной проблемы с позиций марксистско-ленинской методологии. «Мы вооружены стратегией марксизма-ленинизма, мы ведем бой за новое счастье, за новый разум, новую жизнь», — писал он (т. 7, с. 209). Прежде всего следует отметить глубоко научный, диалектико-материали-

стический подход Макаренко к пониманию сущности воспитания как общественного явления. «Воспитание есть процесс социальный в самом широком смысле... Со всем сложнейшим миром окружающей действительности ребенок входит в бесконечное число отношений, каждое из которых неизменно развивается, переплетается с другими отношениями, усложняется физическим и нравственным ростом самого ребенка.

Весь этот «хаос» не поддается как будто никакому учету, тем не менее он создает в каждый данный момент определенные изменения в личности ребенка. Направить это развитие и руководить им — задача воспитателя» (т. 5, с. 14). Рассматривая воспитание как объективно-закономерный социальный процесс, совершающийся в определенных конкретно-исторических условиях, А. С. Макаренко вместе с тем утверждал безграничное могущество организованной воспитательной работы в социалистическом обществе. Исходной для такого утверждения стала марксистско-ленинская идея единства воспитания и жизни.

«...Коммунистическое воспитание, — отмечал А. С. Макаренко, — сплошь и рядом в незаметных и неощутимых выражениях, как будто в боковых параллельных процессах, а на самом деле сознательно и целеустремленно проводилось на протяжении всего грандиозного опыта социалистической стройки. Буквально можно сказать: нет ни одного акта, ни одного слова, ни одного факта в нашей истории, которые, кроме своего прямого хозяйственного, или военного, или политического значения, не имели бы и значения воспитательного, которые не были бы вкладом в новую этику и не вызывали бы нарастания нового морального опыта» (т. 4, с. 316—317). Эту объективную закономерность А. С. Макаренко характеризовал как «педагогику параллельного действия». В отличие от педагогов-теоретиков 20-х гг., широко пропагандировавших идею педагогизации социальной среды, но вместе с тем недооценивавших роль школы в этом деле, как и вообще в коммунистическом воспитании подрастающего поколения, он пришел к выводу, что именно школа призвана стать основным источником организованных воспитательных влияний на личность, помочь всем другим социальным институтам в формировании личности нового человека.

Продолжая работу Н. К. Крупской и А. В. Луначарского, С. Т. Шацкого и П. П. Блонского, других советских педагогов, А. С. Макаренко наметил перспективы развития теории и методики воспитания. Превращение научно-педагогического знания в руководство к действию, освобождение педагогики от метафизических, механистических представлений и эклектики, критика аполитизма, умозрительности и догматизма, стихийности и созерцательности в теории и практике воспитания — таковы характерные черты макаренковского педагогического творчества.

А. С. Макаренко внес важный в методологическом отношении вклад в разработку проблемы цели коммунистического воспитания. Цель всестороннего развития личности, задачу воспитания человека-коммуниста он конкретизирует, подчеркивая необходимость формирования человека — созидателя, труженика и борца, образованной и творческой личности с высокоразвитым чувством социальной ответственности, коллективизма и дисциплины, личного достоинства советского человека, занимающего «хозяйственную позицию по отношению к окружающему миру» (т. 1, с. 47).

Укрепляя основополагающий принцип коммунистической направленности и партийности воспитания, А. С. Макаренко активно выступал против недооценки проблемы цели в педагогике. Нужна, утверждал он, «развернутая программа человеческой личности», отражающая типичные черты советского человека и тенденции его развития на определенном этапе коммунистического созидания. Задача всестороннего развития личности во всем богатстве ее индивидуальности отразилась в характеристике, которую дал А. С. Макаренко организации коллектива как методу коммунистического воспитания: это метод, который, «будучи общим и единым, в то же время дает возможность каждой отдельной личности развивать свои способности, сохранять свою индивидуальность, идти вперед по линиям своих наклонностей» (т. 1, с. 170).

Понятие цельной коммунистической личности как ведущей цели коммунистического воспитания А. С. Макаренко органически связал с принципом коммунизма: «Каждый по способностям, каждому по потребностям»[1]. Он одним из первых в советской педагогике указал на взаимосвязь и взаимодействие в воспитании потребностей и способностей. В «отборе и воспитании человеческих потребностей, в приведении их к той нравственной высоте, которая возможна только в бесклассовом обществе и которая только и может побуждать человека к борьбе за дальнейшее совершенствование», педагог видел «глубочайший смысл воспитательной работы» (т. 5, с. 27).

В некоторых работах можно встретить утверждения о том, что Макаренко, уделяя основное внимание воздействию на формирующуюся личность через коллектив, якобы несколько недооценивал развитие индивидуальности. В действительности же проблема индивидуальности, которой придавалось важное значение еще в «Основных принципах единой трудовой школы» (1918), получила в опыте и теоретических воззрениях А. С. Макаренко яркое и весьма убедительное отражение. Им, в частности, была выдвинута идея педагогического проектирования, в основе которой лежит единство общих, типичных черт коммунистической личности и качеств сугубо индивидуальных, связанных с природными задатками и особенностями личного опыта, свойственных в силу этого лишь конкретному индивиду.

Исходя из марксистско-ленинского понимания общественно-исторической обусловленности потребностей и их определяющего значения в жизнедеятельности человека, А. С. Макаренко обогатил советскую педагогику идеей о том, что целенаправленное формирование разумных, нравственно оправданных потребностей усиливает единство и глубину воспитательного процесса, способствует гармоническому развитию личности. Эта идея нашла отражение и в общей целевой установке: «Воспитать человека — значит воспитать у него перспективные пути, по которым располагается его завтрашняя радость» (т. 3, с. 397). Она отразилась и в основах методики воспитания, системе перспективных линий коллектива и личности.

Задача воспитания потребностей подвела его к вопросу о возможности и необходимости формировать у советского человека общее морально-психологическое состояние жизненного удовлетворения, эмоциональное ощу-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 20.

щение радости существования, счастья. При социализме счастье становится «нравственным обязательством» человека, высшим проявлением ответственности, уважения к себе и другим людям. А. С. Макаренко поставил в советской педагогике задачу: «Как воспитать человека, чтобы он был не только прекрасным работником, не только хорошим гражданином, но чтобы он был еще счастливым человеком?» (т. 4, с. 291). Им намечен путь решения этой задачи: научить человека быть счастливым нельзя, но воспитать его так, чтобы он был счастливым, можно. Советский «принцип счастья» должен стать основой жизни и деятельности воспитательного коллектива. Счастливый коллектив в счастливом обществе — главная идея повести «Флаги на башнях». Тему счастья педагог-писатель предполагал рассмотреть в III и IV томах «Книги для родителей».

А. С. Макаренко считал, что связь формирующейся личности социалистического типа с обществом устанавливается не прямо и непосредственно, а путем создания как бы связующего звена — трудового воспитательного коллектива, включающего педагогов, воспитанников, всех работников педагогического учреждения. Понятие трудового воспитательного коллектива составило базу для макаренковской разработки метода параллельного действия, качественно новых средств воспитания. Педагог-новатор показал особенности воспитательного коллектива и ввел в педагогику данное понятие.

В общественно полезной деятельности трудового воспитательного коллектива А. С. Макаренко реализовал идею «оптимистического воспитания», основанного на «оптимистической перспективе в подходе к человеку». Советская теория и практика воспитания становятся «педагогикой завтрашнего дня», которая должна далеко вперед проектировать качества нового, советского человека. При этом А. С. Макаренко опирался на положение В. И. Ленина о том, что только с социализма начинается быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии всего населения, происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни[1].

В жизнедеятельности воспитательного коллектива находит практическое осуществление сформулированный А. С. Макаренко основополагающий нравственно-педагогический принцип: «Как можно больше уважения к человеку, как можно больше требования к нему». Этот принцип он рассматривал как «формулу вообще нашего общества».

Едва ли в этой связи можно согласиться с утверждениями некоторых исследователей о том, что проблему коллектива и личности А. С. Макаренко решал на основе одностороннего подчинения интересов личности интересам коллектива, «предпочтения» интересов коллектива интересам личности. Так в реальном опыте и в теоретических работах Макаренко вопрос вставал лишь в условиях конфликтных ситуаций, когда речь шла о личности, известным образом выпадавшей из коллектива, противопоставлявшей себя коллективу и угрожавшей его единству, целостности. Нормой же отношений между коллективом и личностью он считал гармонию, взаимное дополнение и обогащение их интересов, а не противопоставление.

---

[1] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 99—100.

И в этом — одно из ярких проявлений гуманистической направленности педагогической системы А. С. Макаренко.

В современных условиях участие трудовых коллективов в решении вопросов производства, государственной и общественной жизни — одно из важных звеньев в политической системе общества. В новой редакции Программы КПСС подчеркивается необходимость все более полного осуществления социалистического самоуправления народа и вместе с тем указывается на важность развития в школах ученического самоуправления, участие в деятельности которого способствует подготовке подрастающего поколения к жизни, труду. В этой связи в Основных направлениях реформы школы отмечено: «Усилить ответственность и укреплять сплоченность ученических коллективов, всемерно поддерживая все их полезные начинания, инициативу и самодеятельность, чему придавали большое значение Н. К. Крупская, А. С. Макаренко и другие выдающиеся деятели народного образования»[1]. Идеи и опыт А. С. Макаренко в области самоуправления воспитательных коллективов приобретают в наши дни исключительную актуальность и значимость.

Как и Н. К. Крупская, А. С. Макаренко подчеркивал социально-классовую природу не только целей и содержания воспитания, но и его организационных форм, методов, приемов. Дело не в том, указывал он, что для воспитания убежденного буржуазного деятеля и строителя-большевика «сплошь и рядом может пригодиться один и тот же список приемов» (т. 1, с. 180), таких, например, как приемы предъявления требований, организации соревнования, использования поощрений и наказаний и т. п. Многие педагоги совершали ошибку типа этического фетишизма, относя поощрение и наказание, требование и соревнование к методам лишь буржуазного воспитания именно по признаку их упоминания в «списках» средств, используемых в школе и педагогике капиталистических стран.

«Вопрос решается не выбором списка, а сочетанием средств, их расстановкой по отношению друг к другу, их общей гармонированной направленностью и, самое главное, их естественным классовым содержанием, т. е. тем, что приходит не от педагогики, а от политики, но что с педагогикой должно быть органически связано», — писал Макаренко еще в начале 30-х гг. (там же). Общественные отношения, отраженные в мировоззренческо-этических нормах, определяют формы, методы и приемы воспитания точно так же, как и его цели и содержание, — этот вывод имел огромное значение для последующего развития теории и практики коммунистического воспитания.

А. С. Макаренко первым высказал и блестяще осуществил на практике положения, являющиеся по сути дела водоразделом между методикой воспитательного процесса в социалистической и буржуазной школе. В отличие от методов буржуазного воспитания, нацеленных на то, чтобы вызвать непосредственные изменения в сознании детей (таков, например, механизм широко применяемого в буржуазной школе внушения), методы коммунистического воспитания — это методы организации активной, сознательной, творческой деятельности формирующейся личности. Использование этих методов не является монопольной сферой работы пе-

---

[1] О реформе общеобразовательной и профессиональной школы, с. 49—50.

дагогов, ими в условиях социалистической школы все шире начинают пользоваться коллективы самих воспитанников, органы самоуправления, общественные организации ребят. Наконец, методы коммунистического воспитания должны рассматриваться не как «уединенные средства», а как целостная система средств, гармонически организованных. Только в этом случае они становятся адекватными цели формирования всесторонне развитой личности социалистического типа.

Последовательно проводя в жизни возглавлявшихся им воспитательных коллективов эти положения, Макаренко очень многое сделал для того, чтобы утвердить в теории и практике новой школы такие методы, как организация коллектива и его общественное мнение, педагогическое требование, соревнование, поощрение и наказание, система перспективных линий и ряд других, составляющих в наши дни азбуку методики учебно-воспитательного процесса. Он подверг сокрушающей критике абстрактно-этические рассуждения о «хороших» и «плохих» методах воспитания, доказав, что в выборе их следует руководствоваться анализом конкретной ситуации, совокупностью складывающихся отношений в коллективе и теми реальными задачами, которые решает педагог на данном этапе движения к социально обусловленной цели.

А. С. Макаренко подвергал острой, бескомпромиссной критике педагогов, много рассуждавших о всестороннем развитии личности в отрыве от социально-педагогических условий, в которых только и становится реальным такое развитие. Между тем еще К. Маркс и Ф. Энгельс указали, что «только в коллективе индивид получает средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков, и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода»[1]. Поэтому именно социалистический коллективизм, противоположный по своей идейной направленности буржуазному индивидуализму и эгоизму, является условием и формой действительно всестороннего развития личности, расцвета индивидуальности.

«Лишь в системе коллективных отношений, — отмечает в этой связи Э. И. Моносзон, — могут быть реализованы социально значимые цели деятельности людей. Всестороннее развитие не может быть осуществлено без всесторонней деятельности, которая возможна лишь в условиях коллективистической ориентации. Коллективизм представляет собой форму развития человеческой индивидуальности, а развитие личности в условиях разнообразной деятельности коллектива ведет к углублению подлинно социалистической коллективности. Диалектика взаимодействия детского коллектива и личности является важной проблемой теории воспитания»[2].

В одной из лекций А. С. Макаренко приводит тезис В. И. Ленина о том, что нравственность — это то, что служит разрушению старого, эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, созидающего новое общество коммунистов. Идея пролетарской солидарности в борьбе за освобождение трудящихся определила макаренковскую трактовку идейно-политической и нравственной сущности коллектива.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 75.

[2] *Моносзон Э. И.* А. С. Макаренко и актуальные проблемы теории коммунистического воспитания школьников. — В кн.: А. С. Макаренко и современность. М., 1978, с. 27.

«В простейшем определении коллективизм означает солидарность человека с обществом» (т. 4, с. 88). Советский человек — патриот и интернационалист, «человек мировых интересов и мировых вопросов». Коллектив — это действенная организация трудящихся, «часть боевого фронта человечества». Мысль об активном, творческом, политически целеустремленном и морально сплоченном, дисциплинированном коллективе главенствует в творчестве советского педагога. Он давал такое определение этому социально-педагогическому явлению: «Образцовый воспитательный советский коллектив, давно сложившийся, растущий материально и духовно на основе больших концентрированных коллективных сил, обладающий традицией и совершенной формой, вооруженный тончайшей педагогической техникой, — социалистический детский коллектив...» (т. 7, с. 206—207). Это определение, отражая некоторые особенности коллектива коммуны им. Ф. Э. Дзержинского в зрелый период ее жизни, вместе с тем содержит и важнейшие признаки воспитательного коллектива в социалистических условиях вообще.

А. С. Макаренко органически связывал проблемы дисциплины и коллектива. Он первым среди советских педагогов глубоко и всесторонне охарактеризовал роль дисциплинированности для формирования коммунистической сознательности советского человека, его морально-политических и волевых качеств. В одной из своих самых ранних работ А. С. Макаренко наметил изучение дисциплины в широком социально-педагогическом плане, понимая ее как средство и результат воспитания.

Из такого подхода вытекала и критика А. С. Макаренко типичных ошибок логики традиционного педагогического мышления, которые он характеризовал как ошибки «дедуктивного предсказания», «уединенного средства», «этического фетишизма» и др. Живучесть этих и других подобных ошибок позволяет им в форме педагогических предрассудков и ныне широко бытовать в практике школьного и семейного воспитания, в научных трудах и популярных статьях на педагогические темы. Для их преодоления исключительно важное методологическое значение имеет выдвинутое педагогом-новатором положение: «Диалектичность педагогического действия настолько велика, что никакое средство не может проектироваться как положительное, если его действие не контролируется всеми другими средствами, применяемыми одновременно с ним... Отдельное средство всегда может быть и положительным, и отрицательным, решающим моментом является не его прямая логика, а логика и действие всей системы средств, гармонически организованных» (т. 4, с. 119).

А. С. Макаренко активно выступал против фетишизации некоторыми педагогами 20-х гг. так называемой природы ребенка, вульгарных представлений педологов о «всесильности» среды и наследственности в развитии личности, недооценки воспитательной роли учителя и детского коллектива, собственной активности формирующейся личности. Именно поэтому ему удалось избежать довольно широко распространенной ошибки: отождествления педагогических явлений и процессов с теми явлениями и процессами, которые являются объектом изучения в других, связанных с педагогикой науках. Выступая против перевода собственно педагогических проблем на уровень биологической, физиологической, психологической, нравственно-этической проблематики, он сделал многое для преодоления

ошибочной тенденции недооценки специфики воспитания как социального явления, особенностей предмета педагогики.

Сочетание общего и политехнического образования с профессиональным в педагогическом опыте А. С. Макаренко позволяло эффективно соединять обучение и воспитание с производительным трудом, а в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского — с современным производством в условиях рентабельно работающего предприятия машиностроительного типа (с использованием значительного числа инженерно-технического персонала и квалифицированных рабочих).

Такой подход полностью отвечал марксистско-ленинскому положению о соединении образования и воспитания с производительным трудом как решающем условии формирования всесторонне развитых и всесторонне подготовленных людей[1]. При этом, как отмечает Г. Н. Филонов, особое место в содержании жизни и деятельности трудового воспитательного коллектива А. С. Макаренко отводил соединению участия подростков в передовом производстве с систематическим обучением основам наук, профессиональной подготовкой, широким общественно-политическим и нравственным воспитанием[2].

Исключительно современно с точки зрения задач, выдвигаемых Основными направлениями реформы общеобразовательной и профессиональной школы, звучат сегодня ведущие идеи Макаренко в области трудового воспитания. Он настаивал на том, что труд становится эффективным средством коммунистического воспитания, лишь будучи включенным в общую систему организации учебно-воспитательного процесса; вместе с тем сама эта система немыслима без вовлечения всех детей и подростков в педагогически целесообразные, посильные их возрасту виды общественно полезного труда. В целях всестороннего развития каждой формирующейся личности необходимо сочетание таких видов труда, как обязательное участие в самообслуживании и производительном труде, организуемом на возможно более современной технико-технологической основе, в избирательно осуществляемом техническом творчестве, в безвозмездном труде на общую пользу типа коммунистических субботников. Только при условии сочетания в целостном учебно-воспитательном процессе всех названных видов труда воспитанники овладевают всем богатством отношений, характерных для передовых трудовых коллективов социалистического общества. А. С. Макаренко смело включал воспитанников в систему социалистических производственных отношений в сфере не только производства, но также и распределения, обмена, потребления, ставил их в позицию активно и сознательно действующего субъекта этих отношений. Ряд принципиальных положений теории и методики трудового воспитания, впервые с такой полнотой и обоснованностью выдвинутых Макаренко в опыте коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, современной школе необходимо смелее брать на вооружение. В их числе предстоит решить вопрос о целесообразных формах включения в доступные возрасту виды общественно

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 494—495; *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 41, с. 33.

[2] См.: *Филонов Г. Н.* Вклад А. С. Макаренко в развитие советской школы и педагогики. — В кн.: А. С. Макаренко и современность. М., 1978, с. 19.

полезного труда не только старшеклассников, но и подростков, а в перспективе — и учащихся младших классов, в том числе и в условиях городской школы.

* * *

Процесс творческой теоретической разработки и практического использования макаренковского наследия в советской педагогике и школе начался сразу же после его смерти. Первую попытку осмысления его творчества в обобщающих статьях и докладах предприняли в 1940—1941 гг. В. Н. Колбановский, Б. Б. Комаровский, С. М. Ривес, Б. П. Есипов; в 1941 г. была защищена первая диссертация об опыте и теоретическом наследии А. С. Макаренко (И. Ф. Козлов).

Советские педагоги в эти годы подвергли критике три тенденции: игнорирование педагогического творчества А. С. Макаренко; преувеличение специфики его деятельности, ограничение ее рамками учреждения особого типа; механическое перенесение его идей и опыта в массовую практику воспитания. С большой остротой были поставлены вопросы, характеризующие стиль советского воспитания, его идейно-нравственные основы, уровень педагогического руководства; получил отпор псевдогуманистический подход к воспитанию.

В 1944 г. началось глубокое изучение наследия А. С. Макаренко и первые опыты работы по его творческому использованию. Вышел в свет первый, написанный Е. Н. Мединским труд о жизни и деятельности выдающегося педагога (Антон Семенович Макаренко. М., 1944). В 1946 г. впервые был издан сборник макаренковских произведений (под ред. Е. Н. Мединского, И. Ф. Свадковского; сост. И. Ф. Козлов). Его дополнил сборник, вышедший в 1948 г. (под ред. Е. Н. Мединского; сост. А. Г. Тер-Гевондян).

Широко и с достаточной полнотой макаренковская педагогическая система стала разрабатываться после издания в 1950—1952 гг. Сочинений педагога-писателя в 7-ми т. (редкол.: И. А. Каиров, Г. С. Макаренко, Е. Н. Мединский). Второе, дополненное их издание вышло в свет в 1957—1958 гг.

В конце 40-х — начале 50-х гг. в исследовании Е. Н. Мединского, работах В. А. Вейкшана, А. Н. Веселова, В. Е. Гмурмана, Т. Д. Корнейчика, И. С. Петрухина, А. Г. Тер-Гевондяна вскрывались общественно-политические и мировоззренческие основы идей и опыта А. С. Макаренко, его роль в борьбе с влиянием буржуазной педагогики и психологии. Общей характеристике его взглядов посвящены кандидатские диссертации Н. А. Лялина и Ф. И. Науменко, отдельным направлениям его творчества — диссертации М. Д. Виноградовой, М. А. Агатовой и других. С учетом макаренковского творчества вопросы детского коллектива и дисциплины, деятельности комсомольской организации, физического и семейного воспитания рассматривались в работах ряда педагогов. С 1949 г. стал периодически издаваться макаренковский сборник (изд. Львовского университета; к настоящему времени вышло 11 выпусков сборника). В 1951 г. открылся Педагогическо-мемориальный музей А. С. Макаренко в г. Кременчуге.

Со второй половины 50-х гг. расширились исследования, обобщающие труды и опыт А. С. Макаренко в свете марксистско-ленинской методологии и задач идейно-нравственного и трудового воспитания. Полезную роль

в изучении и пропаганде теоретических положений и практике воспитания сыграла книга М. И. Павловой «Педагогическая система А. С. Макаренко» (М., 1956), затем неоднократно переиздававшаяся. Новые материалы о жизни и деятельности педагога были представлены в книге Н. П. Нежинского (Киев, 1958, укр. яз.).

Активизировалось практическое применение наследия А. С. Макаренко в общеобразовательных школах и училищах, особенно на Урале, Украине, в Московской области, Чувашской АССР, Алтайском крае и других регионах страны.

Наследие педагога-писателя активно изучалось литературоведами. Публикации В. В. Ермилова 1941 и 1954 гг., изданные в 1951—1954 гг. книги Е. З. Балабановича, Б. О. Костелянца и Ю. Б. Лукина, вышедший в 1957 г. «Семинарий» Н. А. Морозовой дали ценный материал о деятельности и личности А. С. Макаренко.

Макаренковедческая работа на данном этапе имела свои недостатки, во многом оправданные на стадии первоначального изучения и использования богатейшего наследия. Оно исследовалось еще вне связи с деятельностью и трудами других видных педагогов 20—30 гг., недостаточно обращалось внимания на генезис и развитие взглядов и опыта А. С. Макаренко, их трактовку как педагогической системы, упрощенно трактовалась его борьба в педагогике, оставалась вне поля зрения активная поддержка его деятельности. Исследования опирались в основном на опубликованные труды педагога. Рассматривались по преимуществу вопросы методики воспитания; творческое использование наследия мыслилось главным образом как применение в педагогической практике, не проводилась работа по обобщению этого опыта. Рассмотрение и применение отдельных макаренковских положений вне их целостной системы порождало опасность субъективизма, вульгаризации и догматических истолкований. Многие аспекты наследия оставались в тени, не разрабатывались.

В 60—70-е гг. творческое использование педагогической системы А. С. Макаренко не освободилось от недостатков предшествующего этапа, возникла тенденция к недооценке макаренковского наследия. Однако в практике школ, особенно школ-интернатов, в системе профтехобразования педагогические идеи А. С. Макаренко содействовали решению воспитательных проблем производительного труда школьников и самообслуживания, педагогической организации многообразной деятельности и быта учащихся в коллективе. Богатый опыт работы по-макаренковски накопили школы Москворецкого, Фрунзенского районов Москвы и др. Идеи А. С. Макаренко стали использоваться в школах продленного дня, в работе по месту жительства студенческих педагогических отрядов и объединений, среди которых наиболее известна «коммуна им. А. С. Макаренко» ЛГПИ им. А. И. Герцена (руководитель И. П. Иванов). В 1963 г. зародилась новая форма применения макаренковской педагогической системы — Московский опытно-экспериментальный межшкольный завод «Чайка».

Работы А. С. Макаренко оказали значительное влияние на деятельность В. А. Сухомлинского.

Проделанная в макаренковедении работа нашла отражение в библиографическом указателе трудов А. С. Макаренко и литературе о нем (под ред. Н. А. Сундукова, 1959). В 1963—1964 гг. увидели свет посвященные

жизни и деятельности А. С. Макаренко исследования И. Ф. Козлова и Г. Е. Жураковского, написанные в 40—50-х гг.; к 75-летию педагога вышла брошюра И. А. Каирова. С 1967 г. под руководством Э. С. Кузнецовой развернулась работа секции по изучению и пропаганде наследия А. С. Макаренко Педагогического общества РСФСР, были проведены конференция и симпозиум (1968 и 1972). Первый опыт обобщения практики использования макаренковских идей в современной школе — книга Н. П. Нежинского (Киев, 1970). Однако, написанная на ограниченном материале практически лишь двух школ, она не решает поставленной задачи в необходимом объеме.

В этот период значительно расширилась публикация авторских материалов А. С. Макаренко, не вошедших в издания его сочинений (в данной работе принял активное участие Е. С. Долгин), а также его воспоминаний о работе и жизни в колонии им. М. Горького и коммуне им. Ф. Э. Дзержинского. Вышло два сборника воспоминаний (первый — сост. Н. А. Лялин, Н. А. Морозова, второй — в литературной записи А. Каштаньера). Актуальной стала задача расширения источниковой базы макаренковедческих исследований путем обращения к архивным материалам и публикациям 20—30-х гг.

Большое значение для развития макаренковедения имело издание в 1960—1964 гг. педагогических сочинений Н. К. Крупской, С. Т. Шацкого, П. П. Блонского. Макаренковские идеи были широко представлены в книге «Общие основы педагогики» (под ред Ф. Ф. Королева, В. Е. Гмурмана).

Был признан вклад А. С. Макаренко в развитие педагогической психологии, этому посвящена одна из глав монографии А. В. Петровского по истории советской психологии (1967). В учебнике «Общая психология» (под ред. А. В. Петровского, 1970) проблеме коллектива впервые была отведена специальная глава.

В 1971 г. отдельным изданием в 5-ти т. вышло художественно-педагогическое наследие А. С. Макаренко (под общ. ред. А. Терновского).

Дальнейшему эффективному использованию классического наследия педагога стали препятствовать в какой-то степени недостатки в проблематике и методах его исследований, слабая их разработка в историко-педагогическом и теоретическом планах, отставание с введением в научный оборот новых источников и отсутствие исследований, всесторонне обобщающих опыт практического применения данной педагогической системы в учебно-воспитательных учреждениях разного типа.

В марте 1975 г. принято решение Президиума АПН СССР «О публикации и дальнейшей разработке трудов А. С. Макаренко». В нем говорится, что развитие народного образования в стране, совершенствование школы, разработка теории и методики воспитания требуют во многом нового подхода к наследию А. С. Макаренко, творческого применения и исследования его идей. Намеченные в этом решении мероприятия активизировали макаренковедческую работу.

Этому способствовала также Всесоюзная научно-практическая конференция «А. С. Макаренко и современность» в АПН СССР, посвященная 90-летию со дня рождения классика советской педагогики (1978). Доклады и выступления М. И. Кондакова, В. М. Коротова, Э. И. Моносзона,

Г. Н. Филонова, З. А. Мальковой, Н. Д. Ярмаченко и других показали актуальность наследия А. С. Макаренко, наметили современную проблематику его творческой разработки и практического применения в народном образовании. Посвященные юбилею конференции прошли в отделениях Педагогического общества во многих городах страны. В их работе приняли активное участие воспитанники выдающегося педагога.

В 1977 г. вышли Избранные педагогические произведения А. С. Макаренко в 2-х т. (под ред. И. А. Каирова). С 1983 г. издается настоящее, более полное собрание его педагогических сочинений в 8-ми т. Избранные произведения педагога напечатаны в Киеве в 1984 г. в 3-х т. с включением некоторых не публиковавшихся ранее материалов. Малоизвестные и архивные материалы А. С. Макаренко, существенно дополняющие знание о его научно-педагогической деятельности, составили изданный в 1985 г. сборник «А. С. Макаренко. Теория и практика коммунистического воспитания». В различных изданиях массовыми тиражами переизданы «Педагогическая поэма», «Книга для родителей», «Лекции о воспитании детей», «Флаги на башнях».

Широко деятельность А. С. Макаренко показана в «Очерках истории школы и педагогической мысли народов СССР. 1917—1941» (М., 1980). Продолжению макаренковедческой работы содействовал выпуск в 1978 г. библиографического указателя изданий трудов педагога и литературы о нем, 1959—1977 гг. (сост. И. М. Рудаева, Н. М. Турич). Некоторые итоги теоретической разработки и практического применения макаренковедческого наследия отразились в двух изданных в г. Воронеже сборниках: «Идеи А. С. Макаренко в современной школе» (1975) и «Педагогическое наследие А. С. Макаренко и современная школа» (редкол.: А. И. Каиров и др., 1981).

Исследование трудов и опыта А. С. Макаренко как педагогической системы, изучение ее генезиса и теоретических основ в неразрывной связи с процессом становления и развития советской теории и практики воспитания осуществил А. А. Фролов, широко использовав малоизвестные и архивные источники. Им изданы учебное пособие «Организация воспитательного процесса в практике А. С. Макаренко» (Горький, 1976), серия статей в журнале «Советская педагогика», в других педагогических изданиях и сборниках.

Теоретическое наследие А. С. Макаренко постоянно изучается и творчески используется в нашей стране. Реформа общеобразовательной и профессиональной школы определила переход общего и среднего профессионального образования на новый качественный уровень, что ведет к актуализации ярко выраженной в творчестве А. С. Макаренко идеи диалектического единства воспитания и общественной жизни, коллектива и личности. В этом сущность открытой им «педагогики параллельного действия». В дальнейшем творческом использовании наследия А. С. Макаренко на первый план выступает мысль об опережающей социальной функции воспитания, ускорении этого процесса, обогащении общественной значимости и содержания воспитания. Реформа общеобразовательной и профессиональной школы создает условия для усиления целостности воспитательного процесса в соответствии с ходом социального формирования личности, педагогической деятельностью семьи и общим

процессом повышения роли человеческого фактора в социально-экономической жизни страны.

Отчетливо обнаруживается сегодня значимость макаренковского положения о повышении общественного статуса школы, укреплении производственно-хозяйственной базы единого трудового коллектива педагогического учреждения. Особый интерес вызывает педагогически целесообразное решение А. С. Макаренко хозяйственных, административно-финансовых и организационно-управленческих вопросов деятельности трудового воспитательного коллектива.

Эта очень важная часть макаренковского наследия открывает новое направление в упрочении связи педагогической теории и практики, разработке проблемы научно-педагогического метода. Большую роль в данном отношении имеет вывод А. С. Макаренко о том, что образовательно-воспитательное учреждение необходимо превратить в такой коллектив, который всем ходом своей жизни и деятельности создает практическую основу всесторонней подготовки молодого поколения к реализации широких прав и обязанностей гражданина социалистического общества.

С этим ведущим положением тесно связана дальнейшая разработка другого важного аспекта проблемы единства теории и практики воспитания — исследование целесообразности практических средств воспитания и критериев его эффективности («педагогической логики»).

Современная ориентация среднего образования на получение профессии, углубленная индивидуализация общих целей коммунистического воспитания, образовательная и трудовая специализация в старших классах школы убедительно демонстрируют большое значение макаренковской идеи перспективных линий коллектива и личности.

Осуществлению новых требований в школе будет содействовать новаторское решение А. С. Макаренко проблем педагогического руководства, управления коллективом учебно-воспитательного заведения, организации и оплаты труда педагогов, развития организационных основ детского коллектива и самодеятельных, творческих начал в жизни и деятельности. Реформа школы показывает возросшую значимость правильного стиля управления и коллективных отношений, основанных на таких нравственно-педагогических принципах, как единство уважения и требовательности, взаимообусловленность роста сознательности, творческой активности педагогов и воспитанников и укрепления их дисциплины, организованности и ответственности.

В современных условиях особенно благоприятные возможности создаются для массового творческого использования педагогического наследия А. С. Макаренко в практике коммунистического воспитания детей и подростков. Следует отметить, что практическая действенность — важная характерная черта макаренковедения в условиях социалистического общества. Однако если до последнего времени в общеобразовательных и профессиональных школах, других учебно-воспитательных учреждениях и общественных объединениях детей и подростков изучение идей А. С. Макаренко ограничивалось опытом энтузиастов, то ныне требования реформы школы диктуют необходимость каждому воспитательному коллективу широко принимать на вооружение идейное богатство этого замечательного наследия.

* * *

Деятельность и труды талантливого советского педагога получили высокую оценку Л. Арагона, А. Барбюса, Д. Бернала, У. Бронфенбреннера, А. Валлона, В. Галля, А. Зегерс, Я. Корчака, С. Френе и других деятелей культуры и образования. Опыт колонии горьковцев и коммуны дзержинцев стал приобретать все большую известность за рубежом со второй половины 20-х гг. В конце 30-х гг., еще при жизни А. С. Макаренко, «Педагогическая поэма» вышла в переводе на иностранные языки. «Книга Антона Макаренко стоит тысячи пропагандистских книг»; «Это сильная, искренняя книга, одна из наиболее подлинных и интересных документальных книг, когда-либо изданных в России», — отмечалось в зарубежной печати (цит. по: Литературная газета, 1937, № 14, 41).

В странах социалистического содружества изучение и творческое применение трудов советского педагога стало органической частью процесса становления и развития в них социалистической теории и практики воспитания с учетом опыта народного образования в СССР. Ведущие положения педагогической системы А. С. Макаренко сыграли важную роль в реализации марксистско-ленинской концепции воспитания, нашли отражение в различных отраслях педагогики, основах теории и практики воспитания. Макаренковские идеи и опыт активно использовались в преодолении буржуазно-демократических и иных чуждых социализму педагогических течений.

Ведущей тенденцией творческой теоретической и практической разработки педагогической системы А. С. Макаренко в педагогике социалистических стран в настоящее время является переход от общей ее характеристики и разработки отдельных компонентов к ее комплексному освоению в свете современных достижений социалистической общественной и педагогической мысли и практики. В области макаренковедения успешно работают Эдгар Гюнтер, Вернер Линднер, Арпад Петрикаш, Либор Пеха, Найден Чакыров и другие педагоги. Макаренковским трудам и опыту уделяется большое внимание в педагогике и школе социалистической Кубы, Вьетнама, развивающихся стран.

В капиталистических странах история обращения к трудам А. С. Макаренко связана с укреплением авторитета социалистической педагогики, борьбой в педагогической теории демократических, прогрессивных и реакционных идей. Книги о советском педагоге издаются во многих капиталистических странах. Прогрессивные педагоги видят в его творчестве олицетворение гуманистических, демократических идеалов, лучших педагогических традиций. Осуществляется поиск путей практического использования макаренковского наследия, в особенности в работе с несовершеннолетними правонарушителями, беспризорными детьми.

Стремлением фальсифицировать взгляды выдающегося советского педагога объясняется усиленное внимание к его творческому наследию в ФРГ, где с середины 50-х гг. его труды стали объектом идеологической борьбы. Основой одного из ее направлений явилось глубокое извращение теории и практики социализма, советского воспитания. Макаренковедческая работа составила первую из трех главных линий в западногерманской «педагогической советологии». В середине 60-х гг. возникла тенденция к

«конвергированию» наследия А. С. Макаренко в системе буржуазных идеалов.

Ведущее место в западном макаренковедении занимает основанная в 1968 г. в ФРГ лаборатория по изучению наследия А. С. Макаренко, являющаяся подразделением самого крупного учреждения педагогического «остфоршунга» — исследовательского центра сравнительной педагогики Марбургского университета. Анализ и обобщение основных публикаций лаборатории показывают, что «строго научный» подход в них — это способ, с помощью которого можно было бы, по словам сотрудников лаборатории, оторвать «педагогические устремления Макаренко от их большевистских корней».

В деятельности лаборатории с позиций буржуазного позитивизма и плюрализма отрицается роль научно-мировоззренческой основы макаренковского творчества, его связь с советской системой воспитания, делаются произвольные выводы о влиянии на него западной педагогики. Извращаются идеи коллектива в антикоммунистическом, буржуазном духе или путем «деидеологизации».

Критика этих извращений взглядов и деятельности А. С. Макаренко дана в работах ряда советских педагогов, исследователей других социалистических стран. Их труды позволяют сделать вывод, что разработка макаренковского наследия в буржуазной педагогике характеризуется, с одной стороны, стремлением прогрессивных ученых объективно оценить его, с другой — это наследие извращается в духе антикоммунизма и антисоветизма, вводится в русло буржуазного мировоззрения. Тенденциозно интерпретируя макаренковское творчество, буржуазные идеологи пытаются тем самым ослабить авторитет марксистско-ленинского учения о воспитании и укрепить позиции буржуазной педагогики.

Верный сын Коммунистической партии и советского народа, патриот своей Родины, великий педагог нашей эпохи, А. С. Макаренко и сегодня в строю борцов за светлое будущее человечества.

М. Д. Виноградова,
Л. Ю. Гордин,
А. А. Фролов

Комментарии

I. Письма

Письма А. С. Макаренко полностью в печати не публиковались. Значительная их часть находится пока в частных архивах. Читателю широко известна лишь переписка педагога с А. М. Горьким (см. т. 1 настоящего издания, с. 217—266 и 359).

В восьмой том вошло 131 письмо, оригиналы которых хранятся в основном фонде А. С. Макаренко Архива ЦГАЛИ СССР и в Педагогическо-мемориальном музее А. С. Макаренко в г. Кременчуге УССР.

Письма помогут читателю расширить представление о педагогическом опыте А. С. Макаренко, понять глубже, изнутри становление его личности как человека, педагога, писателя, острее почувствовать его переживания, поиски, сомнения, основные мотивы и сложности борьбы за передовые педагогические идеи.

В. Я. Костецкой (17 декабря 1916)

Педагогическо-мемориальный музей А. С. Макаренко. Автограф А. С. Макаренко, без указания адресата. На первом листе сделана пометка неизвестным лицом: «Костецкой Вере Яковлевне». В. Я. Костецкая — учительница, с которой А. С. Макаренко познакомился в период учебы в Полтавском учительском институте (1914—1917). Жила по соседству с Е. Ф. Григорович (прототип Екатерины Григорьевны в «Педагогической поэме». См. о ней более подробное описание в т. 1 настоящего издания, с. 338). Публикуется впервые. Материал к комментарию представлен П. Г. Лысенко.

[1]*Т.* — Тося. Так А. С. Макаренко называли в кругу друзей.

А. П. Сугак (9 апреля 1918)

Педагогическо-мемориальный музей А. С. Макаренко. Автограф А. С. Макаренко. ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 285, л. 16, с об. На обороте автограф: «В. срочно Исп. об. инспектора Крюковских жел. дор. училищ Антонине Павловне Сугак. Училищный отдел». А. П. Сугак работала учителем в Крюковском железнодорожном высшем начальном училище, директором (инспектором) которого был А. С. Макаренко в 1918—1919 гг.

Впервые опубликовано: Народное образование, 1960, № 3, с. 100. Материал к комментарию представлен П. Г. Лысенко.

[1] Речь идет, вероятно, о комитете для заведования образовательными учреждениями Южной железной дороги.

[2] Средства от сдачи в аренду школьного помещения шли в основном на оказание материальной помощи детям.

Б. Ф. Гороновичу (7 июня 1921)

Педагогическо-мемориальный музей А. С. Макаренко. Автограф. Б. Ф. Горонович в 1918/19 учебном году был учителем в Крюковском высшем начальном училище. Материал

к комментарию представлен П. Г. Лысенко. Фрагмент письма опубликован: *Балабанович Е.* А. С. Макаренко. Человек и писатель. М., 1963, с. 93.

А. С. Макаренко придавал большое значение целенаправленному комплектованию педагогического коллектива. О том, что коллектив педагогов должен быть «составлен разумно», см. т. 4 настоящего издания, с. 174—176.

[1] Мать А. С. Макаренко Татьяна Михайловна переехала из Крюкова к Антону Семеновичу в 1924 г.

[2] *Хаптурки* — говорится, вероятно, о вещах, пожитках.

О. Куриловской (26 декабря 1922)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 301, л. 4—6. Машинописная копия, оригинал хранится в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Л.). В сокращении опубликовано: *Балабанович Е.* А. С. Макаренко. Человек и писатель, с. 99—101. Более полно опубликовано в кн.: *Макаренко А. С.* Теория и практика коммунистического воспитания. Киев: Радяньска школа, 1985, с. 178.

О. Куриловская примерно до апреля 1922 г. работала в колонии им. М. Горького агентом по снабжению (инструктором).

[1] *Пружинин* — работник Полтавского окрфинотдела.

[2] Губернский отдел народного просвещения.

[3] В условиях неурожая, голода и хозяйственной разрухи после империалистической и гражданской войн детские учреждения Украины с лета 1921 г. постепенно переводились с единого государственного снабжения на «комбинированные хозяйственные основы» с привлечением средств местного бюджета и с развитием хозяйства в детских учреждениях (в сб.: Наркомпрос в новой экономической обстановке. Вып. 1. Харьков, 1921, с. 4, 10, 12).

[4] *Котельников М. Н.* — в 1922—1923 гг. областной инспектор учреждений «дефективного» детства НКП УССР.

[5] Речь идет о бывшем имении Трепке, второй колонии.

[6] *Браткевич А.* — колонист, прототип А. Братченко в «Педагогической поэме».

[7] Имеется в виду обрез, винтовка с обрезанным концом ствола.

[8] В уведомлении начальника Полтавского губернского управления государственными имениями и землями Полтавскому земельному отделу с пометкой «В. — срочно» и копией Полтавской уездмилиции от 30 декабря 1922 г. значится, что по распоряжению Полтавского губисполкома необходимо «принять немедленные меры к полному прекращению разбора построек Ковалевским комнезамом в им. б. Трепке, находящемся в использовании колонии малолетних им. Горького» (ПОГА, ф. Р-1503, оп. 1, д. 91, л. 7).

[9] Говорится об обучении по комплексным темам.

[10] *Сербиков А. Л.* — делопроизводитель колонии.

[11] *Гресь К.* — заведующий дорожным отделом Южной железной дороги. Запиской от 24 июня 1922 г. он официально предлагал А. С. Макаренко «взять на себя руководство делом социального воспитания на Южной дороге» (ЦГА РСФСР, ф. 7954, оп. 2, д. 266, л. 6).

[12] Имеется в виду, вероятно, воспитанница колонии В. И. Зозуля.

[13] Говорится о Л. Н. Никифоровой, воспитательнице-учительнице колонии с первых лет ее основания. Является прототипом Лидии Петровны (Лидочки) в «Педагогической поэме». Работала в колонии до осени 1923 г.

[14] Речь идет о Е. Ф. Григорович.

[15] *Ракович И. П.* — с сентября 1922 г. агент по снабжению колонии, затем воспитатель-учитель, старший воспитатель колонии. Прототип И. П. Горовича в «Педагогической поэме».

М. Н. Котельникову (30 декабря 1922)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 52, л. 48—51. Заверенная машинописная копия (оригинал в ЦГАОР УССР). Впервые опубликовано: Народное образование, 1960, № 3, с. 98—99.

М. Н. Котельникову (31 января 1923)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 52, л. 52—55. Заверенная машинописная копия (оригинал в ЦГАОР УССР). Впервые опубликовано: Народное образование, 1960, № 3, с. 99—100.

Часть письма напечатана в т. VII 7-томного Соч. А. С. Макаренко, с. 449. Печатается по архивному источнику.

[1] Этот материал еще не известен исследователям.

[2] О классификации по «социальному опыту и мотивации поступка» см. т. 1 настоящего издания, с. 54.

[3] См. с. 9 данного тома.

[4] Речь идет о факте, который отражен в письме О. Куриловской, о попытке лишить колонию им. М. Горького права на Ковалевскую усадьбу во время учета и пересмотра пользования государственными усадьбами и землями. Колония пользовалась усадьбой на условиях аренды.

А. П. Сугак (24 марта 1923)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 285. Авторская машинопись. Впервые опубликовано с сокращениями: *Макаренко А. С.* Соч.: В 7-ми т. Т. VII. М., 1958, с. 450—453. Печатается по архивному источнику.

[1] *К. С. Кононенко* привез А. С. Макаренко приглашение вернуться в Крюковское железнодорожное училище.

[2] Железнодорожная школа в Крюкове подчинялась ведомству путей сообщения.

[3] *Поповиченки Н. Т.* и *В. И.* — учителя Крюковского железнодорожного училища, затем колонии им. М. Горького (см. с. 26 данного тома).

Л. Н. Никифоровой (15 августа 1923)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 377. Публикуется впервые. Письмо дает характеристику А. С. Макаренко как требовательного руководителя. Изображение конфликта в художественной форме см.: Дачник (фрагмент «Педагогической поэмы»). — Учительская газета, 1976, 4 мая (публикация Е. С. Долгина).

[1] *Головнин* — воспитатель-учитель колонии.

[2] *Снарский* — воспитатель-учитель колонии. Прототип Чарского в подготовительных материалах к «Педагогической поэме» (см. т. 3 настоящего издания, с. 461—462, 486).

[3] В журнале «Новыми стежками» (Полтава, 1923, № 2) была опубликована статья А. С. Макаренко «Опыт образовательной работы в Полтавской трудовой колонии им. М. Горького» (см. т. 1 настоящего издания, с. 18—23). В обзоре педагогической литературы в центральной печати был опубликован отзыв о ней (см.: Народное просвещение. М., 1923, № 6, с. 228).

[4] Работа воспитателей-учителей колонии осуществлялась в четырех формах: главное дежурство по колонии, рабочее (участие в труде колонистов), вечернее (во время вечерних культурно-массовых занятий колонистов и отдыха) и работа в учебных группах. Работа планировалась на неделю с учетом общей оплачиваемой недельной нагрузки воспитателей.

[5] Говорится, вероятно, о воспитателе-учителе И. П. Раковиче, старшем воспитателе второй колонии.

О. П. Ракович (29 декабря 1923)

Печатается с небольшим сокращением по источнику, хранящемуся в семье О. П. Ракович. Материал представлен К. М. Ширяевой. Публикуется впервые.

О. П. Ракович работала в колонии им. М. Горького в 1923—1926 гг. агентом по снабжению. В «Типах и прототипах» изображена как Н. В. Субботина (см. т. 3 настоящего издания, с. 488). Впоследствии она работала в Полтавском педагогическом институте им. В. Г. Короленко.

[1] *Секретка* — письмо, запечатанное особым образом.

[2] *Пархомович* — содержатель частной костюмерной, где колония брала напрокат костюмы для спектаклей.

О. П. Ракович (23 сентября 1924)

Печатается с сокращениями по источнику, хранящемуся в семье О. П. Ракович. Материал представлен К. М. Ширяевой. Публикуется впервые.

О. П. Ракович (13 января 1925)

Печатается по источнику, хранящемуся в семье О. П. Ракович. Материал представлен К. М. Ширяевой. Публикуется впервые.

Колонистам-рабфаковцам (30 мая 1925)

Печатается по копии, сделанной П. П. Архангельским. Публикуется впервые.

[1] *Быковец М.* — в начале 20-х гг. работник Полтавского губнаробраза.

В. И. Поповиченко (22 марта 1926)

Педагогическо-мемориальный музей А. С. Макаренко. Автограф А. С. Макаренко. В. И. Поповиченко работал в колонии им. М. Горького с 1 января 1921 г. по 5 сентября 1925 г. воспитателем-учителем, исполнял обязанности помощника и первого заместителя А. С. Макаренко. Василий Иванович и Надежда Тимофеевна Поповиченко — прототипы Осиповых в «Педагогической поэме». См. о них подробный комментарий в т. 1 настоящего издания, с. 337—338. Публикуется впервые.

[1] О плане перевода колонии им. М. Горького в Запорожье см. т. 3 настоящего издания, с. 270—278.

[2] *Коваль Л. Т.* — политрук колонии им. М. Горького, организатор комсомольской ячейки колонистов, один из заместителей А. С. Макаренко, работал в колонии с лета 1925 г. до осени 1926 г. Прототип Т. Н. Коваля в «Педагогической поэме». См. т. 3 настоящего издания, с. 508.

[3] Говорится о Совнаркоме УССР.

[4] См. с. 27, 30 данного тома.

[5] *Шило* — один из воспитателей-учителей колонии с сентября 1924 г.

[6] Начало предложения в тексте зачеркнуто.

Н. Ф. Остроменцкой (9 октября 1926)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 276, л. 2. Впервые опубликовано: А. С. Макаренко (опыт, изучение, применение): Материалы конференции, посвященной 80-летию со дня рождения (1888—1968) / Ред. кол.: В. Е. Гмурман, Л. Ю. Гордин, Э. С. Кузнецова. М., 1969, с. 191—192. Публикуется по архивному источнику.

Н. Ф. Остроменцкая работала в колонии им. М. Горького летом 1926 г. клубным работником, затем воспитателем-учителем. Впоследствии стала детской писательницей. (Подробный комментарий об отношениях А. С. Макаренко и Н. Ф. Остроменцкой см. в т. 1 настоящего издания, с. 361.) В 1928 г. Н. Ф. Остроменцкая опубликовала очерк о колонии им. М. Горького «Навстречу жизни», в котором, основываясь на «колонийском фольклоре» (выражение А. С. Макаренко), рассказала о применении физических наказаний в колонии. Это привело к неверному представлению читателей об опыте колонии и работе в ней воспитателей-педагогов, самого А. С. Макаренко.

[1] А. С. Макаренко был на Первой всеукраинской конференции детских городков и колоний 30 сентября 1926 г. и успешно выступал на ней с докладом, в котором излагал некоторые свои мысли о коллективном воспитании (см. т. 1 настоящего издания, с. 341).

[2] Имеется в виду *Л. Т. Коваль*.

[3] Имеется в виду *С. А. Калабалин*, воспитанник колонии им. М Горького, прототип Семена Карабанова в «Педагогической поэме». Одно время преподавал в колонии им. Горького физкультуру. Затем был директором детских домов. Заслуженный учитель РСФСР.

Н. Ф. Остроменцкой (2 февраля 1927)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 276, л. 3. Впервые опубликовано: А. С. Макаренко (опыт, изучение, применение), с. 196—197. Печатается по архивному источнику.

Н. Ф. Остроменцкой (18 марта 1927)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 276, л. 6—9. Впервые опубликовано: А. С. Макаренко (опыт, изучение, применение), с. 200—202. Печатается по архивному источнику.

Из письма Г. С. Салько (Макаренко) (июль 1927)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 303, л. 1. Копия письма, автограф Г. С. Макаренко. Вставки, сделанные в копии, сняты. Опубликовано: Из писем к Г. С. Макаренко. — В кн.: Вопросы теории и истории педагогики / Отв. ред. А. В. Ососков. М., 1960, с. 11—12.

[1] Далее следует неразборчивое, исправленное слово.

[2] Далее вместо одного неразборчивого слова вписано: «утверждающих себя я».

Старым горьковцам (10 марта 1928)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 294. Публикуется впервые. Письмо раскрывает стиль руководства педагогическим коллективом в практике А. С. Макаренко.

[1] Имеются в виду, вероятно, *Л. П. Сагредо* и *З. П. Архангельская* (см. т. 1 настоящего издания, с. 36).

Из письма Г. С. Салько (Макаренко) (март 1928)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 303. Машинописная копия. Опубликовано: Из писем к Г. С. Макаренко. — В кн.: Вопросы теории и истории педагогики / Отв. ред. А. В. Ососков, с. 12—13. Печатается по архивному источнику.

[1] По свидетельству Г. С. Макаренко, Наркомпрос УССР предполагал в это время послать за границу группу педагогов, в их числе был и А. С. Макаренко.

[2] Говорится о «Заметках читателя» А. М. Горького, впервые опубликованных в 1927 г. в шестой книге альманаха «Круг», а затем в т. 20 Соч. А. М. Горького (ОГИЗ, 1928). См. его Собр. соч.: В 30-ти т. Т. 24. М., 1953, с. 282—283. См. также т. 1 настоящего издания, с. 242.

Г. С. Салько (Макаренко) (15 марта 1928)

Впервые опубликовано: Вопросы теории и истории педагогики / Отв. ред. А. В. Ососков, с. 13—14. Печатается по данной публикации.

[1] *Акафист* — церковная хвалебная песнь, поэтому выражение «акафистский тон», употребленный в письме, следует понимать как хвалебный тон.

[2] *ОкрДД* — говорится о Харьковском окружном отделении общества «Друг детей». Добровольное общество «Друг детей» (ОДД) организовано в 1924 г. на базе созданных в первые годы Советской власти деткомиссий (комиссий по охране интересов детей) при местных Советах. Как Всероссийское общество начало действовать по инициативе Н. К. Крупской. Ставило своей целью общественную помощь школе, учреждениям народного образования и воспитания. В 20-е гг. занималось в основном борьбой с беспризорностью.

Н. Ф. Остроменцкой (4 апреля 1928)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 276, л. 10—11. Впервые опубликовано: А. С. Макаренко (опыт, изучение, применение), с. 202. Печатается по данной публикации.

[1] Имеется в виду очерк Н. Ф. Остроменцкой в журнале «Народный учитель» о колонии им. М. Горького под названием «Навстречу жизни».

[2] А. С. Макаренко предполагал, что очерк Н. Ф. Остроменцкой осложнит его взаимоотношения с руководящими организациями Харьковского округа в связи с неправильным освещением ею вопросов о физическом наказании.

Н. Ф. Остроменцкой (18 апреля 1928)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 276, л. 12—13. Впервые опубликовано: А. С. Макаренко (опыт, изучение, применение), с. 203—204. Печатается по данной публикации.

[1] *Ахтырка* — имеется в виду колония в Ахтырке.

[2] *И. А. Соколянский* был в те годы инспектором Главсоцвоса Наркомпроса УССР, впоследствии известный ученый-дефектолог, специалист по проблемам слепоглухонемых от рождения.

[3] А. С. Макаренко руководил одновременно колонией им. М. Горького и коммуной им. Ф. Э. Дзержинского с 20 октября 1927 г. по 3 сентября 1928 г.

[4] *Коллектор* — место временного пребывания беспризорных и правонарушителей, отсюда они поступали в колонии, детдома и другие воспитательные учреждения.

[5] *Клубник* — имеется в виду клубный работник.

Из письма Г. С. Салько (Макаренко) (22 апреля 1928)

Впервые опубликовано: *Балабанович Е.* А. С. Макаренко. Человек и писатель, с. 139. Печатается по данной публикации.

Из письма Г. С. Салько (Макаренко) (27 мая 1928)

Впервые опубликовано: *Балабанович Е.* А. С. Макаренко. Человек и писатель, с. 144. Печатается по данной публикации.

Н. Ф. Остроменцкой (7 июня 1928)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 276, л. 14—15. С сокращением опубликовано: А. С. Макаренко (опыт, изучение, применение), с. 207—208. Публикуется по архивному источнику.

[1] Говорится, вероятно, о письме А. С. Макаренко в редакцию журнала «Народный учитель» по поводу очерка Н. Ф. Остроменцкой о колонии. Оно еще не известно исследователям.

[2] Имеется в виду доклад Н. К. Крупской на VIII съезде ВЛКСМ 14 мая 1928 г. См.: *Крупская Н. К.* Пед. соч.: В 10-ти т. Т. 5. М., 1959, с. 269—271. Н. К. Крупская, А. С. Макаренко и другие видные деятели советской педагогики едины в своих взглядах на главные цели и ведущие принципы коммунистического воспитания. См. т. 4 настоящего издания, с. 322. *Крупская Н. К.* Пед. соч.: В 10-ти т. Т. 4. М., 1959, с. 583.

[3] Заявление об уходе из колонии А. С. Макаренко подал 10 мая 1928 г., а был освобожден от работы 3 сентября 1928 г.

Из письма Г. С. Салько (Макаренко) (15 сентября 1928)

Впервые опубликовано: *Балабанович Е.* А. С. Макаренко. Человек и писатель, с. 145. Печатается по данной публикации.

Н. Ф. Остроменцкой (18 сентября 1928)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 276, л. 14—16. Впервые опубликовано: А. С. Макаренко (опыт, изучение, применение), с. 208—209. Печатается по архивному источнику.

Н. Ф. Остроменцкой (16 октября 1928)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 276, л. 17—18. Впервые опубликовано: А. С. Макаренко (опыт, изучение, применение), с. 209—211. Печатается по архивному источнику.

Г. С. Салько (Макаренко) (20 сентября 1929)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 303. Машинописная копия. Впервые опубликовано: Из писем к Г. С. Макаренко. — В кн.: Вопросы теории и истории педагогики / Отв. ред. А. В. Ососков, с. 14—15. Печатается по архивному источнику.

[1] Говорится о Наркомпросе РСФСР.

[2] Московский областной отдел народного образования.

[3] *Л. Р. Менжинская* в начале 20-х гг. была членом научно-педагогической секции ГУСа Наркомпроса УССР. С сентября 1922 г. — председатель Главсоцвоса НКП УССР, оказывала помощь колонии им. М. Горького.

Г. С. Макаренко (21 сентября 1929)

Впервые опубликовано: Из писем к Г. С. Макаренко. — В кн.: Вопросы теории и истории педагогики / Отв. ред. А. В. Ососков, с. 15. Печатается по данному источнику.

[1] В Москве А. С. Макаренко был вместе с сыном Г. С. Салько, коммунаром Л. М. Салько.

Г. С. Макаренко (14 октября 1929)

Впервые с сокращениями опубликовано в издании: *Макаренко А. С.* Соч.: в 7-ми т. Т. VI. М., 1958, с. 528. Более полная публикация в кн.: Вопросы теории и истории педагогики / Отв. ред. А. В. Ососков, с. 16—17. Печатается по последнему источнику.

Письмо примечательно тем, что в нем дается проект А. С. Макаренко о создании «Учреждения для социального воспитания, первого в Союзе для нормальных детей». О своем стремлении работать с обычными детьми А. С. Макаренко говорил также в письме к В. И. и Н. Т. Поповиченко 29 сентября 1929 г. (об этом см. также: *Поповиченко Н. Т.* Воспоминания о работе в колонии им. М. Горького в 1921—1925 годах. — В кн.: А. С. Макаренко / Отв. ред. Ф. И. Науменко, с. 130). Попытку создания лесной школы он повторил в 1936 г., это начинание было поддержано (см. т. 4 настоящего издания, с. 24—25 и комментарий, с. 378).

Об одном из первых планов А. С. Макаренко об организации обычной школы (1923) см. в данном томе с. 16—17. Некоторые сведения о докладной записке об организации средней школы, поданной А. С. Макаренко в Наркомпрос УССР в 1933 г., см.: *Нежинский Н. П.* А. С. Макаренко и педагогика школы. Киев: Радянська школа, 1976, с. 205. О плане реорганизации школ Москвы, предложенном А. С. Макаренко, см.: ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 487, л. 1, 203, 221; см. также: *Морозова Н. А.* А. С. Макаренко: Семинарий. — 2-е изд., перераб. Л.: Учпедгиз, 1961, с. 122.

Из письма Г. С. Макаренко (21—22 октября 1929)

Впервые опубликовано: *Балабанович Е.* А. С. Макаренко. Человек и писатель, с. 189—190. Печатается по данному источнику.

Из письма Г. С. Макаренко (23—24 октября 1929)

Впервые опубликовано: *Балабанович Е.* А. С. Макаренко. Человек и писатель, с. 143—144. Печатается по данному источнику.

Из письма Г. С. Макаренко (1—2 ноября 1929)

Впервые опубликовано: *Балабанович Е.* А. С. Макаренко. Человек и писатель, с. 144—145. Печатается по данному источнику.

Г. С. Макаренко (ноябрь 1929)

Впервые опубликовано: *Балабанович Е.* А. С. Макаренко. Человек и писатель, с. 145—146. Печатается по данному источнику.

Из письма Г. С. Макаренко (4 декабря 1929)

Впервые опубликовано: *Балабанович Е.* А. С. Макаренко. Человек и писатель, с. 143. Печатается по данному источнику.

О. П. Ракович (24 марта 1930)

Печатается по источнику, хранящемуся в семье О. П. Ракович. Материал представлен К. М. Ширяевой. Публикуется впервые.

[1] Говорится об увольнении О. П. Ракович с работы в горьковской колонии в 1926 г., при переезде колонии в Куряж.

М. М. Букшпану (29 декабря 1930)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 225. Авторская машинопись с подписью-автографом и припиской рукой А. С. Макаренко. В конце имеется резолюция М. М. Букшпана от 31 декабря. В сокращении опубликовано А. А. Фроловым: А. С. Макаренко / Отв. ред. Ф. И. Науменко, с. 126—128.

Печатается с сокращениями по архивному источнику.

[1] О передаче колонии им. М. Горького В. А. Весичу как заместителю А. С. Макаренко во время его отпуска с 1 ноября 1925 г. по 1 января 1926 г. см.: ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 52, л. 112.

[2] *Барбаров П. И.* — политрук коммуны с сентября 1929 г. по январь 1932 г.

Из письма Г. С. Макаренко (9 сентября 1931)

Впервые опубликовано: *Балабанович Е.* А. С. Макаренко. Человек и писатель, с. 144. Печатается по данному источнику.

Коммунару Черному (14 апреля 1932)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 289, л. 2. Авторская машинопись. Публикуется по архивному источнику.

[1] Имеется в виду Т. Д. Татаринов (см. комментарии на с. 230 данного тома).

М. М. Букшпану (август 1932)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 255, л. 4—9 об. Автограф состоит из двух частей, написанных разным почерком. В первой части одна страница, во второй рукой А. С. Макаренко сделана нумерация листов, начиная с цифры 5. Видимо, письмо написано в два приема. Отсутствует, вероятно, конец первой части письма или начало второй. Последняя страница не дописана, половина ее чистая. Без даты, по содержанию письмо может быть отнесено к началу августа 1922 г., когда воспитанники коммуны им. Ф. Э. Дзержинского отдыхали вблизи г. Бердянска (УССР) в летнем лагере. Письмо, надо полагать, не было отослано. Опубликовано в сокращении А. А. Фроловым: А$_7$. С. Макаренко / Отв. ред. Ф. И. Науменко, с. 128—131.

Печатается с сокращениями.

[1] Говорится о Болшевской подмосковной коммуне им. ОГПУ № 1 и Прилукской коммуне ГПУ УССР.

[2] М. А. Максимов в марте 1932 г. стал исполняющим обязанности начальника коммуны им. Ф. Э. Дзержинского. В начале 1932 г. был пущен завод электроинструментов коммуны им. Ф. Э. Дзержинского. В связи с этим возникла необходимость усиления руководства производственной частью коммуны. Его реорганизация началась в марте. В письме к А. С. Макаренко М. М. Букшпан писал 26 марта 1932 г. об изменениях в составе правления коммуны: «...председатель — Карл Мартынович; Соломон Самойлович совсем отошел от коммуны»; зам. председателя — А. О. Броневой, секретарь — Максимов; М. М. Букшпан — член правления; исполняющим обязанности начальника коммуны назначен Максимов, «который только из любви к коммуне согласился на эту работу». Причины реорганизации управления коммуной: в ней теперь «большой завод с огромными зданиями», дальнейшее строительство поручается самой коммуне, планируется расширение коллектива. «Без Вас проводить все это не станем. Даже если будем, то при одном непременном условии: права, обязанности, опыт, знание, умение и практицизм Антона Семеновича ни в коей мере при этом не будут и не могут буть ущемлены. В этой части, организационных форм, мы с вами договоримся и безусловно сладим». Освобождение М. М. Букшпана от обязанностей секретаря правления было вызвано его большими служебными обязанностями на основной работе (ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 309, л. 1—2).

[3] С 16 июля до конца месяца 1932 г. проходил 3-й «коммунарский штурм» за выпуск в июле 1 тыс. сверлилок.

[4] *Кочубиевский* — ответственный за организацию коммунарского производства с марта 1932 г.

[5] Говорится о Центральной комиссии помощи детям и Наркомпросе УССР.

[6] 6 августа 1932 г. сектор кадров Наркомпроса Крымской АССР послал А. С. Макаренко приглашение заведовать организационно-учебной частью трудовой колонии в Тавеле (ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 360, л. 6).

Из письма Г. С. Макаренко (28 октября 1932)

Впервые опубликовано: *Балабанович Е.* А. С. Макаренко. Человек и писатель, с. 189—190. Печатается по указанной публикации.

Коммунару Шварцу (10 сентября 1933)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 290. Письмо, адресованное выпускнику коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, написано в Москве. В это время А. С. Макаренко находился в Москве в связи с изданием первой части «Педагогической поэмы». Публикуется впервые.

[1] *Добродицкий* — в 1933 г. секретарь педсовета рабфака при коммуне им. Ф. Э. Дзержинского.

[2] *Дидоренко С. А.* — в этот период начальник хозяйственной части коммуны, прототип персонажа книги «ФД-1».

[3] *Кононенко К. С.* — начальник финансовой части коммуны с начала 1932 г., друг А. С. Макаренко. О его роли в издании «Педагогической поэмы» см. т. 3 настоящего издания, с. 497, а также т. 7, с. 179, 308.

С. А. Калабалину (11 июля 1934)

Педагогическо-мемориальный музей А. С. Макаренко. Опубликовано: А. С. Макаренко. Кн. 3 / Отв. ред. Ф. И. Науменко. Львов, 1956, с. 333.

[1] Речь идет о смерти 3-летнего сына С. А. Калабалина от руки психически неуравновешенного воспитанника, который был прислан из Ленинградского детского приемника-распределителя в школу-коммуну № 66, где работали Калабалины. По состоянию здоровья этого подростка должны были направить в психиатрическую лечебницу.

[2] Подразумевается: привет Галине Константиновне Калабалиной (прототип Г. Подгорной в «Педагогической поэме») от Галины Стахиевны Макаренко.

Е. З. [Юрченко] [до 28 декабря 1934]

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 293, л. 2. Печатается по архивному источнику.

Н. В. Петрову (27 февраля 1935)

ЦГАЛИ СССР, ф. 2358, оп. 3, ед. хр. 144, л. 1. Автограф. Впервые опубликовано: *Попова Н. Л.* Единомышленники в искусстве и жизни (письма А. С. Макаренко к Н. В. Петрову). — В сб.: Встречи с прошлым. М., 1982, вып. 4, с. 263—271. Текст печатается по архивному источнику. Письмо, по-видимому, передано в Ленинград.

Переписка А. С. Макаренко с театральным режиссером Н. В. Петровым свидетельствует об интересе педагога к театральному искусству. По инициативе Н. В. Петрова Харьковскии театр русской драмы шефствовал над коммуной им. Ф. Э. Дзержинского. О дружбе с Антоном Семеновичем Макаренко Н. В. Петров написал в своих книгах и статьях «Пути к творчеству», «Встречи с драматургами», «50 и 500», «Правда чувств» и др. Сохранилась дневниковая запись А. С. Макаренко: «Николай Васильевич Петров. Провел незабываемые вечера с Николашей и Людочкой. Пили с ними на брудершафт, а потом хохотали — забыли, что давно на ты. Но уж очень шикарный ритуал.

Спорили со страстью единомышленников. Все сводим к одному синтезу воспитания: он — «актерского организма», а я — своих скромных пацанов. Для людей старого мира — вещи вне сопоставления, а под лучами нашего солнца и то и другое — воспитание творческой личности. Вот так неожиданно величественно просто, как бывает только в жизни.

Николашка придумал новый титул: «гроссмейстер шахматистов-портачей». Я проиграл ему три партии. Он клянется, что закажет такой значок. Согласились носить, кто проиграет три партии подряд. Я хотел бы видеть его рожу, когда он будет просить в месткоме бумажку, чтобы заказать такой значок, и когда будет его заказывать. Это тема для водевиля, и очень смешного. Черт, забыл ему это сказать!

А. Макаренко. 27 апреля 1936 г.»)

[1] Вероятно, речь идет о работе над пьесой «Ньютоновы кольца».

[2] Речь, видимо, идет о книгах Н. В. Петрова «Актер и сценический образ» или «Режиссер читает пьесу», изданных в 1934 и 1935 гг.

Е. Невечере (18 марта 1933)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 33, л. 1. Публикуется по архивному источнику.

Е. М. Коростылевой (13 мая 1935)

ЦГАЛИ СССР, ф. 622, оп. 1, ед. хр. 8, л. 29. Это и последующие письма Е. М. Коростылевой опубликованы М. Ф. Гетманцом в кн.: А. С. Макаренко / Отв. ред. Ф. И. Науменко, Львов, 1978. Печатается по архивному источнику.

Е. М. Коростылевой [28 сентября 1935]

ЦГАЛИ СССР, ф. 622, оп. 1, ед. хр. 8, л. 29. Печатается по архивному источнику.

Коростылева Е. М. — работница редакции альманаха «Год XVIII». В кн. 8 альманаха была впервые опубликована третья часть «Педагогической поэмы».

Из письма К. С. Кононенко [сентябрь — октябрь 1935]

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 536, л. 54—55. Письмо было откликом на статью В. Канторовича (Поэма о подвиге педагога. — Наши достижения, 1935, № 9). Опубликовано А. А. Фроловым: Советская педагогика, 1976, № 9, с. 106. Печатается по архивному источнику.

[1] Это полемически заостренное высказывание отражает стремление А. С. Макаренко заняться разработкой теории воспитания, наиболее полно и точно соответствующей объективным педагогическим законам, характеру советского общественного строя, новым задачам воспитания.

К. С. Кононенко (3 октября 1935)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 269. Часть письма опубликована Е. С. Долгиным: Литературная газета, 1976, 7 апр., с. 6. Полностью публикуется впервые.

[1] Говорится о третьей части «Педагогической поэмы».

[2] Эти авторские материалы А. С. Макаренко еще не известны исследователям.

[3] Публикацию данного места «Педагогической поэмы» и других отрывков, не вошедших в это издание, см.: *Сундуков Н. А.* Переписка А. С. Макаренко с А. М. Горьким и его работа над текстом «Педагогической поэмы». — Известия Академии педагогических наук РСФСР. Вып. 38, 1952.

[4] См., например, описание «водолечебницы девятого отряда» в т. 3 настоящего издания с. 222—225.

[5] Имеется в виду, вероятно, сын К. С. Кононенко.

[6] Далее одно слово неразборчиво.

К. и Е. Кононенко (22 октября 1935)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 269, л. 2, с об. Часть письма опубликована Е. С. Долгиным: Литературная газета, 1976, 7 апр., с. 6. Печатается по архивному источнику.

[1] См. т. 1 настоящего издания, с. 266.

[2] Речь идет о статье В. Н. Колбановского «Поэзия педагогики».

[3] Говорится о рецензии К. С. Кононенко.

[4] Имеется в виду, возможно, обсуждение «Педагогической поэмы» в Высшем коммунистическом институте просвещения.

[5] Говорится о замысле романа «Ньютоновы кольца». О работе А. С. Макаренко над романом с разными названиями см.: *Левинсон З.* Творческая история романа А. Макаренко «Пути поколения». — Вопросы литературы, 1967, № 1; *Балабанович Е.* А. С. Макаренко. Человек и писатель, с. 410—478.

Е. М. Коростылевой (16 ноября 1935)

ЦГАЛИ СССР, ф. 622, оп. 1, ед. хр. 8, л. 14. Публикуется по архивному источнику.

К. С. Кононенко (24 ноября 1935)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 269, л. 3—6. Публикуется по архивному источнику.

[1] Говорится о критической статье К. С. Кононенко на «Педагогическую поэму».

[2] Имеется в виду постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» от 31 мая 1935 г.

Е. М. Коростылевой (26 ноября 1935)

ЦГАЛИ СССР, ф. 622, оп. 1, ед. хр. 8, л. 15. Печатается по архивному источнику.

Е. М. Коростылевой (3 декабря 1935)

ЦГАЛИ СССР, ф. 622, оп. 1, ед. хр. 8, л. 16. Адресовано в Москву заведующей редакцией альманаха «Год XVIII». Публикуется впервые.

[1] Речь идет об издании «Педагогической поэмы» в Гослитиздате Украины. Третья часть книги выпущена отдельным изданием на украинском языке в авторизованном переводе в 1936 г. Первая и вторая части вышли на Украине в 1934—1936 гг. (два издания).

[2] В переводе с укр. яз. — «вычеркнуть».

[3] *Шульгин В. Н.* — педагог, был директором Института школ Наркомпроса, являлся сторонником программ ГУСа и соединения школы с заводом.

Е. М. Коростылевой (10 декабря 1935)

ЦГАЛИ СССР, ф. 622, оп. 1, ед. хр. 8, л. 17—19. Публикуется по архивному источнику.

С. А. Калабалину (30 декабря 1935)

Педагогическо-мемориальный музей А. С. Макаренко. Автограф А. С. Макаренко. Публикуется по данному источнику.

С 1 июля 1935 г. А. С. Макаренко работал в Киеве помощником начальника отдела трудовых колоний Народного комиссариата внутренних дел Украины. Мохарев, бывший воспитанник А. С. Макаренко, был направлен в Якушинецкую детскую трудовую колонию воспитателем, где работал заместителем начальника колонии С. А. Калабалин (последний был направлен в Винницкую область в ноябре 1935 г.). Материал к комментарию представлен П. Г. Лысенко. Публикуется впервые.

[1] *Цыбульский* — тогда начальник Одесской детской колонии.

Часть воспитанников этой колонии перешли в Якушинецкую детскую колонию.

[2] *Ахматов* — тогда начальник отдела трудовых колоний НКВД УССР.

Е. М. Коростылевой (11 января 1936)

ЦГАЛИ СССР, ф. 622, оп. 1, ед. хр. 8, л. 21. Публикуется по архивному источнику.

[1] *Колбановский В. Н.* — известный психолог и педагог, доктор наук, давал А. С. Макаренко рекомендацию в партию.

В. Г. Зайцеву (14 марта 1936)

Педагогическо-мемориальный музей А. С. Макаренко. Автограф А. С. Макаренко. Публикуется по данному источнику. Василий Григорьевич Зайцев — коммунар-дзержинец, вместе с двумя десятками коммунаров-выпускников уехавший на строительство г. Комсомольска-на-Амуре. Свои стихи начал печатать еще в коммунарской газете. Журналист. Автор книги «Рассказы о Макаренко» (изд. 2-е, доп. Мурманское кн. изд-во, 1974). Материал к комментарию представлен П. Г. Лысенко. Полностью публикуется впервые.

[1] IV курс рабфака выпускной. Из перечисленных выпускников Ройтенберг и Федоренко погибли в Великую Отечественную войну, Чевелий (по произведениям А. С. Макаренко — Жевелий) — летчик, участник Великой Отечественной войны, Мельник — участник войны, моряк, орденоносец.

Е. М. Коростылевой (18 марта 1936)

ЦГАЛИ СССР, ф. 622, оп. 1, ед. хр. 8, л. 22—22 об. Публикуется по архивному источнику.

[1] В 1936 г. вышла отдельным изданием третья часть «Педагогической поэмы» (М.). Альманах «Год XVIII», кн. 8-я, куда принята была третья часть «Педагогической поэмы», сдан в набор 11 ноября 1935 г., к печати подписан 26 февраля 1936 г.

[2] Выписки из трудов по русской истории, сделанные А. С. Макаренко при работе над учебником, см.: ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 193, 32 л.

Е. М. Коростылевой (28 марта 1936)

ЦГАЛИ СССР, ф. 622, оп. 1, ед. хр. 8, л. 23—24. Автограф А. С. Макаренко. Опубликовано М. Ф. Гетманцом: А. С. Макаренко / Отв. ред. Ф. И. Науменко, с. 117—118. Печатается по архивному источнику.

Б. Ф. Рыбченкову (18 мая 1936)

Впервые опубликовано Б. Ф. Рыбченковым с его комментариями: Молодая гвардия, 1963, № 3, с. 304. Там же см. письмо А. С. Макаренко от 6 апреля 1936 г. Печатается по данному источнику.

Рыбченков Б. Ф. — советский художник, автор картин, посвященных Московскому Кремлю.

Е. М. Коростылевой (20 июля 1936)

ЦГАЛИ СССР, ф. 622, оп. 1, ед. хр. 8. Печатается по архивному источнику.

Из письма Г. С. Макаренко (30 июля 1936)

Впервые опубликовано: *Балабанович Е.* А. С. Макаренко. Человек и писатель, с. 204. Печатается по данному источнику.

Н. В. Петрову (9 декабря 1936)

ЦГАЛИ СССР, ф. 2358, оп. 3, ед. хр. 144, л. 3, 3 об. Автограф, письмо написано на небольшом твердом белом листе бумаги. Письмо адресовано в Ленинград, о чем свидетельствует сохранившийся конверт. А. С. Макаренко пишет из Киева, указывая обратный адрес: Киев, Леонтовича, 6, кв. 21 (ЦГАЛИ СССР, ф. 2358, оп. 3, ед. хр. 144, л. 4). Впервые опубликовано: *Попова Н. Л.* Единомышленники в искусстве и жизни (письма А. С. Макаренко к Н. В. Петрову). — В сб.: Встречи с прошлым. М., 1982, вып. 4, с. 265. Печатается по архивному источнику.

[1] Диспут в Ленинградском отделении Союза писателей был посвящен «Педагогической поэме».

[2] Вероятно, речь идет о сценарии, который стал началом работы над «Флагами на башнях».

[3] *Галя* — жена А. С. Макаренко Галина Стахиевна.

Н. В. Петрову (22 декабря 1936)

ЦГАЛИ СССР, ф. 2358, оп. 3, ед. хр. 144, л. 5, 5 об., 6, 6 об. Авторская машинопись, на полях приписки черными чернилами. Впервые опубликовано с сокращениями в указанной выше публикации Н. Л. Поповой «Единомышленники в искусстве и жизни» (письма А. С. Макаренко к Н. В. Петрову) в сб.: Встречи с прошлым, с. 263—271. Печатается по архивному источнику.

М. Е. Лапировой (25 декабря 1936)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 272, л. 1—2. Адресовано в Москву, на Малую Бронную. Публикуется впервые.

[1] *Надсон С. Я.* (1862—1887) — русский поэт.

Н. В. Петрову (10 января 1937)

ЦГАЛИ СССР, ф. 2358, оп. 3, ед. хр. 144, л. 7, 8, 9. Автограф на белом тонком блокнотном листе. Сохранился конверт (л. 10), на котором указан адрес Н. В. Петрова: Москва, улица Герцена, Театр Революции.

Впервые опубликовано в указанной выше публикации Н. Л. Поповой «Единомышленники в искусстве и жизни» (письма А. С. Макаренко к Н. В. Петрову). Печатается по архивному источнику.

[1] *Моммзен Теодор* — известный немецкий историк, специалист по истории Рима.

[2] Вероятно, упоминается статья Ф. М. Левина о «Педагогической поэме», напечатанная в журн.: Литературный критик, 1936, № 10.

[3] *Кон Ф. Я.* — деятель польского и русского революционного движения, с 1937 г. — редактор журнала «Наша страна».

М. Е. Лапировой (17 января 1937)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 272, л. 3. Публикуется по архивному источнику.

А. С. Сватко (6 мая 1937)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 283, л. 1, с об. Впервые опубликовано Е. С. Долгиным: Литературная газета, 1976, 7 апр., с. 6. Печатается по архивному источнику.

[1] *Бровары* — пригород Киева, где А. С. Макаренко работал в колонии (см. комментарий в т. 4 настоящего издания, с. 379—380).

Н. В. Петрову (17 июня 1937)

ЦГАЛИ СССР, ф. 2358, оп. 3, ед. хр. 144, л. 12, 12 об. Авторская машинопись, подпись карандашом. Впервые опубликовано в указанной выше публикации Н. Л. Поповой «Единомышленники в искусстве и жизни» (письма А. С. Макаренко к Н. В. Петрову). Печатается по архивному источнику.

Н. Ф. Шершневу (1 июля 1937)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 291. В сокращении опубликовано Е. С. Долгиным: Литературная газета, 1976, 7 апр., с. 6. Печатается по архивному источнику. Письмо отражает высокий уровень требований А. С. Макаренко к духовной культуре человека, его жизненной позиции. Эта тема занимает большое место в переписке с выпускниками, сочетаясь с постоянной готовностью А. С. Макаренко прийти на помощь, морально поддержать молодого человека, вселить уверенность в себе.

[1] Говорится, вероятно, о повести «Флаги на башнях», которая впервые была опубликована в 1938 г. в журнале «Красная новь», № 6, 7, 8.

[2] Имеется в виду повесть «Честь» (т. 2 настоящего издания). Впервые опубликована в 1937 г. в журнале «Октябрь», кн. XI, XII, и в 1938 г., кн. I, V, VI.

А. С. Сватко (14 августа 1937)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 283. Печатается по архивному источнику.

Е. Н. Логиновой (10 сентября 1937)

Отдел рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, ф. 114, оп. 1, № 3, л. 1. Автограф А. С. Макаренко. Адресовано: «Редакция «Известий». Отдел культуры. Екатерине Николаевне Логиновой». Письмо послано из Ялты, ул. Кирова, д. 9, Литфонд СССР. Публикуется впервые.

Е. Н. Логиновой (11 сентября 1937)

Отдел рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, ф. 114, оп. 1, № 3, л. 2, с об. Автограф. Адресовано в отдел культуры редакции газеты «Известия». Публикуется впервые.

В «Известиях» было опубликовано несколько статей А. С. Макаренко: 8 декабря 1936 г. — «О личности и обществе» (т. 7 настоящего издания), 28 августа 1937 г. — «Цель воспитания» (т. 4), 7 ноября 1937 г. — «Счастье» (т. 7).

[1] Имеется в виду письмо А. С. Макаренко, написанное Е. Н. Логиновой 10 сентября 1937 г., в котором он сообщал о получении необходимых для его статьи материалов. 24 декабря 1937 г. в письме из Тбилиси А. С. Макаренко писал Е. Н. Логиновой, что их «литературные и культурно-просветительные планы» оказались нарушенными (рукописный отдел ИМЛ им. А. М. Горького АН СССР, ф. 114, оп. 1, № 3), с. 78 данного тома.

[2] Взаимосвязь «этических религиозных систем» и морали эксплуататорского общества в их противоположности коммунистической нравственности, задачам нового воспитания А. С. Макаренко рассматривает в статье «О коммунистической этике» (т. 4 настоящего издания, с. 281—287). Полный текст см.: ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 92, л. 32; оп. 4, ед. хр. 139, л. 39.

Л. В. Конисевичу (24 ноября 1937)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 268. Печатается по архивному источнику (см. комментарии на с. 227 данного тома).

В. Г. Зайцеву (24 ноября 1937)

Печатается по источнику, хранящемуся у В. Г. Зайцева. Автограф А. С. Макаренко, затем машинопись. Впервые опубликовано: А. С. Макаренко / Ред. кол.: Ф. И. Науменко и др. Львов, 1978.

[1] С февраля 1937 г. А. С. Макаренко жил и работал в Москве.

[2] *Шершнев Н. Ф.* (по «Педагогической поэме» — Вершнев, Колька-доктор), одним из первых воспитанников уехавший в Комсомольск-на-Амуре, был врачом-рентгенологом, заведовал горздравотделом, почетный гражданин этого города, где и скончался в 1972 г. (См. о нем в «Типах и прототипах», т. 3 настоящего издания, с. 481.)

[3] *Грак* (укр.) — «грач». В переносном значении — «некультурный», «грубый», «жадный».

Л. В. Крендясовой (3 декабря 1937)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 271. Адресовано воспитаннице коммуны им. Ф. Э. Дзержинского. Публикуется впервые.

[1] *Вехова* — прототип персонажа «Марша 30 года» и «ФД-1».

В. Козырю (3 декабря 1937)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 265. Публикуется впервые.

Козырь В. — воспитанник коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, прототип персонажа «Марша 30 года» и «ФД-1».

[1] Имеется в виду бывший коммунар Волченко, см. т. 1 настоящего издания, с. 199.

[2] Вероятно, речь идет о бывшем коммунаре Семенцове, см. т. 1 настоящего издания, с. 198.

Мохареву (13 декабря 1937)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 274. Печатается по архивному источнику.

[1] *Клюшник В. И.* — бывший коммунар, был в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского вместе со своим братом Алексеем. См. о нем у А. С. Макаренко в т. 1 настоящего издания, с. 195. Потом всю жизнь был военным. Танкист, провоевал всю Великую Отечественную войну.

[2] *Ройтенберг Е. И.* — коммунар, затем политработник, погиб в Великую Отечественную войну (см. его портрет в т. 6 настоящего издания).

Е. Н. Логиновой (24 декабря 1937)

Отдел рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР, ф. 114, оп. 1, № 3, л. 3—4, с об. Автограф А. С. Макаренко. Публикуется впервые.

Н. В. Петрову (без даты)

ЦГАЛИ СССР, ф. 2358, оп. 3, ед. хр. 144, л. 11. Авторская машинопись на белом тонком листе бумаги. Подпись сделана простым карандашом. (На обороте листа кем-то сделаны записи карандашом.)

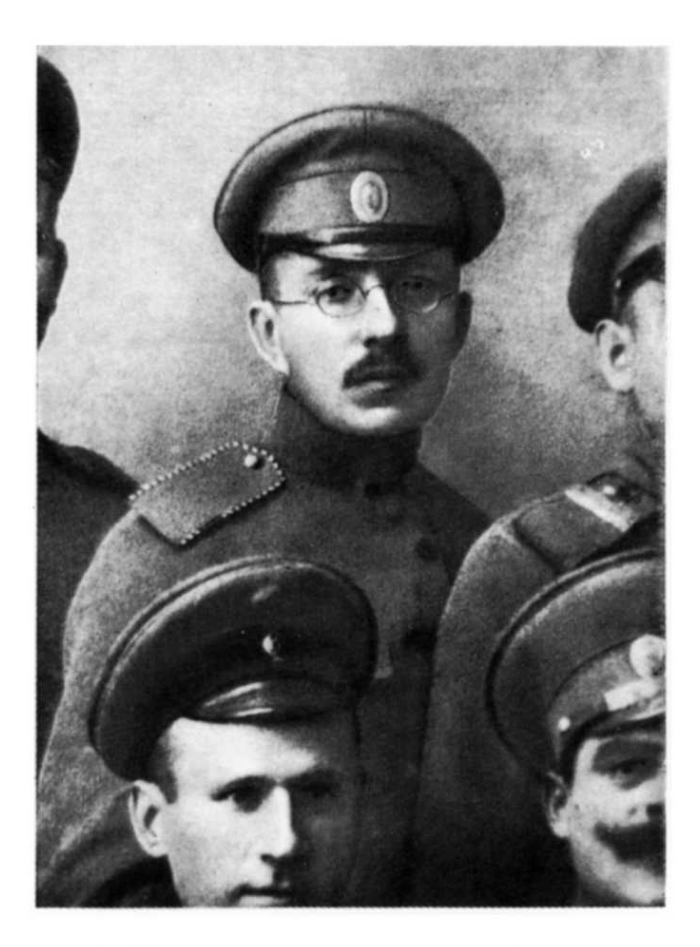
Впервые опубликовано в указанной выше публикации Н. Л. Поповой «Единомышленники в искусстве и жизни» (письма А. С. Макаренко к Н. В. Петрову) в сб.: Встречи с прошлым. М.: Советская Россия, 1982, вып. 4, с. 263—271. Печатается по архивному источнику.

Это письмо Н. В. Петрову Макаренко пишет уже из Москвы, где он проживал с февраля 1937 г.

Крюковские вагонные мастерские, на территории которых располагалось Крюковское начальное училище (фото 1899 г.).



Здание Полтавского учительского института, в котором А. С. Макаренко учился в 1914—1917 гг.



А. С. Макаренко в ополчении (конец 1916 г. — нач. 1917 г.).



А. С. Макаренко — инспектор Крюковского высшего начального железнодорожного училища (1918—1919 гг.).

А. С. Макаренко с Е. Ф. Григорович, первой воспитательницей колонии им. М. Горького (одной из первых награждена медалью А. С. Макаренко).



А. С. Макаренко (1921—1922).

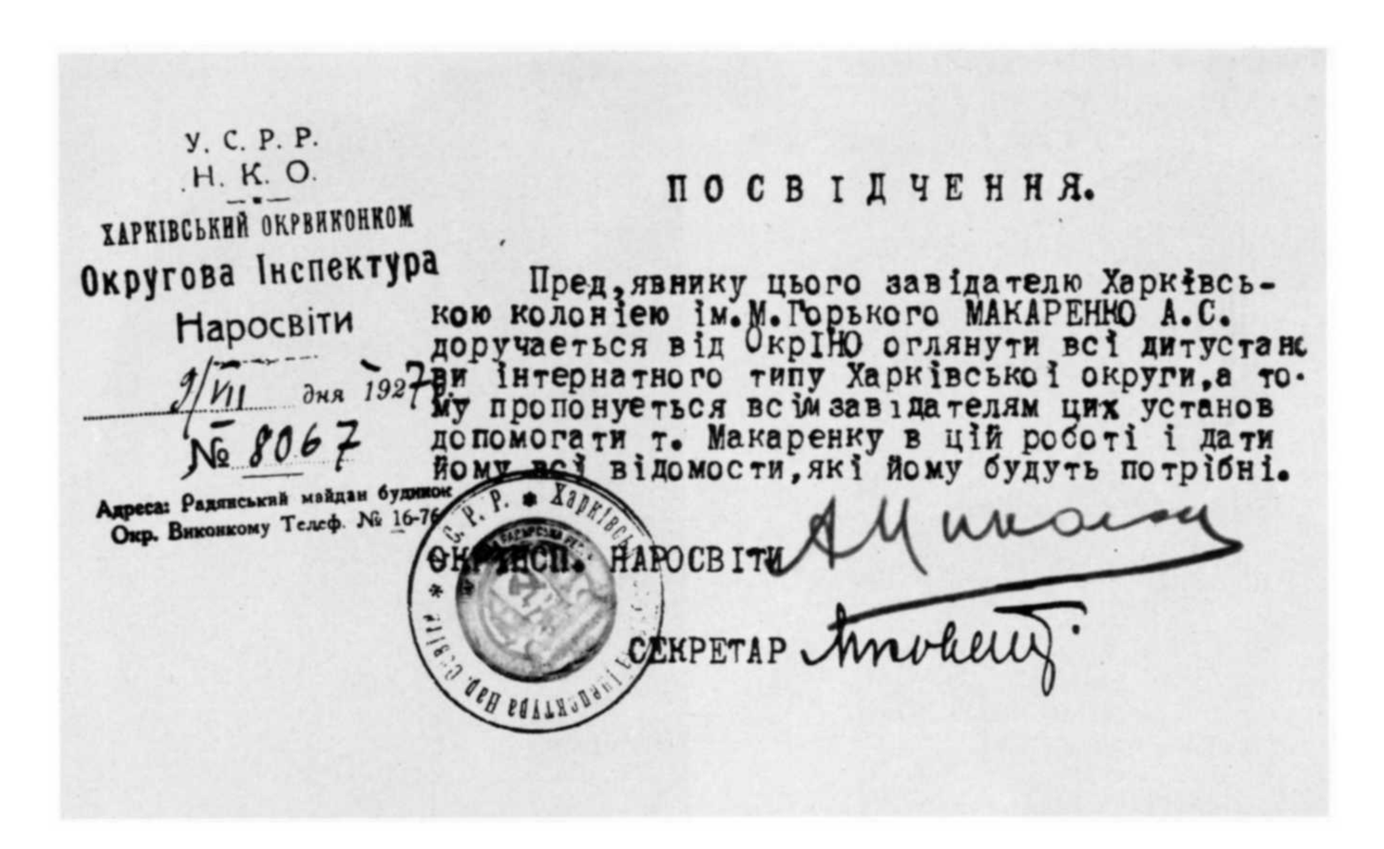


О. П. Ракович (работала в колонии им. М. Горького в 1923—1926 гг.).

Г. С. Макаренко в молодые годы.







У. С. Р. Р.
Н. К. О.

ХАРКІВСЬКИЙ ОКРВИКОНКОМ
Округова Інспектура
Наросвіти
9/VII дня 1927 р.
№ 8067

Адреса: Радянський майдан будинок
Окр. Виконкому Телеф. № 16-76

ПОСВІДЧЕННЯ.

Пред'явнику цього завідателю Харківською колонією ім. М. Горького МАКАРЕНКЮ А.С. доручається від ОкрІНО оглянути всі дитустанови інтернатного типу Харківської округи, а тому пропонується всім завідателям цих установ допомогати т. Макаренку в цій роботі і дати йому всі відомості, які йому будуть потрібні.

ОКРІНСП. НАРОСВІТИ

СЕКРЕТАР

Удостоверение А. С. Макаренко (1927).

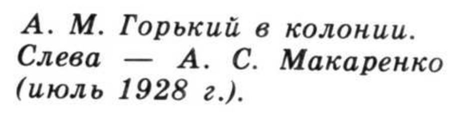


А. С. Макаренко (первый слева во втором ряду) с группой работников коммуны им. Ф. Э. Дзержинского и дежурным коммунаром (ориентировочно 1932 г.).



Знамя, врученное коммуне им. Ф. Э. Дзержинского коллегией ГПУ УССР (экспонат Педагогическо-мемориального музея А. С. Макаренко).





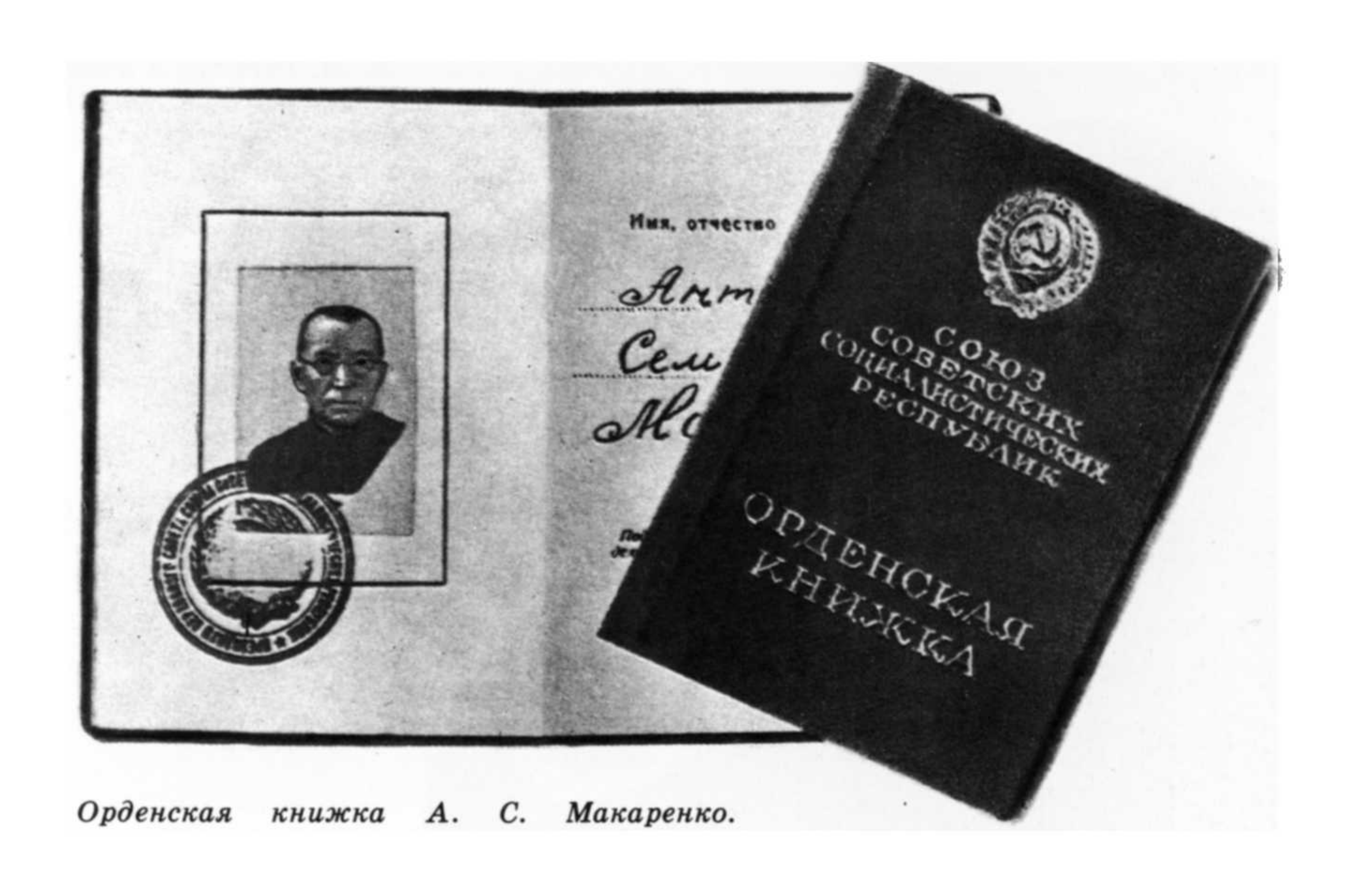
А. М. Горький в колонии. Слева — А. С. Макаренко (июль 1928 г.).

Первая страница письма А. С. Макаренко бывшему коммунару В. Г. Зайцеву (ныне журналист).

Киев, 14 марта 1936 г.

Дорогой Зайцев!

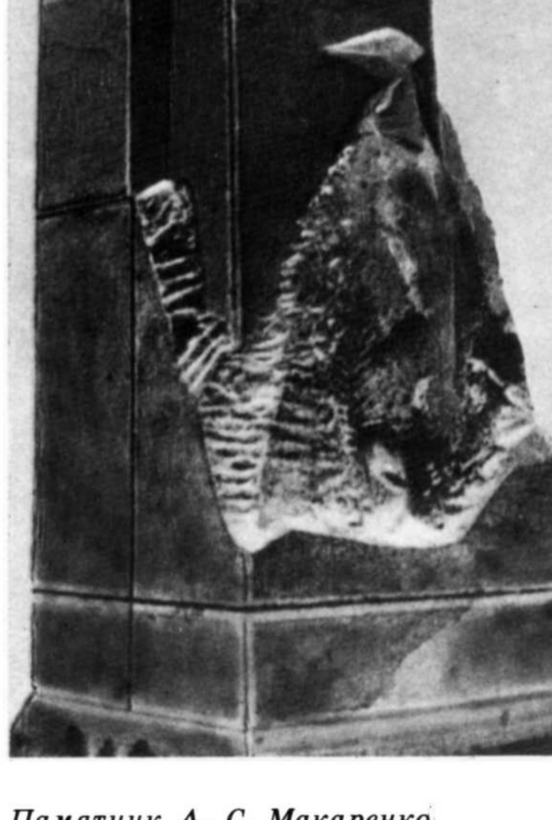
Я тоже очень жалею, что не успел поговорить с тобой. А в общем скажу: у тебя есть талант и не маленький, очень много хороших стихов, которые трогают и волнуют и наконец просто нравятся. К сожалению рядом с прекрасными строчками и между ними встречаются слабые, производящие впечатление каких-то временных, поставленных только для того, чтобы обозначить место, может быть с расчетом потом заменить другими, да так и оставшихся. Это нехорошо не только потому, что рябит впечатление, но главным образом потому, что разрушает стиль и целостность впечатления



Орденская книжка А. С. Макаренко.



Медаль А. С. Макаренко, которой награждаются лучшие учителя Украинской ССР.



Памятник А. С. Макаренко в г. Харькове.

АКАДЕМИЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ НАУК РСФСР

А. С. МАКАРЕНКО

ИЗБРАННЫЕ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

СТАТЬИ, ЛЕКЦИИ, ВЫСТУПЛЕНИЯ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
действительных членов Академии педагогических наук РСФСР
Е. Н. МЕДЫНСКОГО и И. Ф. СВАДКОВСКОГО

Составил доцент И. Ф. КОЗЛОВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ПРОСВЕЩЕНИЯ РСФСР
МОСКВА — 1946

Титульный лист первого издания Избранных педагогических произведений А. С. Макаренко (1946).



Директор Педагогическо-мемориального музея А. С. Макаренко П. Г. Лысенко (слева) с Е. Ф. Григорович (1966).

Здание Педагогическо - мемориального музея А. С. Макаренко в г. Кременчуге.

А. Ромицыну (7 февраля 1938)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 280. Печатается по архивному источнику.

А. Ромицыну (15 февраля 1938)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 280. Печатается по архивному источнику.

Н. Ф. Шершневу (20 февраля 1938)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 291. Публикуется по архивному источнику.

[1] *Захожай* — бывший коммунар. См. о нем т. 1 настоящего издания, с. 195.

[2] *Борискина К. Т.* — бывшая коммунарка. Прототип Клавы Кашириной в «Флагах на башнях». После коммуны окончила театральный институт и была артисткой Харьковского театра русской драмы.

[3] *Сыромятникова А.* — бывшая коммунарка. Изображена на одной из известных фотографий как дежурная с винтовкой при входе в коммуну. См.: фотоиллюстрации в т. 1 настоящего издания.

[4] *Ткачук И.* — бывший коммунар. Изображен на снимке в т. 6 настоящего издания с электрошлифовалкой в руках. Окончил театральный институт, был актером.

[5] *Джуринская П.* — бывшая коммунарка. Окончила исторический факультет Педагогического института. Активный член Педагогического общества в Алма-Ате, читает много лекций об А. С. Макаренко. См. о ней в т. 3 настоящего издания, с. 486. Ее воспоминания об А. С. Макаренко напечатаны в «Слове участникам марша», см.: *Макаренко А. С.* Марш 30 года, с. 240—246.

Л. Н. Разумовой (6 июня 1938)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 278. Опубликовано: А. С. Макаренко / Ред. кол.: Ф. И. Науменко (отв. ред.) и др. Кн. 9. Львов, 1974. Печатается по архивному источнику.

Дмитриеву (17 июля 1938)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 259. Адресовано, вероятно, читателю «Книги для родителей». Опубликовано Е. С. Долгиным: Макаренко советует родителям: (Из архива выдающегося педагога). М., 1970. Печатается по архивному источнику.

[1] Разрешение данного семейного конфликта А. С. Макаренко основывает на общем положении: счастливые дети воспитываются у счастливых родителей (т. 4 настоящего издания, с. 214).

[2] В данном случае учитывается один из главных педагогических принципов А. С. Макаренко: единство воспитательного процесса в коллективе. Наиболее благоприятные условия для воспитания создаются в условиях полной семьи, жизнь которой строится на любви родителей друг к другу, умении ее сохранить и чувстве ответственности за семью, воспитание детей (т. 4 настоящего издания, с. 59—65; т. 5, с. 246—250).

Т. В. Турчаниновой (14 августа 1938)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 287, л. 1, с об. Машинопись. Опубликовано с сокращениями Б. Волковым: Учительская газета, 1978, 11 марта. Полностью публикуется впервые.

А. К. Виноградову (14 августа 1938)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 257, л. 3, с об. Машинопись. Опубликовано: А. С. Макаренко /Ред. кол.: Ф. И. Науменко (отв. ред.) и др. Кн. 2. Львов, 1954. Печатается по архивному источнику с небольшими сокращениями.

Виноградов А. К. (1888—1946) — русский советский писатель, автор таких книг, как «Три цвета времени», «Осуждение Паганини», «Байрон» (в серии «Жизнь замечательных людей»), «Повесть о братьях Тургеневых», «Черный консул».

Н. Г. Шкляру (14 августа 1938)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 292. Авторская машинопись. Публикуется впервые.

[1] Имеются в виду статьи А. С. Макаренко «Проблемы воспитания в советской школе», опубликована в «Правде» 23 марта 1938 г. (см. т. 4 настоящего издания, с. 203—207), и «Воспитание характера в школе», опубликована в «Правде» 7 мая 1938 г. (см. т. 4 настоящего издания, с. 207—210).

Ф. С. Борисову (15 августа 1938)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 254, л. 1—2 об. Авторская машинопись. Впервые опубликовано: А. С. Макаренко / Ред. кол.: Ф. И. Науменко (отв. ред.) и др. Кн. 3. Львов, 1956. Печатается по архивному источнику. *Борисов Федор* — выпускник коммуны им. Ф. Э. Дзержинского, впоследствии инженер-механик. Погиб на фронте во время Великой Отечественной войны. (См. о нем т. 1, с. 195 и т. 3, с. 488 настоящего издания).

С. А. Калабалину (15 августа 1938)

Педагогическо-мемориальный музей А. С. Макаренко. Публикуется по данному источнику.

С. П. Вельяминовой (15 августа 1938)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 284. Авторская машинопись. Печатается по архивному источнику.

Н. Д. Соколовой (15 августа 1938)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 256. Печатается по архивному источнику.

А. М. Доленго (15 августа 1938)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 260. Публикуется по архивному источнику.

Л. Н. Разумовой (16 августа 1938)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 278, л. 2, с об. Впервые опубликовано: А. С. Макаренко Ред. кол.: Ф. И. Науменко (отв. ред.) и др. Кн. 9. Печатается по архивному источнику.

Ф. А. Дыбиной (16 августа 1938).

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 261, л. 1. Авторская машинопись. Публикуется впервые.

Адресовано в Ростов-на-Дону, читательнице «Педагогической поэмы». Такая переписка была для него одним из способов сбора материала из жизни для художественных и педагогических произведений.

А. Е. Коломийченко (16 августа 1938)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 267, л. 3. Публикуется по архивному источнику.

В. Н. Терскому (17 августа 1938)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 286. Публикуется по архивному источнику.

Терский В. Н. (1898—1965). Один из соратников А. С. Макаренко, которого он очень ценил, прототип Перского в «Педагогической поэме» и Маленького во «Флагах на башнях» (т. 6 настоящего издания, с. 105—106, 133—138, 142, 179 и др.), Кубанова в «Типах и прототипах» (т. 3 настоящего издания, с. 486). Работал в колонии им. М. Горького с 1926 г., а в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского с ее основания до 1939 г. Заслуженный учитель РСФСР. Последние 25 лет работал учителем в детских воспитательных учреждениях Подмосковья, Урала, Калининградской области.

Педагог огромной эрудиции и разносторонних умений, организатор в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского клубной работы в целом и руководитель многих кружков.

Свою многолетнюю учительскую деятельность В. Н. Терский сочетал с разработкой вопросов творческого использования и развития идей А. С. Макаренко, неоднократно выступал на конференциях и в печати. Основные его книги: «Игра. Творчество. Жизнь» и «Клубные занятия и игры в практике А. С. Макаренко».

В. М. Роот (24 августа 1938)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 281, л. 2. Публикуется по архивному источнику.

Н. Ф. Шершневу (7 сентября 1938)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 291. Впервые опубликовано Е. С. Долгиным: Литературная газета, 1976, 7 апр., с. 6. Материал раскрывает взаимоотношения А. С. Макаренко со своими воспитанниками. Печатается по архивному источнику.

[1] Видимо, имеется в виду работа А. С. Макаренко над романом «Ньютоновы кольца».

[2] Говорится, надо полагать, о П. П. Архангельском, одном из первых колонистов-горьковцев, некоторые черты которого отразились в собирательном образе Александра Задорова в «Педагогической поэме».

[3] Речь идет о С. А. Калабалине.

Л. В. Конисевичу (6 октября 1938)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 268. Публикуется по архивному источнику.

Конисевич Л. В. — бывший коммунар, один из активных участников коммунарского самоуправления. Один из первых коммунаров награжден орденом — за спасение испанских детей. Служил во флоте. Жил одно время на Камчатке. Последнее время, демобилизовавшись из военного флота, руководил детским круглогодичным лагерем (типа «Артека») под Киевом, в котором широко использовал наследие А. С. Макаренко, прежде всего о трудовом воспитании. А. С. Макаренко заметил его литературные способности и рекомендовал ему писать. Опубликованы его рассказы, а также книга о коммуне им. Ф. Э. Дзержинского «Большая семья». (См. о нем т. 1 настоящего издания, с. 196.)

С. А. и Г. К. Калабалиным (6 октября 1938)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 264. Впервые опубликовано: А. С. Макаренко / Ред. кол.: Ф. И. Науменко (отв. ред.) и др. Кн. 3. Львов, 1956. Печатается по архивному источнику.

В. Г. Зайцеву (6 октября 1938)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 262. Авторская машинопись с подписью-автографом. Публикуется по архивному источнику.

[1] «ПП» — «Педагогическая поэма».

Ф. А. Дыбиной (6 октября 1938)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332. оп. 4, ед. хр. 261. Печатается по архивному источнику.

Л. Н. Разумовой (6 октября 1938)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 278. Впервые опубликовано: А. С. Макаренко / Ред. кол.: Ф. И. Науменко и др. Кн. 9, 1974. Печатается по архивному источнику.

М. Непорожней (6 октября 1938)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 275, 2 л. Публикуется по архивному источнику.

Т. В. Турчаниновой (6 октября 1938)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 287, л. 3, с об. Опубликовано Б. Волковым: Учительская газета, 1978, 11 марта. Публикуется с сокращениями по архивному источнику.

А. Е. Коломийченко (6 октября 1938)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 267. Адресовано учительнице. Публикуется впервые.

О влиянии школы на семью через коллектив, через учеников, о воспитании у них ответственности за семью см. также т. 5 настоящего издания, с. 263; т. 4, с. 229 и др.

В. М. Роот (6 октября 1938)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 281. Печатается по архивному источнику.

Т. В. Турчаниновой (7 декабря 1938)

Отрывок письма опубликован в Учительской газете от 11 марта 1978 г.

М. Н. Меклер (25 октября 1938)

Отдел рукописных фондов Государственного литературного архива (ОФ-3238). Адресовано в Ленинград. Публикуется впервые.

В письме отражается взгляд А. С. Макаренко на положение женщины в семье, утверждается право женщины на полноценное существование, на сильный и благородный характер, личное достоинство. Протест против «самоущербления» матери см. в т. 5 настоящего издания, с. 258.

П. П. Архангельскому (25 октября 1938)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 252, л. 5. Впервые опубликовано Е. С. Долгиным: Литературная газета, 1976, 7 апр., с. 6. Печатается по архивному источнику.

Архангельский П. П. — После выпуска из колонии им. М. Горького и окончания вуза работал в Средней Азии по мелиорации. Кандидат технических наук. Умер в Клину в 1984 г.

В. Н. Колбановскому (12 ноября 1938)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332. оп. 4, ед. хр. 266. В сокращении опубликовано Л. Ю. Гординым и Е. С. Долгиным: Литературная газета, 1976, 7 апр., с. 7. Печатается по архивному источнику.

Адресовано В. Н. Колбановскому, известному советскому психологу, который одним из первых среди ученых-психологов и педагогов выступил в поддержку педагогической деятельности А. С. Макаренко. См. его статьи: Поэзия педагогики. — Красная новь, 1935, кн. 10; Поэма о воспитании. — Правда, 1935, 25 мая; и др.

[1] Говорится о Г. С. Макаренко.

[2] Повесть «Флаги на башнях» была опубликована в 1938 г. в журнале «Красная новь», № 6, 7, 8.

[3] Первой такой попыткой явилась повесть «Честь», опубликованная в конце 1937 — начале 1938 г. А. С. Макаренко работал над несколькими произведениями: «Ньютоновы кольца» (роман), «Пути поколения», «Человек» и др.

Л. Н. Разумовой (7 декабря 1938)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 278, л. 4. Печатается по архивному источнику.

Л. В. Конисевичу (7 декабря 1938)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 268. Публикуется по архивному источнику.

Т. П. Чапской (7 декабря 1938)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 288. Публикуется по архивному источнику.

В. С. Барсукову (7 декабря 1938)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 253. Впервые опубликовано: Макаренко советует родителям: (Из архива выдающегося педагога). М., 1970. Печатается по архивному источнику.

Розиной (7 декабря 1938)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 279. Авторская машинопись. Публикуется по архивному источнику.

Александровой (7 декабря 1938)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 249, л. 1. Авторская машинопись. Печатается по архивному источнику.

Л. Н. Разумовой (30 декабря 1938)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 278. Впервые опубликовано: А. С. Макаренко / Ред. кол.: Ф. И. Науменко. Кн. 9. Львов, 1974. Печатается по архивному источнику.

В. П. Захаржевскому (11 января 1939)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 263. В. П. Захаржевский — врач, друг А. С. Макаренко. В сокращении опубликовано Е. С. Долгиным: Литературная газета, 1976, 7 апр., с. 6. Печатается по архивному источнику.

Л. Н. Разумовой (11 января 1939)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 278. Впервые опубликовано: А. С. Макаренко / Ред. кол.: Ф. И. Науменко и др. Кн. 9. Львов, 1974. Печатается по архивному источнику.

С. А. Калабалину (январь 1939)

Педагогическо-мемориальный музей А. С. Макаренко. Авторская машинопись. Публикуется по данному источнику.

[1] Приказом по Винницкому облоно С. А. Калабалин был назначен инспектором-консультантом по детским домам Винницкой области.

[2] Говорится об отрицательном персонаже «Педагогической поэмы», имеется в виду и статья А. Бойма «Откровения Макаренко» (Комсомольская правда, 1938, 2 дек.).

С. А. Калабалину (2 февраля 1939)

Педагогическо-мемориальный музей А. С. Макаренко. Авторская машинопись. Публикуется по данному источнику.

Из письма О. П. Ракович (13 марта 1939)

Впервые опубликовано с сокращением на украинском языке К. М. Ширяевой и Н. Н. Окса в статье «Спасибо, что Вы живете на свете» (страница из биографии А. С. Макаренко). — Вечірній Харків, 1985, 8 июня. Печатается по данной публикации, пер. с укр. яз. Н. Н. Окса.

О. П. Ракович (28 марта 1939)

Печатается по источнику, хранящемуся в семье О. П. Ракович. Материал представлен К. М. Ширяевой.

С. А. Калабалину (28 марта 1939)

Педагогическо-мемориальный музей А. С. Макаренко. Авторская машинопись. Целиком публикуется впервые.

[1] *Тимочка* — Тимофей Денисович Татаринов (1894—1954), сотрудник А. С. Макаренко по колонии им. М. Горького и коммуне им. Ф. Э. Дзержинского с лета 1925 г., один из заместителей А. С. Макаренко по учебно-воспитательной части. Кроме педагогического имел инженерное образование. После преобразования коммуны им. Ф. Э. Дзержинского остался на заводе и участвовал в его эвакуации в 1941 г. См. его воспоминания об А. С. Макаренко «Командиры станков» в кн.: *Макаренко А. С.* Марш 30 года. М., 1967, с. 236—238.

Перазич (28 марта 1939)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 277. Автограф А. С. Макаренко. Публикуется по архивному источнику.

Дорофееву (31 марта 1939)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 300. На другой день, 1 апреля 1939 г., А. С. Макаренко скончался. Публикуется впервые.

II. Документы биографического характера

Аттестат А. С. Макаренко
(с. 116)
Печатается по фотокопии документа, опубликованной в изд.: *Лысенко П. Г., Убийвовк И. С.* Антон Семенович Макаренко у документах, фотографiях, iлюстрацiях. Київ, 1969, табл. 5.

Свидетельство
(с. 117)
Печатается по фотокопии документа, опубликованной в изд.: *Лысенко П. Г., Убийвовк И. С.* Антон Семенович Макаренко у документах, фотографiях, iлюстрацiях, табл. 6. Копия, написанная рукой А. С. Макаренко. Слева по полю: № 423.

Формулярный список о службе
(с. 117)
ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 354, л. 1—2. Заполненный от руки типографский бланк, с подписями-автографами. Публикуется впервые.

Подписка
(с. 118)

Печатается по фотокопии документа, опубликованной в изд.: *Лысенко П. Г., Убийвовк И. С.* Антон Семенович Макаренко у документах, фотографiях, iлюстрацiях, табл. 11.

Характеристика...
(с. 118)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 348. Машинопись, без даты, с автографом: «С подлинным верно. А. Макаренко». Печатается по архивному источнику.

Аттестат
(с. 119)

Печатается по тексту, представленному Педагогическо-мемориальным музеем А. С. Макаренко. Заполненный стандартный бланк. На первой странице слева по полю проставлен № 685. Целиком публикуется впервые.

Удостоверение А. С. Макаренко-учителя
(с. 120)

Печатается по фотокопии документа, опубликованной в изд.: Антон Семенович Макаренко: Життя, творчiсть у документах, фотографiях, iлюстрацiях / Сост. П. Г. Лысенко, И. С. Убийвовк; Отв. ред. Н. П. Нежинский. Київ, 1978, с. 40. На документе штамп и печать училищного отдела.

Уведомление Полтавской городской управы
(с. 120)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 360, л. 1. Автограф, с подписями-автографами и штампом: «Полтавская городская управа» исх. № 202. Публикуется впервые.

О своем переезде из Крюкова в Полтаву А. С. Макаренко в 1922 г. писал: «Приход деникинцев и разрушение ими школы и ее отдельных трудовых организаций заставили меня в августе 1919 г. переехать в Полтаву» (т. 1 настоящего издания, с. 8). Город Кременчуг и его пригород (посад) Крюков были захвачены деникинцами 10 августа 1919 г. (Город Полтава освобожден Красной Армией и партизанами 10 декабря 1919 г., г. Кременчуг — 20 декабря этого года.) Акт о сдаче имущества Крюковского высшего железнодорожного училища инспектором этого училища А. С. Макаренко новому исполняющему обязанности инспектора от 20 сентября 1919 г. см.: ф. 332, оп. 4, ед. хр. 361, л. 1.

Мандат А. С. Макаренко-депутата
(с. 121)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 351, л. 2. Заполненный стандартный бланк с угловым штампом и печатью Совета рабочих и красноармейских депутатов г. Полтавы, № 488. Укр. яз. Пер. В. К. Андриенко. Публикуется по архивному источнику.

Записка заведующего дорожным отделом Южной железной дороги
(с. 121)

ЦГА РСФСР, ф. 7954, оп. 2, ед. хр. 266, л. 6. Автограф, без указания года. На обратной стороне имеется адресованная А. С. Макаренко запись другого лица на украинском языке 22 июля 1922 г. с извинением за позднюю передачу записки: не было случая с кем-либо ее передать, а также было известно, что А. С. Макаренко не поедет в Харьков. Публикуется впервые.

Письмо Комитета мастеровых Крюковских вагонных мастерских
(с. 121)

ЦГА РСФСР, ф. 7954, оп. 2, ед. хр. 266, л. 7. Автограф, с печатью Комитета вагонных мастерских ст. Крюков. С сокращением опубликовано: *Дементьева А., Токарев Ю.* Новые документы о Макаренко. — Нева, 1955, № 8, с. 173—174. Полностью публикуется впервые.

[1] *Мастком* — говорится о Комитете мастеровых Крюковских вагонных мастерских.

[2] *Доркультран* — имеется в виду, вероятно, отдел культуры на транспорте в Управлении Южной железной дороги.

Письмо-рекомендация Полтавского губнаробраза
(с. 122)

ЦГА РСФСР, ф. 7954, оп. 2, л. 2, с об. Машинопись, с подписями-автографами, угловым штампом и печатью Полтавского губернского отдела народного просвещения. Полностью публикуется впервые.

Из протокола заседания малого президиума Полтавского окружного исполнительного комитета
(с. 122)

ПОГА, ф. Р-363, оп. 1, д. 56, л. 94, с об. Машинопись. Укр. яз. Пер. В. К. Андриенко. Публикуется впервые.

[1] О достижениях работы в коммуне им. М. Горького за первое пятилетие см. «Очерк о работе Полтавской колонии им. М. Горького» в т. 1 настоящего издания, с. 44—53, 340—341.

Мандат А. С. Макаренко
(с. 122)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 367, л. 1. Машинопись, с подписями-автографами, фамилия Макаренко и «вместе с Довгополюком» записаны от руки. Укр. яз. Пер. В. К. Андриенко. Публикуется впервые.

[1] Довгополюк — тогда заведующий Ахтырским детским городком.

Удостоверение А. С. Макаренко
(с. 123)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 367, л. 2. Машинопись, с подписями-автографами на украинском языке, с угловым штампом и печатью Харьковской окружной инспектуры наробраза. Пер. В. К. Андриенко. Публикуется впервые.

[1] А. С. Макаренко, видимо, предполагал в «Педагогической поэме» отразить черты А. Миколюка в образе Лелюка. См.: т. 3 настоящего издания, с. 486.

Из протокола заседания президиума Харьковского окрисполкома
(с. 123)

ХОГА, ф. Р-845, оп. 3, д. 3401, л. 369. Машинопись, на стандартном бланке, с подписью-автографом С. Канторовича, адресовано в колонию им. М. Горького. Укр. яз. Пер. В. К. Андриенко. Публикуется впервые.

27 июля 1927 г. на заседании Президиума Харьковского окрисполкома было принято решение: «Категорически предложить окринспектуре народного образования немедленно возложить на тов. Макаренко управление всеми детгородками и колониями». Зав. окринспектурой А. Миколюку было предложено на ближайшем заседании Президиума ОИКа доложить «о плане управления детгородками и мерах по упорядочению их состояния» (ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 368, л. 1).

По данному вопросу см. «Проект организации трудового детского корпуса Харьковского округа» в т. 1 настоящего издания, с. 55—62, 342—343.

Автобиография А. С. Макаренко
(с. 124)

Печатается по фотокопии документа, опубликованной в кн.: А. С. Макаренко / Отв. ред. Ф. И. Науменко. Львов, 1978, вкладка фотоиллюстраций. Автограф А. С. Макаренко. Документ не датирован, дается по последней дате. Вероятно, автобиография написана при оформлении на работу в коммуну им. Ф. Э. Дзержинского.

Приветственный адрес Антону Семеновичу Макаренко
(с. 124)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 391, л. 1—2 об. Написано тушью от руки печатными буквами, с первой заглавной буквой — заставкой. Кожаный переплет с золотым тиснением, с металлической эмблемой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского и текстом: «1927—1931. Дорогому Антону Семеновичу Макаренко от коммунаров-дзержинцев». За текстом адреса, на с. 3 и 4, следуют подписи-автографы сотрудников и воспитанников коммуны. Различаются фамилии: Тулецкая, В. Клюшник, В. Токаренко, Панов, Харланова, Вехова, Сопин, Белостоцкий, Сторчакова, Татаринов, В. Терский, Бобина, Джуринская, Соколова, Редина, Носик, Акимов, Лазарева, Н. Пащенко, В. Жмудский, В. Козырь, Герцкович, Клямер, Мельник, Ткачук, Яновский, Анисимов, П. Куслий, В. Камардинов, С. Коган и др., всего 99 подписей. Публикуется впервые, с небольшими сокращениями.

Грамота (ГПУ УССР)
(с. 125)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 397, л. 1. Грамота изготовлена типографским способом,

украшена рамкой-орнаментом и изображением звезды на фоне знамени, украинский язык, с подписью-автографом и печатью Главного Политического Управления при Совете Народных Комиссаров УССР. Фотокопия опубликована: Антон Семенович Макаренко. Життя, творчість у документах, фотографіях, ілюстраціях / Сост. П. Г. Лысенко, И. С. Убийвовк; Отв. ред. Н.П. Нежинский, с. 109. Пер. В. К. Андриенко. На русском языке публикуется впервые.

Грамота (Правление трудкоммуны им. Ф. Э. Дзержинского)
(с. 126)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 397, л. 2. Заполненный от руки типографский бланк грамоты, с изображением Ф. Э. Дзержинского и подписями-автографами. Фотокопия опубликована: Антон Семенович Макаренко: Життя і творчість у документах, фотографіях, ілюстраціях / Сост. П. Г. Лысенко, И. С. Убийвовк; Отв. ред. Н. П. Нежинский, с. 109. Как текстовой материал публикуется впервые.

Грамота (Наркомпрос УССР)
(с.. 126)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 397, л. 4. Типографский текст (включая и фамилию, имя, отчество А. С. Макаренко) на украинском языке, с подписями-автографами. Фотокопия опубликована в изд.: Антон Семенович Макаренко: Життя, творчість у документах, фотографіях, ілюстраціях / Сост. П. Г. Лысенко, И. С. Убийвовк; Отв. ред. Н. П. Нежинский, с. 109. Без даты, по содержанию документ может быть отнесен не ранее апреля 1932 г. См. также грамоту, выданную от имени Комиссии по борьбе с детской беспризорностью, за подписью А. О. Броневого: ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 397, л. 3. Укр. яз. Пер. А. А. Фролова. На русском языке публикуется впервые.

Приказ по Детской трудовой коммуне НКВД УССР им. Ф. Э. Дзержинского
(с. 126)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 416, л. 1. Машинопись. Публикуется впервые с сокращением.

Удостоверение А. С. Макаренко-депутата
(с. 127)

Опубликовано в кн.: А. С. Макаренко / Отв. ред. Ф. И. Науменко. Львов, 1978, вкладка фотоиллюстраций. На левой стороне удостоверения фото А. С. Макаренко и его личная подпись. Укр. яз. Пер. А. А. Фролова.

[1] Говорится о Дзержинском райсовете г. Харькова.

Из Указа Президиума Верховного Совета СССР «О награждении советских писателей»
(с. 127)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 83, л. 45 (вырезка из «Литературной газеты», 1939, 5 февр.). Публикуется по архивному источнику.

Заявление А. С. Макаренко о приеме в кандидаты в члены ВКП(б)
(с. 127)

Рукописный отдел ИМЛ им. А. М. Горького АН СССР, ф. 114, оп. 1, ед. хр. 5, л. 1. Фотокопия документа опубликована на форзаце издания: *Макаренко А. С.* Избр. пед. соч.: В 2-х т. Т. 1. М., 1977.

Из протокола заседания партийного комитета Союза советских писателей
(с. 128)

Рукописный отдел ИМЛ им. А. М. Горького АН СССР, ф. 114, оп. 1, ед. хр. 5, б/л. Публикуется впервые.

III. Материалы педагогической и литературной деятельности А. С. Макаренко

Заведующему отделом снабжения губнаробраза
(с. 129)

ПОГА УССР, ф. Р-1503, оп. 1, л. 23. Автограф, с записью на штампе, сделанной А. С. Макаренко: «Колония малолетних», регистрационный № 290. Имеется резолюция от 25 марта: «В губисполком. Гос. упр. снабжения просит выдать мандат т. Макаренко на отобрание в связи с расхищением инструмента». Опубликовано в переводе на укр. яз. в сб.: «Полтавці про А. С. Макаренка / Отв. ред. Е. М. Рижило. Киев, 1968, с. 7. На русском языке публикуется впервые.

[1] *Комнезаможн* на Украине — то же, что комбеды, комитеты бедноты в РСФСР.

Через труд и самоорганизацию — к новой жизни
(с. 129)

Впервые опубликовано Н. Ярмаченко с некоторыми сокращениями в переводе с укр. яз. в «Учительской газете» (1985, 13 июля) по журналу «Работник освіти» (1925, с подписью «Макар»). Текстологический анализ и сопоставление статьи с другими авторскими материалами А. С. Макаренко (1924—1925) позволяют считать, что этот материал написан им в начале 1925 г. Печатается по указанной публикации.

Статья существенно дополняет фонд первых публикаций А. С. Макаренко, уточняет представление о начальном этапе его педагогической деятельности в колонии им. М. Горького. Однако в конце 1925 г. А. С. Макаренко довольно критически высказывался об идее «самоорганизации» (см. т. 1 настоящего издания, с. 49).

[1] Как показывают документы, ремонт колонии осуществлялся с использованием государственных средств Наркомпроса УССР.

[2] Далее говорится, что колония не получает кредитов для ведения хозяйства как соцвосовское учреждение, находящееся на госбюджете.

О патронировании
(с. 132)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 97, л. 64—65 об. Фрагмент неизвестной работы А. С. Макаренко, наименование и дата отсутствуют. Предположительно материал может рассматриваться как часть проекта А. С. Макаренко о патронировании, представленного им в Харьковский окрисполком. По тексту и другим документам может быть отнесен к концу 1927 г. Название дано А. А. Фроловым. Публикуется впервые.

Выпуск, жизненное устройство выпускников А. С. Макаренко рассматривал как очень важную проблему, влияющую на воспитательный процесс в коллективе. Макаренковский проект предусматривает патронирование самим детским домом, что значительно повышает роль коллектива, его ценность для воспитанника.

[1] Говорится о «пропускной способности» детского учреждения, обновлении его состава.

В Президиум Харьковского окрисполкома
(с. 134)

ХОГА УССР, ф. Р-854, оп. 2, д. 6, л. 5—6. Автограф А. С. Макаренко. Публикуется впервые.

Соображения о детской трудовой коммуне им. Ф. Э. Дзержинского
(с. 135)

Гос. архив г. Харькова, ф. Р-4, оп. 1, д. 85, л. 1. Сопроводительное письмо, составленное А. С. Макаренко, для обсуждения основных документов организуемой коммуны. См. подробнее в комментарии к «Операционному плану педагогической работы трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского», данный том, с. 236—237.

Операционный план педагогической работы трудовои коммуны им. Ф. Э. Дзержинского
(с. 136)

Гос. архив г. Харькова, ф. Р-4, оп. 1, д. 85, л. 6—9, с об. Машинопись, с подписью-автографом А. С. Макаренко, без даты. По содержанию и смежным документам датируется не ранее 3 февраля и не позднее 8 февраля 1928 г. Имеет надзаголовок: «Проект». Документ выявлен Н. Н. Окса. Им впервые сообщено об этом документе в статье: А. С. Макаренко как учитель. — Азербайджан мектеби, 1983, № 6, с. 40—44 (азерб. яз.). На русском языке такое сообщение впервые сделано: *Науменко Ф. И.* Находки Харьковского архива. — Учительская газета, 1983, 14 июля. Они же являются соавтором данного комментария. Фрагменты документа опубликованы А. С. Макаренко в Харькове: Метод. рек. / Разраб. Л. Д. Поповой и др. Харьков, 1983. Полностью опубликовано впервые в изд.: *Макаренко А. С.* Избр. пед. произв.: в 3-х т. Т. 3 / Ред. кол.: Н. Д. Ярмаченко и др. Киев: Радянська школа, 1984.

Как памятник Ф. Э. Дзержинскому 29 декабря 1927 г. в Харькове было официально открыто педагогическое учреждение для беспризорных детей. Первоначально коллектив воспитанников состоял из 60 колонистов-горьковцев. Педагогический персонал был взят также из колонии им. М. Горького во главе с А. С. Макаренко, который в это время продолжал заведовать колонией горьковцев, а также руководил управлением детдомов, колоний и учреждений для рабочих подростков Харьковского округа.

Правление коммуны, считая, что она должна «воплотить в себе все достижения марксистской науки по социальному воспитанию», организовало широкое обсуждение публикуемого документа и «Конституции» Трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского» (см. «Конституция...», с. 145—151 данного тома). Эти материалы были направлены в Наркомпрос УССР и НИИ педагогики Украины с просьбой ознакомиться с коммуной и практически; обсуждение должно было состояться в виде доклада-диспута А. С. Макаренко. (Сопроводительное письмо от 8 февраля 1928 г., см. на с. 135—136 данного тома.) Это обсуждение А. С. Макаренко со своей стороны рассматривал и как попытку проверить разработанную им систему воспитания в плане общих проблем соцвоса (см. с. 137 данного тома).

4 февраля «Конституция...» была утверждена правлением коммуны. При обсуждении проекта А. С. Макаренко на совете (правлении) коммуны некоторые его положения оказались спорными. Полемика возникла и при обсуждении макаренковских материалов в НИИ педагогики 13 марта. 14 марта обсуждение было продолжено на заседании секции социального воспитания НИИ педагогики совместно с представителями НКП УССР и правления коммуны. Доклад А. С. Макаренко на этом заседании с разъяснением отдельных спорных мест публикуемого материала см. в т. 1 настоящего издания, с. 69—80. В результате обсуждения было принято постановление: комиссии в составе И. А. Соколянского, А. И. Попова и А. С. Макаренко выработать резолюцию, отражающую мнение НИИ (стенограмму заседания см.: ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 145).

Выражение «операционный план» связано с введением А. С. Макаренко в теорию и практику воспитания понятия «педагогическая операция». См. комментарий к публикуемым в данном томе «Замечаниям к акту обследования...», п. 9, с. 241.

[1] Говорится о педсовете коммуны им. Ф. Э. Дзержинского.

[2] Имеются в виду Будянская, Дергачевская и Нежинская детские колонии (или коммуны, детдома), успешно перешедшие на воспитательную систему колонии им. М. Горького в период объединения интернатных детских учреждений Харьковского округа под руководством А. С. Макаренко с августа 1927 г. (он был освобожден от этой работы 20 февраля 1928 г.).

[3] Отмечаются, вероятно, не только хорошие материально-бытовые условия, но и то, что коммуна им. Ф. Э. Дзержинского предназначалась для беспризорных детей (а не для в основном несовершеннолетних правонарушителей, как колония им. М. Горького).

[4] Подразумевается НКП УССР.

[5] Судя по сказанному выше и ниже, говорится о рабочем классе.

[6] Основополагающую в теории и методике коммунистического воспитания проблему коллектива А. С. Макаренко разрабатывал в борьбе с представлением о коллективе как о механической совокупности индивидов, их межличностных отношений. Он указывал на порочность трактовок, которые «определяют социальное единство в функциях личности» (т. 1 настоящего издания, с. 175—176), отождествляют коллектив с «группой соседей», «потребительской групповой позицией» (см. там же, с. 176, т. 7, с. 208, а также с. 139 данного тома).

[7] Говорится о детских городках, больших детских колониях.

[8] Данное положение — указание на одну из сторон макаренковского метода параллельного действия, при котором его сущность (педагогическое руководство) реализуется при максимальной самодеятельности и самостоятельности воспитанников и их формальном равенстве со старшими, педагогами в едином трудовом воспитательном коллективе педагогического учреждения (см. т. 1 настоящего издания, с. 323—324).

[9] Это положение действовало лишь во время рабочего дежурства воспитателей-учителей, когда они трудились вместе с воспитанниками, формально подчиняясь командиру отряда, что было также одним из проявлений метода параллельного действия.

[10] Имеется в виду, что педсовет координирует свои действия с общим собранием как главным органом самоуправления коллектива. (О функциях педсовета по руководству коллективом см. т. 1 настоящего издания, с. 43.)

[11] Речь идет об отрядах по самообслуживанию (см. с. 146—149 данного тома).

[12] В дальнейшем А. С. Макаренко стал употреблять более точное выражение: «суверенитет коллектива», — имея в виду его относительную самостоятельность и ценность на основе принципиального единства интересов социалистического общества, коллектива и личности (см. т. 1 настоящего издания, с. 176 и др.).

[13] Имеется в виду наказание, как это видно по тексту ниже и по объяснению А. С. Макаренко этого выражения (см. т. 1 настоящего издания, с. 76).

[14] *Аркадия* — область в центральной части Пелопоннеса (Греция). В античной литературе и позднее изображалась райской страной (счастливая страна).

[15] О наказании в форме ареста см. т. 4 настоящего издания, с. 159—160 и др.

[16] Говорится, вероятно, о комсомольской организации коммуны.

[17] *ВУЦИК* — Всеукраинский Центральный Исполнительный Комитет.

[18] Коммуна им. Ф. Э. Дзержинского первоначально имела не только мастерские, но и участок для сельхозработ в 5 десятин.

[19] Говорится о списках коммунаров, в которых отражался «командирский стаж», т. е. пребывание на должности командира отряда.

[20] Речь идет о недопустимости изменений в «Конституции» коммуны педсоветом без соответствующего решения всего коллектива.

[21] О работе воспитателя см. в т. 1 настоящего издания, с. 320—328.

[22] О проблеме соотношения интереса, долга и любви как фундаментальных начал воспитания см. также в т. 5 настоящего издания, с. 246—250, 264.

[23] Как видно по сказанному ниже, говорится о «переживании долга».

[24] А. С. Макаренко принял участие во Всероссийской конференции работников детских домов (ноябрь 1927 г.). Текст его выступления еще не известен исследователям. Отчет о конференции см.: На путях к новой школе, 1927, № 12.

[25] Здесь подразумеваются, вероятно, правовые отношения формирующейся личности.

[26] О стиле, тоне воспитания в коллективе см. также т. 4 настоящего издания, с. 192—203.

«Конституция» трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского
(с. 145)

Гос. архив г. Харькова, ф. Р-4, оп. 1, д. 85, л. 2—5. Машинопись, датирована 4 февраля 1928 г. Имеет надзаголовок: «Проект». Документ выявлен Н. Н. Окса. Впервые сообщения о нем сделаны: *Окса Н. Н.* А. С. Макаренко как учитель. — Азербайджан мектеби, 1983, № 5, с. 40—44 (азерб. яз.); *Науменко Ф. И.* Находки Харьковского архива. — Учительская газета, 1983, 14 июля. Окса Н. Н. и Науменко Ф. И. являются соавторами данного комментария. Фрагменты документа опубликованы: А. С. Макаренко в Харькове: Метод. рек. / Разраб. Л. Д. Поповой и др. Харьков, 1983. Впервые полностью опубликовано в изд.: *Макаренко А. С.* Избр. пед. произв.: В 3-х т. Т. 3 / Ред. кол.: Н. Д. Ярмаченко и др. Киев: Радянська школа, 1984.

«Конституция» как письменно оформленный свод правил и традиций жизнедеятельности коллектива, его функционирования сформировалась в колонии им. М. Горького к началу

1927 г. на основе длительного творческого опыта коллектива, с учетом особенностей его развития. «Конституцию страны ФЭД» (1932) см. в т. 1 настоящего издания, с. 149.

[1] Говорится об очередности получения воспитанниками тех предметов быта, которых еще недоставало.

[2] Имеется в виду ответственный за экономию электроосвещения.

[3] Речь идет, очевидно, о разном времени для разных групп коммунаров.

[4] Обычно это были фуражки с красным верхом.

[5] В журнале дежурный воспитатель в свободной форме записывал свои наблюдения о коммуне, коммунарах.

[6] Отточие в оригинале.

О выпуске воспитанников коммуны при достижении ими 16-летнего возраста.
(с. 151)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 97, л. 55. Авторская машинопись, фрагмент недатированного доклада А. С. Макаренко о дальнейшем развитии коммуны, предшествующий разделу «Сокращение расходов» (см. т. 1 настоящего издания, с. 94). Ориентировочно относится к июлю 1928 г. Заголовок дан А. А. Фроловым. Публикуется впервые.

О педагогической теории и практике (фрагмент)
(с. 152)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 97, л. 8 об. Авторская машинопись, без заголовка. Наименование дано А. А. Фроловым. Материал не датирован. Может быть отнесен ко времени не позднее 1928 г. Публикуется впервые.

Публикуемый документ — фрагмент какой-то педагогической работы А. С. Макаренко. По проблематике близок к материалу, опубликованному в т. 1 настоящего издания под названием «О некоторых проблемах теории и практики воспитания» (с. 80—90).

[1] *Рефлексология* — биологизаторское направление в русской психологии начала XX в. Идеи рефлексологии способствовали распространению среди части педагогов 20-х гг. (в особенности среди педологов) механистического понимания поведения детей как реакции организма на внешние раздражения. А. С. Макаренко критиковал попытки рефлексологической трактовки педагогических проблем, указывая на необходимость раскрытия социально-классовой сущности процесса воспитания, роли сознания в формировании личности (см. т. 4 настоящего издания, с. 172—173).

[2] Говорится, очевидно, о применявшейся в 1922—1931 гг. в советской школе комплексной системе обучения, которая практиковала новые методы учебной работы, направленные на преодоление формализма и схоластики — наследия дореволюционной педагогики. Связывая школу с жизнью и трудом, комплексные программы не обеспечивали систематических знаний и навыков. Обучение по комплексным темам имело место в колонии им. М. Горького с конца 1922 г. и продолжалось до 1926 г. и, возможно, далее. Эта работа вскоре стала сочетаться с организацией подготовительных к рабфаку учебных групп, работавших по особой программе.

В педагогический совет трудкоммуны им. Ф. Э. Дзержинского
(с. 153)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 380. Докладная записка адресована педагогическому совету коммуны им. Ф. Э. Дзержинского. Судя по содержанию, относится к августу 1930 г. Подписано руководителем клубной работы В. Н. Терским. Опубликовано впервые под названием «О направлении и формах клубной работы» в т. VII 7-томного Соч. А. С. Макаренко, с. 473—479.

О присоединении колонии им. М. Горького к коммуне им. Ф. Э. Дзержинского
(с. 159)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 399. Машинопись. Опубликовано впервые в т. VII 7-томного Соч. А. С. Макаренко, с. 479.

Один день коммуны
(с. 160)

Опубликовано в т. II 7-томного Соч. А. С. Макаренко, с. 414—420.

Выступление А. С. Макаренко на совете командиров коммуны им. Ф. Э. Дзержинского 22 февраля 1933 г.
(с. 165)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 383, л. 37—38. Машинопись, протокол № 9, секретарь совета командиров Анисимов. Вероятно, стенографическая запись. Публикуется впервые.

Запись содержит выступления А. С. Макаренко по трем вопросам: заявления коммунаров Стреляного и Крымского об увольнении их из коммуны; о задержке зарплаты коммунаров; об изменении распорядка дня для IV курса рабфака, так как педсовет ввел этому курсу 6 уроков ежедневно. Совет командиров постановил: Стреляному объявить выговор и оставить в коммуне; поручить А. С. Макаренко организовать подготовку Стреляного к поступлению в институт. Крымского из коммуны уволить, выдав его сбережения в сберкассе и предупредив, что возвращение его в коммуну невозможно.

Обсуждение вопроса о задержке зарплаты превратилось в широкое обсуждение недостатков организации и учета труда коммунаров. Записано 16 кратких выступлений, с конкретными фактами и предложениями. Принято постановление из 7 пунктов. Заявление IV курса с просьбой о переносе их учебных занятий на I смену и утреннем подъеме в 5 ч 40 мин было удовлетворено («за» проголосовали 16 человек, «против» — 9). Выступление А. С. Макаренко на совете командиров по поводу проступка коммунара см. также: ЦГАЛИ, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 402, л. 18—19.

[1] *Стреляный* изображен в книге «ФД-1».

[2] Здесь и далее отточиями отмечено окончание одного из выступлений А. С. Макаренко на данном совете командиров.

[3] *Жмудский* изображен в «Марше 30 года». Осенью 1932 г. — командир оркестра коммуны.

[4] *Левшаков В. Т.* — руководитель оркестра коммуны, написал музыку марша коммуны «Дзержинец».

[5] Говорится об инженере П. Е. Силакове.

[6] Имеются в виду индивидуальные наряды на выполнение производственных работ.

[7] Коммункой называлась коллективная работа коммунаров на отдельных производственных участках, с разделением труда по операциям и равной оплатой за общую работу.

Выступление А. С. Макаренко на совете командиров коммуны им. Ф. Э. Дзержинского 28 февраля 1933 г. *запись*
(с. 166)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 402. Публикуется впервые.

Выступление А. С. Макаренко на совете командиров коммуны им. Ф. Э. Дзержинского 13 марта 1933 г. *запись*
(с. 166)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 402, л. 48 об. Протокол № 12. Публикуется впервые.

А. С. Макаренко выступил при обсуждении доклада инженера П. Е. Силакова об избытке рабочей силы на производстве и возможности использования коммунаров на неквалифицированных работах. Совет командиров постановил: согласиться с предложением руководства производством. Всех свободных от работы коммунаров поставить на возможные производственные участки, освободив от работы на них вольнонаемных рабочих. Так в педагогическом опыте коммуны дзержинцев учитывались потребности коллектива и личные интересы воспитанников, преодолевалось противоречие между долгом и интересом.

[1] В своем выступлении на совете командир отряда Гетте сказал, что производственные операции (обрезки и опиловки) превращают коммунаров в чернорабочих.

Доклад и выступление А. С. Макаренко на заседании комиссии по пересмотру учебной системы в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского 17 октября 1933 г. *запись*
(с. 167)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 2, ед. хр. 30, л. 18—19 об. Автограф. Укр. яз. Пер. А. А. Фролова. Частично опубликовано на укр. яз. *Нежинский Н. П.* Життя і педагогічна діятельність А. С. Макаренка. Киев, 1967, с. 221—222. На русском языке публикуется с небольшими сокращениями впервые.

В заседании 17 октября 1933 г. приняли участие председатель правления коммуны А. О. Броневой, начальник коммуны Тепер, председатель комиссии (зав. рабфаком) Е. С. Магура, секретарь педсовета Добродицкий, секретарь комсомольской ячейки Цирульников, секретарь совета командиров Гапеев, секретарь совета старост Разумовский, инженер П. Е. Силаков, педагог В. Н. Терский и другие. Были приняты предложения А. С. Макаренко: иметь 25-часовую, а не 30-часовую учебную шестидневку; произвести запись коммунаров на V курс рабфака; лучше вести учет знаний, особое внимание обратить на умение выражать мысль устно и письменно, умение вдумчиво читать книгу и работать над ней.

[1] Техникум был открыт в коммуне в октябре 1934 г. в составе трех курсов с электромеханическим и оптико-механическим отделениями. Директор техникума — Румберг. В коммунарской школе-семилетке в это время были один шестой и два седьмых класса.

[2] Прикрепление преподавателей коммуны к отрядам в качестве старших товарищей было определено решением педсовета коммуны 14 ноября 1933 г. О стремлении А. С. Макаренко отказаться от наименования «воспитатель» см. также т. 1 настоящего издания, с. 49.

Замечания к акту обследования коммуны им. Ф. Э. Дзержинского
(с. 167)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 413, л. 1—25. Авторская машинопись, не озаглавлена, без даты. По содержанию датируется серединой 1934 г. (не ранее апреля). Материал расположен в две колонки с их обозначением на первом листе: «Сказано в акте» и «Наши замечания». Частично опубликовано А. А. Фроловым: Воспитательный процесс и коллектив: О замечаниях А. С. Макаренко к акту обследования коммуны им. Ф. Э. Дзержинского. — Воспитание школьников, 1978, № 2, с. 19—25. Целиком, с некоторыми сокращениями опубликовано в кн.: *Макаренко А. С.* Теория и практика коммунистического воспитания. Киев: Радянська школа, 1985, с. 159—176.

Коммуна им. Ф. Э. Дзержинского, как и все учебно-воспитательные учреждения, периодически подвергалась инспектированию со стороны советских и общественных организаций, правления коммуны. Результаты обследования становились предметом обсуждения в руководстве коммуны, на педагогическом совете. В случае необходимости А. С. Макаренко решительно вставал на защиту своего коллектива.

Центральное место в «Замечаниях» занимает проблема практической педагогической логики, целесообразности тех или иных средств воспитания. С ней неразрывно связана другая: соотношение педагогической теории и практики. Обе проблемы решаются в необычном направлении: от конкретных фактов практики — к теории, объяснению сущности и целесообразности тех или иных педагогических явлений с точки зрения общих принципов воспитания, среди которых ведущее значение имеет воспитание в коллективе. А. С. Макаренко здесь раскрывает также методику анализа отдельных моментов воспитательного процесса с учетом состояния и развития одновременно коллектива и личности.

[1] Далее ссылки на «Сказано в акте» и «Наши замечания» при публикации не делаются.

[2] Говорится, вероятно, о совете коммуны им. Ф. Э. Дзержинского при ГПУ УССР, осуществлявшем общее руководство ею.

[3] *Букшпан М. М.* — член правления и ответственный секретарь коммуны им. Ф. Э. Дзержинского в течение ряда лет. Прототип А. О. Крейцера в «ФД-1» и пьесе «Мажор». Во «Флагах на башнях» — М. О. Крейцер.

[4] О такой организации обучения в коммуне см. в данном томе с. 178 и в т. 1 настоящего издания, с. 204.

[5] Об ответственности за уборку, ведро и тряпку как о «технологическом моменте» в воспитании см. т. 3 настоящего издания с. 392.

[6] *Броневой А. О.* — ответственный работник ГПУ УССР, председатель правления коммуны им. Ф. Э. Дзержинского в 1932—1934 гг. Руководитель строительства и освоения комму-

нарского завода электросверлилок, организатор проектирования оптического производства коммуны. См. его статью «Пятилетие» в кн.: Второе рождение. Харьков, 1932.

[7] А. С. Макаренко говорил, что примерно с 1924—1926 гг. его уже не занимали задачи перевоспитания, в его деятельности исчезли черты «правонарушительской педагогики» и наступил период «нормальной» воспитательной работы (см. т. 4 настоящего издания, с. 139).

[8] А. С. Макаренко отрицал «индивидуальную инструментовку» как главную форму воспитательного процесса. Проблема индивидуализации воспитания в коллективе А. С. Макаренко была практически решена примерно к 1931 г. (см. т. 4 настоящего издания, с. 129, 161—180).

[9] *Воспитательная (педагогическая) операция* — понятие, занимающее важное место в макаренковской характеристике процесса воспитания с позиций единства теории и практики, с учетом органической связи влияния на коллектив и отдельную личность (использовалось по аналогии с трудовой и военной операцией). О значении, задачах и этапах педагогической операции см. т. 1 настоящего издания, с. 122—125 и с. 173 данного тома.

[10] Художественное изображение воспитательной работы с коммунаркой Е. Лазаревой см. т. 2 настоящего издания, с. 69—72, 188—189.

[11] А. С. Макаренко имет в виду задачи, выдвинутые в области народного образования XVII съездом ВКП(б), проходившим в январе — феврале 1934 г.

[12] Говорится о спортивной секции, где коммунары учились летать на планерах.

[13] Изучение «Евгения Онегина» А. С. Пушкина в коммуне сопровождалось рядом культурно-массовых мероприятий: посещением театра, встречами с артистами, конкурсом чтецов и др.

[14] Так назывался танцевальный кружок.

[15] В «тихом» клубе читали, играли в настольные игры.

[16] А. С. Макаренко считал, что политическое воспитание является первейшей и широкой педагогической задачей, решение которой отражается в организации всей жизни и деятельности коллектива, реализуясь в его стремлениях, труде, учении, системе управления, дисциплине, культурно-массовой работе, повседневном быте. См. т. 1 настоящего издания, с. 132—135 и т. 4, с. 268—277.

[17] Имеется в виду XVII съезд ВКП(б).

[18] Говорится о Наркомпросе УССР.

[19] Далее опускается небольшая вторая часть материала, в которой рассматриваются вопросы финансовой деятельности коммуны.

В редакцию альманаха «Год XVII», 15 марта 1934 г.
(с. 176)

ЦГАЛИ СССР, ф. 622, оп. 1, ед. хр. 8. Впервые опубликовано в издании: А. С. Макаренко / Отв. ред. Ф. И. Науменко. Львов, 1978. Печатается по архивному источнику.

В редакцию альманаха «Год XVII», 7 июня 1934 г.
(с. 177)

ЦГАЛИ СССР, ф. 622, оп. 1, ед. хр. 8. Впервые опубликовано в кн.: А. С. Макаренко / Отв. ред. Ф. И. Науменко, Львов, 1978. Публикуется по архивному источнику.

Выступление на педсовете коммуны им. Ф. Э. Дзержинского 9 декабря 1934 г.
(с. 178)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 374. Публикуется впервые.

Обращение к коммунарам-выпускникам
(с. 179)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 147, л. 1, с об. По содержанию и смежным документам датируется 5 сентября 1936 г. (в 7-томном Соч. А. С. Макаренко, т. II, материал ошибочно отнесен к 1935 г.). Впервые опубликовано с сокращением в первом издании 7-томного Соч. А. С. Макаренко, т. VII, с. 454.

Заключительное слово на совещании в Научно-практическом институте спецшкол и детдомов Наркомпроса РСФСР
(с. 179)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 180. Стенограмма доклада, с которым А. С. Макаренко выступил 20 октября 1938 г. На первом листе карандашом отмечена тема «О коллективе и дисциплине». Доклад опубликован в т. 4 настоящего издания («О моем опыте»). Стенограмма доклада вместе с заключительным словом и ответами на вопросы опубликована с сокращениями в бюллетене НКП РСФСР «Учебно-воспитательная работа в детских домах», 1941, № 2—3. Полный текст заключительного слова и ответов на вопросы опубликован впервые (с небольшим сокращением) в кн.: Макаренко А. С. Теория и практика коммунистического воспитания. Сост. А. А. Фролов. Киев, 1985, с. 76—86.

Заключительное слово содержит существенные дополнения, как сказал А. С. Макаренко, которые он хотел бы сделать после обсуждения своего доклада. В прениях выступили 6 человек, в том числе И. И. Данюшевский (директор института, советский дефектолог, специалист в области социально-правовой охраны детей) и В. И. Куфаев.

Усиление роли учебно-воспитательного учреждения в жизни советского общества, социалистическом строительстве — основная тема заключительного слова А. С. Макаренко, одна из ведущих идей в его педагогической системе, которая приобрела особо важн е значение в свете реформы советской школы. Новое отношение к воспитаннику, детству и юности в советском обществе, по мнению А. С. Макаренко, реализуется как уважительно-требовательное отношение к трудовому воспитательному коллективу, к его сегодняшним задачам общественно полезной деятельности. На этой основе создается представление о ценности коллектива, формируется чувство чести, коллективного и личного достоинства, утверждается новый стиль отношений между педагогами и воспитанниками в едином коллективе. В связи с этим выходят на первый план и наполняются качественно новым содержанием понятия долга, дисциплины, ответственности, единства общих и личных интересов.

Публикуемый материал отражает и другой имеющий в наследии А. С. Макаренко ключевое значение комплекс вопросов, рассматриваемый на примере «военизации»: роль внешних форм поведения для формирования культуры личности и ее внутреннего мира, связь идейно-нравственных и эстетических начал в воспитании, значение морально-психологического и эмоционального факторов в воспитании, учет возрастных особенностей детей, их тяги к игре и прекрасному в жизни, соединение серьезного дела с игрой (см. также т. 3 настоящего издания, с. 127—128 и т. 4, с. 136—139, 372—373).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Объяснительная записка к смете

В Главсоцвос

...В бытность в Полтаве наркома просвещения т. Гринько[1] я в присутствии коллегии губнаробраза, докладывал о состоянии ремонта. Тогда т. Гринько сказал, что колония будет иметь всеукраинское значение и средства на ремонт будут даны.

Так как губнаробраз, очевидно, мало был заинтересован в окончании ремонта колонии, то обещание т. Гринько до последнего времени не имело реальных результатов. Только в июне после посещения колонии инструкторами Главсоцвоса т. Алматовым и Козловой возникает возможность надеяться на финансирование ремонта со стороны органов Наркомпроса.

В настоящее время колония возобновила ремонтные работы на собственный риск, пользуясь незначительным местным кредитом, благодаря видам на урожай, но средства колонии слишком незначительны.

В прилагаемой смете имеется в виду окончание ремонта двух домов. Третий двухэтажный дом, предназначенный для классов и мастерских, требует слишком много лесных материалов, и поэтому вопрос о его ремонте нужно пока отложить. Ремонт четвертого полутораэтажного дома окончен, и в нем в настоящее время живут воспитанники...

К весне 1923 г. Наркомпрос будет иметь украинскую колонию им. М. Горького, созданную наполовину силами самих воспитанников.

Считаю совершенно необходимым, чтобы соответствующие кредиты были переведены непосредственно на имя колонии.

Завед[ующий] колонией
А. Макаренко
Секретарь строит[ельной] комиссии
воспитатель
В. Поповиченко
Предст[авитель] воспитанников
Супрун

№ 530
10 июля 1922 г.

Инспектору учреждений дефективного детства Харьковской области

19 марта 1923 г.

Считаю необходимым представить Вам нижеследующий отчет о состоянии колонии к началу сельскохозяйственного сезона и краткий обзор жизни колонии за истекший год. Независимо от этого в самое непродолжительное время мною будет представлен педагогический отчет за 1922 г.

К началу посевной кампании прошлого года колония не имела в своем распоряжении абсолютно никаких ресурсов, ни денежных, ни материальных, и поэтому нуждалась в поддержке со стороны органов наробраза даже в таком деле, как обеспечение колонии посевным материалом. Колонийские лошади почти издыхали без корма. Вообще состояние колонии со стороны перспектив было довольно неопределенное. Бедная почва и теснота казарменных помещений в первом, основном имении колонии заставляли держаться прежних планов о переносе базы и главного пункта колонии в более просторную, богатую и красивую обстановку бывшего имения Трепке. Правда, неудача строительного сезона 1921 г., когда колония, начав капитальный ремонт целого ряда домов разрушенного помещичьего гнезда, не получила ниоткуда обещанной поддержки, неудача, явным образом подчеркнутая прежним хаосом руин, — несколько охлаждала наш строительный пыл.

Это неуверенное настроение поддерживалось и затянувшейся волокитой с получением земли и жалким состоянием колонийского скота и машин. Мы очень благодарны т. Козловой[1], которая первая помогла нам своим вниманием и благодаря которой мы получили от Наркомпроса [УССР] 2 миллиарда рублей[2] на продолжение ремонта. Обычная волокита с получением денег, как всегда, обесценила их: они были получены колонией только осенью, но тем не менее благодаря этим деньгам колония далеко продвинула ремонт, и уже в октябре мы поселили во второй колонии почти третью часть воспитанников. Все-таки у нас не хватило денег, чтобы окончить ремонт даже главного дома: он остался незастекленным.

Несмотря на отсутствие основного капитала и слабость инвентаря, колония все-таки приступила к полевому хозяйству и сравнительно успешно окончила сельскохозяйственный сезон.

Правда, мы сами гораздо больше ожидали от урожая. Еще больше ожидали в губнаробразе. Там прямо говорили о возможности нашего перехода на самоокупаемость. Мы теперь ясно видим, что это были химеры: нельзя говорить о самоокупаемости с 30 десятин для нашего учреждения, имеющего 120 иждивенцев.

Урожай 1922 г. обеспечил нас:

а) семенами на 1923 г. (больше чем в 2 раза мы увеличили запашку);

б) фуражом, зерновым и объемным. Мы даже могли бы свободно увеличить количество живого инвентаря, если бы у нас были средства;

в) урожай позволил нам обменять плохих, запущенных коров на молочных и выкормить 5 свиней (к сожалению, эпидемия краснухи унесла двоих), так что к [моменту] полевых работ наши дети уже смогли получить усиленное довольствие;

г) урожай помог нам приобрести жатвенную машину и кое-что из инструментов;

д) мы заплатили за размежевание и другие работы по отводу земли;

е) наконец, мы обеспечили себя картофелем, капустой и свеклой на круглый год и имели еще 100 пудов ржи на всякий случай.

Мы ожидали большего только потому, что предполагали высокие цены на хлеб. Кроме того, земля, бывшая лет 5 в пользовании крестьян, оказалась очень засоренной и истощенной неправильным плодосменом, и мы получили урожай ниже ожидаемого.

Истекший хозяйственный год в колониях характеризуется вообще образованием основного капитала. К сожалению, это образование совершалось почти исключительно за счет труда воспитанников и не было поддержано вложением капитала со стороны высших хозяйственных органов. Накопление же капитала в процессе трудового сбережения естественным образом было связано с сознательным отказом от многих видов прямого потребления. Вследствие этого, например, не удалось детей одеть так, как это требовалось по характеру их работы, не удалось обеспечить колонию мебелью и сколько-нибудь украсить жизнь колонистов со стороны обстановки.

Указанные достижения не ставились как очередная задача, так как очень много оставалось зияющих отверстий в основном капитале колонии.

Живой инвентарь и к настоящему дню далеко не полон. На две лошади, переданные нам весной 1921 г. т. Ганенко[3], одновременно занимавшим должности завгубоно и председателя РКИ, до сего дня претендует Госконтроль и грозит их отобрать в самый разгар посевной кампании. Колония находится в таком затруднительном положении, что ей остается только одно: не отдавать лошадей, рискуя всякими неприятностями, но зато с надеждой выиграть несколько рабочих дней.

Колония имеет только двух лошадей, из которых одной 30 лет, и трех волов, которые в работе, разумеется, идут только за пару. Таким образом, мы ежеминутно находимся под угрозой остаться на 60 десятинах [земли] при одной паре лошадей и при одной паре волов, при постоянных поездках в город.

Только в последние дни, не дождавшись ассигнования из Харькова на посевную кампанию, колония приобрела одну лошадь, но зато за февраль уплатила служащим только 65% жалованья.

Недохватка основного капитала особенно ощущается в мастерских, в которых очень мало инструментов.

Пользуясь небольшими кредитами на учебную часть, колония в последнее время оборудовала вторую сапожную мастерскую (во второй колонии) и там же литейную мастерскую, но обе они, как и основные колонийские мастерские, очень бедны инструментами (за исключением сапожной мастерской первой колонии).

Недостаток инструментов и оборудования можно было бы постепенно восстановить частными заказами, но, как показал опыт, частные заказы не оправдывают ожиданий по следующим причинам:

а) из-за отсутствия близких к колонии сел, откуда могли бы поступать заказы с материалом заказчика;

б) из-за отсутствия оборотного капитала для работы на продажу в городе;

в) из-за плохо организованной системы оплаты труда инструкторов и мастеров.

В то же время, когда в городе средний молодой слесарь зарабатывает в месяц более миллиарда рублей, квалифицированный инструктор колонии получает всего 200—300 миллионов рублей, и колония принуждена отдавать мастеру право увеличивать свой заработок частными заказами. Вообще говоря, хозяйственное положение колонии характеризуется от-

сутствием капитала и неприспособленностью финансово-материальной системы.

Материальная база необходима и для образовательной работы в колонии. Здесь нужно еще указать на отсутствие библиотеки, тем более ощутимое, что в колонии с успехом проводится опыт занятий [с воспитанниками] по отдельным учебным темам без учебников. В особенности нам необходимы книги по географии (этнографии сравнительной, путешествия), по исторической беллетристике, элементарной механике и технологии, сельскому хозяйству, истории технической культуры и изобретений и, наконец, справочные книги.

Организация перевоспитания малолетних правонарушителей с самого начала, по моему мнению, была поставлена в колонии на правильный путь, доказательством чего являются очевидные воспитательные достижения: это путь трудовой общины, определенно прогрессирующей в разных областях ее жизни.

Однако нужно признать, что решающим моментом в процессе организации [колонии] все-таки была организация [ее] материальной части. Работа воспитателей, при всем своем направляющем значении, все-таки всегда приспособлялась к системе материальных отношений и вследствие этого теряла или приобретала, смотря по тому, насколько система, так сказать, экономических настроений была удобна или не удобна.

В настоящее время особенно ощущается эта зависимость. Можно сказать, что напряжение чисто воспитательной работы в ее абсолютном значении достигло некоторого максимума. Дальнейшее развитие нашей общины зависит теперь главным образом от назревшей переорганизации финансово-материальной обстановки. Поэтому если говорить о возможности дальнейшего движения колонии вперед, то приходится обусловливать его почти исключительно следующими обстоятельствами:

1. Обеспечение колонии основным капиталом в форме снабжения ее живым инвентарем (1 вол и 3 лошади) и инструментами для мастерских.

2. Обеспечение [колонии] оборотным капиталом для организации работы на свободный рынок.

3. Организация более удобной системы финансирования колонии, так как получение денег, переводимых из Харькова по ассигновкам губоно, отнимает не меньше 50% времени и энергии зав[едующего] колонией.

4. Организация более удобной системы зарплаты инструкторов и мастеров в общем направлении к сдельному расчету с прибавкой на успешность обучения воспитанников.

Все эти мероприятия позволят уничтожить значительную потерю полезной работы воспитательского коллектива, замечаемую в настоящее время.

Независимо от этого открытым остается вопрос об окончании ремонта второй колонии в Ковалевке. Хотя расходы по ремонту должны относиться на местный бюджет, но в губоно склонны толковать это требование закона только по отношению к текущему ремонту. Капитальное же восстановление имения б[ывшего] бр[атьев] Трепке, по мнению губоно, является, скорее, организацией нового учреждения и поэтому должно относиться на средства Наркомпроса.

Я не могу судить, насколько губоно близок к истине в таком толковании. Во всяком случае, в наступающем сезоне ремонт второй колонии должен быть закончен, иначе имение будет отнято у колонии и весь двухлетний труд детей и персонала пропадет даром.

Считая это обстоятельство весьма важным, я представил смету в губоно (с чертежом) на окончание ремонта трех домов и конюшни, всего на сумму 7560 товарных рублей или сумму 227 000 миллионов (227 миллиардов) рублей.

В случае отказа губоно в предоставлении кредитов я перешлю сметы в Инспекцию для учреждений дефективного детства Харьковской области. Представляя настоящее, прошу инспекцию оказать внимание основным нуждам колонии как и в материальном, так и в организационном смысле.

Заведующий Полтавской трудовой колонией
им. М. Горького

А. Макаренко

Из альбома «Наши жизни — Горькому — горьковцы»

С. Ковпаненко. ...Умелое руководство колонийскими выборными органами со стороны воспитателей и административного персонала вполне обеспечивает успех в этой области, самоуправлении. Глубокое товарищеское отношение между воспитанником, воспитателем, завколом и служащими вполне уничтожает само понятие администрации. Каждый горьковец — хозяин своей колонии — вот главный винт горьковского самоуправления.

Дуденко. ...Ребята в колонии тогда, в 1923 г., были веселые, но дикие какие-то. Один из них, Лапотецкий (теперь он уже рабфак окончил), ни одного шага без чудачества не делал... Антон Семенович поставил его «под винтовку» так, как он был, в кожухе и валенках, да еще возле печки. Так он скривил такую жалкую физиономию, что Антон Семенович рассмеялся и выгнал его из комнаты. Вообще в колонии тогда было много разных типов, и каждый на свой образец...

Горьковцы никогда не унывали, нас очень трудно было чем-нибудь опечалить: посмеются, пошутят, поваляют дурака — и за книжку сядут или займутся чем-нибудь в клубе.

Большое значение имели для нас письма Алексея Максимовича. «Надо любить человека и уважать его». Вот эти слова мы помним и никогда не забудем.

Кандыбов. ...В колонии мне понравилось из-за обязательного труда всех колонистов. Мы хотя и бедно жили в колонии, но были все веселые и знали, чем заняться в свободное время, всегда чем-нибудь веселым и общим для всех нас, и поэтому мне понравилась жизнь трудовой семьи...

Сопин И. ...Сначала нам в Куряже трудно было слиться с трудовым, дисциплинированным коллективом горьковцев, но потом мы привыкли к горьковским методам труда и нам стало лучше.

Горьковцы пришли не как насильники, они хотели уважительно подойти к нашей неорганизованности, хотя строго повели борьбу с пьянством и кражами...

Манкевич. ...После обеда мы идем в лес, любоваться природой, или на речку купаться, или играем в теннис и другие игры, в волейбол, крокет...

Суббота Я. ...Как только мы узнали, что горьковская колония едет, наши ребята приготовились встретить ее ножами. Колония прибыла 28 мая, военным строем. Несмотря на то что ребята устали в дороге, они сразу устроили танцы. Наши ребята видят, что колонисты веселые, и стали обращаться с ними по-хорошему. Колония сумела подойти к нашим ребятам по-хорошему, а потом уже стала действовать как полагается. Мы скоро привыкли к ним, и через месяц уже нельзя было различить, где полтавские ребята, а где куряжские...

Светецкий В. ...Общее собрание избрало меня начальником штаба колонии. Это орган самоуправления, который распоряжается по всей колонии. Члены штаба колонии такие: все помзавколы, все командиры бригад и завколы, секретарь педсовета, завхоз и заводеждой. Заседания штаба бывают обычно один раз в неделю и в необходимых случаях. На заседаниях разбираются все наши вопросы и нужды, а также распределяют работы на неделю. Каждый день секретарь штаба колонии пишет приказ по колонии и зачитывает его в 9 часов вечера...

Савельев И. ...Полюбил я колонию за ее дисциплину... Колония меня научила, как надо жить и бороться...

Митин А. ...Не сразу пускают работать в мастерские... Но я добьюсь своего, поработаю в сводных отрядах, а потом и достигну того, что мне хочется...

Соколова Г. ...Мне теперь колония как родная семья, и мне будет очень жаль уезжать, жить отдельно...

Дашевский П. ...Я очень люблю играть в крокет. В праздники я играю целый день... Сейчас играю в третьей команде, но я хочу приложить все силы, чтобы попасть во вторую, а потом в первую. Я иногда очень устаю на работе, но все равно всегда иду играть. По пословице: «Охота пуще неволи»...

Рябинин Я. ...В скольких детских домах и колониях я ни бывал, я не видел ни одной колонии, чтобы было так весело жить, как в колонии Горького...

Контртезисы

«Наша советская педагогика строится на принципах, диктуемых ей рабочим классом»[1]. Как раз это самое я и утверждал в своем плане. При этом я утверждал, что наше рабочее общество ясно и просто высказывается не столько о принципах [воспитания], сколько о признаках воспитанного человека. Я утверждал, что мы можем только, не мудрствуя лукаво, исходя из этих признаков, сделать заключение о средствах. Это совершенно практическая логика, очень далекая от спекулятивной... По мнению института, рабочий класс диктует нам нечто о принципах (читай «средствах») педагогики, следовательно, так же умозрительно балансирует с ними, как и наша наука. Мнение, по меньшей мере, ни на чем не основанное. Никогда и нигде рабочий класс о наших соцвосовских принципах в таком роде не высказывался...

На деле эти принципы (не как принципы политические, а как «уверенность в целебности их педагогического действия») оказываются, как и можно было ожидать, педагогически

нейтральными[2]. Это блестяще доказала практика. Представляют они не что иное, как совершенно бездоказательные убеждения... в действенности того или иного средства, основанные исключительно на положительности их политического содержания[3]. В этом заключается такая же грубейшая ошибка, какая заключается, например, в утверждении: поразить неприятеля на войне можно только при помощи снарядов, изготовленных рабочими, не употребляющими вина и табаку...

«В представленном проекте нет единой системы, ибо не выявлена классовая установка». ...Что это значит: «выявлена классовая установка» или «не выявлена классовая установка»? Если претензии этой фразы заключаются в том, что я должен был написать несколько выражений с употреблением слов «рабочий класс», то это никогда не поздно сделать и я готов всегда исправить свою ошибку.

Я считал совершенно достаточным говорить просто о классе (в главе о цели воспитания) или о коллективе, естественно допуская, что никому в голову не придет, что речь идет о классе буржуазии или дворянстве... Все вопросы, связанные с общими революционными установками, у нас давно решены, и решения их сами собою подразумеваются. Эти решения предполагаются присутствующими буквально в каждой строчке моей программы, и нужно специальное усилие, чтобы их не видеть. В главе о цели воспитания о них даже прямо говорится. Глава о единстве коллектива, очевидно, говорит о единстве рабочего класса, и я в ней возражаю против мелкого соседско-мещанского единства...[4]

Дальше, отстаивая обязательный производственный, а не школьный первичный коллектив, я как раз кладу самый солидный кирпич в дело создания классовой установки, в отличие от тех ученых и иных соцвосников, которые без слов «рабочий класс» даже в любви объясниться не могут. В главе о самоуправлении я подчеркиваю особенно важную необходимость воспитать рабочего-организатора. Наш рабочий класс, как известно, является не только рабочим классом, но и классом-организатором. Наши соцвосники решительно не способны постигнуть это великое обстоятельство... Бывшие воспитанники дома им. ВУЦИКа... считают для себя позором работать на свинарнике, топить печь, принести обед из кухни.

Дальше, говоря о долге, я как раз разумею переживание долга рабочим по отношению к своему классу. Игнорирование идеи революционного долга... возможно было только из-за недосмотра, проявленного органами Советской власти в воспитании молодежи. Игнорирование этой идеи есть большое преступление... как раз против рабочего класса.

Таким образом, разговоры о классовой установке — простое недоразумение. Я эту классовую установку ищу в каждом моменте конструкции детского коллектива и, собственно говоря, только о ней говорю. Институт же просто не способен это заметить, так как никакого отношения к конструированию он никогда не имел и всякую вообще установку ищет только в фразеологии.

«Задача нашей педагогики — воспитывать классовое поведение. Излишним является определять все признаки классового поведения, так как они давно уже определены».

1. О классовом поведении. Мы привыкли, что под классовым поведением разумеют классовые разговоры... Повторяем ту ошибку, которую делали духовные семинарии. Бурсаки о господе боге также умели прекрасно разговаривать, но, в сущности, были циниками и хамами.

2. Поэтому определить все признаки классового поведения представляется далеко не лишним. Ведь вот даже НИИ возражает против идеи долга, значит, в его глазах далеко не все определено, а между тем и в нашем рабочем обществе, и в печати эта идея пользуется справедливым почетом.

Наконец, я перечисляю признаки классового поведения не для того, чтобы их просто декларировать, а для того, чтобы от них сделать заключение о средствах. Это я должен был сделать потому, что в нашем соцвосе признаки классового поведения были сами по себе, а педагогические средства — сами по себе (а результаты тоже сами по себе). Кроме того, считаю, что на десятом году диктатуры пролетариата уже можно спросить: вот эти общественные признаки классового поведения где-нибудь вырабатываются?.. Может ли институт утверждать, что все настолько благополучно с классовым поведением наших воспитанников и учеников?..

«По конституции социального воспитания детское движение есть основной фактор воспитания классово-сознательного человека. Проект не только не ставит детское движение на первое место, а вообще не включает его в общее число факторов, влияющих на поведение детского коллектива». Это, пожалуй, единственный пункт, который представляет не только недоразумение.

В проекте ничего не говорится ни о детском движении, ни вообще о политическом воспитании исключительно потому, что политическое воспитание является общепризнанной нашей работой, а проект имел в виду отметить только наши отличия от обычных практических установок соцвоса. В колонии им. М. Горького 33% членов ЛКСМУ...

«Проект считает возможным всю систему воспитания построить на науке о праве. Как раз на том, на чем строила и строит воспитание буржуазная педагогика. Этот принцип дает хорошие результаты во время пребывания воспитанника в учреждении. А что он дает в будущем? В лучшем случае — лояльность».

Я не считал возможным строить всю науку о воспитании на науке о праве, я только говорил о необходимости опереться на науку о праве. Это было бы далеко не вредно, тем более что нужно понимать не право буржуазии, а наше, советское. Я, конечно, имел в виду не изучение в школе науки о праве, а воспитание правовой эмоции в ее высшей форме эмоции долга. Утверждение, что это дает хорошие результаты во время пребывания в учреждении, и больше ничего, просто голословно. В главе об интересе и долге я писал о том, что это дает. Это дает во всяком случае опыт переживания своих обязанностей перед коллективом и обязанностей других.

Переживание же классового долга, конечно, очень далеко стоит от «лояльности». Я думаю, что практикуемое ныне потребительское воспитание является лучшим доказательством от противного, того, что я прав.

«Не наука о праве обусловливает поведение пролетариата». Конечно, не наука, ибо никакая наука не может обусловить поведение целого класса, но и поведение класса обусловливается его революционным представлением о праве человека на справедливость, на свободу, на полный продукт труда — о праве вообще как общечеловеческом социальном явлении.

Поведение же отдельных членов класса обусловливается общепринятой в классе системой нормированных отношений, т. е. системой внутриклассового права. Независимо от сего это поведение как поведение положительного значения обусловливается идеей долга перед классом.

«В проекте не видно роли коллектива. В такой организации совета командиров нет коллектива, есть правящий класс...» Обычное безответственное утверждение. С одной стороны, институт протестует против всякого права, с другой стороны, хочет обеспечить функционирование коллектива какими-то правовыми гарантиями. Наконец, он просто придирается ко всему решительно. Право заведующего назначить новое рассмотрение (вопроса) в общем собрании есть якобы доказательство отсутствия коллектива. Самое существование совета командиров почему-то инкриминируется как существование «правящего класса». Ведь эдакое обвинение можно отнести к какому угодно самоуправлению. Это простая бездоказательная полемика, с которой трудно спорить.

Я привел целые таблицы в доказательство того, что командирскими функциями пропитан весь коллектив. В «конституции» [дается] целая система, говорящая о значении отряда как коллектива и о месте, значении командира. Институт все равно повторяет старые сплетни...

В Правление коммуны им. Ф. Э. Дзержинского

Заведующего коммуной А. Макаренко

Рапорт

Прилагая при сем вырезку из «Вісти» от 27 июня с. г. и выводы ОкрРКИ[1] по обследованию колоний от 2 апреля 1928 г., считаю необходимым сообщить правлению следующее:

травля колонии и меня в различных организациях и учреждениях, а также в печати начата была еще в декабре. Травля эта была поднята после того, как окрисполком поручил мне реорганизацию всех колоний округа. Развал многих колоний и накопление в них элементов хулиганства и расхищения как раз в это время достигли уже пределов терпимого. Перевод детских колоний на более четкую и подтянутую систему колонии им. М. Горького деловым кругам представлялся необходимым.

Но как только я приступил к работе, со всех сторон поднялись протесты. Они исходили от отдельных лиц и кругов, уверенных, с одной стороны, что детей нужно воспитывать в полной свободе, с другой, совершенно не знающих работы колонии им. М. Горького[2].

Я принужден был оставить Управление детскими колониями, но травля колонии продолжалась. Организация коммуны им. Ф. Э. Дзержинского по той же системе еще более восстановила против меня моих противников.

10 мая я подал заявление об уходе из колонии. В окрино[3] меня просили остаться до приезда Горького, но 27 июня в «Вістях» появилась заметка, в которой сообщалось, что по докладу НКПр, об ужасных методах в колонии я снят с работы. По докладу НКПр. выходило так, что было обследование колонии и это обследование установило якобы мои «ужасные методы».

Я сейчас отправил заявление в НКПр. тов. Затонскому[5] и в печать с утверждением, что представитель НКПр. докладывал в НКРКИ[6] неправду. Никакой научной системы наказаний я не выдумывал, битье детей тем более не могло быть частью никакой системы, также выбрасывание детей на улицу, да еще раздетыми, а посылание детей в лес за палками — просто анекдот.

В истории моего заведования колонией были, правда, случаи, когда я в гневе грешил подзатыльником, но случаи эти были чрезвычайно редки. Никто из воспитанников на меня никогда не жаловался, и никакие комиссии этих случаев не установили.

Комиссия окрРКИ, акт которой от 3 апреля при сем прилагается, несмотря на то что в течение трех дней расспрашивала всех воспитанников, не могла установить ни одного случая таких побоев или избиений, а узнала об отдельных случаях в прошлом от меня самого.

Только за время моего четырехмесячного отсутствия[7] в колонии при заведующем Ковале было в последнее время несколько случаев, не составляющих, конечно, никакой системы.

Коллегией окрРКИ мне был объявлен выговор за допущение подобных мер, поскольку я считался официально ответственным за колонию.

Хотя сообщенное в докладе представителя НКПр. представляет неправду, дальнейшая моя педагогическая работа в Харькове становится невозможной. Бороться с травлей я уже не могу. Все комиссии были, и больше ничего предпринять нельзя. Колония и так бесконечно обследовалась, и это в достаточной мере растрепало работу. Правление коммуны знает, что в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского та же система и она проводится мною почти без усилий.

В известной мере я уверен, что травля эта будет продолжаться и дальше. Поскольку и мои воспитанники читают газеты, поскольку и я сам не всегда могу спокойно к ней относиться, работа в Харькове делается для меня чрезвычайно трудной.

В то же время я, как педагог, в достаточной мере опорочен всей этой кампанией, и в правлении коммуны должен возбудиться вопрос о моем уходе.

Поэтому прошу Правление в ближайшие дни разрешить вопрос о моей работе в коммуне. Я могу работать в ней только при полном доверии правления.

Письмо горьковцев в Правление коммуны им. Ф. Э. Дзержинского

Колония имени М. Горького

В поисках путей реализации постановления ЦК ВКП(б) о начальной и средней школе коллектив сотрудников и воспитанников детской трудовой колонии имени Горького считает, что одним из верных путей улучшения работы интернатных учреждений является их объединение в борьбе за политехническую школу на базе учебных и производственных заданий.

Учитывая, что колония имени Горького и коммуна имени Дзержинского имеют одинаковые задания и целевые установки и одинаковый контингент детей, что оба эти детских учреждения имеют много общего в своей истории и традициях в воспитательной работе, коллектив сотрудников и воспитанников детской колонии имени Горького считает наиболее целесообразным объединение с детской коммуной имени Дзержинского. В соответствии с таким решением вопрос об объединении двух колоний был поставлен перед отделом наробраза Харьковского горсовета. Со стороны последнего эта идея встретила сочувствие и согласие. Теперь мы ставим этот вопрос перед Правлением детской коммуны имени Дзержинского с просьбой рассмотреть его по существу и принять под свое руководство колонию имени Горького.

Считая, что горячее и искреннее желание детей-горьковцев выступать в борьбе за осуществление постановления ЦК ВКП(б) о школе вместе с дзержинцами и что такое объединение двух детских учреждений даст больше возможностей в успешной борьбе с беспризорностью, надеемся, что в нашей просьбе нам отказано не будет.

Зав. колонией (подпись)
Секретарь ячейки КП(б)У (подпись)

О летнем походе коммунаров
(Выписка из приказа № 66 по коммуне им. Ф. Э. Дзержинского 28 июня 1933 г.)

...В результате полугодичной работы коммунары-дзержинцы под испытанным партийно-чекистским руководством на основе шести исторических условий товарища Сталина выполнили

67% годового плана, выпустив 7668 электросверлилок. Рабфак коммуны, охвативший 338 человек, 25 июня успешно закончил испытания после учебного года.

Трудкоммуне им. Ф. Э. Дзержинского предоставляется полуторамесячный отпуск, во время которого перед коммуной стоит задача — создать все необходимые предпосылки для здорового культурного отдыха, добиваясь максимального улучшения состояния здоровья коммунаров и изучения ряда крупнейших социалистических предприятий.

Посещение ряда городов Союза должно проходить в обстановке сближения с чекистскими коллективами, внимание всего состава коммуны должно быть приковано к лучшим достижениям передовых предприятий, к изучению их опыта в области освоения производства, техники и улучшения партийной и комсомольской работы.

Это обязывает весь состав коммунаров на все время движения и отдыха к величайшей выдержке, сохранению коммунарской дисциплины, максимальной физической закалке и внимательному изучению всех объектов показа.

Приказываю:

1. Колонне коммунаров-дзержинцев в составе 10 взводов 28 июня отбыть в летний поход по маршруту: Харьков — Горький — Сталинград — Новороссийск — Сочи — Севастополь — Харьков.

Маршрут Горький — Сталинград — пароходом по реке Волге, маршрут Новороссийск — Сочи — пароходом по Черному морю, маршрут Сочи — Севастополь — пароходом по Черному морю.

2. Из Харькова отбыть 28 июня поездом № 82 в 17 ч 40 мин по маршруту Харьков — Горький.

3. С 11 июля по 13 августа произвести лагерную стоянку — Сочи, после чего отбыть пароходом до Севастополя и, посетив крейсер «Червона Украина», 15 августа прибыть в Харьков.

4. Поход провести в военном строю, в составе оркестра и 10 взводах при знаменах.

Во время похода осмотреть: Горьковский автозавод, Балахнинскую бумфабрику, музей в Ульяновске, Сталинградский тракторный завод, цементные заводы в Новороссийске.

Стоянку в Сочи использовать для местных горных и краеведческих экскурсий.

5. Непосредственное командование колонией и руководство коммунарским коллективом с момента отправления в поход до возвращения возлагаю на т. Макаренко, с полной ответственностью за состояние коммуны, довольствие, дисциплину и распорядок, устанавливаемый настоящим приказом и моими личными указаниями.

6. Командировать на полтора месяца следующий состав обслуживающего и педагогического персонала:

а) педагогов — тт. Татаринова, Салько, Рубана;
начальника хозяйственной части — Дидоренко;
инструктора физкультуры — Смола;
военрука — Добродицкого,
инструктора — Путя,
капельмейстера — Левшакова,
врача — Шершнева,
медсестру, санитарку, зав. кладовой и библиотекаршу,
культработника — Левина;

б) в Сочи с 11 июля 16 человек кухонного персонала, шофера, кладовщика, агента.

Обязать т. Макаренко регулярной телеграфной информацией из установленных 13 пунктов, каждые 5 дней с места стоянки, и десятидневными письмами.

Председатель Правления коммуны (подпись)

Положение о дисциплинарных взысканиях и поощрениях коммунаров на производстве

А. Общая часть

1. Трудовая дисциплина состоит в сознательном и точном исполнении коммунарами своих обязанностей, беспрекословном и быстром выполнении приказов и распоряжений своих начальников и руководителей.

2. Трудовая дисциплина обязывает каждого коммунара бережно и аккуратно обращаться с инструментом, станками, материалами и вообще с заводским имуществом, а также выпол-

нять нормы выработки, установленные в производстве и обеспечивающие выполнение производственной программы.

3. Трудовая дисциплина, основанная на социалистическом соревновании и ударничестве, имеет целью укрепить в каждом коммунаре сознательное отношение к труду как к «делу чести, делу славы, делу доблести и геройства», а потому в целях воспитания у коммунаров вышеуказанного отношения к труду и в целях борьбы с нарушением трудовой дисциплины на производстве настоящим положением устанавливаются нижеследующие дисциплинарные взыскания и меры поощрения.

Б. Виды дисциплинарных взысканий

1. К коммунарам применяются следующие дисциплинарные взыскания:
а) удаление с работы в производстве на одну смену;
б) представление к более строгому взысканию;
в) перевод на низшую работу;
г) назначение дополнительной работы;
д) выговор в приказе;
е) снижение разряда;
ж) занесение на черную доску;
з) выговор перед строем;
и) удаление с производства [на срок] до трех месяцев;
к) полное удаление с производства.

2. За один и тот же проступок может быть наложено только одно дисциплинарное взыскание.

3. Наложение дисциплинарного взыскания должно следовать не позднее одного дня со дня совершения проступка. До наложения взыскания должно быть истребовано от коммунара объяснение.

4. При определении меры дисциплинарного взыскания должны учитываться:
а) степень тяжести совершенного проступка;
б) вред, причиненный проступком;
в) обстоятельства, при которых совершен проступок.

В. Лица и органы, накладывающие дисциплинарные взыскания

1. Дисциплинарное взыскание в виде удаления коммунара с производства на одну смену, а также представление его к более строгому взысканию принадлежит инструктору.

Причем представление о наложении взыскания инструктор делает своему мастеру.

2. Дисциплинарные взыскания в виде перевода на низшую работу, назначения дополнительной работы, выговоры в приказе могут налагать мастер и начальник отдельного производства.

Кроме того, мастер и начальник отдельного производства могут делать представление заведующему производственным обучением на снижение разряда за систематическое невыполнение норм и систематический брак.

3. Дисциплинарные взыскания в виде занесения коммунара на черную доску, объявления выговора перед строем и удаления коммунара с производства до двух недель может налагать «тройка» в составе секретаря совета командиров, секретаря совета бригадиров и заведующего производственным обучением, а также главный инженер и начальник производственной части. Мера дисциплинарного взыскания — удаление коммунара с производства от двух до трех месяцев — может применяться также вышеуказанными лицами с последующим утверждением совета командиров.

4. Дисциплинарное взыскание в виде полного удаления коммунара с производства применяется советом командиров как по представлению главного инженера и начальника производственной части, так и по своему непосредственному усмотрению.

...6. Если коммунар в течение года не совершит нового проступка, то он считается не подвергавшимся взысканию и запись о взыскании в личной карточке аннулируется.

Г. Меры поощрения

1. Для отличия и поощрения примерных ударников-коммунаров и для развития социалистического соревнования среди коммунаров устанавливаются следующие меры поощрения:
а) перевод на лучшую работу;
б) повышение в разряде;

в) премирование;
г) представление на должность помощника инструктора;
д) представление на должность инструктора.
2. Допускается соединение нескольких мер поощрения.

Д. Лица, представляющие к поощрению

1. Право перевода коммунара на лучшую работу, а также представление о повышении коммунара в разряде или о премировании его принадлежит инструктору. Причем перевод на лучшую работу инструктор делает самостоятельно, а представление о повышении в разряде коммунара или о его премировании инструктор делает через мастера.

2. Право представления коммунара на должность помощника инструктора или должность инструктора принадлежит мастеру и начальнику отдела производства.

Назначение коммунара на должность помощника инструктора или инструктора принадлежит главному инженеру.

Указанные в настоящем пункте поощрения должны согласовываться с советом командиров.

Е. Жалобы

1. Жалобы коммунаров на неправильное наложение административно-техническим лицом или органом дисциплинарных взысканий разрешаются вышестоящим лицом или органом.

2. Жалобы подаются в письменной форме через заведующего производственным обучением не позднее трех дней после объявления коммунару о наложении взыскания, однако обжалование не приостанавливает исполнения взыскания.

3. Жалоба должна быть рассмотрена в течение трех дней.

Ж. Учет дисциплинарных взысканий и мер поощрения

1. Все дисциплинарные взыскания и виды поощрения, применяющиеся к коммунарам согласно настоящему положению, должны строго регистрироваться путем занесения в личные карточки коммунаров, ведущиеся заведующим производственным обучением.

2. Если коммунар в течение производственного года получил свыше трех дисциплинарных взысканий, заведующий производственным обучением должен немедленно докладывать об этом в совете командиров для определения дальнейших мероприятий в отношении данного коммунара.

3. Заведующий производственным обучением немедленно должен о всех случаях наложения дисциплинарных взысканий на коммунара ставить в известность начальника педагогической части, а в отношении комсомольцев также должен сообщать и в бюро комсомола.

Речь А. С. Макаренко на вечере, посвященном 6-летию коммуны им. Ф. Э. Дзержинского

11 февраля этого года исполнилось ровно 6 лет со дня основания детской трудовой коммуны ОГПУ им. Ф. Э. Дзержинского[1].

Царизм оставил нам весьма тяжелое наследие — беспризорность. Империалистическая и гражданская войны значительно увеличили армию беспризорных детей, но с началом восстановительного периода в Стране Советов рабочий класс и партия немедленно же приступили к ликвидации беспризорности, решительно отказавшись от буржуазных методов борьбы с беспризорностью — благотворительных подачек.

Мы сразу же поставили перед собой задачу: вчерашние беспризорные должны быть квалифицированными кадрами, активными строителями социализма. По этому принципу наша страна покрылась сетью трудовых производственных коммун, охвативших тысячи беспризорных.

Шесть лет назад траурное собрание чекистов Украины по поводу смерти одного из лучших ленинцев — крепкого большевика Ф. Э. Дзержинского постановило основать детскую трудовую коммуну его, Феликса Дзержинского, имени.

Коммуна начала жить. Коммуне помогали чекисты, руководила партия. И коммуна росла не просто хорошей, образцовой детской воспитательной коммуной, а сложным, громадным и исключительно интересным организмом. За 6 лет в коммуне прошло 500 коммунаров, и на каждом коммунаре лежала громадная ответственность за общее дело строительства мо-

лодой коммуны. Каждый коммунар-дзержинец имеет право гордиться, что он принимал в ее создании активнейшее участие как человек, взращенный революцией.

Коммуна строит у себя не только новый рабфак, новый фотозавод, но еще и новый быт, преодолевая трудности, идет вперед, учится, работает, хозяйничает, в то же время по-советски, по-социалистически, не теряя ни одного дня на прогул, ни одного грамма бодрости и радости жизни.

И вот, подводя колоссальные итоги проделанной за 6 лет своего существования работы, коммунары могут твердо и ответственно заявить, что они — дети труда и воспитываются в труде, а труд для них не тяжесть и необходимость, а дело чести и доблести.

Незабываемая встреча

Воспоминания

В шести километрах от Харькова был когда-то Куряжский монастырь. В 1920 г. монахи разбрелись кто куда и в помещении монастыря была открыта колония для беспризорных ребят. О том, как жили и работали ребята в колонии имени Горького, я подробно написал в своей книге «Педагогическая поэма». В 1928 г. у нас в колонии была уже своя школа-семилетка, и в ней учились 300 мальчиков и 100 девочек.

За восемь лет дружной совместной работы горьковцы выработали много интересных способов коллективного самоуправления. Руководили всем коллективом выросшие вместе с колонией комсомольцы. Все горьковцы разделялись на отряды по десять — пятнадцать человек. Отряды выбирали своим командиром самого лучшего, дельного парня или девушку. Распоряжение своего отрядного командира ребята выполняли по-военному, беспрекословно. Все командиры собирались на совет командиров, и совет, вместе со старшими, решал все главные жизненные вопросы.

Бывшие беспризорники с увлечением обрабатывали 100 гектаров монастырской земли, прекрасно вели сельское хозяйство, разводили свиней, коров и лошадей.

Для тех, кто имел охоту заняться ремеслом, налажены были разные мастерские: столярная, сапожная, швейная.

Став настоящими советскими ребятами, горьковцы высоко держали честь своей коммуны. Они гордились ею и любили ее так же крепко, как своего шефа — Алексея Максимовича Горького. Алексей Максимович жил в Италии, когда мы написали ему первое письмо, и так как адреса мы хорошо не знали, на конверте написали коротко:

«Италия. Максиму Горькому».

Ответ получили через месяц, и после этого мы написали уже письмо настоящее. В колонии было 28 отрядов, у каждого отряда были свои дела и особенности, каждый отряд захотел написать отдельно. И до самого приезда Алексея Максимовича в Союз, в 1928 г., колонисты придерживались такого способа переписки. Всегда получался очень большой пакет. Я не протестовал против такого обилия, хотя и думал, что Алексею Максимовичу некогда будет читать все отрядные письма. Алексей Максимович обыкновенно присылал также не одно письмо в конверте, а два: одно для меня, другое для ребят, но в этих письмах отвечал так подробно, что и в самом деле выходило: все отрядные дела ему известны.

Наша дружба с великим писателем крепла с каждым месяцем, и когда в начале 1928 г. стало известно, что Алексей Максимович едет в СССР, никто в колонии не сомневался, что он обязательно побывает и у нас.

Не сомневался в этом и Алексей Максимович. Он писал нам, что в Союз он прибудет в июне, а к нам приедет в июле. Так и вышло.

В начале июля, в самый разгар жатвы, почетный караул горьковцев с оркестром и знаменем выстроился на перроне харьковского вокзала. Алексея Максимовича встречали тысячи людей. Выглянув из окна вагона, он сразу узнал нас и приветливо протянул к нам руки.

На другой день он приехал в колонию. Ребята встретились с ним как родственники, с глубочайшей теплотой дружбы, и как читатели, и как граждане Советской страны. Алексей Максимович прожил у нас три дня. В здании школы ребята приготовили для него большую комнату, любовно украсив ее зеленью и цветами.

Алексей Максимович вставал вместе с нами — в шесть часов утра. Ему не пришлось тратить время на ознакомление с нашими делами: все было ему известно; многочисленные письма наших двадцати восьми отрядов, все до одного, были им прочитаны, и он ничего не забыл из того, что было там написано.

Он знал не только фамилии, но имена всех командиров, а также и других ребят, о которых ему писали.

Он знал, как ведется наше хозяйство.

Ему хорошо были известны дела свинарни — главного нашего богатства. В колонии была замечательная свинарня, устроенная по последнему слову техники. В ней воспитывалось триста чистокровных английских свиней.

Даже расположение наших построек было ему знакомо. В первое же утро, зайдя в его комнату, я уже не застал в ней нашего дорогого гостя. Я увидел его только за завтраком в общей столовой. Он сидел, тесно окруженный ребятами одиннадцатого отряда, и деревянной ложкой ел гречневую кашу. За его спиной стояла в белоснежном халате дежурная хозяйка — одна из девушек-воспитанниц — и чуть не плакала:

— Алексей Максимович, как же это так: для вас завтрак готовили, а вы взяли и пришли сюда, в отряд. А мы там хороший завтрак...

Он лукаво поглядывал на ребят, пригласивших его завтракать, и оправдывался:

— Послушай... чего ты пристала? Это же каша... такая замечательная...

Ребята были в большом затруднении: с одной стороны, им хотелось, чтобы Алексей Максимович завтракал за их столом, с другой стороны, выходило как-то неловко — они лишили Алексея Максимовича какого-то лучшего завтрака, приготовленного для него дежурной хозяйкой. Петька Романченко нашел выход из положения:

— Алексей Максимович сначала у нас позавтракает, а потом съест твой завтрак, Варя, хорошо?

Горькому этот выход очень понравился. Он оглянулся на хозяйку и добродушно развел руками:

— Ну, вот, видишь. Чего же ты волнуешься? А твоего завтрака на нас хватит?

— На кого — на вас?

— На меня и на них... Вот... на одиннадцатый отряд.

— Так они... Вот еще новости! Их же пятнадцать человек!

— Не хватит, значит?

Дежурная хозяйка в панике бросилась на кухню. По дороге налетела на меня и с возмущением забормотала:

— Эти... одиннадцатый... все напутали... все испортили.

Я ей посоветовал подать «горьковский» завтрак на стол одиннадцатого отряда. Там началось пиршество, и Горький смеялся больше всех, глядя на кусок зажаренной свинины, одиноко лежавший на тарелке. Одиннадцатый отряд, конечно, краснел и отказывался от встречного угощения. Так ничего и не вышло из отдельной кухни, организованной для гостя заботами наших юных хозяек.

После завтрака Алексей Максимович ходил между командирами и договаривался, куда ему отправляться на работу. На самых далеких полях убиралось яровое, но туда нужно было ехать, а Горький ни за что не хотел ехать на линейке, так как откуда-то узнал, что для этого нужно снять с работы лошадь. Но и в этом случае выход был найден. Алексея Максимовича усадили на жатвенную машину. Держаться на железном сиденье жатки было довольно трудно, но жатку окружил целый отряд, и упасть Алексею Максимовичу было некуда.

Он шутил:

— На чем только я не ездил, а на таком экипаже еще ни разу не доводилось.

В поле он отказался от косы:

— Какой я косарь? Ну вас, смеяться будете!

— Нет, не будем смеяться, Алексей Максимович! Вот острая коса, это для вас приготовили.

— Я лучше вот эту штуку возьму.

Он взял вилы и помогал ребятам подгребать колосья. Ребята окружили его и, рассуждая о разных хитростях работы вилами, успевали подбирать за него все колосья. Алексей Максимович обиделся:

— Что же ты... Слушай, оставь же и мне что-нибудь...

Прибежал дежурный командир:

— Это для чего Алексею Максимовичу вилы дали? Он гость, а вы его... работать! Алексей Максимович, там вас столяры ожидают. У них сейчас сдача ульев.

Алексей Максимович понимал, что нельзя никого обижать. Поэтому в течение рабочего дня он успевал побывать на всех работах.

В бывшей зимней церкви он рассказал колонистам, как много лет тому назад он пришел в этот самый монастырь, чтобы поспорить со знаменитым святошей.

В свинарне он обеспокоенными глазами наблюдал, как поросится Венера, и принял на свои руки первого великолепного английского поросенка.

После работы и ужина все колонисты собирались вокруг Горького. Один вечер был посвящен постановке «На дне» силами ребят. Горького посадили посредине зала и во время действия на сцене рассказывали ему разные подробности об актерах. Больше всего понравилась Алексею Максимовичу игра колониста Шершнева, изображавшего Сатина. На другой вечер был концерт.

А потом пришел третий день, и Алексей Максимович должен был уезжать. Глаза колонистов с утра сделались удивленными: как это так — уезжает Горький!

Казалось, что он не три дня был среди нас, а с самого основания колонии жил с нами. И это было вполне естественно: колония имени Горького не только носила это имя — горьковцы любили и чтили Алексея Максимовича, как отца.

Ребята выстроились на дворе. Развернули знамя, подали команду. Но не было уже в этом строю никакой торжественности, было только одно стремление: как-нибудь удержать прощальные слезы. Алексей Максимович проходил по рядам, пожимал всем ребятам руки и ласково-грустно улыбался.

Большой, нарядный автомобиль был прислан за ним из Харькова, и шофер заботливо распахнул блестевшую лаком дверцу.

К вопросу о консультации

Мне думается, основные недостатки консультационной работы у нас установлены твердо. Их можно представить в таком коротком перечислении:

1. Консультационная работа с молодым автором смешивается с редакционной работой журналов и издательств. То, что обязаны делать редакции в области переписки с авторами, хотя бы и начинающими, ни в коей мере не может относиться к работе консультации.

Под консультацией можно понимать серьезно организованную литературную помощь молодому автору в том случае, если он обращается за такой помощью, и только в том случае, если эта помощь представляется необходимой и уместной по характеру дарования, обнаруженного автором. Консультация не должна превращаться в литературную учебу (или в учебу общую) для всех, выразивших желание учиться. Для этих целей у нас есть достаточно средних и специальных учебных заведений, куда и нужно направлять желающих. Таким образом, требуется определить более точно, что такое литературная консультация.

2. Требуется также более точное определение и методики консультационной помощи. До сих пор эта методика определялась соображениями, относящимися почти исключительно к форме. Разрешались вопросы: как писать, как располагать материал, как изображать пейзаж, портрет, диалог, а еще чаще даже эти вопросы не разбирались, а просто рассматривалась готовая [литературная] продукция и указывались ее недостатки, опять-таки с точки зрения формы.

Такая методика еще более приближала консультацию к обучению литературной грамотности, но ни в коем случае не могла воспитывать писателя и даже мешала такому воспитанию.

Истинная работа с начинающим писателем, мне думается, должна идти по иному направлению. Писателем может быть только тот человек, который талантливее и острее разбирается в самой жизни, у которого жизненный анализ стремится претвориться в художественной форме, в художественном синтезе, при этом претвориться, сколько-нибудь по-новому, с особым стилем и особым выражением. Писателем может быть только тот, кому есть что сказать, и при этом сказать по-своему.

Работа с начинающим [писателем] может идти по линии ревизии его жизненного материала и его художественного стиля с таким расчетом, чтобы в наибольшей степени помочь ему в мобилизации материала и в выработке стиля. Я допускаю такой общий вид консультационной работы:

а) Полное, основательное, аналитическое выяснение жизненного багажа автора, его идей, выводов, живых запасов образов, устремлений, утверждений.

б) Более или менее глубокая помощь в организации и в углублении жизненного опыта при помощи более сложного и творчески ценного наблюдения жизни и участия в ней, а также при помощи чтения книг художественных и научных.

в) Выяснение и определение его творческих элементов: оптимизма, пессимизма, лиричности, юмора, сарказма, иронии, остроты глаза, характера композиции, сюжетных наклонностей, ощущения красок, метафоричности, смелости слова или осторожности. Краткости или цветистости языка.

г) На основании всех перечисленных данных прямая творческая помощь автору в работе над произведением, достаточно ценным, чтобы быть литературным явлением, т. е. над повестью или над серией рассказов, стихов, отрывков и т. д.

3. В свете вышеуказанных положений явной становится неудовлетворенность нашей предыдущей работой. Совершенно очевидно, что помощь автору должна быть обязательно помощью индивидуальной и обязательно со стороны лица достаточно сильного и способного разобраться в творческих данных автора. Такое лицо не обязательно должно быть писателем, а должно обладать литературной эрудицией, вкусом, педагогическим талантом. Тем более недопустимо поручение отдельным лицам целой группы начинающих, с оплатой гонораров за число печатных листов, недопустимо обращение консультационной работы в сдельную работу с кучей рукописей.

На основании всего изложенного я предлагаю следующую систему консультационной работы:

1. Переписка с авторами, присылающими свои рукописи в редакции, должна быть выведена из системы консультации.

2. Объектами консультации должны быть авторы, желающие получить литературную помощь и в достаточной мере обнаруживающие свои способности.

3. Консультация должна быть строго индивидуальной работой одного товарища с одним автором. Консультантами должны быть люди в совершенной степени авторитетные, талантливые и серьезно относящиеся к задаче. Их труд должен быть оплачен по самым высоким ставкам, а за качество работы они должны отвечать перед писательской общественностью.

4. В консультации не должно быть никаких постоянных штатных работников, кроме работников учета и распределения. Но во главе консультации должен быть человек, способный организовать каждому автору наилучшие формы помощи, особенно способный выбрать самого подходящего для данного автора помощника.

5. Вопросы языковой общей техники, выходящей за границы индивидуальных стилей, и вопросы теории словесности должны быть совершенно изъяты из ведения устной консультации и сосредоточены в особом журнале, который ни в коей мере не должен напоминать «Литературную учебу», а должен быть очень доступным и простым изложением основных общих положений литературной техники. Журнал должен излагать все вопросы с определенным педагогическим устремлением, с расчетом на начинающего автора. Для такого журнала должна быть составлена на каждый год и утверждена Правлением ССП точная программа. К такому журналу и нужно отсылать всех интересующихся литературной техникой.

14 августа 1938 г.

В библиотеке

Библиотека у Вали не очень бедная, но в ней тесно, темно, а снаружи у дверей нет ни одной витрины, ни одного рекомендательного списка. Валя работает в библиотеке всего вторую неделю, за это время даже самый опытный библиотекарь ничего бы не успел сделать.

Кое-какие книги Валя раскладывает на столах. Они лежат в хороших ярких переплетах с красивыми заглавными надписями, с золотым и серебряным тиснением. Иногда их берут в руки и перелистывают, но затихают со склоненной головой вовсе не над ними, а над тоненькими тетрадками журналов «Наука и техника», «За рулем», «Радио». Валя знает, что это необходимые признаки первого читательского этапа. Когда она ближе познакомится с посетителями библиотеки, дело пойдет быстрее. Уже вчера к ней подошел юноша с черными глазами, хорошенький, как девушка, и несмело попросил:

— Товарищ Осипова, честное слово... я не запачкаю и верну, в полной исправности верну, знаешь, когда? Я верну пятнадцатого числа. Хорошо?

В руках у него серый томик «Петра I».

— Так нельзя, — сказала Валя, — не разрешается на дом.

Юноша в смущении раскрыл «Петра I» и сказал так же нерешительно:

— Вот увидите, товарищ Осипова! Я никому не скажу, никто не узнает.

— Узнают. Вот вы понесете книжку домой, и все увидят, обязательно ко мне прибегут, скажут: Нестерову дали, и мне дайте.

Юноша обрадовался: опасность была не такой большой, как казалось Вале:

— Я, знаете? Я под поясом спрячу. Никто не узнает.

— Вот видите! Книгу под пояс! Разве можно?

— Ну, не под пояс... а знаете... я за пазуху положу, там чисто, честное слово, чисто.

И юноша через бортик гимнастерки показывает действительно чистый край сорочки.

А сегодня пришел из инструментального цеха Давид Резник, пересмотрел все книги на столах, потом стал против столика Вали:

— Скажите, есть такие книги, которые о любви?

Он не покраснел, а только посерьезнел и объяснил, чтобы не было недоразумений:

— Это я знаю: есть романы, так в них просто все описывается про людей, как будто были такие люди. Так это я знаю. А может, у вас есть такие книги, чтобы не романы, а чтобы так... чтоб серьезно?

У Давида Резника длинное худое лицо, а нос полный, мясистый. Он не торчит вперед, как у других людей, а как будто привешен на лице. Скулы у Давида насилу помещаются под кожей, такие они острые и выпирающие. Вообще Давид только с большой натяжкой может быть назван красивым юношей. Но он стоит серьезный перед Валей и требует серьезную книгу о любви. По Давиду видно, что такая книга ему действительно нужна до зарезу, и Валя чувствует, что она обязана дать [ее] ему.

— Давид, что же вам предложить? Вы читали «Анну Каренину» Льва Толстого? Вы, кажется, брали у меня.

— Нет, «Анна Каренина» — что! Там ничего нет определенного. Это роман, я не хочу роман.

Валя морщит лоб. Нет, в ее библиотеке нет такой книги. С неприятным чувством вины она вспоминает, что такой книги она вообще не знает.

— Стойте, Давид! Как же это я забыла «Викторию» Гамсуна? Вы не читали?

— «Викторию»? Не читал. Гамсуна? А это кто такой — Гамсун? Это не наш? Так это не роман?

— Нет, роман. Но это ничего, Давид. Это ничего. Вы прочитайте.

— Нет, я не хочу роман. Роман меня не устраивает. И там, наверное, все плохо кончается. Печально кончается.

Он с грустным вопросом смотрит в глаза Вали. Валя разочарованно кивает. В самом деле у Гамсуна все грустно кончается.

— Нет. Вы посудите, товарищ Осипова! Для чего мне такая книга? Если нужно, чтоб печально кончилось, так это каждый сумеет. А если нужно, чтобы хорошо кончилось, так надо научиться. Странно, почему никто не напишет такую книгу? Такую книгу в первую очередь нужно написать.

Валя согласилась с Давидом, и Валя частично отвечает за отсутствие такой книги, но расстроенное лицо Давида начинает интересовать ее и с другой стороны:

— А для чего вам такая книга?

— Мало ли для чего? Надо же прочитать! Я не понимаю: о технике написали, о звездах написали, о разных животных, которых давно нет, тоже написали! А о любви почему-то не написали.

Давид улыбается и моментально хорошеет.

— Надо же сказать по этому вопросу что-нибудь определенное!

Он все-таки смотрит на Валю с надеждой, и Валя склоняет на бок голову.

— Давид, я поищу в городе такую книгу. Но, насколько я помню, нет такой книги, Давид.

— Спасибо, — говорит Давид Резник, — очень буду благодарен.

Он ушел последним, и Валя занялась приведением библиотеки в порядок. Она распределяла книги по полкам, складывала на столе газеты и журналы, и все ей казалось, что она сейчас вспомнит книгу о любви.

Потом вдруг она вспомнила другое: как странно, и она любила, и другие люди кругом любили и любят, почему ни разу никому в голову не пришло издать серьезную книгу о любви, чтобы было все написано «определенно», как говорил Давид Резник. Валя прыгала с лестнички на лестничку, и быстрыми молниями проносились у нее все какие-то интересные и в общем приятные мысли: хорошо было, что Давид Резник ищет такую книгу, хорошо было, с другой стороны, что другие люди не искали такой книги и в душевной простоте считали себя специалистами в этой области. И может быть, замечательнее всего было то, что книга о любви еще не написана, но скоро ее кто-нибудь напишет. Она выйдет в советском издании, и Валя получит ее, свежую, чистую, свою, и никто не скажет о книге, что она отображает буржуазную мораль. В самом деле, что общего между Давидом Резником и Анной Карениной и зачем ему учиться страдать у Гамсуна? Вале даже показалось на одну только секундочку, что в мире все хорошо устроено, потому что, допустим, такую книгу о любви кто-нибудь написал...

Валя остановилась с пачкой книг в руках и мечтательно улыбнулась: воображаю, какая получилась бы гадость. Разве можно написать книгу о любви, вообще о любви? Чудак этот Давид! Ему все хочется знать, чтобы все было определенно, тогда и жить не нужно. Зачем жить, если все написано. Прочитал и... и все как по нотам!

Валя даже вздрогнула от отвращения. Она нахмурила бровки и, подымая книги к полке, закусила губу. Пускай. В ее жизни любовь тоже получилась... очень, очень неудачно. Ну и пускай. Все-таки это лучше, чем по книге. И кроме того, а кто знает, как будет завтра? Никто не знает. Какая завтра придет любовь? Может быть, такая придет, что Гамсуну не снилась.

Комментарии

Объяснительная записка к смете
(с. 244)
ЦГАОР УССР, ф. 166, оп. 2, д. 111 с об. Автограф, с подписью А. С. Макаренко, В. Поповиченко и Г. Супруна. Заверено печатью Полтавского губнаробраза. Адресовано в Главсоцвос НКП УССР. Печатается по архивному источнику, с сокращениями.

[1] *Гринько Г. Ф.* (1890—1938) — советский государственный и партийный деятель, нарком просвещения УССР в 1919—1922 гг. Примерно в 1928 г. А. С. Макаренко писал: «...Как раз мы являемся теми людьми, которых Гринько называл «подвижниками соцвоса» (ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 97, л. 12).

Инспектору учреждений дефективного детства Харьковской области
(с. 244)
ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 364, л. 1—7. Заверенная машинописная копия, оригинал находится в ЦГАОР УССР. Часть материала в переводе на укр. яз. опубликована Н. П. Нежинским (Життя і педагогічна діяльність. А. С. Макаренко. К., 1967, с. 57) и на рус. яз. А. А. Фроловым (А. С. Макаренко: Сб. Львов, 1978, с. 121—122). Печатается по архивному источнику.

Публикуемый документ — первое достаточно подробное описание деятельности горьковской колонии, известное к настоящему времени исследователям. Здесь сформулирован педагогический принцип, плодотворность которого уже к тому времени была подтверждена макаренковским опытом. Это «путь трудовой общины, определенно прогрессирующей в разных областях жизни».

Материал затрагивает проблему соотношения субъективных и объективных факторов воспитательного процесса в коллективе: направляющее значение работы воспитателей находится в зависимости от «организации материальной части», включая «финансово-материальную систему».

[1] *Козлова* — тогда инструктор Главсоцвоса НКП УССР. Посетила колонию в июне 1922 г.

[2] На начальном этапе восстановления народного хозяйства СССР имело место обесценивание денег. Возрождение твердой валюты последовало после завершения денежной реформы в 1924 г..

[3] *Ганенко* — прототип Черненко в «Педагогической поэме».

Из альбома «Наши жизни — Горькому — горьковцы»
(с. 246)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 1, ед. хр. 111, л. 222. Публикуется впервые.

Контртезисы
(с. 247)

Впервые опубликовано в кн.: *Макаренко А. С.* Теория и практика коммунистического воспитания. Киев: Радянська школа, 1985, с. 34. Печатается по данному источнику.

«Контртезисы» можно рассматривать как подготовительный материал к докладам, с ко-

торыми педагог выступил 13 и 14 марта в Украинском НИИ педагогики. В публикуемом документе четко определяется обусловленность педагогической системы А. С. Макаренко идеологией рабочего класса, характером советской государственности.

[1] Здесь и далее в этой работе подчеркнутое и взятое в кавычки — это цитирование заключения НИИ педагогики о материалах А. С. Макаренко. Комментируя соображения критиков его проекта, он указывает на неопределенность их методических позиций, непоследовательность аргументации, порочность применяемой педагогической логики.

[2] Здесь и далее говорится о «нейтральности» основополагающих педагогических принципов при их простом «декларировании». А. С. Макаренко считал, что конкретизация новых педагогических целей и принципов в закономерной системе организационно-методических решений и практических средств — одна из главных задач теории и методики коммунистического воспитания. В органическом единстве целей, принципов и конкретных средств воспитания на основе научно-материалистической логики целесообразности педагогических средств он видел решающее условие превращения педагогической науки в стройную систему научного знания. В этой связи он резко критиковал пережитки отрыва педагогической теории от практики, расценивая умаление проблемы педагогической целесообразности практических средств воспитания как отход от собственно педагогической проблематики.

[3] Впоследствии такую ошибку педагогической логики А. С. Макаренко относил к «этическому фетишизму».

[4] Объективной реальностью является не только личность, но и коллектив, общество, где действуют свои, специфические законы. Коллектив — самостоятельная ценность, ему присущ известный «суверенитет». Идея диалектического единства коллектива и социалистической личности определяет значение вклада А. С. Макаренко в теорию и методику коммунистического воспитания.

В правление коммуны им. Ф. Э. Дзержинского
(с. 249)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 379, л. 1—2 с об. Автограф, без даты. Публикуется по архивному источнику.

[1] Говорится об окружной рабоче-крестьянской инспекции.

[2] См.: Все ли благополучно в детских колониях?.. — Харьковский пролетарий, 1928, 19 янв. Письмо А. С. Макаренко в редакцию газеты «Коммунист» с объяснением трудностей в работе колоний и детдомов округа см. в журнале «Народное образование» (1963, № 2, с. 92—95). ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 296, л. 1—10.

[3] Окружная инспектура народного образования

[4] Наркомпрос УССР.

[5] *Затонский В. П.* (1888—1938) — советский государственный и партийный деятель, в 1927—1933 гг. — председатель ЦКК КП(б)У и нарком РКИ УССР. В 1922 и 1933—1938 гг. — нарком просвещения УССР.

[6] Наркомат рабоче-крестьянской инспекции УССР.

[7] Говорится о работе А. С. Макаренко в управлении детдомов, колоний и учреждений для рабочих подростков Харьковского округа, когда он продолжал нести ответственность и за колонию им. М. Горького, оставаясь ее заведующим. Осуществляя фактическое руководство колонией, его заместители не выдерживали более месяца работы (см. т. 1 настоящего издания, с. 241).

Письмо горьковцев в правление коммуны им. Ф. Э. Дзержинского
(с. 250)

Впервые опубликовано в издании: *Макаренко А. С.* Соч.: В 7-ми т. Т. VII. М., 1958, с. 480. Печатается по данному изданию.

О летнем походе коммунаров
(с. 250)

Впервые опубликовано в издании: *Макаренко А. С.* Соч.: В 7-ми т. Т. VII, с. 482. Печатается по данному изданию.

Положение о дисциплинарных взысканиях и поощрениях коммунаров на производстве
(с. 251)
«Положение» датируется 5 сентября 1933 г. Подписано преподавателем Т. Д. Татариновым, который занимал тогда должность заведующего производственным обучением. Впервые опубликовано в издании: *Макаренко А. С.* Соч.: В 7-ми т. Т. VII, с. 484—486. Печатается по данному изданию.

Речь на вечере, посвященном 6-летию коммуны им. Ф. Э. Дзержинского
(с. 253)

Впервые опубликовано в газете-многотиражке «Театр русской драмы» (1934, 8 марта). Печатается по изданию: *Макаренко А. С.* Теория и практика коммунистического воспитания. Киев: Радянська школа, 1985, с. 58.

[1] Торжественное открытие коммуны было приурочено к 10-летию ВЧК-ОГПУ 29 декабря 1927 г. Педагогический персонал во главе с А. С. Макаренко был назначен в коммуну 20 октября 1927 г. Постановление об увековечивании памяти Ф. Э. Дзержинского созданием «социально-культурного учреждения для борьбы с детской беспризорностью» было принято коллегией ГПУ УССР 9 апреля 1927 г.

Незабываемая встреча
(с. 254)

Была опубликована в журнале «Дружные ребята» (1939, № 6). Печатается по изданию: *Макаренко А. С.* Соч.: В 7-ми т. Т. VII, с. 308—314.

К вопросу о консультации
(с. 256)

ЦГАЛИ СССР, ф. 332, оп. 4, ед. хр. 128. Авторская машинопись, с подписью А. С. Макаренко и рукописной датой. Публикуется по архивному источнику.

В библиотеке
(с. 257)

Настоящий отрывок из незаконченного романа «Пути поколения» представляет собой фрагмент рукописи, подготовленной автором к печати. Впервые было опубликовано в «Литературной газете» (1941, 6 апр.). Печатается по изданию: *Макаренко А. С.* Соч.: В 7-ми т. Т. VII, с. 124—127.

Библиография[1]

Труды А. С. Макаренко

Собрания сочинений

Макаренко А. С. Педагогические сочинения: В 8 т. / Сост. М. Д. Виноградова, Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов; Редкол.: М. И. Кондаков (гл. ред.), В. М. Коротов и др.; Т. 1—8. М.: Педагогика, 1983—1986.

Т. 1 / Сост.: Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов. — 1983. — 386 с.
Т. 2 / Сост.: М. Д. Виноградова, А. А. Фролов. — 1983. — 512 с.
Т. 3 / Сост.: Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов. — 1984. — 512 с.
Т. 4 / Сост.: М. Д. Виноградова, А. А. Фролов. — 1984. — 400 с.
Т. 5 / Сост.: Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов. — 1985. — 336 с.
Т. 6 / Сост.: М. Д. Виноградова, А. А. Фролов. — 1985. — 384 с.
Т. 7 / Сост.: Л. Ю. Гордин, А. А. Фролов. — 1986. — 320 с.
Т. 8 / Сост.: М. Д. Виноградова, А. А. Фролов. — 1986. — ...с.

Избранные сочинения

Макаренко А. С. Избр. пед. соч.: В 2 т. / Сост. Л. Ю. Гордин; Под ред. И. А. Каирова (отв. ред.), В. М. Коротова, Б. Т. Лихачева. М.: Педагогика, 1977.

Макаренко А. С. Избранные произведения: В. 3 т. / Редкол.: Н. Д. Ярмаченко и др. — Киев: Рад. шк., 1983—1984.

Макаренко А. С. Избранные произведения: В 3 т. / Редкол.: Н. Д. Ярмаченко и др. 2-е изд., испр. Киев: Рад. шк., 1985.

Отдельные издания

Макаренко А. С. Трудовое воспитание / Сост. и авт. вступ. ст. Л. Ю. Гордин. Минск: Нар. асвета, 1977. 256 с.

Макаренко А. С. Теория и практика коммунистического воспитания / Сост. А. А. Фролов; Редкол.: М. Ф. Фоменко (пред.), В. М. Коротов, Л. Ю. Гордин. Киев: Рад. шк., 1985. 279 с.

Макаренко А. С. Педагогическая поэма. М.: Мол. гвардия, 1977. 639 с.

Макаренко А. С. Педагогическая поэма. Сыктывкар: Коми кн. изд-во., 1977. 640 с.

Макаренко А. С. Педагогическая поэма. Куйбышев: Кн. изд-во, 1978. 651 с.

Макаренко А. С. Педагогическая поэма. Пермь: Кн. изд-во, 1978. 519 с.

Макаренко А. С. Педагогическая поэма. Харьков: Прапор, 1978. 630 с.

---

[1] В данный библиографический список включены труды А. С. Макаренко и публикации, авторефераты диссертаций о его педагогическом и литературном творчестве, изданные в 1977—1985 гг. на русском и украинском языках. Соответствующую литературу предшествующих лет см.: А. С. Макаренко. Библиографический указатель / Под ред. Н. А. Сундукова; Сост. В. А. Хрусталева. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959. 136 с.; А. С. Макаренко. Указатель трудов и литературы о жизни и деятельности / Науч. ред. Л. Ю. Гордин; Сост. И. М. Турич. М.: Педагогика, 1978. 80 с.

Макаренко А. С. Педагогическая поэма. Кишинев: Лумина, 1979. 600 с.
Макаренко А. С. Педагогическая поэма. М.: Правда, 1979. 640 с.
Макаренко А. С. Педагогическая поэма. Харьков: Прапор, 1979. 630 с.
Макаренко А. С. Лекции о воспитании детей. Минск: Нар. асвета, 1978. 96 с.
640 с.
Макаренко А. С. Педагогическая поэма. М.: Педагогика, 1981. 624 с.
Макаренко А. С. Педагогическая поэма. Харьков: Прапор, 1981. 630 с.
Макаренко А. С. Педагогическая поэма. М.: Физкультура и спорт, 1982. 640 с.
Макаренко А. С. Педагогическая поэма. Минск: Нар. асвета, 1982. 544 с.
Макаренко А. С. Педагогическая поэма. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1982. 624 с.
Макаренко А. С. Педагогическая поэма. Махачкала: Даг. уч. пед. изд-во, 1984. 640 с.
Макаренко А. С. Педагогическая поэма: В 2 кн. М.: Книга, 1985.
Макаренко А. С. Педагогическая поэма. М.: Мол. гвардия, 1985. 640 с.
Макаренко А. С. Флаги на башнях. Куйбышев: Кн. изд-во, 1977. 440 с.
Макаренко А. С. Флаги на башнях. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1979. 432 с.
Макаренко А. С. Флаги на башнях. М.: Моск. рабочий, 1980. 432 с.
Макаренко А. С. Флаги на башнях. М.: Правда, 1981. 478 с.
Макаренко А. С. Флаги на башнях. М.: Правда, 1983. 478 с.
Макаренко А. С. Книга для родителей. Кишинев: Лумина, 1977. 350 с.
Макаренко А. С. Книга для родителей. Л.: Лениздат, 1981. 319 с.
Макаренко А. С. Книга для родителей. Ростов н/Д: Кн. изд-во 1981. 302 с.
Макаренко А. С. Книга для родителей. М.: Педагогика, 1983. 160 с.
Макаренко А. С. Книга для родителей. — Новосибирск: Кн. изд-во 1983. 319 с.
Макаренко А. С. Книга для родителей: Лекции о воспитании детей. М.: Правда, 1985. 448 с.
Макаренко А. С. Книга для родителей. М.: Правда, 1986.
Макаренко А. С. Лекции о воспитании детей. Минск: Нар. асвета, 1978. 96 с.

Публикации в сборниках, журналах, газетах

Макаренко А. С. В редакцию альманаха «Год XVII». 15 марта и 7 июля 1934 г. // А. С. Макаренко. Львов: Изд-во Львовского гос. ун-та, 1978. С. 112—113.
Макаренко А. С. Доклад о состоянии Полтавской трудовой колонии им. М. Горького. 30 июня 1923 г. // А. С. Макаренко. Львов: Изд-во Львовского гос. ун-та, 1978. С. 122—125.
Макаренко А. С. Из отчетной ведомости о состоянии Полтавской трудовой колонии им. М. Горького за 23 г. // А. С. Макаренко. Львов, 1978. С. 125—126.
Макаренко А. С. Из писем отв. секретарю Правления трудкоммуны им. Дзержинского. 29 декабря 1930 г. и авг. 1932 г. // А. С. Макаренко. Львов, 1978. С. 126—131.
Макаренко А. С. Письма Е. М. Коростылевой. Конец сентября 1935 г. — 28 марта 1936 г. // А. С. Макаренко. Львов, 1978. С. 113—118.
Макаренко А. С. Письма к Т. В. Турчаниновой. 14 авг. 1938 г. — 13 марта 1939 г. // Учит. газ. 1978. 11 марта.
Макаренко А. С. Письмо к В. И. Поповиченко. 22 марта 1926 г. // А. С. Макаренко. Львов, 1978. С. 136—138.
Макаренко А. С. Потребности в семье и воспитание: Из подготовительных материалов «Книги для родителей» // Семья и школа. 1978. № 3. С. 22—23.
Автобиография А. С. Макаренко // А. С. Макаренко. Львов, 1978.
Дарственные надписи А. С. Макаренко // А. С. Макаренко. Львов, 1978.
Макаренко А. С. Заявление о приеме кандидатом в члены ВКП/б: Фотокопия на форзаце // А. С. Макаренко. Избр. пед. соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Педагогика, 1977.

Макаренко А. С. Из замечаний к акту обследования коммуны им. Ф. Э. Дзержинского // Воспитание школьников. 1978. № 2. С. 20—25.
Макаренко А. С. Из отчета о состоянии колонии им. М. Горького за 1922 г. Инспектору учреждений деф. детства Харьк. обл., 19 марта 1923 г. // А. С. Макаренко. Львов, 1978. С. 121—122.
«В моей жизни Вы были чрезвычайно значительны...» Письма А. С. Макаренко к О. П. Ракович // Учит. газ. 1986. 13 марта.
Макаренко А С. Сокращение расходов // Шк. и пр-во. 1978. № 3. С. 27—28.

Издания на украинском языке[1]

Макаренко А. С. Педагогическая поэма. Киев: Рад. шк., 1977. 508 с.

Макаренко А. С. О коммунистическом воспитании / Сост. и авт. вступ. ст. Н. Д. Ярмаченко. Киев: Рад. шк., 1978. 344 с.

Макаренко А. С. Книга для родителей. Киев: Рад. шк., 1980. 328 с.

«Спасибо, что Вы живете» (страницы из биографии А. С. Макаренко) // Вечёрний Харькив, 1985. 8 июня

Литература о педагогической деятельности и художественном творчестве А. С. Макаренко

Антон Семенович Макаренко. К 90-летию со дня рождения: Краткие методические рекомендации; АПН СССР, Гос. науч. б-ка им. К. Д. Ушинского / Сост. М. Н. Михайлова и др. М., 1978. 19 с.

А. С. Макаренко в Харькове: Метод. рекоменд. в помощь лектору / Разраб. Л. Д. Поповой и др.; Харьк. обл. орг. «Знание» УССР. Харьков, 1983. 38 с.

А. С. Макаренко: Сборник к 90-летию со дня рождения / Редкол.: Ф. И. Науменко (отв. ред.) и др. Львов: Изд-во Львовского гос. ун-та, 1978. 159 с.

А. С. Макаренко: Кн. II / Редкол. Л. Г. Баик (отв. ред.) и др. Львов: Изд-во Львовского гос. ун-та: Вища школа, 1985. 155 с.

А. С. Макаренко о детском самоуправлении: Методические материалы и указания для студентов к спецсеминару по педагогике. Пятигорск: ПГПИИЯ, 1979. 26 с.

Генезис и основы педагогической системы А. С. Макаренко: Спецкурс. Программы для пед. институтов / Сост. А. А. Фролов; Отв. ред. А. И. Пискунов, А. И. Фотеева. М.: Минпрос СССР, 1984. 16 с.

Гетманец М. Ф. А. С. Макаренко и концепция нового человека в советской литературе 20—30-гг. Харьков: Вища школа, 1978. 247 с.

Детское самоуправление в теории и практике советской единой трудовой школы (1917—1931 гг.): Методические материалы и указания для студентов по изучению истории советской школы и педагогики. Пятигорск: ПГПИИЯ, 1980. 21 с.

Жизнь, творчество и педагогическая деятельность А. С. Макаренко: Метод. рекоменд. / Сост. Т. С. Князева, В. И. Ковалевский, А. Г. Холодюк; Пед. о-во МССР. Кишинев, 1983. 15 с.

Идеи А. С. Макаренко и современность: Сб. статей, посвященных 90-летию со дня рождения выдающегося советского педагога / Пед. о-во БССР. Минск: Нар. асвета, 1979. 148 с.

Конисевич Л. Большая семья: Записки воспитанника коммуны им. Ф. Э. Дзержинского / Лит. обраб. С. Г. Сорина; Б-ка журн. «Пограничник». М., 1980. 96 с.

Костелянец Б. О. «Педагогическая поэма» А. С. Макаренко. 2-е изд., доп. Л.: Худож. лит., 1977. 110 с.

Кумарин В. В. Теория коллектива в трудах А. С. Макаренко. Киев: Вища школа, 1979. 121 с.

Кубраков Г. М. На пути Макаренко: Из опыта Мамлютской санаторной школы-интерната. Алма-Ата: Мектеп, 1982. 87 с.

Методические рекомендации по использованию педагогических идей А. С. Макаренко в воспитательной работе с учащимися общеобразовательных школ / Пед. о-во БССР. Гомель, 1979. 35 с.

Незабываемое: Воспоминания об А. С. Макаренко / Кабард.-Балкар. отд-ние Пед. о-ва РСФСР. Нальчик, 1983. 15 с.

Организация и содержание изучения и пропаганды педагогического творчества А. С. Макаренко. Для повышения квалификации и самообразования работников системы ПТО: Метод. рекоменд. / Разраб. В. И. Ковалевским и др. М., 1984. 38 с.

Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (1917—1941 гг.) / Отв. ред.: Н. П. Кузин, М. Н. Колмакова, З. И. Равкин. М.: Педагогика, 1980. 456 с.

Опыт применения педагогической системы А. С. Макаренко в воспитательной работе с учащимися: Материалы семинаров, провед. в авг. 1978 г. в г. Белебее и в авг. 1979 г. в г. Череповце / ЦС Пед. о-ва РСФСР; Отв. ред. О. С. Кель. М., 1983. 61 с.

[1] Сведения о литературе на украинском языке представлены П. Г. Лысенко.

Павлова М. П. Педагогическая система А. С. Макаренко и современность. М.: Высшая школа, 1980. 287 с.

Педагогические идеи А. С. Макаренко в практике современной школы: К 90-летию со дня рождения. Рек. указатель лит. / Сост. И. М. Рудаева, И. М. Турич; Науч. ред. Л. Ю. Гордин; Минпрос СССР, АПН СССР, Гос. б-ка им. К. Д. Ушинского. М., 1977. 56 с.

Педагогическое наследие А. С. Макаренко и современная школа / Отв. ред. И. А. Каиров, Л. Ю. Гордин. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1981. 240 с.

Педагогическо-мемориальный музей А. С. Макаренко: Путеводитель / Авт. текста П. Г. Лысенко. Харьков: Прапор, 1977. 22 с.

Педагогическо-мемориальный музей А. С. Макаренко / Авт. текста П. Г. Лысенко. Харьков: Прапор, 1981. 46 с., ил.

Педагогическо-мемориальный музей А. С. Макаренко: Путеводитель / Авт. текста П. Г. Лысенко. 2-е изд., с изм. Харьков: Прапор, 1985. 64 с., ил.

Программа народного университета педагогического наследия А. С. Макаренко / Сост. П. Г. Лысенко; МП УССР. Пед.-мемор. музей А. С. Макаренко. Кременчуг, 1985. 18 с.

Работа макаренковских комсомольских педагогических отрядов с детьми и подростками по месту жительства: Материалы семинара (Калуга, 1 авг. 1977 г.). М., 1978.

Теоретические основы проблемы детского самоуправления в трудах А. С. Макаренко: Метод. указ. / Сост. Т. С. Князева. Пятигорск: ПГПИИЯ, 1981. 26 с.

На украинском языке

Антон Семенович Макаренко: Жизнь и творчество в документах, фотографиях, иллюстрациях / Отв. ред. М. П. Нежинский; Сост. П. Г. Лысенко, И. С. Убийвовк. 2-е изд., перераб и доп. Киев: Рад. шк., 1978. 159 с.

Материалы конференций

А. С. Макаренко и современность: Тез. докл. Всесоюз. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию со дня рожд. А. С. Макаренко, г. Москва, 13—14 марта 1978 г. — М.: Просвещение, 1978. 193 с.

А. С. Макаренко — педагог и писатель: Тез. докл. и сообщ. респ. науч. конф. «Пед. наследие А. С. Макаренко и соврем. проблемы коммунистического воспитания», посвященной 90-летию со дня рожд. выдающ. сов. педагога и писателя, г. Сумы, 2—3 марта 1978 г. Сумы, 1978. 324 с.

Областная научно-практическая конференция «А. С. Макаренко и современность»: Программа. Гродно, 1978. 9 с.

Первые макаренковские чтения, посвященные 95-летию со дня рождения А. С. Макаренко: Программа. Тирасполь, 1983. 4 с.

Педагогические идеи А. С. Макаренко в современной школе и профессионально-техническом училище: Программа науч.-практ. конф. / Донецкий обл. ин-т усоверш. учителей. Донецк, 1977. 12 с.

Использование педагогического наследия А. С. Макаренко в работе современной школы: Программа науч.-практ. конф., посвященной 95-летию А. С. Макаренко, г. Москва, 16—17 марта 1983 г. 4 с.

Использование педагогической системы А. С. Макаренко в работе по реализации школьной реформы: Программа семинара-совещания, г. Москва, 18—19 дек. 1985 г. М.; 1985. 4 с.

Статьи

Абашкин Н. В., Евтух Н. Б. Применение идей А. С. Макаренко в педагогической теории и практике ГДР // А. С. Макаренко. Львов, 1978. С. 83—88.

Богданович Л. А. Педагогические идеи А. С. Макаренко в половом воспитании подрастающего поколения // Психолого-педагогические проблемы совершенствования полового воспитания молодежи: Межвуз. сб. науч. ст. / Сыктывкар. гос. ун-т им. 50-летия СССР; Отв. ред. В. А. Витязева. Сыктывкар, 1983. 128 с.

Богомолов П. П. Идеи А. С. Макаренко в практике школы // Школа и производство. 1978. № 3. С. 31—34.

Виноградова М. Д. А. С. Макаренко об изучении личности воспитанника // Сов. педагогика. 1978. № 3. С. 60—63.

Внукова И. П. А. С. Макаренко о воспитателе // Сов. педагогика. 1984. № 3. С. 105—108.

Волков Б. Свет на зеленом листке: Этюды о становлении личности А. С. Макаренко // Учит. газ. 1979. 13 марта.

Волков Б. Первые всходы: К 96-й годовщине со дня рождения А. С. Макаренко // Учит. газ. 1984. 13 марта.

Волков Г. Н. Элементы народности в творческом наследии А. С. Макаренко // Сов. педагогика. 1979. № 3. С. 115—119.

Воловникова Г. М. Удивительный человечище: К 90-летию со дня рождения А. С. Макаренко // Литература в школе. 1978. № 1. С. 4—12.

Воспитание детей — самая важная область нашей жизни: К 90-летию со дня рождения А. С. Макаренко // Воспитание школьников. 1978. № 2. С. 16—18.

Гербеев Ю. В. Труд в педагогической системе А. С. Макаренко // Школа и производство. 1978. № 3. С. 14—21.

Гетманец М. Ф. [Рецензия] // Сов. педагогика. 1984. № 7. С. 120—122. Рец. на кн.: Новое издание сочинений А. С. Макаренко. М.: Педагогика, 1983. 368 с.

Гмурман В. Е. Из записей о А. С. Макаренко // Нар. образование. 1978. № 3. С. 93—96.

Гмурман В. Е. Счастье человека в счастливом обществе // Учит. газ. 1977. 14 апр.

Гмурман В. Е. Читать и перечитывать Макаренко // Воспитание школьников. 1978. № 2. С. 25—29.

Гмурман В. Е. Научное наследие А. С. Макаренко и задачи педагогического образования // Сов. педагогика. 1981. № 3. С. 97—102.

Гордин Л. Ю. Важное средство всестороннего развития личности: Физическое воспитание в педагогической системе А. С. Макаренко // Физическая культура в школе. 1978. № 3. С. 28—31.

Гордин Л. Ю. [Рецензия] // Сов. педагогика. 1981. № 12. С. 139—140. Рец. на кн.: Кумарин В. В. Теория коллектива в трудах А. С. Макаренко. Киев, 1979.—121 с.

Гордин Л. Ю. О педагогических взглядах А. С. Макаренко // А. С. Макаренко. Избр. пед. соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Педагогика, 1977. С. 252—279.

Гордин Л. Ю. Проблема самоуправления воспитанников в наследии А. С. Макаренко и в современной школе // Сов. педагогика. 1978. № 3. С. 47—54.

Гордин Л. Ю. Система трудового воспитания в опыте и воззрениях А. С. Макаренко // Макаренко А. С. Трудовое воспитание. Минск: Нар. асвета, 1977. С. 3—38.

Гордин Л., Невская С., Филин И. О «Педагогической поэме» //Нар. образование. 1986. № 4. С. 76—79.

Гриценко Л. И. Фальсификация идей А. С. Макаренко о коллективе в буржуазной педагогике ФРГ // Сов. педагогика. 1983. № 7. С. 125—128.

Гусаков А. Воплощение замыслов: О воплощении в жизнь заветов А. С. Макаренко. По материалам писем засл. учит. шк. РСФСР В. Н. Терского, О. С. Кель // Учит. газ. 1978. 11 марта.

Джуринский А. Н. Французские педагоги об идеях и опыте А. С. Макаренко // Сов. педагогика. 1978. № 3. С. 128—132.

Дроздюк П. Путевка в жизнь: Воспоминания бывшего воспитанника А. С. Макаренко, одного из «командиров» Куряжской трудовой колонии «Горьковской» // В едином строю. 1979. № 11. С. 26—27.

Броневой С. Марш в страну «ФЭД» // Воспитание и правопорядок. 1985. № 12. С. 28—30.

Жуков В. А. С. Макаренко и современная школа // Воспитание школьников. 1981. № 4. С. 78.

Зайцев В. Хлеб с солью. Мнение коллектива // Учит. газ. 1978. 13 мая.

Зубайраев А. Новое издание сочинений А. С. Макаренко // Нар. образование. 1983. № 2. С. 94—95.

Иванов И. Макаренко и современность: К 90-летию выдающегося педагога // Ленинградская правда. 1978. 12 марта.

Караковский В. А. Коммуна им. Ф. Э. Дзержинского как воспитательная система // Сов. педагогика. 1978. № 3. С. 67—70.

Караковский В., Карманов В., Вакуленко А. Слово об учителе: К 90-летию со дня рождения А. С. Макаренко. Высказывания // Комсомольская правда. 1978. 14 марта.

Каиров И. А. Незабываемое // Учит. газ. 1978. 28 марта.

Князева Т. С. Новое о деятельности органов самоуправления в практике А. С. Макаренко // Сов. педагогика. 1981. № 3. С. 102—106.

Князева Т. С. Об основных функциях совета командиров как органа самоуправления воспитанников // Проблемы совершенствования воспитания школьников. М.: 1980. 5 с. Деп. в ОЦНИ «Школа и педагогика» МП СССР и АПН СССР.

Кондаков М. И. А. С. Макаренко и современность // Сов. педагогика. 1979. № 3. С. 105—107.
Попова Л. Д. А. С. Макаренко о подготовке учителя к управлению процессом воспитания // Комплексный подход в управлении процессом воспитания школьников / Под ред. Е. В. Тонкова. Курск. 1978. С. 41—51.
Попова Л. Д. А. С. Макаренко о развитии методологических проблем теории коммунистического воспитания // Респ. науч.-метод. сб. Киев. 1979: Вып. 18. С. 99—105.
Попова Л. Д., Окса Н. Н. Макаренко о роли знаний в воспитании. — М.: 1985. 27 с. Деп. в ОЦНИ «Школа и педагогика» МП СССР и АПН СССР.
Коротов В. М. Наследие А. С. Макаренко в теории и практике коммунистического воспитания // Сов. педагогика. 1979. № 3. С. 108—111.
Кривонос И. Ф. А. С. Макаренко о педагогическом опыте // Сов. педагогика. 1978. № 3. С. 64—66.
Кузнецова Л. Проблема гражданского воспитания в наследии А. С. Макаренко // Нар. образование. 1982. № 4. С. 81—84.
Лукин Ю. Реют алые флаги // Макаренко А. С. Флаги на башнях. М.: Моск. рабочий, 1980.
Львова Ю. Л. Вопросы педагогического мастерства в научном наследии А. С. Макаренко // Сов. педагогика. 1984. № 3. С. 108—111.
Львова Ю. Л. Некоторые аспекты педагогической техники учителя в наследии А. С. Макаренко // Сов. педагогика. 1981. № 3. С. 111—115.
Лысенко П. Г. А. С. Макаренко и В. А. Сухомлинский о трудовом воспитании молодежи // Сов. педагогика. 1981. № 3. С. 115—119.
Лян Н. А. А. С. Макаренко и его воспитанники // Сов. педагогика. 1984. № 3. С. 100—104.
Лян В. Учиться у А. С. Макаренко // Воспитание школьников. 1977. № 5. С. 89.
Мазур П. П. Советуясь с А. С. Макаренко. А. С. Макаренко о выборе профессии // Школа и производство. 1978. № 3. С. 9—14.
Макаев В. Творческое развитие педагогического наследия А. С. Макаренко // Нар. образование. 1983. № 6. С. 90—91.
Макаев В. В. Новое издание произведений А. С. Макаренко // Сов. педагогика. 1977. № 3. С. 133—134. Рец. на кн.: Макаренко А. С. Избр. пед. соч.: В 2 т. М.: Педагогика, 1977.
Малькова З. А. Фальсификация педагогического наследия А. С. Макаренко в современной буржуазной педагогике // Сов. педагогика. 1978. № 3. С. 122—127.
Медынский Е. Н. Выдающийся советский педагог А. С. Макаренко // Константинов Н. А., Медынский Е. Н., Шабаева М. Ф. История педагогики: Учебник. 5-е изд., доп. и перераб. М.: Просвещение, 1982. С. 392—401.
Моносзон Э. И. А. С. Макаренко и актуальные проблемы теории коммунистического воспитания школьников // Сов. педагогика. 1978. № 3. С. 10—20.
Надо учить работать с верой в человека, с сердцем, с настоящим гуманизмом // Учит. газ 1978. 11 марта.
Науменко Ф. Находки Харьковского архива // Учит. газ. 1983. 14 июля.
Невская С. С. Значение идей А. С. Макаренко о педагогическом стимулировании в современной теории воспитания // Теоретические и методические проблемы воспитания учащихся в свете реформы общеобразовательной школы. Ч. II. НИИ общих проблем воспитания АПН СССР. М., 1985. 10 с. Деп. в ОЦНИ «Школа и педагогика» Минпроса СССР и АПН СССР.
Невская С. С. Личность подростка как объект педагогического стимулирования в опыте и теоретических воззрениях А. С. Макаренко // Личность школьника как объект воспитания и педагогических исследований. Ч. 2. НИИ общих проблем воспитания АПН СССР. М., 1984. 5 с. Деп. в ОЦНИ «Школа и педагогика» Минпроса СССР и АПН СССР. 03. 09. 84. № 165—84.
Невская С. С. Стимулирование в педагогической системе А. С. Макаренко // Критерии и показатели эффективности воспитательного процесса в педагогическом исследовании. НИИ общих проблем воспитания АПН СССР. М., 1985. Вып. 1. 6 с. Деп. в ОЦНИ «Школа и педагогика» Минпроса СССР и АПН СССР. 19.11.84. № 220—84.
Новикова Л. И. А. С. Макаренко и его современники: К постановке проблемы // Сов. педагогика. 1978. № 3. С. 39—46.
Панькин В. М. Макаренко о педагогике слова // Русская речь. 1979. № 2. С. 90—92.
Петрова В И. Проблема трудового воспитания в педагогическом наследии А. С. Макаренко // Сов. педагогика. 1979. № 3. С. 120—122.
Попова Н. Л. Единомышленники в искусстве и жизни: Письма А. С. Макаренко к Н. В. Петрову // Встречи с прошлым. М.: Сов. Россия, 1982. Вып. 4. С. 260—271.

Поповиченко Н. Т. Воспоминания о работе в колонии им. М. Горького в 1921—1925 г. // А. С. Макаренко: Львов. 1978. С. 131—136.

Равкин З. И. Некоторые проблемы воспитания в теории и практике А. С. Макаренко // Нар. образование. 1978. № 3. С. 86—93.

Романов А. П. А. С. Макаренко о педагогическом значении клубов в детском коллективе // Сов. педагогика. 1978. № 3. С. 71—73.

Созинова Г. А. А. С. Макаренко и А. К. Волнин в Полтавском учительском институте // Сов. педагогика. 1982. № 3. С. 92—94.

Степанова М. Народный учитель: К биогр. А. С. Макаренко // Дошкольное воспитание. 1984. № 8. С. 45—47.

Степанова М. Педагог-гражданин: К 90-летию со дня рождения А. С. Макаренко // Дошкольное воспитание. 1978. № 3. С. 34—37.

Струбицкий В. В. А. С. Макаренко и теоретическое наследие К. Д. Ушинского // А. С. Макаренко. Львов. 1978. С. 51—58.

Терский В. Н. Вожатый, ты педагог. М.: Мол. гвардия, 1984.

Терский В. Н. Наука управления у А. С. Макаренко: К 90-летию со дня рождения А. С. Макаренко // Дет. литература. 1978. № 3. С. 32—36.

Узунов А. Встречи с А. С. Макаренко: Об использовании его наследия в Болгарии // Учит. газ. 1984. 19 апр.

Фельдштейн Д. И. Идеи А. С. Макаренко в системе психолого-педагогических проблем воспитания // Вопр. психологии. 1978. № 3. С. 19—20.

Филин И. В. Формирование личности ребенка в семье в педагогических взглядах А. С. Макаренко // Личность школьника как объект воспитания и педагогических исследований. Ч. 2. НИИ общих проблем воспитания АПН СССР, М. 1984. 5 с. Деп. ОЦНИ «Школа и педагогика» Минпроса СССР и АПН СССР, 03.09.84. № 165—84.

Филин И. В. Идеи А. С. Макаренко о повышении ответственности родителей за воспитание детей в семье в свете основных направлений школьной реформы // Теоретические и методические проблемы воспитания учащихся в свете реформы общеобразовательной школы. Ч. 2. НИИ общих проблем воспитания АПН СССР. М. 1985. 6 с. Деп. в ОЦНИ «Школа и педагогика» Минпроса СССР и АПН СССР. 05.09.85. № 179—85.

Филонов Г. Н. Выдающийся вклад в марксистско-ленинскую педагогику // Сов. педагогика. 1978. № 3. С. 21—29.

Фотеева А. А. С. Макаренко и современность: По материалам Всесоюзной науч.-практ. конф., г. Москва, март 1978 г. К 90-летию со дня рождения // Сов. педагогика. 1978. № 5. С. 151—157.

Фролов А. А. Воспитательный процесс и коллектив: О замечаниях А. С. Макаренко к акту обследования коммуны им. Ф. Э. Дзержинского // Воспитание школьников. 1978. № 2. С. 19—25.

Фролов А. А. Идеи трудовой школы в педагогическом наследии А. С. Макаренко//Вопросы трудового воспитания и политехнического обучения в истории советской педагогики школы/Редкол.: М. Г. Хитарян (отв. ред.) и др.: МОПИ им. Н. К. Крупской, М., 1983. С. 6—13.

Фролов А. А. Как современная школа использует наследие А. С. Макаренко//Воспитание школьников. 1977. № 2. С. 89—90. Рец. на кн.: Идеи А. С. Макаренко в современной школе Воронеж, 1976.

Фролов А. А. Макаренко и современность: К итогам Всесоюзной науч.-практ. конф.//Воспитание школьников. 1978. № 4 С. 32—35.

Фролов А. А. А. С. Макаренко: Организация труда и коллектив.//Сов. педагогика. 1978, № 2. С. 138—140. Рец. на кн.: Макаренко А. С. Трудовое воспитание/Сост. и вступ. ст. Л. Ю. Гордина. Минск: Нар. асвета, 1977.

Фролов А. А. Наследие А. С. Макаренко как предмет изучения. — Новые исследования в педагогических науках. Вып. 2(40). М.: Педагогика, 1982. С. 13—15.

Фролов А. А. Организация труда воспитанников на промышленном предприятии и производственное обучение в коммуне им. Ф. Э. Дзержинского//Вопросы трудового обучения и воспитания в истории советской педагогики и школы/Редкол.: М. Г. Хатарян (отв. ред.) и др. Вологда, 1978. Вып. III. С. 27—36.

Фролов А. А. Педагогические идеи А. С. Макаренко в практике ученических сельскохозяйственных бригад//Трудовое воспитание и профориентация сельских школьников/Под ред. А. Ф. Ахматова, Я. Н. Поздяева; Горьковский гос. пед. ин-т им. М. Горького. Горький, 1977. С. 32—52.

Фролов А. А. Воспитание в процессе труда на производстве: Из опыта А. С. Макарен-

ко // Школа и производство. 1978. № 3. С. 21—26.

Фролов А. А. Проблемы коммунистического воспитания в творчестве А. С. Макаренко (1935—1939 гг.)//Сов. педагогика. 1981. № 3. С. 106—111.

Фролов А. А. Развитие педагогических взглядов А. С. Макаренко в период деятельности коммуны им. Ф. Э. Дзержинского//Сов. педагогика. 1978. № 3. С. 30—38.

Фролов А. А. Разработка А. С. Макаренко методологических и общетеоретических проблем коммунистического воспитания//Сов. педагогика. 1983. № 3. С. 103—107.

Фролов А. А. Система А. С. Макаренко в теории и практике воспитания (1939—1975 гг.)// Сов. педагогика. 1985. № 7. С. 102—107.

Фролов А. А. Что такое параллельное педагогическое действие//Воспитание школьников. 1984. № 5. С. 15—17.

Фук В. Наш Антон Семенович: Идеи Макаренко во Вьетнаме//Учит. газ. 1984. 24 мар.

Шабаева М. Ф. Разработка методики коммунистического воспитания в советской педагогике 30-х гг. с учетом творческого опыта А. С. Макаренко//Сов. педагогика. 1979. № 3. С. 111—115.

Чубаров Л. Их воспитывал Макаренко: О слете соратников и воспитанников А. С. Макаренко в Москве//Воспитание школьников. 1983. № 2. С. 28—33.

Чубаров Л. А. Макаренковцы в боях за Родину//Школа и производство. 1985. № 5. С. 5.

Чубаров Л. А. Выдающийся педагог, талантливый писатель: К 95-летию со дня рождения А. С. Макаренко//Школа и производство. 1983. № 3. С. 9.

Яркина Т. Ф. О некоторых советологических исследованиях в педагогике ФРГ: Критический анализ буржуазного макаренковедения//Критика современных буржуазных концепций обучения и воспитания/Под ред. З. А. Мальковой. Б. Л. Вульфсона. М., 1977. С. 15—16.

Ярмаченко Н. Научная конференция, посвященная А. С. Макаренко, в Прешове, ЧССР//Сов. педагогика. 1979. № 3, С. 154—155.

Ярмаченко Н. Д. Педагогическое наследие А. С. Макаренко и некоторые вопросы совершенствования воспитательной работы школы//Сов. Педагогика. 1978. № 3. С. 55—59.

Статьи на украинском языке[1]

Адамович Б. Имя на стали//Радянська Украина. 1978. 12 марта.

Александров П. Тропинка к музею//Зоря Полтавщины (Полтава). 1978. 12 марта.

Бессонова Л. Истинный друг и наставник//Радянська освита. 1978. 21 янв.

Бобок М., Цыба Р. Преемственность//Ленинська правда (Сумы). 1978. 1 марта.

Бородина Н. Флаг, звавший к солнцу//Сильски вести (Киев). 1978. 12 марта.

Гетманец М. Борец за нового человека//Прапор. 1978. № 3. С. 116—119.

Гордин Л. Ю., Ковалевский В. И. Теория коллектива в кривом зеркале//Радянська школа. 1982. № 9. С. 92—95.

Гринюк М. Пропагандируем наследие А. С. Макаренко//Радянська освита. 1978. 12 апр.

Гриценко М. Герои поэмы на сцене//Радянська освита. 1978. 11 марта.

Дашкевич В. Тропа мастера//Радянська освита. 1978. 11 марта.

Денисовец П. Признан самым лучшим//Зоря Полтавщины (Полтава). 1980. 12 февр.

Дроздюк И. Используя наследие//Радянська освита. 1978. 11 марта.

Евсеев И. Продолжение традиций//Радянська освита. 1978. 19 февр.

Знаменосец коммунистического воспитания//Радянська освита. 1978. 11 марта.

Зубковский А. Что записано в книгу жизни//Украина. 1982. № 3. С. 13.

Иваненко О. Страницы воспоминаний//Радянська освита. 1978. 4, 8 марта.

Карпенко Ю. Прекрасные плоды должно дать//Социалистична Харкивщина. 1983. 16 марта.

Кирилова М. Незабываемые встречи//Зоря Полтавщины (Полтава). 1978. 12 марта.

Колесник Г. Путем учителя//Ленинська правда (Сумы). 1978. 1 марта.

Кононюк В. Макаренковцы//Радянська освита. 1978. 25 февр.

Копачёв И. П. Макаренко о высоком призвании советского педагога//Початкова школа. 1978. № 3. С. 8—12.

Косарик Д. Счастливые встречи//Литературна Украина (Киев). 1978. 14 марта.

Кривонос И. Наш Макаренко//Радянська освита. 1985. 25 окт.

Кумарин В. Отряд действует//Радянська освита. 1978. 18 янв.

Лысенко П. Наследие выдающегося педагога // Радянська освита. 1977. 24 дек.

Лысенко П. Новое из наследия А. С. Макаренко//Вечёрний Харкив (Харьков). 1978. 18 апр.

Лысенко П. Гигант мысли//Зоря Полтавщины. 1982. 24 янв.

Лысенко П. Там, где творил А. С. Макаренко//Комсомолец Полтавщины (Полтава). 1977. 18 янв.

Лысенко П. Он встречался с Крупской//Зоря Полтавщины. 1984. 20 мая.

Лысенко П. Г. Теория А. С. Макаренко и трудовое воспитание//Радянська школа. 1978. № 2. С. 40—42.

Лысенко П. Г. Музею А. С. Макаренко — 30 лет//Радянська школа. 1981. № 7. С. 95—96.

Нежинский Н. Зарницы завтрашней радости//Радянська освита. 1977. 23 нояб.

Нежинский Н. П. Выдающийся советский педагог//Радянська школа. 1978. № 3. С. 9—11.

Нычкало Н. Г. Партии верный сын//Радянська школа. 1978. № 3. С. 12—20.

Панасенко А. Кто, если не мы ...//Молодь Украины. 1978. 12 марта.

Педагогика созидания//Радянська школа. 1978. № 5. С. 106—112.

Попова Л. Воспитатель, педагог, новатор//Вечёрний Харкив. 1978. 13 марта.

Прус И. Летние походы коммунаров//Радянська освита. 1978. 11 марта.

Пуха И. Неизвестная страница//Радянська освита. 1978. 22 марта.

Самофал Я. Макаренко и современная советская школа//Вильна Украина. 1978. 12 марта.

Самсоненко С. В памяти наследников//Зоря Полтавщины (Полтава). 1978. 11 марта.

Сватко А. На коммунарской земле//Радянська освита. 1978. 8, 11 февр.

Смаль В. З. Мировая слава А. С. Макаренко//Радянська школа. 1978. № 3. С. 21—28.

Сухорский С. Ф. Развитие В. А. Сухомлинским макаренковских идей о коммунистическом воспитании//Радянська школа. 1983. № 9. С. 88—92.

Теницкий М. Здесь начиналась биография//Ленинська правда (Сумы). 1978. 1 марта.

Удовиченко Е. Республика имени А. С. Макаренко//Радянська освита. 1978. 8 апр.

Фролов А. А., Ковалевский В. И. Об одном из выступлений А. С. Макаренко//Радянська школа. 1978. № 3. С. 32—35.

Цыбулько Л., Окса Н. «...Дать радость и заставить любить жизнь»//Вечёрний Харкив. — 1983. — 12 авг.

Чугай Г. Их лозунгом было «не пищать!»//Зоря Полтавщины. 1984. 4 окт.

Ширяева К. Помним, творчески используем//Радянська освита. 1978. 15 февр.

Ширяева К. М., Кривонос И. Ф. Из опыта изучения студентами жизни и педагогического творчества А. С. Макаренко//Радянська школа. 1978. № 3. С. 29—32.

Явлинский А. Мой дом, моя коммуна//Ленинська молодь (Львов). 1978. 11 марта.

Ярмаченко Н. Д. Животворный источник методики коммунистического воспитания//Макаренко А. С. О коммунистическом воспитании. Киев: Радянська школа, 1978. С. 3—27.

Ярмаченко Н. Истоки животворного ключа//Радянська освита. 1978. 11 марта.

Ярош В. С именем выдающегося педагога//Радянська освита. 1977. 10 дек.

Ярош В. Юбилей выдающегося педагога//Радянська освита. 1978. 1 февр.

Яценко Н. Новая жизнь макаренковских отрядов//Радянська школа. 1978. № 1. С. 54—57.

Авторефераты диссертаций о педагогическом и литературном творчестве А. С. Макаренко

Гетманец М. Ф. А. С. Макаренко и советская литература 20—30-х гг. (Роль писателя в утверждении концепции социалистической личности): Автореф. дис. ...д-ра. филол. наук. Киев, 1979. 38 с.

Князева Т. С. Проблема самоуправления воспитанников в теоретическом наследии и опыте А. С. Макаренко: Автореф. дис. ...канд. пед. наук. М.: НИИ ОПВ АПН СССР, 1981. 25 с.

Лысенко П. Г. Формы и методы работы мемориального музея по пропаганде педагогического наследия А. С. Макаренко: Автореф. дис. ...канд. пед. наук. Киев, 1983. 22 с.

Лоскутов В. А. Проблемы идейно-нравственного воспитания школьников в педагогическом наследии А. С. Макаренко и В. А. Сухомлинского: Автореф. дис. ...канд. пед. наук. Киев, 1977. 23 с.

Сводный предметно-тематический указатель к 1—8 томам[1]

---

[1] В указателе не отражаются материалы, данные в Приложении в т. 8.
[2] Здесь и далее отточие указывает на сокращение наименования рубрики.

В

Г

Д

---

[1] Здесь и далее ссылка, данная лишь в конце рубрики, относится ко всем ее подразделениям.

З

И

---

[1] В данной рубрике сообщается и о персонажах художественных произведений А. С. Макаренко, так как это образы, имеющие обычно реальных прототипов.

К

Л

М

Н

О

П

[1] В данной рубрике сообщается и о персонажах художественных произведений А. С. Макаренко, так как это образы, имеющие обычно реальных прототипов.

Р

Т

У

Ч

Ш

Э

Сводный именной указатель к 1—8 томам

Указатель к восьми томам Педагогических сочинений А. С. Макаренко включает большинство содержащихся в них имен. (К сожалению, не удалось установить инициалы всех лиц, упомянутых А. С. Макаренко). Отсылки на том в тексте указателя набраны жирным шрифтом; одной звездочкой отмечены воспитанники, двумя — воспитатели, инструкторский, технический и медицинский персонал колонии им. М. Горького и коммуны им. Ф. Э. Дзержинского.

Д

Е

М

Р

С

Т

У

Ф

Ю

Я

Указатель писем

Письма[1]	Том и страница настоящего издания
А	
Абушену Н. Ф. 3 декабря 1937 г.	4, 116
Александровой. 7 декабря 1938 г.	8, 110
[Арнаутову В. А.]. (Письмо заведующему Главным управлением социального воспитания НКП УССР)	1, 92
Архангельскому П. П. 25 октября 1938 г.	8, 105
Б	
Барсукову В. С. 7 декабря 1938 г.	8, 109
Борисову Ф. С. 15 августа 1938 г.	8, 85
Букшпану М. М. 29 декабря 1930 г.	8, 44
Букшпану М. М. Август 1932 г.	8, 48
В	
Вельяминовой. 15 августа 1938 г.	8, 89
Виноградову А. К. 14 августа 1938 г.	8, 83
Г	
Горoновичу Б. Ф. 7 июня 1921 г.	8, 8
Гринберг М. (Письмо пионервожатому)	4, 210

[1] Письма А. С. Макаренко, адресованные отдельным лицам, расположены по алфавиту.

[1] См. также Салько Г. С.

Список фотоиллюстраций к 1—8 томам

Том 1

Том 2

16. А. С. Макаренко (1935). (Редкий снимок.)
17. Фотоаппарат ФЭД — продукция коммунарского завода фотоаппаратуры.
18. Портрет А. С. Макаренко. Т. 2. (Фронтиспис.)

Том 3

1. Колонисты на работе (1921).
2. К. И. Сердюк, завхоз колонии (снимок 40-х гг.).
3. Н. Э. Фере, агроном и помощник заведующего колонией (1926). (Редкий снимок.)
4. Одно из главных зданий колонии («В»), где первоначально размещались зал, столовая, классы, мастерские, кабинет. (Публикуется впервые.)
5. Одно из зданий колонии («Б»), где первоначально размещались спальни, комната воспитателей, квартиры. (Публикуется впервые.)
6. А. С. Макаренко во дворе колонии (1925). (Редкий снимок.)
7. Авторская рукопись. Из первого варианта текста главы «Гопак».
8. Группа горьковцев — бывших куряжан. Справа — одно из зданий колонии. (Корпус спален мальчиков.)
9. Главное дежурство по колонии: воспитатель-учитель Т. Д. Татаринов и дежурные командиры Кириченко, Дашевский. (Редкий снимок.)
10. Трактор в колонии.
11. Из письма А. С. Макаренко к А. М. Горькому (от 1 января 1933г.).
12. Авторская машинопись первой страницы 3-й части «Педагогической поэмы» с правкой А. М. Горького (вверху) и А. С. Макаренко (последний абзац).
13. Воспитатель колонии (затем коммуны им. Ф. Э. Дзержинского) В. Н. Терский (фото 1941 г.). (Публикуется впервые.)
14. А. М. Горький и А. С. Макаренко с группой девочек-колонисток. (Редкий снимок.)
15. Связные колонисты-малыши.
16. Строй колонистов в парадной форме перед выходом в город.
17. Портрет А. С. Макаренко. Т. 3. (Фронтиспис.)

Том 4

1. Колонист у знамени в походе. Ваня Шведов на посту (1926—1928 гг.).
2. Праздничный обед в колонии им. М. Горького в 1925 г. — праздник первого снопа в Ковалёвке. (Редкий снимок.)
3. А. М. Горький среди колонистов (1928). (Редкий снимок.)
4. А. С. Макаренко и врач коммуны Р. Р. Радовильский перед зданием коммуны (1931). (Редкий снимок.)
5. Педагогический коллектив коммуны им. Ф. Э. Дзержинского. А. С. Макаренко — третий слева в первом ряду.
6. А. С. Макаренко среди коммунаров в «тихом клубе». (Редкий снимок.)
7. Коммунары в сборочном цехе завода электросверлилок (кадр кинохроники, 1932). (Публикуется впервые.)
8. Коммунары в конструкторском бюро завода коммуны.
9. Коммунар на производстве.
10. Занятия в кружке по химии. (Редкий снимок.)
11. Спальня коммунаров. (Редкий снимок.)
12. Группа коммунаров-физкультурников. (Редкий снимок.)
13. А. С. Макаренко и художественный руководитель Харьковского театра русской драмы, заслуженный деятель искусств Н. В. Петров (театр был шефом коммуны им. Ф. Э. Дзержинского). (Редкий снимок.)
14. Видный общественно-политический деятель Франции Э. Эррио в коммуне дзержинцев. Слева от него А. О. Броневой, председатель правления коммуны в 1932—1934 гг., организатор ее заводского производства. (Кадр кинохроники, 1933). (Редкий снимок.)
15. Коммунары в г. Сочи. (Летний поход коммуны, 1931). (Редкий снимок.)
16. Портрет А. С. Макаренко. Т. 4. (Фронтиспис.)

Том 5

1. А. С. Макаренко с отцом Семеном Григорьевичем (в центре), матерью Татьяной Михайловной (слева), сестрой Натальей (на руках у матери) и семьей сестры матери, Пелагеи

Михайловны (ее мужем и сыном), стоит сестра А. С. Макаренко Александра Семеновна. (1894). (Редкий снимок.)

2. А. С. Макаренко с матерью Татьяной Михайловной и другом семьи Елизаветой Федоровной Григорович (колония им. М. Горького, 1926—1928). (Редкий снимок.)
3. А. С. Макаренко, 1936 г.
4. Фрагмент второй главы «Книги для родителей», автограф А. С. Макаренко (подготовительный материал).
5. Один из первых колонистов-горьковцев — С. А. Калабалин с семьей: женой Г. К. Калабалиной, дочерью Леной, сыном Костей (1934). (Редкий снимок.)
6. Воспитанник коммуны им. Ф. Э. Дзержинского В. В. Постников с женой, инженер, бывший директор крупного завода, ныне — пенсионер (лето 1942). (Публикуется впервые.)
7. Воспитанник коммуны дзержинцев В. Козырь с женой и дочерью (1943).
8. О. В. Макаренко, племянница А. С. Макаренко (воспитывалась в его семье с конца 20-х гг.), — в первом ряду слева, медсестра, 1941—1942 гг. (Редкий снимок.)
9. Г. С. Макаренко с сыном Л. М. Салько, воспитанником коммуны дзержинцев, приемным сыном А. С. Макаренко, 50—60-е гг. (Редкий снимок.)
10. С. Ф. Данильченко, ученик А. С. Макаренко, воспитанник Крюковского начального железнодорожного училища, с женой и сыном, 50-е гг. (Редкий снимок.)
11. А. Н. Пенкина (прототип А. С. Веткиной) с ученицами школы № 50 г. Харькова, 50-е гг. (Редкий снимок.)
12. С. А. и Г. К. Калабалины, заслуженные учителя школы РСФСР, с детьми Еленой, Галиной и Антоном, 1954 г. (Редкий снимок.)
13. Учитель-воспитатель колонии горьковцев и коммуны дзержинцев, заслуженный учитель школы РСФСР В. Н. Терский (в центре) в семье воспитанника коммуны им. Ф. Э. Дзержинского В. М. Грицюка, 50-е гг. (Редкий снимок.)
14. Воспитанники коммуны им. Ф. Э. Дзержинского братья С. М. и В. М. Мизяки, 40—50-е гг. (Редкий снимок).
15. Дочь и внучки Г. А. Супруна, одного из первых колонистов-горьковцев, участника Великой Отечественной войны, подполковника-танкиста, орденоносца. (Публикуется впервые.)
16. Семья воспитанника коммуны дзержинцев П. А. Плачковского (крайний справа), инженера-строителя, ныне работающего на Целиноградском зерносушильном комплексе. (Публикуется впервые.)
17. Воспитанник коммуны дзержинцев И. Б. Яновский с сыном Вячеславом и внуком Антоном, бывший начальник цеха одного из заводов г. Нововоронежска, ныне — пенсионер. (Публикуется впервые.)
18. Портрет А. С. Макаренко. Т. 5. (Фронтиспис.)

Том 6

1. «Главное» здание трудовой коммуны им. Ф. Э. Дзержинского с флагами на башнях; правое крыло — построенный в 1931 г. завод электросверл (1933). (Публикуется впервые.)
2. Цех завода коммуны. (Редкий снимок.)
3. Бюро комсомольской организации коммуны.
4. Коммунар И. Ткачук с электрошлифовалкой. (Редкий снимок.)
5. Коммунар Ф. Борисов, впоследствии инженер (погиб в Великую Отечественную войну). (Редкий снимок.)
6. А. С. Макаренко (1938). (Редкий снимок.)
7. Обложка первого издания «Флагов на башнях».
8. Ноты марша «Дзержинец» (отрывок). Муз. В. Левшакова
9. Оркестр коммуны (1930—1933 гг.) (Публикуется впервые.)
10. А. С. Макаренко, работники и воспитанники коммуны на пароходе во время путешествия по Волге (1933). (Редкий снимок.)
11. Коммунары на работе в колхозе (Кавказ, 1933).
12. Колонна коммунаров на празднике в г. Харькове.
13. Коммунары-дзержинцы (слева): А. Гуляев (впоследствии рабочий-фрезеровщик, погиб в Великую Отечественную войну); А. Ященко (впоследствии работница Харьковского завода «ФЭД»); З. Клямер (впоследствии рабочий завода в Ленинграде, участник Великой Отечественной войны) — 1935 г. (Публикуется впервые.)
14. А. С. Макаренко с группой выпускников Харьковского юридического института, бывших воспитанников коммуны.
15. Педагог коммуны Т. Д. Татаринов (второй слева в первом ряду, впоследствии заслуженный

учитель школы РСФСР) и выпускники-коммунары. (Публикуется впервые.)

16. Бывший воспитанник коммуны им. Ф. Э. Дзержинского Е. И. Ройтенберг (1941, погиб в Великую Отечественную войну). (Редкий снимок.)
17. Воспитанница коммуны Г. Красникова, старший контролер Харьковского завода «ФЭД» (1952). (Редкий снимок.)
18. Воспитанник коммуны В. Ф. Шапошников (в центре), народный судья (1952). (Редкий снимок.)
19. Воспитанник коммуны И. И. Яценко, участник Великой Отечественной войны, инженер-подполковник (1976). (Публикуется впервые.)
20. Портрет А. С. Макаренко. Т. 6. (Фронтиспис.)

Том 7

1. Билет А. С. Макаренко — члена Союза советских писателей СССР.
2. А. С. Макаренко — помощник начальника отдела трудовых колоний НКВД УССР. (Редкий снимок.)
3. Грамота А. С. Макаренко — ударника коммуны имени Ф. Э. Дзержинского.
4. А. С. Макаренко за рабочим столом (30-е гг.) (Редкий снимок.)
5. А. С. Макаренко (июнь 1934). (Редкий снимок.)
6. А. С. Макаренко (1935). (Редкий снимок.)
7. А. С. Макаренко (середина 30-х гг.) (Редкий снимок.)

8-а. Дом, в котором жил А. С. Макаренко в Киеве (ул. Леонтовича, д. 6-А) с 1935 по начало 1937 г. (Публикуется впервые.)

8-б. Мемориальная доска. (Публикуется впервые.)

9. Рабочий стол А. С. Макаренко. в московской квартире (Лаврушинский пер., д. 17/19, 1937—1939 гг. (Редкий снимок.)
10. Личные вещи А. С. Макаренко. (Экспонаты Педагогическо-мемориального музея А. С. Макаренко в г. Кременчуге). (Публикуется впервые.)
11. Фрагмент письма А. С. Макаренко учительнице Т. А. Миллер. (Публикуется впервые.)
12. А. С. Макаренко (1938). (Редкий снимок.)
13. Значок почетного колониста-горьковца. (Экспонат Педагогическо-мемориального музея А. С. Макаренко). (Редкий снимок.)
14. Скрипка, на которой играл А. С. Макаренко. (Экспонат Педагогическо-мемориального музея А. С. Макаренко. (Публикуется впервые.)
15. Митинг в воинской части, второй слева — воспитанник коммуны им. Ф. Э. Дзержинского З. С. Клямер (1945). (Публикуется впервые.)
16. Коммунары-дзержинцы (слева направо): З. С. Клямер, В. Г. Зайцев, В. Т. Цимбал (впоследствии Герой Советского Союза, посмертно), А. А. Ященко (1937). (Редкий снимок.)
17. Воспитанник коммуны имени Ф. Э. Дзержинского В. И. Клюшник (первый слева) на встрече со студентами и преподавателями МГПИ им. В. И. Ленина, крайний справа — известный советский педагог профессор Огородников (1948, кадр кинохроники. Публикуется впервые.)
18. Один из первых колонистов-горьковцев — С. А. Калабалин с женой Г. К. Калабалиной (заслуженные учителя школы РСФСР), 1962 г., редкий снимок.
19. Портрет А. С. Макаренко. Т. 7. (Фронтиспис.)

Том 8

1. Портрет А. С. Макаренко.
2. Крюковские вагонные мастерские, на территории которых располагалось Крюковское начальное училище (фото 1899 г. Редкий снимок).
3. Здание Полтавского учительского института, в котором А. С. Макаренко учился в 1914—1917 гг.
4. А. С. Макаренко в ополчении (конец 1916 — начало 1917 г.) (Редкий снимок.)
5. А. С. Макаренко — инспектор Крюковского высшего начального железнодорожного училища (1918—1919) (Редкий снимок.)
6. А. С. Макаренко с Е. Ф. Григорович, первой воспитательницей колонии им. М. Горького (одной из первых награждена медалью А. С. Макаренко). (Редкий снимок.)
7. А. С. Макаренко (1921—1922).
8. О. П. Ракович — работала в колонии им. М. Горького в 1923—1926 гг. (Публикуется впервые.)

9. А. С. Макаренко в молодые годы. Публикуется впервые.
10. Удостоверение А. С. Макаренко (1927).
11. А. С. Макаренко (первый слева во втором ряду) с группой работников коммуны им. Ф. Э. Дзержинского и дежурным коммунаром (ориентировочно 1932 г.) (Редкий снимок.)
12. Знамя, врученное коммуне им. Ф. Э. Дзержинского коллегией ГПУ УССР (экспонат Педагогическо-мемориального музея А. С. Макаренко). (Публикуется впервые.)
13. А. М. Горький в колонии. Слева — А. С. Макаренко (июль 1928). (Редкий снимок.)
14. Первая страница письма А. С. Макаренко бывшему коммунару В. Г. Зайцеву (ныне — журналист). (Публикуется впервые.)
15. Орденская книжка А. С. Макаренко.
16. Медаль А. С. Макаренко, которой награждаются лучшие учителя Украинской ССР.
17. Памятник А. С. Макаренко в г. Харькове.
18. Титульный лист первого издания Избранных педагогических произведений А. С. Макаренко (1946).
19. Директор Педагогическо-мемориального музея А. С. Макаренко П. Г. Лысенко (слева) с Е. Ф. Григорович (1966). (Публикуется впервые.)
20. Здание Педагогическо-мемориального музея А. С. Макаренко в г. Кременчуге.
21. Портрет А. С. Макаренко. Т. 8. (Фронтиспис.)

Содержание

Антон Семенович Макаренко

Педагогические сочинения. В 8-ми т. Т. 8.

Составители:
Маргарита Дмитриевна Виноградова
Анатолий Аркадьевич Фролов

Зав. редакцией **Ю. В. Василькова**
Редактор **Е. А. Соколова**
Художник **В. Е. Валериус**
Художественный редактор **Е. В. Гаврилин**
Технический редактор **О. В. Журкина**
Корректоры **В. С. Антонова, В. Н. Рейбекель**

НБ № 992
Сдано в набор 07.01.86. Подписано в печать 28.08.86. Формат $70\times90^{1}/_{16}$. Бумага кн. журн. Печать офсетная. Гарнитура школьная. Усл. печ. л. 24,57+0,58 вкл. Уч.-изд. л. 29,52. Усл. кр.-отт. 26,03. Тираж 50 000 экз. Зак. № 2786. Цена 1 р. 80 к.

Издательство «Педагогика» Академии педагогических наук СССР и Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
107847, Лефортовский пер., 8

Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
170024, г. Калинин, пр. Ленина, 5.

Замеченные опечатки и исправления к педагогическим сочинениям А. С. Макаренко (к 1—7 томам)*

Том	Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
1	30	31-я сверху	Женатые — 9 Стаж общий педагогический до 3 лет — 8	Женатые — 3 Стаж общий педагогический — 9 специальный педагогический до 3 лет — 8
1	62	3-я сверху	VIII.	III.
2	504	2-я снизу	определяться	сопровождаться
2	506	32-я сверху	воспитанник Болотов	прототип Болотова
4	40	6-я снизу	понравиться	поправиться
4	361	24-я сверху	десяти лет	девяти лет
4	395	10-я снизу	природой.	природе.
4	396	7-я снизу	требовательности и	требовательности к
5	269	26-я сверху	усидчивости	уступчивости
5	280	11-я снизу (2-я колонка)	работа.	забота.
7	207	1-я сверху	— социалистической, —	социалистический
6	370	33-я сверху	встать на путь	встать на пути

* Исправления в подписях к фотоиллюстрациям см. в сводном списке фотоиллюстраций в т. 8.